

ЭМИЛИ БРОНТЕ

ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ

Книга, изменившая мир. Писатель, обожаемые поколения.

Роскошные классики

Грозовой перевал
Эмилия Бронте

Аннотация
Эмили Бронте. Грозовой перевал
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34

Аннотация

«Грозовой перевал» Эмили Бронте – не просто золотая классика мировой литературы, но роман, перевернувший в свое время представления о романтической прозе. Проходят годы и десятилетия, но история бурной, страстной, трагической любви Хитклифа и Кэти по-прежнему не поддается ходу времени. «Грозовым перевалом» зачитывалось уже много поколений женщин – продолжают зачитываться и сейчас. Эта книга не стареет, как не стареет истинная любовь…

Эмили Бронте
Грозовой перевал

Глава 1

1801 год. Я только что воротился после визита к своему домовладельцу, проживающему по соседству, — единственному человеку, кто мог бы нарушить мой покой. Здешние места поистине чудесны. Во всей Англии, пожалуй, не сыщешь пристанища, столь удаленного от светской суеты. Рай для мизантропа. Мы же с мистером Хитклифом, похоже, идеально подходим для того, чтобы разделить меж собою этот заброшенный уголок. Славный малый! Едва ли он догадался о пробудившейся во мне симпатии в тот момент, как я, подъехав к нему верхом, заметил, что при моем появлении он спрятал свои черные глаза под насупленными бровями, а при звуке моего имени упрямым жестом засунул пальцы глубже за борт жилета.

— Мистер Хитклиф? — спросил я.

В ответ он лишь кивнул.

— Мистер Локвуд, ваш новый жилец, сэр, — представился я. — Почел за честь посетить вас сразу же по приезде и выразить надежду, что не причинил вам неудобств своими настойчивы-

ми просьбами поселиться в поместье «Дрозды». Вчера я слышал, что у вас были некоторые сомнения…

— «Дрозды» — моя собственность, — поморщившись, прервал он меня. — И если таковое в моих силах, я не допущу никаких неудобств, от кого бы они ни исходили. Прошу!

«Прошу» было произнесено сквозь стиснутые зубы и прозвучало скорее как «Пошел ты к черту». Даже ворота, которые он толкнул, не пожелали отворяться. Подобные обстоятельства заставили меня сие приглашение принять. Я почувствовал интерес к человеку, который показался мне еще более замкнутым, чем я сам.

Заметив, что моя лошадь почти уперлась грудью в ворота, он все-таки снял с них цепь и с мрачным видом пошел впереди по мощеной дорожке. Во дворе он крикнул:

— Джозеф, возьми коня у мистера Локвуда и принеси нам вина.

«Похоже, один человек заменяет здесь всю прислугу, — подумал я, услышав столь разные распоряжения. — Неудивительно, что плиты на дорожке заросли травой, а живую изгородь подравнивают овцы».

Джозеф оказался пожилым — нет, старым

человеком, быть может, даже очень старым, хотя с виду жилистым и крепким. «Помоги нам, Господь!» — пробормотал он себе под нос с брюзгливым неудовольствием, забрав мою лошадь и посмотрев мне в лицо с такою кислою миною, что я великодушно решил объяснить его восклицание необходимостью получить Божью помощь для переваривания обеда, а не в связи с моим неожиданным появлением.

Жилище мистера Хитклифа зовется «Грозовой перевал»[1], что указывает на бурные атмосферные волнения, присущие этим местам. Похоже, тут действительно постоянно дуют пронизывающие северные ветры, о силе коих можно догадаться по неестественному наклону низкорослых елей у задней стены дома и чахлым кустам терновника, тянущимся ветвями в одну сторону, будто выпрашивая милостыню у солнца. К счастью, архитектор оказался предусмотрителен и построил дом на совесть: узкие окна были упрятаны глубоко в стены, а углы здания

[1] notes: 1

Строго говоря, название фермы и всего романа следовало бы перевести как «Грозовые холмы», поскольку в данной местности нет высоких гор и, следовательно, перевалов. Значение английского слова «heights» — именно «холмы, возвышенная местность». Однако было принято решение сохранить не вполне точное, но ставшее традиционным название «Грозовой перевал». — *Здесь и далее примечания переводчика.*

защищены крупными, выступающими из кладки камнями.

На пороге я приостановился, с удовольствием отметив причудливый резной орнамент, щедро украшающий фасад, особенно вокруг парадной двери, над коей среди множества потрескавшихся грифонов и бесстыдных мальчиков мне удалось разглядеть год «1500» и имя «Гэртон Эрншо». Я мог бы кое-что заметить по этому поводу и даже хотел попросить угрюмого хозяина вкратце поведать мне историю его обиталища, но тот, остановившись в дверях, дал ясно понять, что нужно либо входить не мешкая, либо убираться восвояси, а у меня не было желания испытывать его терпение, прежде чем я увижу внутренние помещения.

Сделав шаг, мы сразу оказались в гостиной, перед которой не было ни прихожей, ни коридора. Примечательно, что в здешних местах эта комната зовется «домом». Обыкновенно такой «дом» служит одновременно и кухней, и гостиной, но, как видно, в «Грозовом перевале» кухне пришлось ретироваться в глубь здания — во всяком случае, гул голосов и звон посуды доносились откуда-то издалека, и я не заметил никаких признаков того, что в огромном очаге

гостиной что-нибудь жарилось, варилось или выпекалось, да и на стенах не поблескивали ни медные кастрюли, ни жестяные дуршлаги. Свет и жар, впрочем, сосредоточились в другом конце помещения, где к самой крыше поднимались дубовые полки поместительного посудного шкафа с большими оловянными блюдами вперемежку с серебряными кувшинами и высокими кружками. Крыша была как на ладони: любопытному взору открывалась вся ее анатомия, кроме тех мест, где крепились деревянные рамы с привязанными к ним овсяными лепешками и говяжьими, бараньими и свиными окороками. Над камином висели старинные ружья жутковатого вида, а также пара кавалерийских седельных пистолетов. В качестве украшения на каминной полке были расставлены ярко раскрашенные жестяные коробочки. На полу, покрытом ровными белыми плитами, стояли грубо сколоченные стулья с высокими спинками, крашенные зеленой краской. В тени прятались еще два тяжелых стула черного цвета. В нише под посудным шкафом примостилась крупная темно-каштановая сука с выводком визжащих щенков-пойнтеров. Остальные уголки гостиной заполнили другие собаки.

Комната и обстановка не показались бы особен-

ными, принадлежи они простоватому северному фермеру, как правило, упрямцу по натуре, с мускулистыми ногами, выгодно подчеркнутыми короткими штанами и гетрами. Такой детина, сидящий в кресле за круглым столом с кружкою пенного эля, встретится вам где угодно на пять-шесть миль вокруг среди окрестных холмов, если надумаете после обеда заглянуть в его жилище. Но мистер Хитклиф с виду никак не соответствует ни своему обиталищу, ни образу жизни. Смуглым лицом он похож на цыгана, а манерами и платьем — на джентльмена, точнее, на обычного деревенского сквайра, каких много. Быть может, он несколько неряшлив, однако его неухоженность едва ли дурного свойства, ибо он статен, держится прямо. И весьма мрачен. Возможно, кто-то заподозрит в нем спесивость, не свойственную людям воспитанным, но некое внутреннее расположение к этому человеку подсказывает мне, что дело идет о другом. Мое чутье говорит, что его замкнутость происходит из отвращения к проявлению показных чувств и выражению ответного добросердечия. И любить, и ненавидеть он будет в равной мере скрытно и сочтет дерзостью, ежели кто-то его полюбит или возненавидит. Но нет, я слишком забегаю

вперед. И чересчур вольно приписываю ему свои собственные свойства. У мистера Хитклифа могут быть совершенно иные причины избегать рукопожатия при встрече с человеком, желающим с ним познакомиться, чем те, что руководят мною. Смею надеяться, что мой душевный склад неповторим. Милая моя матушка говаривала, что домашний уют не для меня, и как раз этим летом я на деле доказал, что вовсе его недостоин.

Наслаждаясь целый месяц прекрасной погодой на побережье, я неожиданно очутился в обществе одного восхитительнейшего создания — богини, как чудилось мне до тех пор, пока она не удостоила меня своим вниманием. Я не «выражал нахлынувших чувств» словами, однако взгляды, которые человек бросает на предмет своего обожания, и без того говорят о многом, и даже законченный глупец догадался бы, что я безумно влюблен. Наконец она меня поняла и послала мне ответный взгляд — такой нежный, что невозможно описать. И что я сделал? Стыдно признаться — с ледяным видом ушел в себя, точно улитка в раковину. И с каждым новым ответным взглядом я делался все холоднее и отстраненнее, пока невинная бедняжка в конце концов не усомнилась в собственных ощущениях и, объятая

смущением из-за предполагаемой ошибки, не упросила маменьку удалиться. По причине столь странной смены настроения я прослыл человеком расчетливым и бессердечным, и только мне одному ведомо, как это было несправедливо.

Я уселся по другую сторону камина, напротив того места, куда направился мой хозяин, и, дабы заполнить паузу, попытался приласкать суку, которая, оставив свой выводок, словно волчица, подбиралась сзади к моим ногам: ее губа уже потихоньку поползла вверх, а белые клыки готовы были впиться мне в ляжку. На мою ласку она отреагировала долгим гортанным рычанием.

— Оставьте собаку в покое, — в унисон с ней рявкнул мистер Хитклиф и пнул животное, желая пресечь более яростное проявление агрессии. — Нечего ее баловать, это вам не комнатная собачонка. — Затем, широким шагом подойдя к боковой двери, позвал: — Джозеф!

Джозеф что-то пробормотал из глубины подвала, но никаких признаков того, что он поднимется, не последовало, поэтому хозяин спустился к нему, оставив меня наедине с проклятой сукой и парочкой злобных лохматых овчарок, которые вместе с ней пристально следили за каждым моим движением. Не испытывая желания ощутить

на себе ярость их клыков, я сидел не шевелясь. Но решив, что собаки вряд ли воспримут немые оскорбления, я, на свою беду, принялся кривляться и строить рожи этой троице, и в какой-то миг моя скорченная в гримасе физиономия так рассердила мамашу маленьких пойнтеров, что она, рассвирепев, прыгнула мне на колени. Я отшвырнул ее и быстро придвинул стол, дабы отгородиться. Поднялся страшный гвалт. С полудюжины ее четвероногих собратьев разных размеров и возрастов выскочили из укрытий в центр комнаты и бросились ко мне, норовя схватить за пятки или вцепиться в фалды. Отбиваясь кочергой от самых крупных из нападавших, я действовал весьма решительно, однако все же был вынужден громогласно просить о помощи кого-нибудь из домочадцев в надежде утихомирить эту свору.

Мистер Хитклиф и его слуга поднимались из погреба, ничуть не торопясь, словно нарочно: они двигались ни на секунду не быстрее обыкновенного, даром что у камина царила суматоха с возней и тявканьем. К великому счастью, одна из кухарок проявила большее проворство. Эта пышная особа с подоткнутым подолом, засученными рукавами и раскрасневшимися от кухонного

жара щеками бросилась, размахивая сковородой, в самую гущу боя. Благодаря ее грозному оружию и крику буря волшебным образом улеглась. Кухарка одна стояла посреди комнаты, и ее грудь все еще вздымалась, словно морские волны после шторма, когда на сцене появился хозяин.

— Что за чертовщина? — спросил он, посмотрев на меня. Я же едва смог сдержаться после столь негостеприимного приема.

— И вправду, что за чертовщина? — пробормотал я. — Ваши зверюги, сэр, ведут себя точно стадо одержимых бесами свиней. Вы, как видно, готовы запросто оставить своего гостя посреди тигров!

— Если человек ничего не трогает, они не нападают, — заметил он, передвинув на место стол и поставив передо мною бутылку. — Собаки ведут себя как должно — они ведь сторожевые. Бокал вина?

— Нет, благодарю.

— Вас не покусали?

— Если бы покусали, я бы отметил покусавшего своей печатью.

Хитклиф смягчился, и на лице его появилась усмешка.

— Ну-ну, — сказал он. — Вы слишком взволнованны, мистер Локвуд. Вот, выпейте вина. В этом

доме так редко бывают гости, что мы с моими собаками уж и не помним, как их положено принимать. За ваше здоровье, сэр!

— И за ваше! — поклонившись, ответил я.

Мне подумалось, что глупо сидеть с мрачным видом из-за своры каких-то шавок, а кроме того, у меня не было охоты давать этому господину повод развлечься за мой счет, раз уж у него такой характер. Хитклиф же стал менее суров — возможно, следуя благоразумному соображению, что нелепо обижать достойного жильца, — и заговорил по-свойски, рублеными фразами, выбрасывая местоимения и глагольные связки. Тему он выбрал, как ему представлялось, для меня интересную: о преимуществах и недостатках моего теперешнего места обитания. Он показался мне человеком рассудительным в этих делах, и прежде чем направиться домой, я поведал ему о намерении нанести еще один визит на следующий день. Впрочем, похоже, это пришлось ему явно не по душе. Но я все равно явлюсь. Поразительно, каким общительным кажусь я сам себе по сравнению с ним!

Глава 2

Вчерашний день выдался холодным и туманным. Я было решил провести его в кабинете у камина вместо того, чтобы пробираться по грязи и болоту к «Грозовому перевалу». А потому после обеда отправился наверх (кстати, обедаю я между двенадцатью и часом. Ключница, степенная матрона, доставшаяся мне вместе с жилищем, не смогла, да и не пожелала понять мою просьбу подавать обед в пять) и, поднявшись по лестнице с этим продиктованным леностью намерением, я вошел в свою комнату. Там молоденькая служанка, стоя на коленях среди щеток и ящиков с углем, поднимала клубы адского дыма и пепла — она пыталась загасить пламя, навалив на него кучу золы. Сцена эта заставила меня немедля повернуть назад. Я взял шляпу и, прошагав четыре мили, очутился у садовых ворот Хитклифа как раз в тот момент, когда с неба хлопьями повалил снег.

На открытом всем ветрам холме черная земля успела затвердеть от мороза, а сам я трясся от холода. С цепью на воротах совладать мне не

удалось, поэтому, перепрыгнув через забор, я побежал к дому по мощенной плитами дорожке, вдоль коей были посажены редкие кусты крыжовника. Тщетно стучался я в дверь, пока у меня не занемели костяшки пальцев. Из дома доносился лишь вой собак.

«Проклятие этому дому! — про себя восклицал я. — Вас надобно навечно изолировать от вам подобных за мрачность и злобу. Уж днем-то можно не запирать дверь! Но ничего, я все равно войду!» Исполнившись решимости, я схватился за щеколду и затряс ее что есть силы. Из круглого окошка сарая высунулась кислая, как уксус, физиономия Джозефа.

— Вам чего надо? — закричал он. — Хозяин там, в овчарне. Идите в конец сада, коли желаете поговорить.

— Неужели в доме никто не может мне открыть? — крикнул я в ответ.

— Никто. Там токмо одна хозяйка. Но она не откроет, хоть вопите тут до ночи.

— Почему, Джозеф? Разве вы не можете сказать ей, кто я?

— Нет уж! Мое дело — сторона, — пробормотал он, и голова его скрылась.

Снег валил все сильнее. Я ухватился за ручку

двери и повторил попытку проникнуть внутрь. В это время на заднем дворе появился молодой человек без плаща и с вилами на плече. Он сделал мне знак следовать за ним, и, миновав прачечную и мощеный участок, на котором разместились угольный сарай, водокачка и голубятня, мы наконец оказались в просторной и теплой гостиной, где меня принимали накануне. Комната была озарена веселым светом пылавшего в камине огня, на растопку которого пошли уголь, торф и дрова, а у стола, обильно накрытого к ужину, я с удовольствием заметил «хозяйку», о чьем существовании до этого даже не подозревал. Поклонившись, я ждал, что она предложит мне сесть. Но она лишь глядела на меня и, откинувшись на спинку стула, сидела неподвижно и молчала.

— Ужасная погода! — заметил я. — Боюсь, миссис Хитклиф, на входной двери остались отметины из-за нерасторопности вашей прислуги. Мне пришлось очень постараться, чтобы меня услышали.

Она не разомкнула губ. Я смотрел на нее, а она на меня. Взгляд у нее был холодный и безразличный, все более вызывавший у меня чувство неловкости и неприязни.

— Садитесь, — буркнул молодой человек. — Он

скоро придет.

Я послушался и, прокашлявшись, подозвал Юнону, которая на этот раз соизволила чуть шевельнуть кончиком хвоста в знак нашего знакомства.

— Красивое животное! — вновь заговорил я. — Вы собираетесь раздать щенков, мадам?

— Они не мои, — отвечала сия милая хозяйка в еще более отталкивающей манере, чем позволял себе Хитклиф.

— Так, значит, ваши любимцы там! — догадался я, повернувшись к скрытой тенью подстилке, на которой лежали какие-то животные, кажется, кошки.

— Странный выбор любимцев! — с издевкой в голосе проговорила она.

К несчастью, оказалось, что за кошек я принял битых кроликов. Снова кашлянув, я придвинулся ближе к огню и повторил что-то про ужасный вечер.

— Вам не следовало выходить из дома, — сказала она, поднявшись, и потянулась к двум раскрашенным коробочкам на каминной полке.

До этого жеста хозяйку скрывала тень, теперь же мне стали хорошо видны ее фигура и лицо. Она оказалась изящной, прекрасно сложенной и

совсем юной. У нее были очаровательное личико с мелкими чертами и белой кожей, соломенные, нет, скорее, золотистые кудряшки, рассыпавшиеся по нежной шее. А глаза… если бы они излучали приветливость, перед их взглядом трудно было бы устоять. К счастью для моего чувствительного сердца, они выказывали лишь презрение, временами переходившее в нечто похожее на отчаяние, — эмоции, которые удивительно было наблюдать у столь юного создания.

Миссис Хитклиф едва ли могла достать до коробочек, и я, желая прийти на помощь, сделал шаг в ее сторону, но она обернулась ко мне, словно скупец, которому предложили помочь пересчитать его золото.

— Не мешайте, — огрызнулась она. — Я и сама достану.

— Прошу прощения, — промолвил я поспешно.

— Вы приглашены на чай? — спросила она, держа ложку с чайным листом над заварочным чайником, после того как надела передник поверх скромного черного платья.

— С удовольствием выпил бы чашечку.

— Вы приглашены? — повторила она свой вопрос.

— Нет, — едва улыбнувшись, ответил я. — Од-

нако ж вы могли бы меня пригласить.

Она швырнула коробочку с чаем и ложку назад, на полку, и вновь уселась на стул в дурном расположении духа, нахмурив лоб и выпятив алую нижнюю губку, точно дитя, готовое расплакаться.

Тем временем молодой человек накинул на плечи что-то весьма поношенное и, встав у огня, краем глаза следил за мною с таким видом, будто меж нами давно идет смертельная вражда. Я засомневался, слуга ли он в самом деле. Речь его и одежда были грубы и никак не предполагали высокого положения, явно занимаемого мистером и миссис Хитклиф. У парня были вьющиеся каштановые волосы, густые и неухоженные, мохнатые бакенбарды, торчавшие во все стороны, загорелые руки, как у простого работника, который много трудится на свежем воздухе. Но держался он свободно, почти высокомерно, и не проявлял должной почтительности по отношению к хозяйке. При отсутствии каких бы то ни было указаний на его место в доме я решил не обращать внимания на столь странное поведение, и через пять минут появление Хитклифа в какой-то мере избавило меня от этой неловкости.

— Вот видите, сэр, я пришел, как и обещал, — ве-

селым голосом начал я. — И боюсь, из-за ненастья придется мне пробыть у вас с полчаса, если вы согласитесь предоставить мне убежище.

— С полчаса? — спросил Хитклиф, стряхивая с одежды снежные хлопья. — Как вам только в голову пришло отправиться гулять в такую метель? Вы понимаете, что можете заплутать на пустоши? В такие вечера даже местные жители сбиваются с пути. И уверяю вас, пока никаких изменений в погоде не предвидится.

— А не мог бы я взять провожатого из ваших работников? Он бы довел меня до «Дроздов» и переночевал там. Вы не отпустите со мною кого-нибудь?

— Нет, не отпущу.

— Ах вот как! Что ж, значит, придется мне рассчитывать на собственные силы.

— Хм! Мы сегодня собираемся пить чай? — спросил Хитклиф у молодого человека в поношенном платье, переведшего свой свирепый взгляд с меня на юную хозяйку.

— А *ему* наливать? — спросила она у Хитклифа.

— Приготовь чай, понятно? — последовал ответ, и слова эти были наполнены такою злобою, что я содрогнулся. Тон его голоса говорил о натуре

поистине скверной. Мой язык уже не повернулся бы назвать Хитклифа славным малым.

Когда приготовления закончились, он пригласил меня к столу:

— Ну, сэр, придвиньте свой стул.

Все мы, включая ершистого юношу, сели вокруг стола и принялись за еду в суровом молчании.

Мне подумалось, что коли уж я нагнал эту черную тучу, то мой долг постараться ее рассеять. Не могут же они каждый божий день сидеть с таким угрюмым и хмурым видом! Каким бы скверным характером ни наделила их природа, невозможно, чтобы они постоянно пребывали в столь мрачном настроении.

— Удивительно, — начал я, быстро выпив одну чашку и ожидая, когда мне нальют другую, — как обычай влияет на наши вкусы и мысли. Немногие предположили бы существование счастливой жизни в такой удаленности от мира, как здесь, мистер Хитклиф. Однако осмелюсь сказать, что в окружении семьи, с вашей любезной супругой, чей гений царит в вашем доме и сердце…

— С моей любезной супругой! — перебил он меня с почти дьявольской усмешкой. — Где ж это она, моя любезная супруга?

— Я говорю о миссис Хитклиф.

— Ну да… Значит, вы полагаете, что дух ее стал моим добрым ангелом и хранит покой «Грозового перевала», хотя тело ее лежит в земле. Правильно ли я вас понял?

Догадавшись, что совершил оплошность, я попытался ее исправить. Мне следовало бы сразу сообразить, что между мистером и миссис Хитклиф разница в возрасте слишком велика, чтобы они могли быть мужем и женой. Ему лет сорок — время умственного расцвета, когда мужчина едва ли станет питать иллюзии, что молоденькая девушка пойдет за него по любви; такие мечты утешают нас лишь в преклонные годы. А ей не дашь и семнадцати.

Тут меня осенило: чучело, что сидит рядом со мной, пьет чай из блюдца и ест хлеб немытыми руками, должно быть, ее муж — ну, конечно же, это Хитклиф-младший! Вот что бывает, когда девицу похоронят заживо в подобной глуши! Она бросилась в объятия мужлана, ибо даже не догадывалась, что есть на свете люди куда более достойные. Какая жалость! Нужно быть осторожным, чтобы моя персона не заставила ее пожалеть о сделанном выборе. Последнее замечание может показаться нескромным, но это не так. Мой сосед за столом казался мне почти

омерзительным. Я же обладаю довольно привлекательной внешностью, о чем знаю по опыту.

— Миссис Хитлиф — моя невестка, — сказал Хитклиф, подтвердив мою догадку. С этими словами он кинул на нее странный взгляд — словно бы ненавидящий, если только Хитклифу несвойственна какая-то особенная, извращенная мимика, которая не передает языка души.

— Ну конечно, теперь я понимаю. Значит, счастливый обладатель этой доброй феи — вы? — спросил я, повернувшись к соседу.

На этот раз я оплошал еще больше. Парень побагровел, сжал кулаки и, казалось, был готов вот-вот на меня наброситься. Но вскоре, подавив гнев, взял себя в руки, и до меня донеслось лишь грубое ругательство, которое он пробормотал в мой адрес. Я, впрочем, сделал вид, что ничего не заметил.

— Вы ошиблись в своих предположениях, сэр, — заметил хозяин. — Никому из нас не посчастливилось стать обладателем вашей доброй феи. Ее супруг умер. Я сказал вам, что она моя невестка, стало быть, она была замужем за моим сыном.

— А этот молодой человек…

— Не мой сын, конечно!

Хитклиф снова улыбнулся, словно записать ему в сыновья такого медведя было, с моей стороны, довольно смелой шуткой.

— Меня зовут Гэртон Эрншо, — прорычал парень. — И советую вам уважать это имя!

— Но я не проявлял к вам неуважения, — ответил я, про себя посмеявшись над высокомерием, с коим он мне представился.

Грубиян долго сверлил меня взглядом, но я не стал отвечать тем же, ибо опасался, что в конце концов или надеру ему уши, или расхохочусь. Мне явно стало не по себе в этом милом семейном кругу. Тепло очага и ощущение удобства уже не спасали меня от гнетущей атмосферы душевной мрачности, и я решил, что крепко подумаю, прежде чем переступлю порог этого жилища в третий раз.

Ужин был съеден в полном молчании, и, поскольку никто не пытался завязать беседу, я подошел к окну, дабы выяснить, не переменилась ли погода. Моим глазам предстала грустная картина — до времени опустилась темная ночь, и небо смешалось с окрестными холмами в вихрях ветра и удушающей метели.

— Верно, мне не дойти до дома без провожатого, — вырвалось у меня. — Дороги, похоже,

занесло. Но если бы они еще оставались, все равно даже на шаг вперед ничего не видно.

— Гэртон, загони овец под амбарный навес. Скотину засыплет снегом, ежели оставить ее на ночь в овчарне. И загороди выход доской, — распорядился Хитклиф.

— А мне что делать? — спросил я, все более раздражаясь.

Ответа не последовало. Обернувшись, я обнаружил лишь Джозефа, который принес собакам ведро каши, и миссис Хитклиф, склонившуюся к огню. Для развлечения хозяйка жгла спички, которые упали с каминной полки, когда она ставила на место коробку с чаем. Джозеф опустил свою ношу, с недовольным видом оглядел комнату и проскрипел надтреснутым голосом:

— Как это вы стоите и ничегошеньки не делаете, а все-то, вона гляньте, на двор побежали! А от вас никакого проку, нечего тут и говорить — вы никогда не исправитесь и прямиком к дьяволу попадете, следом за своею матерью!

На мгновение мне почудилось, что тирада сия адресована была мне, и, придя в ярость, я двинулся к старому негоднику с намерением вышвырнуть его вон. Однако меня остановили слова миссис Хитклиф:

— Ах ты, подлый старый лицемер! Не боишься разве, что тебя утащит сатана, если помянешь его? Предупреждаю: не зли меня, иначе попрошу в качестве особого одолжения, чтобы черти уволокли тебя в преисподнюю. Постой! — продолжала она, взяв с полки большую книгу в темном переплете. — Погляди, Джозеф, как я преуспела в искусстве черной магии. Скоро я все буду уметь. Ведь рыжая корова не просто так околела. А твой ревматизм едва ли был ниспослан Провидением.

— Ведьма, ведьма! — запричитал старик. — Храни нас Господь от всяческой скверны!

— Ну уж нет, нечестивец, ты обречен! Убирайся, или я наведу на тебя порчу! Сделаю ваши куклы из глины и воска, и первого, кто перейдет установленные мною пределы, я… Не стану говорить, что с ним будет, сам узнаешь! Уходи же! Я жду.

Прекрасные глазки маленькой ведьмы загорелись притворною злобою, и Джозеф, затрясшись от неподдельного ужаса, поспешил покинуть комнату, бормоча молитву и время от времени восклицая: «Ведьма, ведьма!» Я решил, что поведение молодой женщины вызвано некоей разновидностию мрачного веселья, и теперь, когда мы остались одни, попытался пробудить в ней сочувствие к моему отчаянному положению.

— Миссис Хитклиф, — заговорил я, пытаясь быть убедительным, — простите меня за беспокойство. Но, глядя на ваше лицо, я вправе заключить, что вы непременно должны быть женщиной добросердечной. Назовите мне хоть какие-нибудь ориентиры, по которым я мог бы добраться домой. Сейчас сделать мне это так же трудно, как вам доехать до Лондона!

— Идите по той дороге, по которой пришли, — отвечала она, сев на стул рядом со свечкой и открыв свою большую книгу. — Совет краткий, но ничего более разумного я предложить не могу.

— Значит, если вы услышите, что меня нашли утонувшим в болоте или замерзшим в запорошенной снегом яме, ваша совесть не шепнет вам, что отчасти в том есть и ваша вина?

— С чего бы это? Я не могу вас сопровождать. Меня не пустят даже до садовой ограды.

– *Вы?* В такой вечер я ни за что не попросил бы вас ради меня переступить порог этого дома! — воскликнул я. — Я всего лишь прошу *рассказать*, а не *показать*, куда идти, или убедить мистера Хитклифа дать мне провожатого.

— Кого же? Здесь только сам мистер Хитклиф, Эрншо, Зилла, Джозеф и я. Кого вы возьмете?

— На ферме нет мальчишек?

— Нет. Только те, кого я назвала.

— Выходит, я буду вынужден остаться.

— Договаривайтесь с хозяином. Мне до этого нет дела.

— Полагаю, вы получили хороший урок и в другой раз не будете пускаться в рискованные путешествия по здешним холмам, — прозвучал суровый голос Хитклифа из дверей кухни. — Что касается возможности остаться, то у меня нет комнат для гостей. Коли останетесь ночевать, придется вам спать в одной постели с Гэртоном или Джозефом.

— Я могу переночевать в этой гостиной, на стуле, — предложил я.

— Нет-нет! Чужак есть чужак, и не важно, бедный он или богатый. Не в моих правилах оставлять без присмотра в гостиной кого попало, — заявил грубиян.

После такого оскорбления терпение мое лопнуло. Выразив негодующим восклицанием свое презрение к этому человеку, я бросился мимо него во двор и второпях наткнулся на Эрншо. Было так темно, что я не смог разглядеть ворота и, пока кружил по двору, услышал еще один образчик приятной беседы, присущей этой компании. Поначалу молодой человек, казалось, отнесся ко

мне по-доброму.

— Провожу его до парка, — сказал он.

— Ты проводишь его к черту на кулички! — воскликнул его хозяин или кем он там ему приходился. — А за лошадьми кто присмотрит?

— Жизнь человека важнее, чем ваши лошади. Можно на одну ночь оставить их без присмотра. Кто-то должен с ним пойти, — негромко проговорила миссис Хитклиф с сочувствием, которого я от нее не ожидал.

— Но не по вашему приказу! — огрызнулся Гэртон. — Если он вам так любезен, лучше помолчите.

— Тогда, надеюсь, вас будет преследовать его призрак, а у мистера Хитклифа никогда не появится нового жильца, пока поместье «Дрозды» не превратится в развалины, — злобно ответила миссис Хитклиф.

— Это ж надо такое пророчить! — пробормотал Джозеф, в чью сторону я между тем свернул.

Он сидел совсем близко от меня и при свете фонаря доил корову. Фонарь я тут же бесцеремонно схватил и, крикнув, что верну завтра, бросился к ближайшей калитке.

— Хозяин, хозяин, он украл фонарь! — завопил старик и кинулся следом за мною. — Эй, Зубастик,

ату его! Эй, Волчок, держи вора!

Только я успел отворить калитку, как два мохнатых чудища прыгнули на меня и повалили, огонь в фонаре потух, а дружный гогот Хитклифа и Гэртона стал последним штрихом в картине моего унижения и бессильной ярости. К счастью, зверюгам больше хотелось размять лапы, позевать и помахать хвостами, чем сожрать меня живьем, но они не давали мне двинуться, и пришлось мне лежать, пока их зловредные хозяева не соблаговолили меня освободить. И тогда, потеряв шляпу и дрожа от ярости, я потребовал, чтобы негодяи дали мне уйти — и пусть пеняют на себя, если придется мне задержаться хоть на минуту дольше. Я кричал что-то о возмездии и грозил им с бесконечным негодованием в духе короля Лира.

Из-за столь бурных эмоций у меня хлынула носом кровь, но Хитклиф продолжал смеяться, а я продолжал его распекать. Не знаю, чем бы закончилась сия сцена, если бы поблизости не появилась особа более благоразумная, чем я, и более великодушная, чем мои насмешники. Я говорю о Зилле, дородной служанке, которая наконец вышла из дома, решив выяснить, что за шум во дворе. Ей показалось, что меня избили, и,

не осмеливаясь высказать возмущения хозяину, она направила свою словесную артиллерию в сторону младшего мерзавца.

— Ну и ну, мистер Эрншо! — воскликнула она. — Что еще вы тут устроите? Значит, у нас теперь убивают человека прямо на нашем пороге? Видать, не приживусь я в этом доме. Вы только поглядите на беднягу, он сейчас задохнется! Тише, тише, милок! Вам надобно успокоиться. Идемте-ка в дом, я помогу. Вот так, потихоньку.

С этими словами она вдруг выплеснула кружку ледяной воды мне за шиворот и потащила на кухню. Мистер Хитклиф пошел за нами. Его недолгая веселость быстро уступила место привычной угрюмости.

Я совсем ослабел, голова кружилась, сознание путалось, и потому мне ничего не оставалось делать, кроме как согласиться провести ночь под крышей Хитклифа. Он велел Зилле дать мне рюмку бренди, а сам удалился в свою комнату. Зилла посокрушалась по поводу случившегося со мною печального происшествия и выполнила приказание хозяина, я же, несколько воспрянув после выпитого, последовал за нею в спальню.

Глава 3

Провожая меня наверх, служанка посоветовала прикрыть ладонью свечку и не шуметь, ибо у хозяина есть странное предубеждение по поводу той комнаты, где она собирается меня разместить, и по своей воле он никогда не согласится, чтобы кто-нибудь остался там на ночлег. Я спросил о причинах, но она ответила, что не знает. Она живет здесь только второй год, а вокруг столько странностей, что про эту даже не успела ничего разузнать.

Ошеломленному всем произошедшим, мне тоже было не до любопытства. Заперев дверь, я огляделся в поисках кровати. Из мебели в комнате были стул, бельевой шкаф и большой дубовый короб с вырезанными вверху отверстиями, напоминающими окна экипажа. Приблизившись к нему, я заглянул внутрь и понял, что передо мною уникальный старинный предмет мебели — своеобразная кровать, удачно спроектированная таким образом, чтобы избежать необходимости предоставлять каждому члену семьи отдельную комнату. Фактически получилось нечто вроде

небольшого чуланчика, где маленький подоконник служил столом. Я раздвинул обшитые панелями стенки, влез со свечкою внутрь короба, вновь их задвинул и почувствовал себя в полной безопасности от бдительного Хитклифа и прочих домочадцев.

Поставив свечу на подоконник, я заметил в углу стопку тронутых плесенью книг, сам же подоконник был покрыт процарапанными по краске надписями. Они представляли собою всего лишь имя, писанное различными буквами, большими и маленькими: *Кэтрин Эрншо*, кое-где менявшееся на *Кэтрин Хитклиф*, а потом на *Кэтрин Линтон*.

С вялым безразличием, наклонив голову к окошку, я все глядел на имя этой Кэтрин Эрншо-Хитклиф-Линтон, пока глаза мои не сомкнулись. Но не прошло и пяти минут, как из темноты, точно призраки, передо мною белым огнем полыхнули буквы — в воздухе носилось имя «Кэтрин». Заставив себя проснуться, дабы разогнать этот морок, я заметил, что фитиль свечи почти касается одного из старинных томов и мой чулан наполняется запахом жженой телячьей кожи. Я задул огонь и, чувствуя себя дурно из-за непроходящей тошноты и холода, сел и разложил

на коленях поврежденный фолиант. Это был Новый Завет, набранный очень узким шрифтом и источавший затхлый запах. На форзаце стояло: «Из книг Кэтрин Эрншо», а следом — дата, отсылающая на четверть века назад. Я захлопнул том, взял другой, третий… пока не пересмотрел все. Библиотека Кэтрин была подобрана со знанием дела и, судя по потрепанности, использовалась многократно, хотя не всегда по прямому назначению. Едва ли можно было найти хоть одну главу без заметок на полях, писанных чернилами — или, по крайней мере, какого-то текста, похожего на заметки, — которые покрывали каждый оставленный печатником пробел. Некоторые фразы вовсе не имели продолжения; другие скорее напоминали дневник, который велся неровным детским почерком. Вверху пустой страницы (представляю, какое это было сокровище для той, что собиралась ее заполнить) я с большим удовольствием обнаружил прекрасную карикатуру на моего друга Джозефа, выполненную несколькими, однако весьма выразительными штрихами. Во мне тут же пробудился интерес к этой неизвестной Кэтрин, и я взялся разбирать поблекшие иероглифы.

«Ужасное воскресенье! — так начинался пара-

граф под рисунком. — Как бы мне хотелось, чтобы со мною снова был батюшка. Противный Хиндли никогда его не заменит — он безобразно обращается с Хитклифом. Мы с Х. решили взбунтоваться. И сегодня вечером сделали первый шаг.

Целый день лил дождь. Мы не могли пойти в церковь, поэтому Джозефу пришлось собрать всех на чердаке. И когда Хиндли с женой уютно расположились у камина внизу и занимались чем угодно, только не чтением Библии — это уж точно, — Хитклифа, меня и несчастного деревенского мальчишку, который помогает нам во время пахоты, заставили взять молитвенники и подняться наверх. Нас усадили рядком на мешке с пшеницей. Мы ныли и тряслись от холода, надеясь, что Джозеф тоже замерзнет и поэтому, ради собственного благополучия, прочтет нам проповедь покороче. Как бы не так! Он разглагольствовал ровно три часа, а когда мы спустились, у моего брата хватило совести воскликнуть: «Как? Уже закончили?» Раньше в воскресные вечера нам разрешалось играть, лишь бы не очень шумно, а теперь из-за любого смешка ставят в угол.

«Вы забыли, что у вас есть хозяин, — говорит наш тиран. — Я изничтожу первого, кто выведет

меня из себя! Я требую полной тишины и спокойствия. Ах, это ты, мальчишка? Франсес, дорогая, оттаскай его за волосы, когда пойдешь мимо. Я слышал, как он щелкнул пальцами». Франсес от души оттаскала Хитклифа, а потом пошла и села на колени к мужу, и они принялись целоваться и, точно дети малые, лепетать всякую чушь, от которой один стыд. Мы спрятались в укромном местечке под посудными полками. И едва я успела связать наши фартуки и повесить их вместо занавески, как является Джозеф с каким-то поручением из конюшни, разрывает фартуки, дерет меня за ухо и каркает:

— Хозяина надысь схоронили, день воскресный еще не кончился, слова Писания не умолкнули в ушах ваших, а вы ишь забавляетесь! Срам-то какой! Сядьте, дурные дети. Вот вам добрые книги — читайте! Сядьте и думайте о душе!

Сказав это, он заставил нас пересесть, чтобы тусклый свет, идущий от камина в другом конце комнаты, хоть немного попадал на старый хлам, который он сунул нам в руки. Не в силах этого вынести, я схватила свой обтрепанный том за корешок, швырнула его прямо на собачью подстилку и закричала, что ненавижу эту добрую книгу, а Хитклиф отправил свою пинком туда же.

Что тут началось!

— Мистер Хиндли! — заорал наш духовный наставник. — Сюда, хозяин! Мисс Кэти у «Шлема спасения»[2] всю обложку как есть отодрала, а мистер Хитклиф пихнул ногою первую часть «Пространного пути, ведущего в погибель»![3] Негоже допускать чад до этакого святотатства! Эх, старый хозяин ужо высек бы нечестивцев, да помер!

Хиндли тут же покинул свой райский уголок у камина, схватил Х. за шиворот, меня за руку и потащил на кухню, где Джозеф принялся вещать, что дьявол теперь-то уж точно до нас доберется — это как пить дать. После таких напутствий каждый из нас забрался в свой угол ждать, когда явится дьявол. Я взяла с полки эту книгу и чернильницу, приоткрыла входную дверь, чтобы было светлее, и теперь минут двадцать могу писать о том, что произошло. Но товарищ мой не хочет ждать и предлагает позаимствовать у молочницы плащ и, укрывшись им, удрать на

---

[2] notes: 2

Название взято из Послания к Ефесянам святого апостола Павла, 6:17.

[3] notes: 3

Библейская аллюзия: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель…» (Евангелие от Матфея, 7:13).

вересковую пустошь. Мне эта идея нравится. Если старый ворчун придет за нами, то решит, что его пророчество сбылось. Под дождем нам наверняка будет не хуже, чем в доме, — те же сырость и холод».

Полагаю, Кэтрин осуществила свое намерение, ибо в следующей записи говорилось совсем о другом. Здесь уже звучали и скорбь, и слезы.

«Никогда не думала, что из-за Хиндли буду так плакать! — писала она. — У меня голова просто раскалывается — не могу даже лежать на подушке. И все никак не успокоюсь. Бедный Хитклиф! Хиндли называет его бродягой и больше не разрешает ему сидеть с нами, есть с нами. Говорит, что нам нельзя вместе играть, и грозит, что выгонит его из дому, коли тот нарушит запрет. Хиндли винит нашего батюшку (да как он смеет!) в том, что тот давал Х. слишком много воли, и клянется, что покажет Хитклифу, где его настоящее место…»

Я начал клевать носом над едва различимой страницей — взгляд мой перемещался с рукописных вставок на печатный текст и обратно. Перед глазами возникло разукрашенное название книги, набранное красным шрифтом: «Седми-

жды семьдесят раз[4] и первый из семидесяти первых. Благочестивое слово, произнесенное преподобным Джейбсом Брандергемом в часовне Гиммерден-Саф». В полудреме ломая голову над тем, о чем таком мог Джейбс Брандергем поведать прихожанам, я в конце концов опустился на кровать и погрузился в сон. Увы, тому причиною были дурной чай и дурное расположение духа! Что еще могло заставить меня так ужасно провести ночь? Не припомню, чтобы хоть однажды мне довелось испытать подобное с тех пор, как я обрел способность страдать.

Сон охватил меня быстро, но я не сразу перестал осознавать, где нахожусь. Мне снилось, что уже наступило утро и я отправился домой, взяв в провожатые Джозефа. Снегу на дороге было по колено, и, пока мы пробирались через сугробы, мой товарищ то и дело упрекал меня, что я не взял с собою посох паломника, а без него мне ни за что не добраться до дома. При этом он хвастливо размахивал передо мною какою-то палкой с тяжелым набалдашником — это, как я понял, как

---

[4] notes: 4

Библейская аллюзия: «Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?

Иисус говорил ему: не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз» (Евангелие от Матфея, 18, 21:22).

раз и был тот самый посох. На мгновение мне подумалось, что нелепо брать столь мощное орудие, чтобы попасть в собственное жилище, но потом меня осенило: я иду вовсе не туда! Мы направляемся слушать знаменитую проповедь Джейбса Брандергема «Седмижды семьдесят раз», и кто-то из нас — то ли Джозеф, то ли проповедник, то ли я сам — совершил грех «первый из семидесяти первых», а посему нас должны выставить на всеобщее поругание и отлучить от церкви.

Мы подошли к часовне. Я и в самом деле дважды или трижды проходил мимо нее наяву, совершая прогулку. Она расположена в ложбине между двумя холмами, на небольшой возвышенности, окруженной торфяным болотом, и эта особая торфяная сырость, как говорят, способствует бальзамированию немногих тел, упокоившихся рядом, на погосте. Крыша часовни пока еще цела, но поскольку жалованье священника всего лишь двадцать фунтов в год, а дом с двумя комнатами, к вящему его опасению, может очень быстро превратиться в дом с одной, ни один слуга Господа не согласится исполнять здесь обязанности пастора. А уж тем более, когда, по слухам, прихожане скорее предоставят ему голодать, чем увеличат его содержание хотя бы на пенс из собственного

кармана. И все же в моем сне в часовне собралось много народу, слушавшего Джейбса со вниманием, а он проповедовал — бог мой, что это была за речь! Она состояла из *четырехсот девяноста* частей, и каждая вполне годилась для отдельной проповеди, где разбирался один-единственный грех. Откуда Джейбс взял столько грехов, сказать не берусь. Ему был присущ оригинальный способ толкования слова Божьего, и, похоже, его братья во Христе неизбежно грешили всякий раз по-новому. Грехи эти были весьма удивительны — странные проступки, о коих мне ранее слышать не приходилось.

Как же я истомился! Как ерзал, зевал, клевал носом и вновь просыпался! Как щипал себя и колол, тер глаза, вставал и снова садился, толкал Джозефа локтем, спрашивая, когда же все это кончится! Но я был приговорен выслушать проповедь до конца. Наконец мы дошли до «первого из семидесяти первых», и в этой напряженной ситуации на меня вдруг снизошло вдохновение. Что-то заставило меня встать и объявить грешником самого Джейбса Брандергема, причем виновным в грехе, коему ни одному христианину прощения не сыскать.

— Сэр, — воскликнул я, — сидя, как прико-

ванный, здесь, в четырех стенах, я прослушал истории четырехсот девяноста несчастных и простил их! Седмижды семь раз я брался за шляпу и собирался уйти, и седмижды семь раз вы вопреки здравому смыслу заставляли меня снова сесть на место. Но четыреста девяносто первый — это слишком! Сомученики мои, хватайте его! Тащите и рвите в клочки! И место его не будет уже знать его![5]

— Ты — тот человек![6] — после торжественной паузы воскликнул Джейбс, опершись о подушку на кафедре. — Седмижды семь раз ты в зевоте кривил лицо — седмижды семь раз я утешал себя мыслию: о, се есть слабость человеческая, и она достойна прощения! Однако вот он, первый из семидесяти первых. Братья, свершите над ним суд предначертанный! Чести сей удостоены все праведники Божии!

После такого напутствия прихожане, воздев свои посохи, всею толпою ринулись на меня, а я, не имея оружия для защиты, сцепился с Джозефом, ближайшим и самым неистовым из нападавших, надеясь отобрать посох у него.

---

[5] notes: 5
См.: Книга Иова, 7:10.

[6] notes: 6
Вторая книга Царств, 12:7.

В суматохе скрестилось несколько дубинок, предназначавшиеся мне удары пали на головы других, и вскоре вся часовня наполнилась глухим деревянным стуком. Сосед тузил соседа, а Брандергем, не желая оставаться в стороне, изливал свое неистовство, осыпая доски кафедры градом ударов, отдававшихся так гулко, что, к моему невыразимому облегчению, мой сон прервался. Что же оказалось причиной столь ужасного грохота? Кто сыграл роль Джейбса в этой сумятице? Всего лишь еловая ветка, касавшаяся оконного переплета, да порывы ветра, заставившие сухие шишки стучать по раме! Какое-то мгновение я с сомнением присушивался, но потом понял, в чем дело, повернулся на другой бок и вновь задремал. На этот раз мне приснился сон еще менее приятный, чем предыдущий, если таковое возможно.

Теперь я помнил, что лежу в дубовом чуланчике, и отчетливо слышал завывание метели. Еловая ветка производила все тот же издевательский звук, но я уже знал его природу. Однако он вызывал у меня такое сильное раздражение, что я вознамерился по мере сил своих положить ему конец. Мне почудилось, что я встаю и пытаюсь открыть одну из оконных створок. Крючок был припаян к скобе — я заметил это,

когда бодрствовал, однако после позабыл. «Все равно, я должен остановить этот звук!» — пробормотал я и, выдавив кулаком стекло, высунул наружу руку, силясь поймать докучную ветку, но вместо нее мои пальцы обхватили маленькую, холодную как лед ладошку. Непередаваемый ужас ночного кошмара объял меня. Я попытался отдернуть руку, но ладошка не отпускала, и я услышал чье-то стенание: «Впусти меня, впусти!» «Кто ты?» — спросил я, одновременно стараясь высвободиться. «Кэтрин Линтон, — дрожа, ответствовал призрак (почему вдруг Линтон? Фамилия «Эрншо» попадалась мне раз двадцать против одной «Линтон»). — Я заблудилась на вересковой пустоши. А теперь пришла домой». При этих словах я едва различил детское лицо, глядящее на меня в окошко. От ужаса во мне проснулась жестокость, и, поняв, что бесполезно пытаться вырвать у привидения свою руку, я подтянул ее запястье к раме и принялся водить взад-вперед по краю разбитого стекла, пока кровь не потекла и не промочила постель. Но существо все причитало: «Впусти меня!» и держало меня крепко. Я же почти обезумел от страха. «Как же мне тебя впустить? — наконец выговорил я. — Сначала ты отпусти меня, а потом уж я тебя впущу!» Цепкие

пальцы разжались, я сразу убрал руку, загородил дыру пирамидой из книг и заткнул уши, чтобы не слышать жалобных завываний. Я не отрывал ладони от ушей, наверное, с четверть часа, но, когда вновь прислушался, до меня донесся все тот же заунывный плач. «Изыди! — вскричал я. — Ни за что тебя не впущу, проси хоть двадцать лет!» «Двадцать лет и прошло, — стонал голос. — Двадцать лет. Я скитаюсь уже двадцать лет!» Тут послышалось легкое царапанье, и стопка книг начала сдвигаться от окна в мою сторону. Я хотел вскочить, но не смог двинуть ни рукой, ни ногой и от ужаса завопил что есть мочи. В замешательстве я обнаружил, что кричу не во сне, а наяву. К моей комнате приблизились быстрые шаги, кто-то решительно толкнул дверь, и свет от свечи замерцал сквозь квадратные окошки над моею кроватью. Я все так и сидел, дрожа и вытирая пот со лба. Вошедший, казалось, медлил и что-то бормотал про себя. Наконец он прошептал, причем явно не ожидая ответа:

— Кто здесь?

Я подумал, что лучше будет признаться, ибо узнал выговор Хитклифа и опасался, что он продолжит поиски, если я промолчу. С этим намерением я повернулся и раздвинул панели. Не

скоро я забуду впечатление, произведенное этим действием.

Хитклиф стоял у двери в рубашке и штанах, свечной воск стекал по его пальцам, а лицо стало белее стены позади него. Первый же скрип дубовой панели заставил моего хозяина вздрогнуть как от электрического тока. Свеча выпала из его рук и отлетела на несколько футов, но он пребывал в таком волнении, что едва смог ее поднять.

— Здесь всего лишь ваш гость, сэр! — крикнул я, желая избавить его от унижения при дальнейшем проявлении столь очевидной трусости. — К несчастью, я закричал во сне, ибо мне приснился кошмар. Простите, что побеспокоил вас.

— Да будьте вы прокляты, мистер Локвуд! Убирайтесь к… — заговорил Хитклиф, ставя свечу на стул, потому что руки его тряслись. — Кто вас пустил в эту комнату? — продолжал он, изо всех сил сжав кулаки и заскрежетав зубами, чтобы унять судорожную дрожь. — Кто? Я сейчас же вышвырну негодяя из дому!

— Ваша служанка Зилла, — ответил я, затем вскочил и начал быстро одеваться. — Если вышвырнете, я не расстроюсь, мистер Хитклиф. Она, без сомнения, это заслужила. Полагаю, ей хотелось за мой счет получить еще одно доказа-

тельство, что дом посещают призраки. Что ж, и вправду посещают — он просто кишит привидениями и домовыми! И смею вас уверить, вы имеете все основания держать их под замком. Никто не скажет вам спасибо за ночлег в таком логове!

— Что вы хотите этим сказать? — проговорил Хитклиф. — И что вы делаете? Ложитесь и спите, раз уж оказались здесь. Но, ради всего святого, не кричите больше таким жутким голосом. Ну разве что кто-нибудь задумает перерезать вам горло!

— Если бы та маленькая чертовка пролезла в окно, она бы меня наверняка задушила! — ответил я. — Не собираюсь я терпеть преследования ваших гостеприимных предков. Не приходится ли вам преподобный Джейбс Брандергем родней по материнской линии? Или эта шалунья Кэтрин Линтон, или Эрншо, или как там ее еще величают? Наверное, ее эльфы подкинули взамен украденного ребенка. Вот уж злодейка! Сказала мне, что целых двадцать лет бродит по округе — должно быть, такое наказание послано ей за грехи!

Только я произнес эти слова, как сразу вспомнил, что имя «Хитклиф» также встречалось в книге рядом с именем «Кэтрин», о чем я до

этого момента и думать забыл. Покраснев от своей опрометчивости, но сделав вид, что не догадываюсь о нанесенном хозяину невольном оскорблении, я поспешил добавить:

— Дело в том, сэр, что первую половину ночи… — Тут я снова осекся. Хотел сказать, что пролистывал те старинные книги, но тогда это означало бы, что мне известно об их содержании — не только в печатном, но и в рукописном виде. Посему, исправившись, я продолжал: — Я бормотал имена, нацарапанные на подоконнике. Скучное занятие, призванное помочь уснуть, все равно что считать…

— Да как вы смеете говорить подобное *мне?* — со свирепой яростью заорал Хитклиф. — Что… что вы себе позволяете *под моею крышей?* Боже, да он рехнулся! — И Хитклиф в бешенстве ударил себя ладонью по лбу.

Я не знал, обидеться или продолжить объяснения. Однако, казалось, мой хозяин был в таком смятении, что из жалости я решил рассказать ему про сон. Я уверил Хитклифа, что никогда раньше не слышал имени «Кэтрин Линтон», но поскольку прочел его несколько раз, оно врезалось мне в память, и, когда я уже был не властен над своим воображением, это имя приняло вид

живого существа. Хитклиф меж тем отодвигался все глубже в тень от моей кровати и наконец сел позади нее, почти невидимый. Но по неровному, прерывистому дыханию я догадался, что он пытается совладать с бурей охвативших его чувств. Не имея охоты показать ему, что слышу, как он борется с собою, я довольно шумно продолжал одеваться, затем поглядел на часы и сказал с удивлением, словно сам себе, что ночь выдалась на редкость долгая:

— Неужто еще только три часа?! Я мог бы поклясться, что сейчас шесть. Здесь время словно остановилось. Ведь мы точно разошлись по комнатам в восемь!

— Зимой мы всегда ложимся в девять. А встаем в четыре, — сказал мой хозяин, подавив стон и, как я заметил по тени от его руки, смахнув с глаз слезы. — Мистер Локвуд, — добавил он, — можете пойти ко мне в комнату. Иначе, если спуститесь вниз так рано, будете всем мешать. Да и ваши детские страхи и вопли прогнали весь мой сон к черту.

— Мой тоже, — ответил я. — Погуляю по двору до рассвета, а потом уйду, и вам не стоит опасаться моего следующего визита. Теперь я полностью излечился от поисков приятной компании как

в деревне, так и в городе. Разумному человеку следует довольствоваться лишь собственным обществом.

— Да уж, славное общество! — проворчал Хитклиф. — Возьмите свечку и идите куда хотите. Я скоро к вам присоединюсь. Но во двор не ходите — собаки спущены, а в доме сторожит Юнона, так что можете прохаживаться только по лестнице и по коридорам. А теперь убирайтесь отсюда! Через две минуты я буду внизу!

Я подчинился, но лишь приказанию выйти из комнаты. Не зная, куда ведут узкие коридоры, я остановился за дверью и против собственной воли оказался свидетелем приверженности моего хозяина суевериям, что странным образом противоречило его несомненному здравому смыслу. Хитклиф уселся на кровати, с силой распахнул окошко и, даже не пытаясь сдержаться, залился слезами.

— Приди! Приди! — рыдал он. — Кэти, приди ко мне! Приди *еще раз*! О моя любовь! Услышь меня *сейчас*, Кэтрин! Услышь наконец!

Привидение капризничало, как и положено привидению. Оно не подавало знака. А вот метель билась и завывала так, что было слышно даже там, где стоял я, и пламя моей свечи потухло.

В горестном отчаянии Хитклифа было столько муки, что сострадание заставило меня позабыть о нелепости происходящего, и я отошел от двери, почти разозлившись, что слушал этот плач, и досадуя, что вообще поведал ему о своем глупом ночном кошмаре, раз он привел его к таким терзаниям. Однако *почему* Хитклиф так страдает, не поддавалось моему разумению. Осторожно спустился я вниз и оказался на кухне в дальнем конце дома, где сгреб тлеющие в очаге угли и зажег от них свечу. Все было тихо, и лишь серая полосатая кошка, вылезшая из кучи золы, приветствовала меня жалобным мяуканьем.

Вокруг очага стояли две скамьи полукруглой формы. На одну из них улегся я, на другую — старая кошка. Мы оба задремали, и поначалу никто не нарушал нашего уединения. Но вот по приставной деревянной лестнице, ведущей на крышу и исчезающей за люком в потолке, шаркая, спустился Джозеф — полагаю, вылез из своей чердачной каморки. Он бросил злобный взгляд на маленький огонек, что разгорелся благодаря мне за прутьями решетки, согнал кошку со скамейки и, усевшись на освободившееся место, принялся набивать табаком свою трехдюймовую трубку. Мое присутствие в его святая святых, очевидно,

было воспринято им как редкостное нахальство — настолько бесстыдное, что он сделал вид, будто меня вообще нет на свете. Молча сунул трубку в рот, скрестил на груди руки и стал пускать кольца дыма. Я не мешал ему предаваться наслаждению. После последней затяжки, глубоко вздохнув, он поднялся и удалился с таким же величавым видом, с каким пришел.

Следом послышались более пружинистые шаги, и я открыл было рот, чтобы сказать «Доброе утро», но тут же закрыл его, не поздоровавшись, ибо появился Гэртон Эрншо, творивший sotto voce[7] собственную молитву, которая состояла из череды проклятий, адресованных каждой вещи, что попадалась ему под руку. Он искал в углу лопату или совок, намереваясь расчистить дорожку от сугробов. Раздув ноздри, он заглянул за спинку моей скамьи и, как мне показалось, был готов обменяться со мной вежливыми приветствиями не более, чем с моей подружкой-кошкой. Судя по его приготовлениям, мне уже можно было отправиться домой, посему я встал со своего жесткого ложа и собрался последовать за ним. Однако, поняв мое намерение, он указал черенком лопаты

---

[7] notes: 7
Вполголоса (*ит.*).

на внутреннюю дверь и буркнул что-то нечленораздельное. Я догадался, что, если хочу покинуть кухню, идти следует туда.

Дверь эта вела в «дом», где уже собрались женщины. Зилла раздувала огромными мехами огонь в камине, а миссис Хитклиф склонилась к пламени и при его свете читала книгу. Рукою она прикрывала глаза от огня и, казалось, вся была поглощена чтением, отвлекаясь лишь на то, чтобы побранить прислугу, осыпавшую ее искрами, или чтобы время от времени оттолкнуть собаку, которая норовила сунуть свой нос ей в лицо. Я был удивлен, заметив там Хитклифа. Он стоял у огня ко мне спиной, грубо отчитывая бедняжку Зиллу, которая в ответ то и дело бросала свою работу, теребила уголок передника или издавала возмущенный стон.

— А ты, ты никчемная… — разразился он бранью по адресу невестки, когда я вошел, присовокупив ругательство, по сути, вполне безобидное, вроде «курицы» или «овцы», но на письме обычно обозначаемое многоточием. — Снова бездельничаешь? Все зарабатывают свой хлеб, ты одна живешь у меня из милости! Убери эту дрянь и займись делом. Ты заплатишь мне за несчастье вечно лицезреть тебя перед глазами. Слышишь

ты, стерва проклятая?

— Я уберу эту дрянь, потому что, если откажусь, вы все равно заставите, — ответила миссис Хитклиф, закрыв книгу и бросив ее на стул. — Но делать буду только то, что мне заблагорассудится, даже если у вас от ругани язык отсохнет!

Хитклиф занес руку, и говорившая, по-видимому, не раз испытав на себе ее тяжесть, отскочила на безопасное расстояние. Не имея желания наблюдать за дракой собаки с кошкой, я живо прошел вперед, словно всего лишь собирался погреться у очага и не заметил прерванной перепалки. У обоих участников хватило приличия приостановить дальнейший обмен любезностями. Хитклиф убрал кулаки в карманы, дабы избежать соблазна пустить их в ход, а миссис Хитклиф поджала губы и отошла подальше, к стулу, где, сдержав слово, все время стояла, словно статуя, пока я оставался в доме. Продолжалось это недолго. Завтракать с ними я отказался и при первых же лучах солнца выбрался на свежий воздух — чистый, недвижный и морозный, словно неосязаемый лед.

Мой хозяин окликнул меня, когда я дошел до конца сада, и предложил быть моим провожатым по вересковой пустоши. И хорошо, что предло-

жил, потому что по всему холму пролегли белые океанские волны, причем их подъемы и впадины совсем не соответствовали рельефу местности. Во всяком случае, многие ямы оказались заполнены снегом доверху, а длинные насыпи, образованные пустой породой карьеров, стерлись из картины, сохраненной моей памятью после вчерашнего путешествия. На одной стороне дороги я еще тогда заприметил тянувшийся через всю пустошь ряд каменных столбов в шести-семи шагах друг от друга. Их установили и покрасили известью специально, чтобы они служили путеводными вехами в темноте или же когда метель, как в этот раз, сровняет тропинку с глубокой трясиной по обе ее стороны. Однако если не считать черных точек, выступавших над настом то тут, то там, все следы камней исчезли, и моему спутнику приходилось частенько направлять меня правее или левее, хотя мне казалось, что я строго держусь вьющейся по пустоши дорожки.

Мы почти не разговаривали. При входе в парк поместья «Дрозды» Хитклиф остановился, сказав, что теперь я точно не заблужусь. При прощании мы ограничились быстрым кивком, и я побрел вперед, рассчитывая лишь на собственные возможности, поскольку домик привратника до сих

пор стоит необитаем. От ворот до дома идти мили две, но, по-моему, я проделал все четыре, если учесть, что заплутал в одной из рощиц, а потом провалился по шею в снег — столь неприятные ситуации способен оценить лишь тот, кто сам пережил нечто подобное. Но, сколько бы я ни блуждал, в конце концов все-таки объявился на пороге дома, как раз когда часы били полдень. Это означало, что на каждую милю обычного пути от «Грозового перевала» до моего жилища пришелся целый час. Ключница со всей прислугой бросились мне навстречу, наперебой восклицая, что уж и не чаяли увидеть меня живым. Они решили, что прошлой ночью я погиб, и раздумывали, как организовать поиски моих останков. Я попросил их успокоиться, раз они видят, что я вернулся, и, поскольку продрог до самых костей, потащился к себе наверх. Там, надев сухое платье, я минут тридцать или сорок ходил взад-вперед по комнате, пытаясь согреться. И вот теперь сижу в кабинете, слабый, как котенок, — сил у меня почти не осталось, чтобы наслаждаться веселым огнем камина и дымящимся кофе, приготовленным прислугой для подкрепления моих сил.

Глава 4

Сколь же наш брат подобен суетному флюгеру! Я, исполненный решимости держаться подальше от любого общения и благодарный судьбе за то, что наконец очутился в таком месте, где оно стало почти невозможным, — я, несчастный, слабый человек, до сумерек боролся с собственным унынием и заброшенностью, но был вынужден наконец сдаться. Под предлогом получения необходимых сведений о важных подробностях моего здешнего житья я попросил миссис Дин, явившуюся ко мне с ужином, присесть со мною, искренне надеясь, что, пока я ем, она, как любая ключница, склонная посплетничать, либо пробудит во мне живой интерес к происходящему, либо убаюкает своим рассказом.

— Вы прожили здесь довольно долго, — начал я. — Кажется, вы говорили, шестнадцать лет?

— Восемнадцать, сэр. Я пришла в этот дом прислуживать хозяйке, когда она вышла замуж. А после ее смерти хозяин оставил меня ключницей.

— Ах вот как!

Повисла пауза. К сожалению, миссис Дин не была склонна к сплетням. Ну разве что могла поболтать о своих делах, которые меня мало интересовали. Положив руки на колени, она погрузилась в раздумья, и на ее румяное лицо пала тень.

— Да, времена изменились, — проговорила она.

— Верно, — отозвался я. — Вам, полагаю, довелось быть свидетельницей многих перемен?

— Довелось. Не только перемен, но и бед.

«Ага! — подумал я. — Переведу-ка я разговор на семейство моего хозяина. Подходящая тема для начала беседы — к примеру, эта хорошенькая девочка-вдова; мне бы хотелось узнать ее историю: из этих ли она мест или, что более вероятно, явилась из других краев? А тот обтрепанный грубиян, видно, не желает признавать в ней родственницу». С этим намерением я спросил миссис Дин, почему Хитклиф сдает поместье «Дрозды» и предпочитает жить в доме куда более скромном.

— Он недостаточно состоятелен, чтобы содержать поместье в должном порядке?

— Недостаточно состоятелен, сэр? — повторила она. — У него бог знает сколько денег, и с каждым

годом его состояние увеличивается. Да, да, у него достанет денег, чтобы жить в доме гораздо лучше этого. Но хозяин рядом, в двух шагах. Может, он и подумывал перебраться в «Дрозды», однако, когда узнал, что появился хороший арендатор, не смог отказаться от возможности получить еще несколько сотен фунтов. Странно, что люди, у которых нет никого на свете, так жадничают!

— Но, кажется, у него был сын?

— Да. Сын умер.

— А молодая леди миссис Хитклиф — это его вдова?

— Да.

— Откуда она родом?

— Она дочь моего покойного хозяина, сэр. В девичестве Кэтрин Линтон. Я нянчила ее, бедняжку. Как бы мне хотелось, чтобы мистер Хитклиф переехал сюда и мы снова были вместе!

— Как? Кэтрин Линтон? — пораженный, вскричал я. Но, задумавшись на мгновение, осознал, что эта другая Кэтрин Линтон, не та, что являлась мне. — Значит, — продолжал я, — того, кто жил здесь до меня, звали Линтон?

— Да.

— А кто этот Эрншо… Гэртон Эрншо, который живет с мистером Хитклифом? Они родствен-

ники?

— Нет. Он племянник покойной миссис Линтон.

— То есть кузен молодой хозяйки?

— Да. Ее муж тоже приходился ей кузеном: один был со стороны матери, другой — со стороны отца. Хитклиф женился на сестре мистера Линтона.

— Я видел фамилию Эрншо, вырезанную над входной дверью дома в «Грозовом перевале». Их семья давно живет в этих краях?

— Очень давно, сэр. Гэртон — последний в роду, как и мисс Кэти в нашем, то есть в роду Линтонов. Вы были в «Грозовом перевале»? Простите, что спрашиваю, но мне хочется услышать, как она поживает.

— Миссис Хитклиф? Она показалась мне вполне здоровой и очень красивой, но, видно, не слишком счастливой.

— Ничего удивительного! А что скажете о хозяине?

— Грубый господин, и весьма. Я прав?

— Грубый, как наждак, и твердый, как кремень! Чем меньше вы с ним станете водиться, тем лучше.

— Должно быть, жизнь его не баловала, раз он стал таким твердокаменным. Вы о нем что-ни-

будь знаете?

— Его жизнь — это жизнь кукушонка, сэр. Я все про него знаю, кроме того, где он родился, кто его родители и откуда взялись его первые деньги. А Гэртона он вышвырнул из гнезда, точно неоперившегося птенца! Бедный парень — единственный во всем приходе не догадывается, как его обманули.

— Ну, миссис Дин, вы совершите благое дело, если расскажете мне что-нибудь о моих соседях. Чувствую, не уснуть мне теперь, так что будьте милостивы, посидите со мной часок и расскажите, что вам известно.

— Непременно, сэр! Только захвачу шитье и посижу сколько вашей душе угодно. Но вы простыли — я видела, как вы дрожали. Надобно поесть немного овсянки, чтобы выгнать болезнь.

И добрая женщина поспешила на кухню, а я подвинулся ближе к огню. Голова моя горела, а тело бил озноб. Более того, я чувствовал какое-то глупое возбуждение, охватившее мое сознание и нервы. Не то чтобы мне было не по себе, но я боялся (и до сих пор боюсь) серьезных последствий произошедшего со мною вчера и сегодня. Миссис Дин вскоре вернулась, принеся с собою дымящуюся тарелку с кашей и корзинку с шитьем. Она

поставила тарелку на полочку в камине, чтобы каша не остывала, и уселась поудобнее, явно радуясь, что я оказался таким общительным.

— Прежде чем я переехала сюда, — заговорила она, не дожидаясь нового приглашения начать рассказ, — я почти все время жила в «Грозовом перевале», потому как моя мать нянчила мистера Хиндли Эрншо (отца Гэртона), и я привыкла играть с хозяйскими детьми. Еще я выполняла разные поручения, — помогала на сенокосе, да и на ферме всегда была на подхвате. Однажды ясным летним утром — помню, как раз наступило время жатвы — мистер Эрншо, старый хозяин, спустился вниз, одетый по-дорожному. Отдав распоряжения Джозефу на день, он повернулся к Хиндли, Кэти и ко мне тоже — ибо я сидела за столом вместе с ними и ела овсянку — и сказал, обращаясь к сыну: «Ну, мой красавец, я сегодня отправляюсь в Ливерпуль. Что тебе принести? Выбирай, что твоей душе угодно. Только небольшое, потому что я иду пешком туда и обратно, а шестьдесят миль в одну сторону — путь неблизкий!» Хиндли выбрал скрипочку. Тогда хозяин спросил у мисс Кэти, а ей в ту пору еще и шести не было, однако ж она могла скакать на любой лошади из конюшни и попросила хлыстик. Обо мне

он тоже не забыл, ибо был человеком добросердечным, хоть иногда и довольно суровым. Мне он обещал принести полный карман груш и яблок. Поцеловав детей, хозяин отправился в дорогу.

Для всех нас время тянулось долго — те три дня, что он отсутствовал, — и маленькая Кэти часто спрашивала, когда же воротится отец. Миссис Эрншо ожидала мужа к вечеру третьего дня и каждый час откладывала ужин. Однако мистер Эрншо все не шел, и дети уже устали бегать к воротам и смотреть на дорогу. Стемнело, хозяйка хотела уложить их спать, но они умоляли позволить им остаться, и вот около одиннадцати часов тихонько поднялся дверной засов, и на пороге появился хозяин. Он рухнул на стул, смеясь и охая, и велел не кидаться к нему с объятиями, потому что он еле жив. Ни за какие полцарства он больше не соберется в такое путешествие!

— Да еще чтоб под конец меня чуть не до смерти исколошматили! — сказал он, развернув плащ, который держал в руках. — Смотри, жена! Меня сроду так никто не пинал. Но ты должна принять его как дар Божий, хоть он такой черный, что больше похож на порождение дьявола.

Мы столпились вокруг, и из-за плеча мисс Кэти я разглядела одетого в лохмотья грязного черно-

волосого мальчишку. Судя по его возрасту, он, должно быть, умел ходить и говорить. И лицо его казалось более взрослым, чем у Кэти, но, когда мальчика поставили на ноги, он только озирался по сторонам и нес какую-то тарабарщину, которую никто не смог разобрать. Мне стало страшно, а миссис Эрншо уже готова была вышвырнуть его за дверь. Она не на шутку рассердилась и спросила хозяина, как его угораздило притащить в дом цыганенка, когда у них есть собственные дети, которых надобно кормить и растить. Что он думает с ним делать? Может, он обезумел? Хозяин попытался оправдаться, но и впрямь был полуживой от усталости, поэтому, слушая их препирания, я поняла лишь, что он увидел на улице этого голодного, бездомного мальчишку, все равно что немого, подобрал и хотел найти его хозяина или родителей. Но, как сказал мистер Эрншо, ни одна живая душа не знала, откуда он взялся. Времени и денег у хозяина уже оставалось в обрез, и он решил, что лучше будет принести дитё домой, чем затевать бессмысленные поиски и тратить деньги в Ливерпуле, ибо рука у него не поднималась оставить мальчишку там, где он его подобрал. В конце концов хозяйка, поворчав, успокоилась, а мистер Эрншо велел мне вымыть

найденыша, одеть в чистое и уложить спать вместе с другими детьми.

Хиндли и Кэти тихонько смотрели и слушали, однако, когда в доме воцарился мир, они принялись исследовать карманы отца — искать обещанные подарки. Хиндли было четырнадцать, но, вытащив из отцовского кармана то, что осталось от скрипки, — одни ломаные деревяшки, — он зарыдал во весь голос. Кэти же, узнав, что, возясь с найденышем, отец потерял ее хлыстик, тоже проявила характер — оскалила зубы и плюнула на противного мальчишку, за что получила от отца хорошую затрещину, призванную научить ее приличным манерам. Оба наотрез отказались спать с найденышем в одной постели и даже в одной комнате, ну а мне ничего другого не пришло в голову, кроме как уложить его на лестничной площадке в надежде, что, может, наутро он и сам куда-нибудь денется. Случайно, а может, привлеченный звуком хозяйского голоса мальчишка подполз к двери мистера Эрншо, где, выйдя из комнаты, его и обнаружил хозяин. Стали выяснять, как ребенок там очутился, и мне пришлось сознаться в своем проступке. В наказание за мою трусость и жестокость меня прогнали из хозяйского дома.

Вот как Хитклиф появился в семье Эрншо. Через несколько дней я вернулась (ибо я не считала, что изгнана навечно) и узнала, что мальчика нарекли Хитклифом. Так звали хозяйского сына, умершего во младенчестве, и с тех пор это имя служит ему также и фамилией. Мисс Кэти и найденыш теперь сдружились, но Хиндли его ненавидел, и, правду сказать, я тоже. К стыду своему, признаюсь, что мы дразнили и обижали его, ибо не было во мне тогда достаточно разумения, чтобы понять, как это несправедливо, а хозяйка, увидев, что мы ведем себя с ним дурно, никогда его не защищала.

Он казался мне угрюмым, терпеливым ребенком, вероятно, привыкшим к плохому обращению. Он сносил побои Хиндли, не поморщившись и не проронив ни слезинки, а когда я его щипала, только втягивал носом воздух и шире открывал глаза, будто случайно сам себе сделал больно и винить тут некого. Старый Эрншо приходил в ярость, если узнавал, что приходится терпеть парнишке от его собственного сына, который не дает жить «бедному сироте», как хозяин называл приемыша. Удивительно, до чего мистер Эрншо привязался к Хитклифу и верил всему, что тот говорил (хотя говорил он на редкость мало и

обычно сущую правду), и мальчик стал его любимчиком даже больше, чем Кэти, которая росла чересчур шаловливой и строптивой.

Так, с самого начала Хитклиф принес в дом разлад, а после смерти миссис Эрншо, последовавшей менее двух лет спустя, Хиндли стал видеть в родном отце не друга, а деспота. Хитклиф же был для молодого хозяина самозванцем, укравшим у него отцовскую любовь и положенные привилегии. Лелея свои обиды, он все более проникался злобою к тому, кто был их причиною. Некоторое время я сочувствовала Хиндли, но, когда все дети заболели корью и мне пришлось за ними ухаживать, в одночасье взяв на себя обязанности взрослой женщины, я свое мнение переменила. Хитлиф болел тяжело, и когда ему было совсем худо, он все просил, чтобы я сидела рядом. Видно, он чувствовал, что я многое для него делаю, но не догадывался, что делаю я это не по своей воле. Однако должна сказать вам вот что: ни у одной сиделки никогда еще не было такого тихого подопечного. Это его отличие от двух других детей научило меня быть к нему менее предвзятой. И Кэти, и ее братец изводили меня ужасно, Хитклиф же лежал безропотно, как агнец, хотя то было следствием не столько мягкости, сколько

твердости его характера.

Мальчик выкарабкался. Доктор подтвердил, что встал он на ноги во многом благодаря мне, и похвалил за труды. Я ужасно возгордилась и стала лучше относиться к человеку, за чей счет услышала от доктора столь лестные слова, и Хиндли, стало быть, лишился своего последнего союзника. Только вот я не смогла полюбить Хитклифа и часто задумывалась, что же нашел хозяин в этом угрюмом ребенке, который никогда, насколько я могла судить, не отвечал благодарностью на оказанную ему милость. Не скажу, что Хитклиф проявлял дерзость к своему благодетелю, просто он был бесчувствен, хотя знал прекрасно, какую имеет власть над сердцем мистера Эрншо: стоило мальчишке слово сказать, и все в доме подчинялись его желаниям. Помню случай, когда хозяин купил на ярмарке двух жеребят и подарил их парнишкам. Хитклиф взял себе того, что покрасивее, но жеребенок вскоре охромел. Заметив это, Хитклиф сказал Хиндли:

— Давай поменяемся конями. Мне мой не нравится. А коли откажешься, расскажу твоему отцу, как ты на этой неделе трижды меня избил, и руку покажу, всю черную от синяков до самого плеча.

Хиндли показал ему язык и оттаскал за ухо.

— Лучше поторопись! — упрямо настаивал Хитклиф, отскочив к навесу (они были на конюшне). — Все равно придется. А когда я расскажу про те три раза, то ты получишь от отца столько же затрещин и еще парочку в придачу!

— Пошел вон, собака! — закричал Хиндли, замахнувшись чугунной гирей для взвешивания картошки и сена.

— Ну, кидай! — отвечал Хитклиф, не двигаясь с места. — Тогда я скажу, как ты хвастался, что выгонишь меня из дому, как только отец помрет, и поглядим, не вышвырнет ли он тут же тебя самого.

Хиндли метнул гирю и попал мальчику в грудь. Тот упал, но сразу поднялся — весь белый, покачиваясь и еле дыша. И если бы я не помешала, он непременно пошел бы к хозяину и добился отмщения, потому что его состояние говорило само за себя, стоило ему только назвать виновного.

— Ладно, забирай моего жеребенка, цыган! — сказал молодой Эрншо. — А я буду молиться, чтоб ты на нем себе шею сломал. Забирай и иди к черту, нищий самозванец! Вытяни из отца все, что у него есть, только потом покажи ему, каков ты на самом деле, черт рогатый! Бери моего коня! Пусть он тебе мозги копытами вышибет!

Хитлиф отвязал жеребенка и повел к себе в стойло. Он как раз проходил мимо Хиндли, который, перестав ругаться, пнул его из-под конских ног и, не останавливаясь, чтобы проверить, исполнилось ли его пожелание, во весь дух помчался со двора.

Меня поразило, с каким хладнокровием Хитклиф собрался с силами и продолжил начатое: поменял седла и все прочее, сел на кучу сена, чтобы унять приступ дурноты от сильного удара, и только потом пошел в дом. Недолго пришлось мне его уговаривать, чтобы он согласился переложить вину за свои синяки на жеребенка. Парню было безразлично, какую историю я сочиню, раз он получил, что хотел. Правду сказать, он так редко жаловался на подобные стычки, что я считала его совсем незлопамятным. Впрочем, вы увидите из дальнейшего, как сильно я обманулась.

Глава 5

Время шло, и мистер Эрншо начал сдавать. Раньше он всегда был здоров и деятелен, но силы быстро оставляли его, и, когда ему пришлось целыми днями сидеть в углу у камина, он, как это ни прискорбно, стал на редкость раздражительным. Ему досаждали сущие пустяки, а подозрение в неуважении вызывало чуть ли не истерику. Особенно это проявлялось, если кто-нибудь пытался командовать его любимчиком или помыкать им. Он ревниво следил, чтобы Хитклифу никто не сказал дурного слова, ибо, похоже, вбил себе в голову, будто все ненавидят мальчишку и желают ему зла, только потому, что сам он его так любит. Ничего хорошего это парню не принесло, ведь, по доброте душевной, мы, не желая волновать хозяина, потакали его пристрастиям, а на столь благодатной почве взросли тщеславие и злонравие ребенка. Дважды или трижды Хиндли в присутствии отца выказывал презрение к приемышу, отчего старик впадал в ярость — хватал палку, замахивался, а потом трясся в исступлении, ибо ударить не хватало сил.

Наконец наш викарий (в то время у нас был викарий, который, имея скромные доходы, обучал грамоте детей Линтонов и Эрншо и сам возделывал свой клочок земли) посоветовал послать молодого хозяина в колледж. Мистер Эрншо согласился, хоть и без особого воодушевления, сказав: «Хиндли — никчемный парень, он нигде не преуспеет, куда бы ни подался».

Я же от всего сердца надеялась, что теперь у нас в доме наступит мир. Тяжело было видеть, как хозяин страдает, совершив благое дело. Мне чудилось, что его болезнь и стариковская раздражительность проистекали из разлада в семье, да и ему тоже хотелось бы, чтобы это было так. Но на самом деле, сэр, виной всему было его убывающее здоровье. И все же мы могли бы жить вполне сносно, несмотря ни на что, когда бы не двое — мисс Кэти и слуга Джозеф. Полагаю, вы его там видели. Он всегда был и, пожалуй, до сих пор остается зануднейшим, лицемерным фарисеем, который копается в Библии, дабы выуживать для себя добрые пророчества, а на других насылать проклятия. Но своим умением читать мораль и рассуждать о божественном он исхитрился произвести на мистера Эрншо большое впечатление, и чем слабее становился хозяин, тем больше

власти над ним брал Джозеф. Он неустанно вел с мистером Эрншо душеспасительные беседы, твердил, что детей надлежит держать в строгости, потворствовал его мнению, что Хиндли — подлый негодяй, и каждый вечер, ворча, плел одну за другой истории, где чернил Хитклифа и Кэтрин. При этом он всегда потакал слабостям мистера Эрншо, а груз вины возлагал в основном на его дочку.

Спору нет, такого поведения, как у Кэтрин, я у других детей не видывала, она всех нас выводила из себя по пятьдесят раз на дню, а то и чаще. С того часа, как она спускалась утром из спальни, до часа, когда отправлялась в постель, не было ни единой минуты, чтобы она не озорничала. Кэти вечно бедокурила, рот у ней не закрывался — она то пела, то хохотала, то донимала всех, кто не хотел веселиться с нею вместе. Непослушная и своенравная девчонка, но у нее были такие ясные глазки, такая ласковая улыбка и самая легкая походка во всей округе! Да, в общем-то, она зла никому не желала. Если вам случалось хоть раз расплакаться из-за нее по-настоящему, она тут же принималась плакать за компанию, и вам приходилось забывать про свои слезы и утешать ее. Она была очень привязана к Хиткли-

фу. Самое суровое наказание, какое мы смогли придумать, — это не давать им вместе играть. Но ее и ругали за Хитклифа больше, чем любого из нас. В играх она ужасно любила вести себя, как маленькая хозяйка, распускать руки и отдавать приказы своим товарищам. Она попробовала такое со мной, однако ж я не собиралась терпеть ее властных замашек и рукоприкладства и дала ей это ясно понять.

Ну а мистер Эрншо не понимал детских шуток. Он всегда был с ребятами строг и серьезен, а Кэтрин, в свою очередь, никак не могла взять в толк, отчего отец, захворав, стал еще более нетерпимым и раздражительным, чем раньше, когда был в расцвете сил. Сварливые замечания папаши пробуждали в ней желание его дразнить просто из вредности. Как же ей нравилось, когда мы все вместе принимались ее отчитывать, а она никого не желала слушать и с вызовом нам дерзила. Она высмеивала богобоязненные проклятия Джозефа, подтрунивала надо мною и делала ровно то, что отец ненавидел более всего, — показывала ему, что ее притворное высокомерие, которое он воспринимал всерьез, имеет над Хитклифом больше власти, чем отцовская доброта. Будто мальчик во всем ее слушается, а

приемного отца послушается, если это совпадет с его собственным желанием! Целый день ведя себя так дурно, она вечером, бывало, приходила, ластясь, к отцу, желая помириться. «Нет, Кэти, — говорил старик, — не могу я тебя любить, ты еще хуже своего братца. Ступай, дитя, помолись и попроси у Бога прощения. Кажется, нам с матерью впору покаяться, что взрастили такого ребенка!» Поначалу от подобных слов Кэти плакала, но постепенно отцовское отторжение сделало и саму ее черствой, и, когда я говорила, что ей надобно признать свою вину и попросить прощения за свои проступки, она лишь смеялась.

Но однажды пришел час, который прекратил земные печали мистера Эрншо. Он умер октябрьским вечером, тихо сидя в кресле у камина. Сильный ветер выл за окном и гудел в трубе. Казалось, он буйствует, предвещая бурю, но холодно не было, и все домочадцы собрались вместе: я устроилась чуть поодаль от огня с вязаньем в руках, Джозеф за столом читал Библию (в те годы слуги после работы обычно сиживали в гостиной вместе с хозяевами); мисс Кэти нездоровилось, поэтому она вела себя смирно. Она прижалась к ногам отца, а Хитклиф лежал на полу, положив голову ей на колени. Помню, как хозяин, прежде

чем впасть в забытье, гладил ее прекрасные волосы — редко ему выпадала радость видеть дочь такой спокойной, — а потом сказал:

— Почему ты не можешь всегда быть послушной девочкой, Кэти?

Тогда она подняла к нему голову и со смехом спросила:

— А почему ты не можешь всегда быть хорошим человеком, папа?

Но, заметив, что он снова помрачнел, поцеловала отцу руку и сказала, что споет ему песенку, чтобы он быстрее уснул. Она запела очень тихо, и скоро его пальцы выскользнули из ее руки, а голова упала на грудь. Я попросила Кэти замолчать и не шевелиться, дабы не разбудить мистера Эрншо. Мы сидели тихо, как мыши, с добрых полчаса, и просидели бы еще дольше, если бы Джозеф, закончив читать главу, не поднялся с намерением разбудить хозяина для молитвы на ночь. Джозеф подошел и, дотронувшись до плеча мистера Эрншо, позвал его. Но хозяин не двигался, тогда Джозеф поднес к его лицу свечку и пригляделся. Я сразу поняла, что дело неладно, когда он поставил свечку и, взяв обоих детей за руки, шепотом велел им ступать наверх, не шуметь и сегодня вечером молиться одним — ему

надо кое-что сделать.

— Сначала я пожелаю папе спокойной ночи, — заявила Кэтрин и, прежде чем мы успели ее остановить, обхватила отца за шею. Бедняжка сразу поняла, что лишилась родителя, и закричала: — Ой, он умер! Хитклиф, он умер!

И оба они так безудержно зарыдали, что сердце у меня разрывалось их слушать.

Я тоже заплакала, горько и громко, но Джозеф спросил, с чего это мы так ревем над святым, который теперь в раю. Мне он велел надеть теплую накидку и бежать в Гиммертон за доктором и приходским священником. Я не понимала, какой прок сейчас от них обоих, однако отправилась туда, несмотря на ветер и дождь, и даже привела с собою одного из них — доктора. Пастор сказал, что явится утром. Оставив Джозефа объяснять доктору, что произошло, я побежала в детскую. Дверь была открыта. Дети, как я поняла, не ложились, хотя уже было за полночь, но они стали спокойнее, и мне не понадобилось их утешать. Они сами утешали друг друга такими словами, которые я бы никогда не придумала. Ни один священник в мире не изобразил бы рай небесный лучше, чем эти двое в своем невинном разговоре. Я же слушала, всхлипывая и мечтая, чтобы когда-

нибудь мы все очутились на небесах.

Глава 6

Мистер Хиндли приехал домой на похороны и, что поразило нас и вызвало пересуды всех окрестных соседей, привез с собой молодую жену. Кто она такая и откуда родом, он нам так и не сообщил. Скорее всего, она не могла похвастаться ни именем, ни состоянием, иначе он вряд ли скрывал бы свою женитьбу от отца.

Эта женщина не собиралась нарушать в доме покой. Как только она переступила наш порог, ей все пришлось по сердцу: и окружавшие ее вещи, и все наши порядки, кроме разве что приготовлений к похоронам и присутствия скорбящих. В этом вопросе она показалась мне глуповатой. Убежала в свою комнату, причем велела ее сопровождать, хотя мне следовало одевать детей. Там уселась, дрожа и сжимая руки, и без конца спрашивала: «Они уже ушли?» Потом стала в истерике описывать, какое жуткое впечатление на нее производит черный цвет, вздрагивала, тряслась и в конце концов расплакалась. Когда же я спросила, с чего это она, отвечала, что не знает наверное, просто очень боится смерти. По

моему разумению, смерть в ту пору ей грозила не больше, чем мне. Худенькая — это правда, но молодая, цвет лица здоровый, да и глазки сияли, как бриллианты. Хотя я заметила, что, когда она поднималась по лестнице, у нее случалась одышка, от внезапного шума она вся трепетала и временами мучительно кашляла. Но я не имела ни малейшего представления о том, что такие признаки могли предвещать, и потому сочувствия к ней не испытывала. Мы тут вообще не жалуем чужаков, мистер Локвуд, коли они сами первые не проявят к нам симпатии.

За три года отсутствия молодой Эрншо очень изменился. Он похудел, побледнел, говорил и одевался совсем не так, как раньше. В первый же день своего возвращения он распорядился, чтобы мы с Джозефом теперь сидели на кухне, а в «доме» расположится он сам. Надобно сказать, что он собирался застелить ковром и оклеить обоями маленькую нежилую комнату, превратив ее в гостиную, но его жене так понравились белые плиты пола и огромный, весело горящий камин, оловянные блюда и горка с голландским фаянсом, место для собак и, вообще, все просторное помещение «дома», где они проводили время, что молодой Эрншо решил, что для удобства жены не

стоит ничего переделывать, и отказался от своих намерений.

Еще ей было приятно среди прочих новых знакомств обрести золовку. И поначалу они вдвоем без конца о чем-то щебетали, миссис Эрншо целовала Кэтрин, возилась с нею и засыпала подарками. Но очень быстро ее привязанность поутихла, она принялась капризничать, а Хиндли превратился в самого что ни на есть деспота. Стоило жене выказать свое неудовольствие Хитклифом хотя бы в нескольких словах, как в Хиндли вскипала старая ненависть к мальчику. Молодой хозяин изгнал его к слугам, лишил уроков, что давал детям викарий, и заставил его вместо учебы трудиться на ферме наравне с другими работниками.

Сначала Хитклиф держался молодцом, потому что Кэти сама учила его всему тому, что узнавала на уроках, работала или играла вместе с ним в поле. Оба они обещали вырасти настоящими дикарями, ибо молодого хозяина вовсе не интересовало, как они себя ведут и чем занимаются, ну и они держались от него подальше. Он даже не следил, посещают ли дети церковь по воскресеньям, и только Джозеф да викарий порицали его за небрежение, когда детей не обнаруживалось

среди прихожан. В таких случаях Хиндли приказывал выпороть Хитклифа, а Кэтрин лишить обеда или ужина. Но больше всего ребята любили убежать с утра на вересковую пустошь и болтаться там целый день; над грозящим им наказанием они просто смеялись. Викарий мог задавать Кэтрин выучить наизусть столько глав, сколько душе его было угодно, а Джозеф мог пороть Хитклифа, пока рука не заболит, — все забывалось, стоило детям снова оказаться вместе, особенно если они задумывали какую-нибудь шалость или месть. И частенько вдали от посторонних глаз я плакала, видя, как с каждым божьим днем они становятся все отчаяннее, а я не осмеливалась ни полсловечка сказать, ибо боялась, что совсем потеряю то малое влияние, что еще имела на этих никому не нужных детей. Однажды воскресным вечером их выставили из гостиной за шумное поведение или за какой-то другой несерьезный проступок вроде этого, и, когда я пошла звать ребят к ужину, мне нигде не удалось их найти. Мы осмотрели весь дом — сперва наверху и внизу, потом двор и конюшню. Никого. В конце концов Хиндли в ярости велел нам запереть дверь и поклялся, что этой ночью они в дом не войдут. Все пошли спать, но я слишком волновалась, чтобы

лечь в постель. Вместо этого я открыла окно в своей комнате и, хотя шел дождь, выглянула наружу — вдруг увижу. Я твердо решила, что, несмотря на запрет, впущу их, если появятся. Через некоторое время до меня донеслись шаги — кто-то шел по дороге, и сквозь ворота замерцал огонек. Накинув на голову шаль, я побежала к двери, чтобы они не разбудили стуком мистера Эрншо. Передо мною стоял Хитклиф. Один. Я даже вздрогнула, когда увидела его без Кэтрин.

— Где мисс Кэтрин? — тут же воскликнула я. — Надеюсь, с ней ничего не случилось?

— Она в поместье «Дрозды», — ответил мальчик. — Я бы тоже сейчас там был, но эти невоспитанные люди не догадались предложить мне остаться.

— Ну и попадет же тебе на орехи! — сказала я. — Ты не успокоишься, пока не выполнишь задуманное. Зачем, бог ты мой, вы отправились в «Дрозды»?

— Дай мне сперва снять мокрую одежду, Нелли, а потом я тебе все расскажу, — ответил он.

Я предупредила, чтобы он не разбудил хозяина, и, пока Хитклиф переодевался, а я ждала, чтобы задуть свечу, он рассказывал:

— Мы с Кэти удрали через прачечную, чтобы

побродить на свободе. А когда увидели огоньки в поместье, решили пойти посмотреть, как младшие Линтоны проводят воскресные вечера. Может, тоже стоят, дрожа, в углу, пока их отец и мать сидят за столом, едят и пьют, поют и смеются, а огонь в камине такой жаркий, что больно глазам? Думаешь, так? А может, они читают проповеди или какой-то слуга наставляет их на путь истинный и требует затвердить длинный список библейских имен, если они дали ему неправильный ответ?

— Думаю, нет, — сказала я. — Они, без сомнения, хорошие дети и не заслуживают, как вы, наказаний за плохое поведение.

— Не будь ханжой, Нелли, — продолжал он. — Ерунда все это! Мы без остановки бежали от «Перевала» до парка «Дроздов», и Кэтрин совсем искромсала себе ноги, потому что была босиком. Тебе придется завтра поискать ее башмаки на пустоши. Мы пролезли через сломанную живую изгородь, почти на ощупь пробрались по дорожке к дому и остановились на клумбе под окном гостиной. Свет-то шел оттуда. Ставни хозяева не закрыли, а шторы были спущены только наполовину. Мы оба смогли заглянуть внутрь, потому что забрались на выступ цоколя и ухватились

за карниз. И знаешь, какую красоту мы увидели? Роскошную комнату с малиновым ковром, малиновой обивкой на стульях и малиновыми скатертями на столах. По ослепительно-белому потолку шла золотая каемка, в центре на серебряных цепях свисали стеклышки, похожие на капли дождя, а среди них мерцали приглушенным светом маленькие свечки. Старших Линтонов мы там не заметили, вся гостиная была в распоряжении Эдгара и его сестры. Разве не следовало им наслаждаться этаким счастьем? Мы бы с Кэти решили, что попали прямиком в рай небесный! А теперь скажи, что, по-твоему, делали эти «хорошие дети». Изабелла — ей, кажется, одиннадцать, она на год младше Кэти — валялась на полу в дальнем конце комнаты и вопила, повизгивая время от времени, будто ведьмы втыкали в нее раскаленные иглы. Эдгар стоял у камина и беззвучно лил слезы. А посреди стола сидел щенок, тряс лапкой и скулил, ибо, как мы поняли из их взаимных обвинений, они чуть не разорвали беднягу пополам. Вот ослы! Нашли себе развлечение — ссориться, кому первому держать этот теплый мохнатый комочек, а после каждый заревел, потому что, неудачно поборовшись за щенка, они оба уже не хотели его

брать. Мы в голос расхохотались, глядя на этих избалованных дурачков. Как мы их презирали! Ты когда-нибудь видела, чтобы я требовал себе то, что хочет Кэти? Или чтобы мы, оставшись вдвоем, для развлечения начали рыдать, вопить или кататься по полу в разных концах огромной комнаты? Ни за какие коврижки я не поменял бы свою жизнь здесь на жизнь Эдгара Линтона в поместье — даже если бы мне посчастливилось спихнуть Джозефа с самой высокой крыши и выкрасить фасад дома кровью Хиндли!

— Тише, тише! — прервала я его. — Ты мне так и не объяснил, почему Кэтрин осталась в «Дроздах».

— Я же сказал тебе, что мы расхохотались, — ответил Хитклиф. — Линтоны нас услышали и тут же стремглав бросились к двери. Сперва они молчали, но потом как заорут: «Ой, мама, мамочка! Ой, папа, папочка! Идите сюда! Ой, мамочка, папочка!» Так и вопили не замолкая. А мы нарочно принялись ужасно шуметь, чтоб испугать их еще сильнее, но потом спрыгнули с цоколя, потому что кто-то начал греметь засовами и мы поняли, что пора удирать. Я схватил Кэти за руку и потащил за собой, но она вдруг упала. «Беги, Хитклиф, беги! — прошептала она. — Они спустили бульдо-

га, и он меня схватил!» Этот дьявол вцепился ей в лодыжку, Нелли, я слышал его омерзительное сопение. Но Кэти даже не пикнула — нет! Она презирает трусость и не заплакала бы, даже если бы ее подняла на рога бешеная корова. Но я не молчал. Я обрушил ему на голову все ругательства, которые могли бы уничтожить любого черта в христианском мире, потом подобрал камень, сунул собаке в пасть и стал пихать его что есть силы в ее поганую глотку. Наконец явился с фонарем мерзавец-слуга и закричал: «Держи вора, Зверобой! Держи вора!» Правда, увидев, какую добычу поймал Зверобой, он сменил тон. Пса оттащили. Его огромный лиловый язык вывалился изо рта на полфута, а с отвислых брылей стекала кровавая слюна. Слуга поднял Кэти. Ей было плохо, но не от страха, это уж точно, а от боли. Ее понесли в дом, я пошел следом и все бормотал проклятия и говорил, что отомщу им. «Какая у нас добыча, Роберт?» — крикнул Линтон с порога. «Зверобой поймал девчонку, сэр, — отвечал тот. — С ней еще парень, — добавил он, схватив меня, — с виду из самых отъявленных. Видать, грабители думали подсадить их в окно, чтобы те им двери открыли, когда все в доме уснут, — так им легче было бы всех нас перерезать. Закрой рот

и не сквернословь, ты, ворюга! Тебя за это на виселице вздернут. Мистер Линтон, сэр, не опускайте ружье!» — «Нет-нет, Роберт, не опущу, — сказал старый дурак. — Негодяи знали, что вчера я получил плату от арендаторов. Захотели по-умному дело обделать. Веди их в дом. Уж я им устрою прием! Так, Джон, закрой дверь на цепочку. Дай Зверобою пить, Дженни. Напасть на судью в его же собственной твердыне! Да еще в воскресный день! До какой наглости надо дойти! О, Мэри, дорогая, взгляни-ка! Не бойся, это всего лишь мальчишка, хотя и набычился, как и подобает негодяю. Разве не будет благом для страны повесить его сразу, без проволочек, пока его натура не проявилась в деяниях, как она уже выказала себя в чертах его лица?» Он выволок меня под самую люстру, а миссис Линтон нацепила на нос очки и в ужасе воздела руки к небу. Трусливые детки Линтонов тоже подобрались поближе. Изабелла лепетала: «Какой страшный! Посади его в погреб, папочка. Он в точности как сын гадалки, который украл моего ручного фазана. Правда, Эдгар?»

Пока они меня разглядывали, подошла Кэти. Она услышала последние слова Линтона и рассмеялась. Эдгар Линтон вгляделся в нее повнимательнее и, собравшись с мыслишками,

сообразил, кто она такая. Они же видят нас в церкви, понимаешь, хотя в других местах мы почти не встречаемся.

— Это мисс Эрншо, — прошептал он матери. — Посмотри, как ее укусил Зверобой — кровь из ноги так и льет!

— Мисс Эрншо? Чепуха! — воскликнула его мать. — Чтобы мисс Эрншо рыскала по округе с цыганом! Однако, дорогой, на ней траурное платье. Право же, так и есть. И ведь она может на всю жизнь остаться хромой!

— Небрежение ее брата заслуживает всяческого порицания! — воскликнул мистер Линтон, отвернувшись от меня и поворотившись к Кэтрин. — Как я узнал от Шильдерса (это викарий, сэр), он отнюдь не мешает ей расти настоящей язычницей. Однако кто это такой? Где она нашла такого дружка? Ах да! Это, видать, то самое удивительное приобретение моего покойного соседа, сделанное в Ливерпуле, — маленький индиец с заморского корабля, а может, брошенный на берегу американец или испанец.

— В любом случае скверный мальчишка, — заметила пожилая дама. — И ему не место в приличном доме! Вспомни, Линтон, какие он произносил слова? Страшно подумать, что мои

дети могли их услышать!

Тогда я снова начал ругаться — не злись, Нелли, — поэтому Роберту приказали меня выгнать. Без Кэти я уходить отказался. Но Роберт выволок меня в сад, сунул в руку фонарь, пригрозил, что мистеру Эрншо непременно сообщат о моем поведении, и, велев идти домой и не сворачивать, вновь запер дверь. Шторы на окне все еще были приподняты с одного конца, и я опять заступил на свой наблюдательный пост, ибо, если бы Кэтрин захотела вернуться, а ее бы не выпустили, я бы разбил их огромные окна на миллион мелких осколков. Кэти тихонько сидела на диване. Миссис Линтон сняла с нее серый плащ молочницы, который мы позаимствовали для нашей прогулки, и, как мне показалось, увещевала ее, качая головою. Все-таки она молодая леди, и к ней у Линтонов отношение не то, что ко мне. Затем служанка принесла таз с теплой водой и вымыла Кэти ноги. Мистер Линтон приготовил для нее бокал глинтвейна, а Изабелла принесла и вывалила ей на колени тарелку кексов. Поодаль с разинутым ртом стоял Эдгар. А после они высушили и расчесали ее прекрасные волосы, дали пару огромных домашних туфель и подкатили в кресле к огню. Когда я уходил, она была очень до-

вольная — делилась своим угощением со щенком и Зверобоем, которого ущипнула за нос, отчего в пустых голубых глазках Линтонов засветилось хоть какое-то подобие жизни — бледное отражение веселости милого личика Кэти. Мне было видно, что эти дуралеи ею восхищаются, ведь она неизмеримо выше их — да и кого угодно на всем белом свете, правда, Нелли?

— У этой истории еще будут последствия, каких ты и представить себе не можешь, — отвечала я, покрыв мальчика одеялом и потушив свечу. — Ты неисправим, Хитклиф. Мистер Хиндли наверняка перейдет к крайним мерам, это уж как пить дать.

Я оказалась права. Все обернулось гораздо хуже. Это злосчастное приключение привело Хиндли в бешенство. А на следующий день еще и мистер Линтон, чтобы наладить отношения, нанес нам визит и прочел молодому хозяину наставление по поводу того, как он управляет своим семейством, так что тот действительно задумался о происходящем. Хитклифа не выпороли, но ему было сказано, что, если он хоть одно словечко скажет мисс Кэтрин, его выдворят из дому. А миссис Эрншо следила, чтобы золовка, вернувшись домой, вела себя, как подобает. И добивалась она

этого не силой, а хитростью. Силой у нее ничего не вышло бы.

Глава 7

Кэти пробыла в поместье «Дрозды» пять недель — до Рождества. К возвращению домой ее лодыжка совсем зажила, а поведение стало более благопристойным. Миссис Эрншо частенько навещала золовку в «Дроздах», где и начала приводить в исполнение свой план по ее перевоспитанию, стараясь с помощью элегантных нарядов и лести выработать у Кэти чувство самоуважения. И девочка быстро клюнула на приманку. Поэтому вместо маленькой простоволосой дикарки, которая могла вприпрыжку вбежать к нам и, запыхавшись, броситься обнимать и теребить всех домочадцев, с красивого черного пони легко соскочила очень чинная барышня с каштановыми локонами, ниспадающими на плечи из-под бобровой шляпки с пером, в длинной амазонке, которую ей приходилось придерживать обеими руками, дабы плавно прошествовать в дом. Помогая ей слезть с пони, Хиндли радостно воскликнул:

— Подумать только, Кэти, ты стала просто красавицей! Прямо не узнать. Ты теперь настоящая

леди. Изабелле Линтон с нею не сравниться, правда, Франсес?

— У Изабеллы нет таких природных данных, — отвечала его жена. — Но Кэти следует следить за собою и не превратиться снова в дикарку. Эллен, помоги мисс Кэтрин распаковать вещи. Постой, дорогая, не то собьешь локоны. Дай я развяжу тебе шляпку.

Я помогла Кэти снять амазонку, и нашему взору открылись великолепное шелковое клетчатое платьице, белые панталончики и начищенные до блеска ботиночки. И хотя глаза Кэти загорелись от радости, когда собаки прибежали приветствовать свою хозяйку, она едва коснулась их, ибо боялась, что, ласкаясь, они испачкают ее роскошный наряд. Меня она поцеловала с нежностью. Я была вся в муке, потому что пекла рождественский пирог, так что обнимать меня, конечно, не стоило. Затем мисс Кэти огляделась, ища глазами Хитклифа. Миссис и мистер Эрншо с волнением ожидали их встречи, полагая, что по их лицам хотя бы приблизительно определят, удастся ли им разлучить двух закадычных друзей.

Поначалу Хитклифа разыскать не смогли. Коли уж он был неприглядным и неухоженным до всей этой истории, то теперь стал в десять раз хуже.

Никто, кроме меня, не заботился о нем, не корил за неряшливость, не просил умыться хотя бы раз в неделю, а ведь дети в таком возрасте не испытывают естественной надобности в мыле и воде. Потому одежду он, не снимая, носил три месяца, работая в пыли и грязи, а его густые нечесаные волосы, лицо и руки были покрыты отвратительным серым налетом. Неудивительно, что он спрятался за спинкой скамьи, увидев, как в дом вместо девчонки-сорвиголовы, которую он ожидал встретить, вошла прекрасная, элегантная барышня.

— А что, разве Хитклифа нет дома? — спросила Кэти, сняв перчатки и обнажив на удивление белые пальчики — следствие праздности и долгого пребывания в закрытом помещении.

— Хитклиф, можешь подойти! — позвал мистер Хиндли, предвкушая смущение мальчика и радуясь, что тому придется предстать перед Кэти в столь отвратительном виде. — Можешь подойти и поздороваться с мисс Кэти, как другие слуги.

Кэти, заметив своего друга, спрятавшегося за скамьей, бросилась к нему, намереваясь обнять. В одно мгновение она поцеловала его в щеку раз семь или восемь, но вдруг остановилась и, отпрянув, расхохоталась:

— Ой, какой же ты чумазый и сердитый! И какой… какой смешной и хмурый! Это, должно быть, оттого, что я привыкла к обществу Эдгара и Изабеллы Линтон. Ну, Хитклиф, неужто ты меня совсем позабыл?

Для такого вопроса у нее были все основания, ибо от стыда и уязвленного самолюбия Хитклиф насупился и стоял как каменный.

— Пожми мисс Кэти руку, Хитклиф, — снисходительно произнес мистер Эрншо. — Один раз можно.

— Не буду, — ответил мальчик, наконец обретя дар речи. — Я не позволю над собой насмехаться. Я этого не допущу!

И он бы убежал от нас, если бы мисс Кэти не схватила его снова.

— Я вовсе не собиралась над тобою смеяться, — сказала она. — Просто не удержалась. Хитклиф, давай наконец поздороваемся! С чего ты так надулся? Просто ты нелепо выглядишь. Вымой лицо и причешись — и все будет в порядке. Ну какой же ты грязный!

Она озабоченно посмотрела на покрытые грязью пальцы, которые держала в руке, а потом перевела взгляд на свое платье, испугавшись, что оно вряд ли стало красивее от соприкосновения с

одеждой Хитклифа.

— Не надо было меня трогать, — сказал он, проследив за ее взглядом и вырвав руку. — Хочу быть грязным — и буду! И ничего вы со мной не сделаете!

С этими словами он выскочил из комнаты под дружный хохот хозяина и хозяйки, однако Кэтрин действительно расстроилась, ибо не понимала, отчего ее замечание вызвало такую бурю негодования.

После того как я исполнила роль горничной при новой госпоже, поставила кексы в печь, развела жаркий огонь, который, как полагается в сочельник, живо заиграл и в «доме», и на кухне, мне захотелось наконец сесть, чтобы в одиночестве для собственного удовольствия спеть рождественские гимны, хотя Джозеф уверял, что те веселые мелодии, которые я выбирала, подозрительно похожи на легкомысленные мирские песенки. Сам он удалился к себе с намерением помолиться, а миссис и мистер Эрншо развлекали молодую мисс разными милыми безделушками, которые были куплены в подарок Линтонам в знак благодарности за их доброту. Хозяева пригласили Линтонов провести следующий день в «Грозовом перевале», и приглашение было при-

нято с одной оговоркой. Миссис Линтон просила, чтобы «этого непослушного мальчика, который говорит нехорошие слова» не подпускали к ее дорогим деткам.

Итак, я осталась одна. Вдыхала богатый аромат специй, наслаждалась блеском начищенных кастрюль, полированными часами с украшением из остролиста, серебряными кружками, расставленными на подносе и ждущими, когда их наполнят к ужину подогретым элем с пряностями, но более всего — идеально чистым полом, предметом моей особой гордости, который я как следует отдраила и подмела. Про себя я поаплодировала каждой вещи и вспомнила, как старый Эрншо, бывало, приходил в Рождество на кухню, когда все уже сияло чистотой, звал меня милой девочкой и в подарок совал мне в руку шиллинг; и сразу же подумала о том, как он был привязан к Хитклифу и боялся, что, когда смерть заберет его, мальчик будет заброшен. Эти воспоминания, естественно, привели меня к размышлениям о тех обстоятельствах, в которых нынче оказался бедный парнишка, и вместо того, чтобы запеть, я принялась плакать. Впрочем, вскоре я сообразила, что будет больше толка, если я перестану попусту лить слезы и попытаюсь что-нибудь для

него сделать. Я встала и отправилась на двор искать Хитклифа. Далеко идти не пришлось. Он, как было ныне заведено, чистил на конюшне лоснящиеся бока нового пони и задавал корм другим животным.

— Поторопись, Хитклиф! — сказала я. — На кухне теперь очень хорошо, да и Джозеф ушел наверх. Поторопись, я тебя приодену к приходу мисс Кэти. Прежде чем лечь спать, вы сможете вместе посидеть у очага и вдоволь наговориться.

Хитклиф продолжал заниматься своим делом и даже не повернул голову в мою сторону.

— Идем же! Пойдешь ты или нет? — продолжала я. — Для каждого из вас у меня есть маленький кекс. А тебе хватит и полчаса, чтоб нарядиться.

Я подождала пять минут, но так и ушла, не получив ответа. Кэтрин ужинала с братом и невесткой, а мы с Джозефом вдвоем принялись за невеселую трапезу, приправив ее попреками с одной стороны, и дерзостью — с другой. Кекс и сыр Хитклифа всю ночь пролежали нетронутые на столе, будто угощение для фей. Мальчик продолжал работать до девяти часов, а потом, молчаливый и угрюмый, скрылся в своей комнате. Кэти долго не ложилась, ей нужно было сделать тысячу распоряжений для приема сво-

их новых друзей. Однажды она заглянула на кухню поговорить со старым товарищем, но там его не оказалось. Кэти спросила меня, что с ним случилось, а после вернулась в гостиную. Утром Хитклиф встал рано и, поскольку день был праздничный, ушел в дурном расположении духа бродить по вересковым полям и так и не появился в доме, пока все семейство не отбыло в церковь. Пост и раздумья как будто благотворно повлияли на его настроение. Он немного покрутился вокруг меня и наконец, собравшись с духом, решительно произнес:

— Нелли, приведи меня в порядок, я хочу быть хорошим.

— Давно пора, Хитклиф, — ответила я. — Ты очень расстроил Кэтрин! По-моему, она даже пожалела, что вообще вернулась домой. Такое впечатление, что ты ей завидуешь, потому что о ней больше заботятся, чем о тебе.

Сама мысль о том, что он станет *завидовать* Кэтрин, не умещалась у него в голове, но зато он прекрасно понял, что огорчил девочку.

— Она сказала, что огорчилась? — серьезным тоном спросил он.

— Она заплакала, когда я ей сказала, что сегодня утром ты опять убежал.

— Так ведь и я тоже плакал вчера ночью, — проговорил он. — Но у меня на то было больше причин.

— Да, у тебя была причина ложиться спать на пустой желудок и с гордыней в сердце. Гордые люди сами вскармливают свою скорбь. Но раз уж тебе стыдно за свою обидчивость, надобно попросить у Кэти прощения. Когда она вернется, пойди наверх и скажи, что хочешь ее поцеловать, — ты сам знаешь, какие слова здесь подойдут, только сделай это от чистого сердца, а не так, словно из-за красивого платья она стала для тебя чужой. А теперь, хотя мне пора готовить обед, я выкрою часок и придам тебе подобающий вид — тогда Эдгар Линтон рядом с тобой будет выглядеть глупой куклой, да такой он и есть! Хоть ты и моложе, но, поверь мне, ты выше и шире в плечах, так что мог бы в два счета уложить его на обе лопатки. Сам разве не видишь?

Лицо Хитклифа на мгновение просветлело, но тут же вновь омрачилось.

— Но, Нелли, — вздохнул он, — уложи я его на лопатки хоть двадцать раз, от этого у него красоты не убавится, а у меня не прибавится. Вот бы у меня были светлые волосы и белая кожа, и хорошо бы мне одеваться и вести себя, как он,

да еще стать когда-нибудь таким же богатым, каким будет он.

— …и чуть что, звать на помощь мамочку, — продолжила я. — Трястись от страха, если деревенский парень покажет тебе кулак, и сидеть целый день дома, если на дворе дождик. Ох, Хитклиф, что-то ты пал духом! Подойди к зеркалу, и я покажу тебе, к чему до́лжно тебе стремиться. Видишь эти две линии, что пролегли у тебя на переносье, и эти густые брови? Вместо того чтобы подняться полукружием, они вечно хмурятся. А два черных бесенка так глубоко посажены, что никогда не открывают смело своих окон, а прячут блеск свой, точно шпионы дьявола. Тебе лишь стоит захотеть перемениться и уметь разглаживать хмурые морщинки, широко раскрывать глаза с искренним чувством, и тогда вместо бесенят появятся доверчивые, невинные ангелы, чуждые подозрениям и сомнениям и всегда видящие друзей там, где нет врагов. Не становись похожим на злобного щенка, который вроде бы понимает, что получил пинок по заслугам, но все равно ненавидит того, кто его пнул, а заодно и весь мир.

— Другими словами, мне надо желать заполучить большие голубые глаза и гладкий лоб

Линтона, — ответил Хитклиф. — Так я желаю. Только это не поможет.

— Доброе сердце сделает твое лицо красивым, мой мальчик, — продолжала я, — даже будь ты арапчонком. А дурное и первого красавца превратит в урода. Вот сейчас, когда ты умыт, причесан и перестал дуться, признайся, разве ты не хорош собою? Скажу тебе прямо — хорош! Ну чисто переодетый принц. Кто знает? Может, твой отец был китайским императором, а мать индийской царицей, и каждый из них за свой недельный доход купил бы все «Грозовые перевалы», и «Дрозды» в придачу? Но тебя похитили злобные матросы и привезли в Англию. На твоем месте я придумала бы легенду о своем высоком происхождении, и мысль о том, кто я на самом деле, придала бы мне мужества и достоинства, чтобы устоять перед притеснениями жалкого фермера!

Так я говорила, и Хитклиф постепенно перестал хмуриться и даже стал вполне симпатичным, как вдруг нашу беседу прервал стук колес, сначала доносившийся с дороги, а потом и со двора. Мальчик подбежал к окну, а я к двери как раз вовремя, чтобы увидеть обоих Линтонов, которые вылезали из семейного экипажа, укутанные в плащи и меха, и всех Эрншо, спешивающихся у входа.

Зимой они частенько ездили в церковь верхами. Кэтрин взяла обоих детей за руки, повела в дом и усадила у огня, отчего их бледные лица сразу порозовели.

Я посоветовала своему дружку не мешкать и выказать им доброе расположение, на что тот охотно согласился, но ему вновь не повезло — как только он открыл дверь, ведущую из кухни, Хиндли открыл ту же дверь с другой стороны. Они столкнулись, и хозяин, раздосадованный при виде столь чистого и веселого мальчика, а быть может, желая выполнить обещание, данное им миссис Линтон, силой впихнул его обратно в кухню и зло велел Джозефу «не пускать этого парня в комнату и отправить на чердак до конца обеда. Не то он будет хватать руками фруктовые пирожные и красть фрукты, если хоть на минуту его оставить без присмотра».

— Нет, сэр, — не выдержала я, — ничего он не станет трогать, ничего! И, по-моему, он имеет право получить свою долю сладостей, как все мы.

— Он получит свою долю розог, если я поймаю его внизу до темноты, — пригрозил Хиндли. — Убирайся, бродяга! Это еще что? Вздумал причесываться? Погоди, вот доберусь я до твоих прелестных локонов и вытяну их чуть длиннее!

— Они уж и так длинные, — заметил юный Линтон, заглянув в дверь. — И как у него от них голова не болит? Точно жеребячья грива — свисают прямо на глаза.

В его словах не было намерения оскорбить, но бешеная природа Хитклифа не позволила ему безропотно снести кажущуюся дерзость от мальчика, коего он был готов ненавидеть, ибо уже тогда видел в нем соперника. Он схватил миску с горячим яблочным соусом — первое, что попалось под руку, — и швырнул прямо в обидчика, залив ему лицо и шею. Тот, ясное дело, заголосил, и на крик примчались Изабелла и Кэтрин. Мистер Эрншо тут же сгреб негодника в охапку и потащил в его комнату, где, конечно, применил самое жестокое средство, чтобы унять его злость, потому что потом вернулся к нам весь красный и тяжело дыша. Я совсем неласково вытирала Эдгару нос и рот посудным полотенцем, приговаривая, что так ему и надо, незачем было вмешиваться. Сестричка его тоже ныла и говорила, что хочет домой. А Кэти стояла в смущении, краснея за всех.

— Тебе не следовало с ним разговаривать! — сказала она молодому Линтону. — Он был в плохом настроении. Мало того что ты испортил

праздник себе, так еще и его выпорют. Я даже не могу об этом думать! Мне и обедать уже не хочется. Ну зачем только, Эдгар, ты с ним заговорил?

— Я не говорил с ним, — всхлипывал мальчик, вырвавшись из моих рук и завершив свой туалет с помощью собственного батистового платочка. — Я обещал мамочке, что не скажу ему ни слова, и не сказал.

— Ладно, не плачь, — презрительно отозвалась Кэтрин. — Тебя не убили. Иначе будет еще хуже. Мой брат возвращается. Тише! Помолчи, Изабелла. Уж *тебя*-то никто не обидел!

— Так, так, дети, садимся за стол! — позвал Хиндли, торопливо входя на кухню. — Этот подлый мальчишка помог мне здорово согреться. В следующий раз, мистер Линтон, можете пустить в ход кулаки — это прибавит вам аппетита!

От запаха и вида вкусных угощений на столе настроение у хозяев и гостей заметно улучшилось. После поездки в церковь все проголодались и легко позабыли о неприятном эпизоде, тем более что ни с кем из них ничего по-настоящему плохого не приключилось. Мистер Эрншо нарезал рождественского гуся большими ломтями и разложил по тарелкам, а юная хозяйка стала развлекать гостей веселой беседой. Я прислужи-

вала за столом и стояла позади Кэтрин, и больно было мне видеть, как она без единой слезинки, с безразличным видом принялась за лежавшее перед ней гусиное крылышко. «Бесчувственный ребенок, — подумала я, — как легко она прогнала мысли о бедах бывшего своего товарища. Кто бы мог подумать, что она станет такой жестокосердной!» Кэтрин поднесла кусок к губам, но потом положила его обратно на тарелку; щеки ее покраснели, и по ним покатились слезы. Она нарочно уронила вилку на пол, чтобы быстренько нырнуть под скатерть, скрыв тем самым свои переживания. Недолго мне пришлось считать ее бесчувственной, ибо я поняла, что она весь день была как в аду, изнывала от невозможности остаться одной или пробраться к Хитклифу, которого заперли по приказу хозяина. Как я выяснила, она хотела потихоньку принести ему хоть что-нибудь с рождественского стола.

Вечером были устроены танцы. Кэти просила, чтобы мальчика выпустили, поскольку у Изабеллы Линтон не было партнера. Но из ее заступничества ничего не вышло. Кавалером назначили меня. И в радостном возбуждении от танцев мы позабыли обо всех невзгодах, тем более что из Гиммертона приехал целый оркестр

— пятнадцать музыкантов с трубой, тромбоном, кларнетами, фаготами, валторнами и виолончелью, да еще певцы. Каждое Рождество они обходят все уважаемые дома в округе и за свои выступления получают награду. Для нас же было наивысшим удовольствием их послушать. После традиционных рождественских песнопений мы попросили их спеть наши обычные песни — и под музыку, и без нее, разложив на несколько голосов. Музыканты старались вовсю, и миссис Эрншо очень понравилось.

Кэтрин тоже была довольна, но сказала, что музыку лучше слушать с высоты, и поднялась по лестнице на скрытую в тени площадку. Я пошла за ней. Дверь внизу хозяева закрыли, не заметив нашего отсутствия — там было полно народу. Однако на лестничной площадке Кэтрин не задержалась, а полезла дальше, на чердак, где сидел запертый Хитклиф, и стала его звать. Некоторое время он упрямо молчал, но она упрашивала и в конце концов убедила ответить ей через дощатую стенку. Я не стала мешать бедняжкам, но, когда песни внизу стали стихать, а певцы перешли к закускам, я тоже поднялась по приставной лесенке, чтобы предупредить девочку. Однако Кэтрин снаружи уже не оказалось, ее голос звучал

изнутри. Эта обезьянка пролезла сквозь слуховое окно одного чердачного отсека, пробралась по крыше до другого и через второе чердачное окно проникла внутрь. Чего мне стоило уговорить ее вернуться! Когда она все-таки выбралась с чердака, с нею был Хитклиф, и она настояла, чтобы я отвела его на кухню, благо Джозеф ушел к соседу, не желая осквернять свой слух дьявольскими песнопениями, как он предпочитал называть наши песни. Я сказала детям, что не собираюсь поощрять их проказы, но, поскольку пленник ничего не ел со вчерашнего обеда, закрою глаза, если он разок обманет мистера Хиндли. Хитклиф спустился вниз, я поставила ему табурет поближе к огню и принесла много вкусного. Но от побоев его тошнило, так что он поел совсем чуть-чуть, а мои попытки его развеселить были отвергнуты. Упершись локтями в колени и обхватив руками подбородок, он сидел в немом размышлении. Когда же я спросила, о чем он задумался, мрачно ответил:

— Пытаюсь решить, как отплатить Хиндли. Мне все равно, сколько придется ждать, лишь бы отомстить. Надеюсь, он не помрет раньше срока.

— Стыдись, Хитклиф! — сказала я. — Дурных людей наказывает Господь, а мы должны на-

учиться прощать.

— Нет, бог не получит такого удовольствия, как я, — ответил он. — Главное — придумать наилучший способ. Оставь меня, и я намечу план мести; мне не так больно, когда я об этом думаю.

Но, мистер Локвуд, я заболталась, а россказни мои, наверное, не так уж интересны. Мне неловко, что я все говорю-говорю, а каша ваша остыла, да и сами вы клюете носом — пора вам спать! Про Хитклифа я могла бы поведать — все самое важное — в нескольких словах.

Так, прервав себя, ключница поднялась и уже готова была отложить шитье, но я чувствовал, что не в состоянии отойти от очага, да и спать мне совсем не хотелось.

— Не уходите, миссис Дин! — воскликнул я. — Посидите еще полчасика. Вы правильно сделали, что, не торопясь, рассказали мне эту историю; именно такие истории мне нравятся. И закончить ее надо в том же ключе. Мне интересен каждый герой вашей повести — в большей или меньшей мере.

— Часы вот-вот пробьют одиннадцать, сэр.

— Неважно. Я не из тех, кто ложится спать до полуночи. Вот в час или в два ночи — это по мне, тем более что встаю я в десять.

— Не советую вам вставать в десять, сэр. Вы пропускаете самые лучшие утренние часы. Человек, не сделавший половину дневной работы к десяти утра, рискует вовсе не справиться со второй половиной.

— И все-таки, миссис Дин, сядьте, потому что я намереваюсь продлить ночь до полудня. Боюсь, завтра меня удержит в постели тяжелая простуда или, не дай бог, что-нибудь похуже.

— Надеюсь, что нет, сэр. Позвольте мне перескочить через три года. За это время миссис Эрншо…

— Нет-нет, ничего подобного я не позволю. Вам знакомо такое настроение, когда вы сидите в одиночестве, на коврике перед вами кошка вылизывает котенка, а вы столь внимательно следите за ее движениями, что, пропусти она хотя бы одно ушко, вы по-настоящему расстроитесь?

— Это ужасная лень, сэр.

— Наоборот, изнуряющая деятельность. Именно таков я сейчас, так что продолжайте ваш рассказ во всех деталях. Думается мне, что люди в ваших краях приобретают по сравнению с горожанами такую же ценность, какой становится паук в тюрьме по сравнению с пауком в обычном доме — для обитателей этих жилищ. И

все же столь усиленное внимание к деталям не вполне зависит от занимаемого наблюдателем положения в обществе. Здесь люди серьезнее, живут, сообразуясь со своим внутренним миром, в них меньше поверхностного, переменчивого, легкомысленного и наносного. По-моему, любовь к жизни в ваших краях почти достижима, хотя прежде я был убежден, что никакая любовь не может длиться более года. Бывает такое состояние, когда голодный человек вынужден есть единственное блюдо, получая удовольствие лишь от него и оценивая достоинства только его; бывает и другое — когда человека этого посадили за стол, накрытый яствами от французских кулинаров. Возможно, все деликатесы вместе и покажутся ему чрезвычайно вкусными, но каждый из них окажется в его восприятии и в памяти лишь безликой частичкой целого.

— Стоит вам узнать нас поближе, и вы поймете, что мы здесь точно такие же, как везде, — заметила миссис Дин, озадаченная моею тирадою.

— Простите меня, — ответил я, — но вы, мой добрый друг, как раз являете собою пример, противоположный вашему утверждению. За исключением нескольких провинциальных словечек, не имеющих особого значения, у вас

в речи и манерах нет никаких признаков того, что, по моим соображениям, присуще людям вашего сословия. Уверен, вам приходилось размышлять гораздо больше, чем другим слугам. Вы были вынуждены развивать свои мыслительные способности, ибо у вас не было возможности растрачивать свою жизнь на глупые пустяки.

Миссис Дин рассмеялась.

— Конечно, я считаю себя уравновешенной и разумной, — сказала она, — но не только потому, что живу среди холмов и из года в год наблюдаю одни и те же лица и одни и те же события. Я приучила себя к порядку, благодаря чему стала мудрее. К тому же я прочитала столько, что вы не поверите, мистер Локвуд. В здешней библиотеке нет ни одной книги, в которую я бы не заглянула и из которой не почерпнула что-то важное, кроме разве что латинских и греческих книг, да еще французских; но я могу отличить их друг от друга. От дочери бедняка нельзя ожидать большего. Однако если мне придется продолжить свой рассказ в манере досужих кумушек, вместо того чтобы пропустить три года, я с удовольствием поведаю вам о следующем лете. Рассказ пойдет о лете 1778 года, то бишь о том, что случилось двадцать три года назад.

Глава 8

Утром погожего июньского дня родился мой первый воспитанник — крепкий малыш, последний из древнего рода Эрншо. Мы сгребали сено на дальнем поле, когда вдруг увидели, как девочка, которая обычно приносила нам завтрак, бежит к нам сначала по лугу, потом по тропинке и по пути кличет меня.

— Ой, какое хорошенькое дитятко! — запыхавшись, выпалила она. — Свет не видывал такого красавчика! Только вот хозяйке недолго осталось. Доктор говорит, у нее уж давно чахотка. Я сама слыхала, как он сказал про это мистеру Хиндли. А теперича ее жизнь уж некому поддерживать; стало быть, до зимы она не доживет. Вы должны сейчас же идти домой, Нелли. Будете его нянчить, кормить молоком с сахаром, заботиться о нем днем и ночью. Вот бы мне так! Ведь он будет весь ваш, когда хозяйка помрет!

— Но разве хозяйка и правда так сильно больна? — спросила я, бросив на землю грабли и завязывая ленточки чепца.

— Похоже, что да, но с виду бодрая, — ответи-

ла девочка. — Послушать ее, так кажется, она собралась дожидаться, когда малыш вырастет. Совсем плохо соображает от радости, он же такой хорошенький! На ее месте я бы не умирала, я бы поправилась от одного его вида, несмотря на все, что наговорил Кеннет. До чего же я на него разозлилась! Повитуха миссис Арчер принесла нашего херувимчика хозяину в «дом», и лицо у того прямо засияло, но тут выходит этот старый зануда доктор и говорит: «Эрншо, благодарите бога, что супруга оставляет вам сына. Когда она сюда приехала, я был уверен, что недолго мы будем ее лицезреть, а нынче должен сказать вам, что зиму ей не пережить. Не мучайтесь и не волнуйтесь понапрасну — тут ничего не поделаешь. Да и к тому же, надо было вам крепко подумать, прежде чем брать в жены этакую хрупкую тростинку!»

— И что ответил хозяин? — спросила я.

— Кажется, выругался. Но мне до него не было дела, я во все глаза рассматривала дитё!

И она снова принялась с восторгом описывать младенца. Обрадованная не меньше ее, я поторопилась домой, чтобы тоже взглянуть на новорожденного, хотя очень жалела Хиндли.

В его сердце было место только для двух кумиров — жены и самого себя. Он нежно любил

обоих, но одного из них поистине боготворил, и я даже не могла вообразить, как он перенесет такую потерю. Когда мы добрались до «Грозового перевала», хозяин стоял у входной двери, и, проходя мимо него, я спросила:

— Как малыш?

— Скоро будет бегать, Нелл! — ответил он, изобразив на лице веселую улыбку.

— А как миссис Эрншо? — отважилась я на вопрос. — Доктор сказал, что она…

— К черту доктора! — прервал он меня, залившись краской. — Франсес чувствует себя прекрасно; ровно через неделю она будет абсолютно здорова. Ты идешь наверх? Будь добра, скажи ей, что я приду, если она пообещает не болтать. Я ушел, потому что она говорила без умолку, а ей надо молчать. Скажи, доктор Кеннет велел ей вести себя тихо.

Я передала миссис Эрншо просьбу Хиндли, но она, пребывая в радостном возбуждении, весело ответила:

— Да я и двух слов не сказала, Эллен, а он дважды выходил из комнаты, к тому же весь в слезах. Ну, хорошо, обещаю, что не буду разговаривать, но это не значит, что я обещаю над ним не смеяться.

Бедняжка! Жизнерадостность изменила ей лишь за неделю до смерти, а муж ее все время упрямо — нет, яростно — настаивал, что здоровье жены с каждым днем улучшается. Когда Кеннет сообщил хозяину, что на этой стадии болезни лечение более не оказывает никакого действия и нет нужды вводить его в новые расходы, Хиндли ответил:

— Я и так знаю, что нет нужды; она здорова — и ни к чему ей ваше лечение! У нее никогда не было чахотки. Был жар и прошел. Пульс у Франсес такой же ровный, как у меня. И лихорадочного румянца нет.

Жене он говорил то же самое, и, кажется, она ему верила. Но однажды вечером, когда она склонилась к нему на плечо и стала говорить, что завтра попытается встать с постели, у нее случился приступ кашля — совсем легкий. Хиндли поднял жену, она обвила его шею руками, и тут в лице ее что-то переменилось, и она умерла.

Как предсказала девочка, малыш Гэртон полностью перешел на мое попечение. Мистер Эрншо, видя, что мальчик здоров, и никогда не слыша его плача, был доволен — во всяком случае, доволен тем, что касалось младенца. Что же до самого хозяина, то он пребывал в отчаянии. Но его скорбь

не искала выхода в жалобах и сетованиях. Он не плакал и не молился. Он богохульствовал — осыпал проклятиями бога и людей, предавался безрассудному разгулу. Слуги не стали долго терпеть его гадкие, деспотичные замашки, и в доме остались только я и Джозеф. Я — потому что не могла покинуть своего подопечного, а кроме того, знаете, я ведь Хиндли молочная сестра, и мне было легче, чем людям посторонним, извинить его поведение. А Джозеф остался, чтобы стращать арендаторов и работников на ферме, и еще потому, что любит быть там, где много зла, а значит, можно донимать грешников упреками.

Дурная жизнь и дурная компания стали хорошеньким примером для Кэтрин и Хитклифа. Хиндли обращался с мальчиком так, что на его месте и святой сделался бы чертом. Но, честно говоря, мне казалось, что в то время парень и вправду был одержим чем-то дьявольским. Он со злорадством наблюдал, как Хиндли опускается все ниже, как далек он от покаяния, и с каждым днем сам становился все угрюмее и нелюдимее. Мне не хватит слов передать, какая адская атмосфера царила в доме. Викарий перестал у нас бывать, и в конце концов все приличные соседи обходили наш дом стороной, кроме разве что

Эдварда Линтона — он навещал мисс Кэти. В пятнадцать лет Кэти была королевой здешних мест, никто не мог с ней сравниться. Но сколь высокомерным и своенравным созданием она выросла! Признаюсь, она перестала мне нравиться, когда вышла из детского возраста, и я часто, к ее неудовольствию, пыталась унять ее заносчивость, однако должна сказать, что Кэти на меня не обижалась. У нее была удивительная способность не отступаться от старых привязанностей — даже Хитклиф оставался ей все так же дорог, как раньше, а молодой Линтон, при всем его превосходстве, едва ли мог произвести на нее такое же глубокое впечатление. Линтон — это мой покойный хозяин, вон над камином его портрет. Когда-то он висел с одной стороны, а портрет его жены — с другой. Но ее портрет сняли, иначе вы могли бы представить, какой она была. Вам видно?

Миссис Дин подняла свечу, и я различил лицо мужчины с нежными чертами, сильно напоминавшее ту молодую женщину, которую я встретил в «Грозовом перевале», но более задумчивое и приветливое. Приятное лицо. Длинные светлые волосы немного вились у висков, большие глаза смотрели серьезно, но изящества в фигуре, воз-

можно, было чуть больше, чем следовало. Я не удивился, что Кэтрин Эрншо предпочла такого человека своему первому другу. Удивительно было другое: как Линтону могла прийтись по душе Кэтрин Эрншо после того, что я о ней узнал?

— Очень хороший портрет, — сказал я. — Похож на оригинал?

— Да, — ответила она. — Но Линтон, когда оживлялся, был еще лучше. А таким, как на портрете, он бывал обыкновенно. Вообще, ему не хватало живости.

С тех пор как Кэтрин пять недель пробыла у Линтонов, она продолжала поддерживать с ними знакомство; но поскольку у нее не возникало соблазна демонстрировать в их обществе нелучшие свои стороны и хватало разумения воздерживаться от грубости там, где ее принимали с неизменной учтивостью, она без особого расчета расположила к себе пожилую чету своею редкою сердечностью, добилась восхищения Изабеллы и завоевала душу и сердце ее брата — победы, с самого начала ей льстившие, ибо Кэтрин была ужасно тщеславной. В результате в девушке словно поселились два человека, хотя никого обманывать она не собиралась. В доме, где Хитклифа при ней называли «юным

наглым грубияном» и «существом хуже животного», она старалась вести себя не так, как он, но в собственном доме она едва ли была склонна проявлять вежливость, которая все равно стала бы предметом для насмешек, или сдерживать свой неуправляемый характер, прекрасно понимая, что это не принесет ей ни уважения, ни похвалы.

Мистеру Эдварду нечасто хватало смелости открыто посещать «Грозовой перевал». Он испытывал ужас перед репутацией Эрншо и избегал с ним встречи, однако ж мы всегда принимали его со всею любезностью. Да и сам хозяин старался не обижать гостя, понимая, зачем тот приходит, и коли был не в состоянии проявлять учтивость, то держался от него подальше. Кэтрин же, как мне кажется, не слишком радовалась появлениям у нас Линтона. Она не умела хитрить, не любила кокетничать и явно не желала встреч двух своих друзей. Когда Хитклиф в присутствии Линтона выражал к нему презрение, она не поддакивала, как делала это в его отсутствие, а когда Линтон выказывал неприязнь и отвращение к Хитклифу, она не решалась оставлять его слова без внимания — делать вид, будто унижение товарища ее детских игр ее не заботит. Я частенько посмеива-

лась над этими затруднениями и невысказанной тревогой Кэти, хоть она и пыталась скрыть их, дабы избежать моих колкостей. Звучит не по-христиански, но ею так овладела гордыня, что я не могла сочувствовать ее горю, покуда она не смирится. В конце концов она все же доверилась мне и поделилась своими горестями. Не было больше на свете ни одной живой души, к которой она могла обратиться за советом.

Однажды мистер Хиндли куда-то ушел, и Хитклиф решил по этому случаю устроить себе праздник. Думаю, тогда ему уже исполнилось шестнадцать, и, хотя он не был ни уродом, ни глупцом, ухитрялся неизменно производить отталкивающее впечатление — и своим внешним видом, и внутренней сущностью, от чего в его теперешнем облике не осталось и следа. Прежде всего скажу, что к тому времени он утратил даже начатки своего образования. Беспрерывный тяжкий труд с раннего утра до позднего вечера лишил его любознательности и тяги к знаниям, которые были присущи ему ранее, любви к книгам и к учению. Детское чувство превосходства, сформировавшееся благодаря покровительству старого мистера Эрншо, ушло в прошлое. Долго он старался не отставать от Кэтрин в учебе, прилагая

все силы, однако был вынужден сдаться с немым, но горьким сожалением, и сдаться окончательно и бесповоротно, без всякого желания двигаться хоть немного вперед, когда понял, что неизбежно скатывается все ниже. Сему духовному упадку соответствовала теперь и его внешность. Походка стала тяжелой, неуклюжей и весь он приобрел вид простолюдина. Необщительный от природы, он сделался тупым и замкнутым и, как видно, получал мрачное удовольствие, когда редкие знакомые вместо уважения проявляли к нему неприязнь.

Но все же они с Кэтрин оставались, как прежде, друзьями и проводили время вместе, особенно когда у Хитклифа выдавался часок-другой отдыха; но он перестал выражать словами свое нежное к ней отношение и со злобной подозрительностью уклонялся от ее детских ласк, будучи уверенным, что в этих знаках внимания не может быть никакого истинного чувства. В тот день он пришел в «дом» и объявил о своем намерении бездельничать, а я как раз помогала мисс Кэти приводить в порядок платье. Она не ожидала, что Хитклифу придет в голову устроить себе выходной день, и, полагая, что весь дом будет в ее распоряжении, ухитрилась каким-то образом известить мистера

Эдгара об уходе брата и теперь собиралась принять своего знакомого.

— Кэти, ты сегодня занята? — спросил Хитклиф. — Куда-нибудь собираешься?

— Нет, дождь идет, — ответила она.

— Тогда зачем ты надела шелковое платье? Надеюсь, к нам никто не заявится?

— Насколько я знаю, нет, — запинаясь, проговорила мисс. — Но ты сейчас должен быть в поле, Хитклиф. Уже целый час прошел после обеда. Я думала, ты давно там.

— Хиндли не так часто освобождает нас от своего гнусного присутствия, — заметил мальчик. — Больше я сегодня работать не стану. Побуду с тобой.

— Но Джозеф наябедничает, — предположила Кэтрин. — Лучше бы тебе пойти.

— Джозеф грузит известняк на дальнем склоне Пенистон-Крэга, провозится там до темноты, так что ничего не узнает.

С этими словами он вразвалку подошел к огню и сел. Нахмурив брови, Кэтрин на мгновение задумалась — надобно было как-то предварить появление гостя.

— Изабелла и Эдгар Линтон говорили, что, возможно, сегодня заглянут, — сообщила она после

минутного молчания. — Правда, идет дождь, поэтому я их не очень-то жду. Но они могут приехать, и тогда ты рискуешь ни за что ни про что получить нагоняй.

— Вели Эллен сказать им, что ты занята, Кэти, — настаивал он. — Не прогоняй меня из-за этих твоих ничтожных и глупых друзей! Иногда я почти готов пожаловаться, что они… Но нет, не буду.

— Что они… что? — воскликнула Кэтрин, глядя на него с раздражением. — Ах, Нелли! — капризным тоном добавила она, отклонив голову от моих рук. — Ты так расчесала мне волосы, что локонов совсем не видно. Хватит, оставь меня. На что это ты готов пожаловаться, Хитклиф?

— Ни на что. Только взгляни на календарь на стене. — Он показал на висевший у окна листок в рамке и продолжал: — Крестиком обозначены вечера, которые ты провела с Линтонами, а точками — те, что со мной. Видишь? Я отметил каждый день.

— Вижу. Очень глупо. Какое мне до этого дело! — ответила Кэтрин с досадой. — В чем тут смысл?

— Чтобы показать, что мне есть до этого дело, — ответил Хитклиф.

— Так что же, мне надо все время сидеть с тобой? — все более раздражаясь, воскликнула она. — А что проку? О чем мы говорим? С таким же успехом я могла бы разговаривать с немым или с младенцем. Что бы ты ни говорил и что бы ни делал — меня это не развлекает!

— Раньше ты никогда не жаловалась, что я мало говорю или что тебе неприятно мое общество, Кэти! — в сильном волнении произнес Хитклиф.

— Это вообще не общество, когда человек ничего не знает и ничего не говорит, — пробормотала Кэтрин.

Ее товарищ поднялся, но так и не смог выразить своих чувств, ибо в тот момент послышался стук копыт по мощеной дорожке. Тихонько постучав, вошел молодой Линтон с сияющим от радости лицом — ведь он получил неожиданное приглашение в гости. Без сомнения, Кэтрин отметила разницу между своими друзьями, когда один входил, а другой выходил из комнаты. Такой контраст возникает, когда с блеклых холмов угольных шахт вдруг попадаешь в цветущую плодородную долину. Голос и манера Линтона были столь же отличны, как и выражение его лица. Тон его был тих и приятен, и слова он произносил, как вы — мягко и не так хрипло, как привыкли

мы, местные жители.

— Я не слишком рано? — спросил он, бросив взгляд на меня. Я как раз взялась протирать блюда и наводить порядок на самых дальних полках посудного шкафа.

— Нет, — ответила Кэтрин. — Что ты там делаешь, Нелли?

— Работаю, мисс, — сказала я. Мистер Хиндли распорядился, чтобы я всегда присутствовала третьей, если Линтон явится с визитом к Кэтрин.

Подойдя ко мне сзади, она прошипела:

— Убирайся и забери с собой свои тряпки. Когда в дом приходят гости, слуги при них не скоблят и не моют.

— Но пока хозяина нет, я хочу воспользоваться случаем, — отвечала я громко. — Он не любит, когда я вожусь с посудой в его присутствии. Не сомневаюсь, что мистер Эдгар меня простит.

— А я не люблю, когда ты возишься с посудой в *моем* присутствии! — властно воскликнула молодая леди, не дав гостю ответить. Она все еще не успокоилась после размолвки с Хитклифом.

— Прошу меня извинить, мисс Кэтрин, — был мой ответ, и я продолжила с тем же старанием тереть блюдо.

Полагая, что Эдгар не заметит, она выхватила

из моих рук тряпку и ущипнула меня, причем вцепилась с редкою злобою и долго не выпускала. Я уже говорила вам, что не любила ее тогда и частенько с удовольствием находила повод усмирять ее тщеславие. К тому же мне было очень больно, поэтому я поднялась с колен и закричала:

— Что это вы, мисс, делаете! У вас нет никакого права щипать меня! Я вам этого не позволю!

— Я тебя не трогала, лгунья! — запротестовала она, и пальцы ее затрепетали, словно хотели вновь в меня вцепиться, а уши покраснели от ярости; в подобных случаях у нее всегда пылало лицо.

— Тогда что это такое? — возразила я, показав в доказательство багровый синяк на руке.

Она топнула ногой и после недолгой паузы, не справившись со своим зловредным характером, влепила мне такую пощечину, что от жгучей боли слезы брызнули у меня из глаз.

— Кэтрин, милая Кэтрин! — вмешался Линтон, пораженный лживостью и агрессивностью своего кумира.

— Убирайся из комнаты, Эллен! — повторила та, вся дрожа.

Малыш Гэртон, который всюду ходил за мною,

как хвостик, и в тот раз сидел подле меня на полу, увидев мои слезы, тоже заплакал и, всхлипывая, назвал ее «злой тетей Кэти», и тут уж ее ярость обрушилась и на его несчастную голову. Схватив мальчонку за плечи, Кэтрин принялась трясти его так, что тот весь побелел. Тогда Эдгар неосторожно поймал ее руки и попытался освободить малыша. В ту же секунду рука Кэтрин вывернулась, и потрясенный молодой человек почувствовал, как она приложилась к его собственному уху — и на шутку это вовсе не походило. Линтон в ужасе отпрянул. Взяв Гэртона на руки, я ушла с ним на кухню, но оставила дверь открытою, ибо любопытно мне было узнать, как разрешится их ссора. Оскорбленный гость — бледный, с трясущимися губами — направился к тому месту, где оставил шляпу.

«Прекрасно! — сказала я себе. — Получил предупреждение — и уходи! Еще скажи спасибо, что смог увидеть, каков ее истинный нрав!»

— Куда ты? — резко спросила Кэтрин, двинувшись к двери.

Линтон отклонился в сторону и попытался пройти.

— Ты не можешь уйти! — с чувством воскликнула она.

— Могу и уйду, — отвечал он подавленно.

— Нет! — настаивала она, взявшись за ручку двери. — Ты так не уйдешь, Эдгар Линтон. Сядь. Ты не оставишь меня в таком состоянии. Я буду страдать всю ночь, но я не желаю страдать из-за тебя!

— Как же я могу остаться, после того как ты меня ударила? — спросил он.

Кэтрин молчала.

— Мне стало страшно и стыдно за тебя, — продолжал он. — Больше я сюда не приду.

Слезы заблестели у нее на глазах, веки дрогнули.

— И ты намеренно сказала неправду, — добавил он.

— Нет, не сказала! — закричала она, прервав наконец молчание. — Я ничего не делала намеренно. Ну и уходи, коли хочешь. Убирайся! А я буду плакать — плакать, пока не заболею.

Кэтрин рухнула на колени подле стула и принялась рыдать во весь голос. Эдгар сохранял решимость, пока не вышел во двор; там он заколебался. Я подумала, что надобно помочь ему принять правильное решение.

— Мисс ужасно своенравна, сэр! — крикнула я. — Очень испорченный ребенок. Поезжайте-ка

лучше домой, иначе она и впрямь заболеет, только чтобы нам досадить.

Этот кроткий мальчик искоса глянул в окно. У него не было сил уйти, как нет сил у кошки уйти от полуживой мышки или от недоеденной птички. «Ох, — подумала я, — его уже не спасти, он обречен и сам мчится навстречу своей судьбе!» Так и было. Линтон резко повернулся и, поспешно войдя в дом, захлопнул за собою дверь. Когда некоторое время спустя я вошла следом и сообщила, что мистер Эрншо приехал домой в пьяном угаре и готов весь дом обрушить на наши головы (обычное его поведение в таком состоянии), я обнаружила, что ссора лишь способствовала большей близости между молодыми людьми — разбила барьеры юношеской застенчивости, помогла им перестать притворяться всего лишь друзьями и признаться во взаимной любви.

Известие о приезде мистера Хиндли заставило Линтона броситься к своей лошади, а Кэтрин скрыться у себя в комнате. Я же поспешила спрятать маленького Гэртона и вынуть заряд из охотничьего ружья хозяина, с которым в безумном возбуждении он любил поиграть, угрожая жизни любого, кто мог его разозлить или просто привлечь чрезмерное внимание. Я догадалась из-

влекать заряд из ружья, дабы Хиндли не сотворил несчастия, если ему придет на ум пострелять.

Глава 9

Хиндли вошел, изрыгая проклятия, которые страшно было слушать, и застал меня как раз в тот момент, когда я запихивала его сына в кухонный буфет. Гэртон испытывал спасительный ужас и от дикого отцовского обожания, и от его необузданной ярости. В первом случае его могли до смерти задушить в объятиях и зацеловать, во втором же швырнуть в огонь или об стену, посему бедняжка молчал и не сопротивлялся, куда бы я его ни прятала.

— Ах вот оно что! Наконец я его нашел! — закричал Хиндли, схватив меня за шиворот и оттащив от буфета, как собаку. — Гром и молния! Вы поклялись уморить ребенка! Теперь я понимаю, почему никогда его не вижу. Но, клянусь дьяволом, я заставлю тебя проглотить этот кухонный нож, Нелли! Не смейся, ибо я только что окунул Кеннета вниз головой в трясину Вороного Коня, а где один, там и двое — мне надо кого-нибудь убить. Пока не убью — не успокоюсь!

— Мне не нравится кухонный нож, мистер Хиндли, — заявила я. — Им разделывали копче-

ную селедку. Лучше уж меня застрелите.

— Лучше тебе убраться ко всем чертям! — закричал он. — И я тебя уберу. Нет в Англии таких законов, чтобы запрещать человеку содержать свой дом в порядке, а мой дом отвратителен. Открывай рот.

Схватив нож, он попытался просунуть его кончик мне между зубами, но я не особенно боялась его вывертов. Сплюнув, я сказала, что нож невкусный и я ни за что не стану его глотать.

— Да? — удивился он, отпустив меня. — Теперь я вижу, что этот ужасный маленький негодник вовсе не Гэртон. Прошу прощения, Нелл. Будь это он, следовало с него бы шкуру содрать за то, что не выбежал поздороваться с отцом, и за то, что орет, словно увидел домового. Подойди сюда, бестолковый щенок! Я научу тебя, как обманывать добросердечного, простодушного отца. Как думаешь, Нелл, не стоит ли мальчишку красиво подстричь? Собаки от стрижки становятся злее, а я люблю злых… Дай мне ножницы… Да, злее… Подстрижем его! К тому же это адское кокетство, дьявольское тщеславие — беречь свои уши. Мы и без них все равно ослы. Тише, дитя, тише! Вот славный мальчик! Не грусти, утри слезы — все хорошо, поцелуй меня! Что? Не хочешь? Поцелуй

меня, Гэртон! Черт возьми, поцелуй же! Боже, неужели это чудовище — моя плоть и кровь! Теперь-то я уж точно сверну мерзавцу шею.

Бедный Гэртон изо всех сил вопил и бился в отцовских руках, но, когда тот понес его вверх по лестнице и поднял над балюстрадой, мальчик стал голосить и вырываться пуще прежнего. Я закричала, что от испуга у ребенка случится родимчик, и бросилась его спасать. Прибежав наверх, я увидела, что Хиндли перегнулся через перила и прислушивается к шуму внизу, почти забыв, кого держит в руках.

— Кто там? — спросил он, услышав, что кто-то подошел к лестнице.

Я тоже нагнулась, чтобы дать сигнал Хитклифу не показываться — я узнала его по походке. Но в то мгновение, когда я отвела взгляд от Гэртона, мальчик неожиданно вывернулся, освободившись из некрепких рук Хиндли, и полетел вниз.

Мы даже не успели испытать ужас от происшедшего, как поняли, что бедняжка спасен. В решающий момент под лестницей появился Хитклиф, который без раздумий поймал ребенка, поставил его на ноги и поглядел вверх, чтобы понять, кто виновник несчастного случая. Скряга, уступивший счастливый лотерейный билет

за пять шиллингов, а на следующий день обнаруживший, что потерял на этом пять тысяч фунтов, не был бы так ошарашен, как Хитклиф, увидевший наверху мистера Эрншо. Лицо паренька яснее слов говорило об ужасной досаде из-за того, что он оказался орудием, помешавшим собственной мести. Осмелюсь предположить, что, если бы было темно, Хитклиф попытался бы исправить ошибку и размозжил Гэртону голову на тех же ступенях. Но мы оказались свидетелями спасения ребенка. Я быстро сбежала вниз и прижала к груди моего драгоценного воспитанника. Хиндли спустился медленнее, протрезвевший и смущенный.

— Это ты виновата, Эллен, — сказал он. — Надо было держать его от меня подальше. Ты должна была забрать его у меня. Он не ушибся?

— Ушибся?! — вскричала я в негодовании. — Если не убили, так сделаете дурачком! Удивительно, как его матушка еще не встала из могилы посмотреть, что вы творите! Вы хуже язычника, если так обращаетесь со своей кровинушкой!

Хиндли попытался погладить малыша, который, оказавшись в моих руках, сразу же успокоился и перестал плакать. Однако стоило отцу дотронуться до него лишь пальцем, как он вновь

завопил и начал брыкаться с такою силою, что чуть не забился в припадке.

— Отвяжитесь вы от него, — продолжала я. — Он вас ненавидит, да и все вас ненавидят — правду не скроешь! Счастливое семейство, нечего сказать! До чего вы себя довели — вот уж хорош так хорош!

— А буду еще лучше, Нелли, — рассмеялся этот заблудший человек, вновь ожесточившись. — Покамест уйди отсюда и его забери. И слышишь, ты там, Хитклиф, скройся с глаз моих — чтобы мне тебя не видеть и не слышать… Сегодня я тебя не убью, разве только подожгу дом. Но это уж как мне заблагорассудится.

С этими словами он вынул из буфета бутылку бренди и налил себе стаканчик.

— Остановитесь, — взмолилась я. — Мистер Хиндли, примите это как предупреждение свыше. Пожалейте хоть несчастного мальчика, если себя не жалеете!

— С кем угодно ему будет лучше, чем со мной, — ответил он.

— Пощадите собственную душу! — продолжала я и попыталась отобрать у него стаканчик.

— Ну уж нет! Напротив, я с превеликим удовольствием отправлю свою душу на вечные

муки, дабы наказать Создателя! — воскликнул богохульник. — Пью за мою проклятую душу!

Он осушил стаканчик и нетерпеливо велел нам убираться, присовокупив к своему распоряжению череду проклятий, коих не следует ни вспоминать, ни повторять.

— Жаль, что он не умрет от пьянства, — заметил Хитклиф, негромким эхом повторив те же богохульства, когда дверь за Хиндли захлопнулась. — Прямо из кожи вон лезет, да организм не поддается. Мистер Кеннет говорит, что готов поставить свою кобылу, что Хиндли переживет любого фермера отсюда до Гиммертона и сойдет в могилу убеленным сединами грешником, ежели не случится какое-нибудь неожиданное счастливое происшествие.

Я пошла на кухню и, усевшись со своим маленьким агнцем, принялась его баюкать. Хитклиф, как мне показалось, отправился в амбар. Лишь потом выяснилось, что он прошел позади скамьи и тихонько улегся на лавку, что была отодвинута к стене подальше от огня.

Я качала Гэртона на коленях и напевала песенку, начинавшуюся словами:

Плакали дети ночною порой,

Их мать услыхала в гробу под землей...
—

когда мисс Кэти, до комнаты которой донесся шум с лестницы, заглянула на кухню и прошептала:

— Ты одна, Нелли?

— Да, мисс, — отвечала я.

Она вошла и приблизилась к очагу. Я подняла глаза, полагая, что она хочет мне что-то сказать. Лицо ее было взволнованно и озабочено, рот полуоткрыт, словно она действительно собиралась заговорить. Кэти втянула воздух, но так ничего и не сказав, выдохнула. Я вновь запела, не желая забывать, как она совсем недавно повела себя со мною.

— Где Хитклиф? — спросила она, прервав мое пение.

— Работает на конюшне, — был мой ответ.

Хитклиф не противоречил, быть может, задремал. Опять последовало долгое молчание, но я заметила, как на плиты пола со щек Кэти скатились две слезинки. «Неужто она сожалеет о своем постыдном поступке? — подумала я. — Вот это новость! Но пусть сама соберется с духом и признается, не стану я ей помогать. Хотя вряд ли — ее не очень волнуют беды других, в отличие от

собственных».

— Боже мой! — воскликнула она наконец. — Я очень несчастна!

— Жаль, — отвечала я. — У вас так много друзей и так мало забот, а вы все равно недовольны.

— Нелли, ты сохранишь мой секрет? — продолжала она, опустившись рядом со мной на колени, и направила на меня свой обезоруживающий взгляд, от которого непременно исчезало ваше раздражение, несмотря на все основания его испытывать.

— А он того стоит? — спросила я уже не так обиженно.

— Да, и я очень волнуюсь. Мне надо кому-то открыться. Хочу понять, что мне делать. Сегодня Эдгар Линтон сделал мне предложение, и я дала ему ответ. Но прежде чем я скажу тебе, было это согласие или отказ, скажи, как, по-твоему, мне следовало ответить.

— Право, мисс Кэтрин, откуда же мне знать? Если принять во внимание сцену, которую вы устроили в его присутствии сегодня днем, без сомнения, разумно было бы ему отказать; но раз уж он сделал вам предложение после случившегося, значит, он либо безнадежно глуп, либо ищет себе на голову приключений.

— Раз ты такое говоришь, я тебе больше ничего не скажу, — капризным тоном проговорила она и поднялась. — Я согласилась, Нелли. А теперь быстро ответь, правильно я сделала или нет.

— Вы согласились! Тогда к чему обсуждать? Дали слово — теперь уж назад не возьмешь.

— Но скажи, следовало ли мне так поступать? Скажи! — воскликнула она в раздражении, сжав руки и нахмурившись.

— Прежде чем правильно ответить на ваш вопрос, надобно подумать о нескольких вещах, — ответила я с нравоучительным видом. — Самое главное — любите ли вы мистера Эдгара?

— Как же его не любить? Конечно, люблю.

Тогда я стала задавать ей вопросы, как в катехизисе — для двадцатидвухлетней девушки это было весьма полезно.

— Почему вы его любите, мисс Кэти?

— Что за ерунда! Люблю — и все.

— Ничего подобного. Вы должны сказать почему.

— Ну, потому, что он красивый и мне нравится его общество.

— Плохо! — прокомментировала я.

— И потому что он молодой и веселый.

— Опять плохо.

— И потому что он меня любит.

— Это в данном случае несущественно.

— И еще он будет богатым, а я хочу быть самой шикарной дамой в округе. Я буду гордиться таким мужем.

— Хуже не придумаешь. Теперь скажите, как вы его любите.

— Как все любят. Какая же ты глупая, Нелли!

— Вовсе нет. Отвечайте.

— Я люблю землю, по которой он ступает, все предметы, до которых он дотрагивается, каждое слово, которое он произносит. Я люблю его лицо, его поступки — все-все, что в нем есть. Довольна?

— А почему?

— Да ты надо мной смеешься. Это подло. Мне сейчас совсем не до шуток! — сказала молодая леди и, нахмурившись, отвернулась к огню.

— Я вовсе не шучу, мисс Кэтрин, — отвечала я. — Вы любите мистера Эдгара, потому что он красивый, молодой и веселый, потому что он богат и любит вас. Последнее, впрочем, не важно — вы бы и без этого могли в него влюбиться, как могли и не влюбиться в ответ на его чувство, если бы он не обладал четырьмя перечисленными ранее качествами.

— Да, действительно не могла бы. Я бы лишь жалела его; быть может, ненавидела, если бы он был уродлив или смешон.

— Но в мире есть и другие красивые и богатые молодые люди — возможно, красивее и богаче его. Что вам мешает полюбить их?

— Если они где-то есть, то мне не встречались. Таких, как Эдгар, я еще не видела.

— Может, еще увидите. Он ведь тоже не всегда будет красивым и молодым, и не исключено, что когда-нибудь перестанет быть богатым.

— Но сейчас-то он богат. Меня интересует настоящее. Тебе следовало бы рассуждать здраво.

— Ну, тогда все решено. Коли вас интересует только настоящее, выходите за мистера Линтона.

— Мне твое разрешение не требуется — я и так за него выйду! Но ты не сказала, правильно ли я поступаю.

— Абсолютно правильно, если люди выходят замуж, думая лишь о настоящем. А теперь скажите: отчего вы несчастны? Братец ваш будет доволен… Старики Линтоны, думаю, тоже не станут противиться. Вы покинете этот полный бесчинства, неуютный дом и поселитесь в доме богатом и уважаемом. Вы любите Эдгара, Эдгар

любит вас. Кажется, все легко и просто. Что же мешает?

– *Это* и *это!* — ответила Кэтрин, приложив одну руку ко лбу, а другую к груди. — В каком месте у человека живет душа? В душе и в сердце своем я определенно чувствую, что поступаю дурно.

— Очень странно. Я вас не пойму.

— Это и есть мой секрет. Если не будешь надо мной смеяться, я объясню. У меня не получится выразить все ясно, но постараюсь передать тебе, что чувствую.

Она снова села рядом. Лицо ее стало печальнее и мрачнее, сжатые руки дрожали.

— Нелли, тебе никогда не снятся странные сны? — вдруг спросила она после минутного раздумья.

— Иногда снятся, — ответила я.

— Мне тоже. Некоторые сны так и остались со мною на всю жизнь, они даже изменили мои мысли. Они прошли сквозь меня, словно вино сквозь воду, меняя цвет моей души. Вот один такой сон. Я тебе его расскажу, только постарайся ничему не улыбаться.

— Ах нет, мисс Кэтрин! — вскричала я. — Не станем вызывать призраков и привидений — нам и без них тяжко. Ну же, развеселитесь, будьте

сами собой! Поглядите на маленького Гэртона! *Ему* ничего страшного не снится. Вон как сладко он улыбается во сне!

— Да, и как сладко богохульствует его отец, сидя в одиночестве! Ты, должно быть, помнишь его розовощеким ангелочком — почти таким же маленьким и невинным, как этот. И все-таки, Нелли, я хочу, чтобы ты меня выслушала, сон совсем недлинный. К тому же сегодня мне грустно.

— Нет-нет, не стану, и не просите! — быстро проговорила я.

Я верила в вещие сны, как верю и теперь, а Кэтрин неожиданно помрачнела, и я испугалась, что найду в ее сне предзнаменование ужасной катастрофы. Она рассердилась, но продолжать не стала. Через некоторое время, сделав вид, что переменила тему, она вновь заговорила:

— Если бы я попала в рай, Нелли, мне было бы там очень плохо.

— Это потому, что вас туда не пустят, — ответила я. — В раю плохо всем грешникам.

— Нет, не поэтому. Мне однажды приснилось, что я на небесах.

— Я же сказала, что не стану слушать про ваши сны, мисс Кэтрин! Пора мне идти спать! — вновь прервала я ее.

Рассмеявшись, она остановила меня, поскольку я собралась подняться.

— Не беспокойся! — воскликнула она. — Я только хотела сказать, что небеса не показались мне родным домом, сердце мое было разбито, я плакала и просилась назад на землю. Ангелы так рассердились, что швырнули меня прямо на вересковую пустошь на вершине наших холмов, где я и очнулась, от радости вся в слезах. Этой истории довольно, дабы объяснить один мой секрет. Да и второй тоже. Мне что замуж за Эдгара Линтона, что в рай, и, если бы тот мерзкий человек не принизил так Хитклифа, я бы и не помышляла об этом браке. Если я сейчас выйду за Хитклифа, то и мое положение станет ниже, так что он никогда не узнает, как я его люблю, и люблю не потому, что он красив, Нелли, а потому, что он — это я сама, даже больше. Из чего бы ни были сотворены наши души, они у нас одинаковые, а душа Линтона отличается от них, как лунный луч от молнии или как мороз от огня.

Пока она говорила, я поняла, что Хитклиф никуда не ушел. Почувствовав какое-то легкое движение, я обернулась и увидела, как он поднялся с лавки и бесшумно выскользнул из кухни. Он слушал до тех пор, пока Кэтрин не сказала,

что брак с ним принизит ее — больше он слушать не стал. Моя собеседница, сидя на полу, не могла из-за спинки скамьи заметить ни его присутствия, ни ухода, но я вздрогнула и попросила ее замолчать.

— Почему? — спросила она, взволнованно оглядевшись.

— Джозеф пришел, — отвечала я, вовремя услышав звук катящейся по дороге телеги. — И Хитклиф с ним. Я даже не уверена, не стоит ли парень сию минуту под дверью.

— О, за дверью он меня не услышит, — сказала на это Кэти. — Давай я подержу Гэртона, пока ты готовишь ужин, а когда приготовишь, поужинаем вместе. Я хочу успокоить свою больную совесть, удостоверившись, что Хитклиф не имеет никакого представления об этих вещах. Ведь не имеет, правда? Он не знает, что значит влюбиться, верно?

— Не вижу причины, почему бы ему не знать. Вы-то ведь знаете. И если его выбор пал на вас, то он будет самым несчастным созданием на свете. Как только вы станете миссис Линтон, он потеряет друга, любовь, да и вообще все. А вы задумывались над тем, как сами перенесете разлуку и каково ему будет остаться совсем одному

на белом свете? Ибо, мисс Кэтрин…

— Чтобы он был один на белом свете? Чтобы мы разлучились? — вскричала она почти с негодованием. — Скажи на милость, кто же нас разлучит? Такого человека будет ждать участь Милона[8]. Покуда я жива, Эллен, никто и никогда не разлучит нас. Все Линтоны в мире обернутся пустым местом, прежде чем я соглашусь отречься от Хитклифа. Я совсем этого не хочу и об этом не помышляю! Я ни за что не стану миссис Линтон такою ценой! Хитклиф будет мне так же дорог, как был дорог всю мою жизнь. Эдгару придется избавиться от своей неприязни или, по крайней мере, стать терпимее. Так и будет, когда он узнает, как я на самом деле отношусь к Хитклифу. Нелли, я вижу, ты считаешь меня подлой эгоисткой, но неужто тебе не приходило в голову, что если мы с Хитклифом поженимся, то станем нищими? А вот если я выйду за Линтона, то помогу Хитклифу возвыситься и спастись от гнета моего брата.

— Благодаря деньгам своего мужа, мисс Кэтрин? — спросила я. — Он может оказаться

---

[8] notes: 8

Милон Кротонский (VI в. до н. э.) — греческий атлет, отличавшийся огромной физической силой. В старости попытался разорвать руками пень, но руки оказались так стиснуты частями пня, что Милон не смог высвободиться и стал добычей волков.

не таким уступчивым, как вы рассчитываете. И, хотя не мое дело судить, я все же полагаю, что это наихудший повод стать женой молодого Линтона из всех, что вы перечислили.

— Ничего подобного! — парировала она. — Это самый лучший! Другие нужны мне для удовлетворения моих прихотей, и Эдгару тоже — для удовлетворения его прихотей. А этот касается того, кто вобрал в себя и мои чувства к Эдгару, и всю меня. Не могу толком объяснить, но ты, как и все люди, должно быть, ощущаешь, что где-то вне тебя существует — или должно существовать — твое второе «я». Какой был бы смысл в моем создании, обитай я лишь здесь? Мои самые большие несчастья в этом мире всегда были несчастьями Хитклифа, я видела и чувствовала это с самого начала. Главная идея моей жизни — он. Если все вокруг погибнет, а *он* останется, *я* все еще буду жить. А если все останется, а его не будет, вселенная станет для меня чуждым местом — мне будет нечего в ней делать. Моя любовь к Линтону сродни листве в лесу — время ее изменит, как зима изменяет деревья. А любовь к Хитклифу подобна вечным скалам под теми деревьями — источник почти незаметной радости, но без него никуда! Нелли, я сама и есть

Хитклиф! Я всегда, всегда думаю о нем — не как о чем-то приятном и не как о человеке, который доставляет мне больше удовольствия, чем я сама собственной персоной, а как о своем естестве. Так что не говори мне больше о нашем расставании. Этого быть не может и…

Она смолкла и зарылась лицом в складки моего платья, но я с силой его отдернула. У меня не хватало терпения выносить ее безрассудство!

— Если я могу вывести хоть какой-то смысл из всей чепухи, что вы наговорили, мисс, — сказала я, — то это лишь убеждение, что вы либо не понимаете обязанностей, которые накладывает на вас замужество, либо вы дурная, безнравственная девушка. И больше не беспокойте меня вашими секретами; не обещаю, что сохраню их.

— Но этот не выдашь? — с волнением спросила она.

— Не обещаю, — повторила я.

Она готова была настаивать, но появление Джозефа прервало наш разговор; Кэтрин пересела в уголок и принялась баюкать Гэртона, а я — варить ужин. Когда ужин был готов, мы с Джозефом заспорили, кому нести еду мистеру Хиндли, но так ни до чего и не договорились, пока все не остыло. Наконец сошлись на том, что

подождем, когда Хиндли проголодается, ибо мы опасались попадаться ему на глаза, если он долго пребывал в одиночестве.

— Что ж этот негодник до сих пор с поля не явился? Где он болтается, бездельник? — спросил старик, ища глазами Хитклифа.

— Позову его, — ответила я. — Он наверняка в амбаре.

Я пошла в амбар и стала звать, но ответа не получила. Вернувшись, я шепнула Кэтрин, что Хитклиф, без сомнения, слышал бóльшую часть того, что она говорила, и рассказала, что видела, как он выскользнул из кухни в тот момент, когда Кэтрин сетовала по поводу отношения к нему ее брата. Девушка вскочила в страшном испуге, бросила Гэртона на скамью и помчалась искать своего друга, не тратя времени на размышления, отчего это она так разволновалась и как Хитклиф воспринял ее слова.

Поскольку Кэтрин долго не возвращалась, Джозеф предложил больше никого не ждать. Он решил, что понял их хитрость — не идут, чтобы не слушать его слишком долгую молитву. Они оба «столь дурны, сколь и злокозненны в делах своих», заявил он. Посему ради них он в тот вечер добавил особую молитву к той пятнадцатими-

нутной, которую обыкновенно читал перед едой, и присовокупил бы еще одну в конце, если бы на кухню не влетела молодая хозяйка и не велела ему быстро бежать и искать Хитклифа, куда бы тот ни забрел, и заставить его немедленно вернуться.

— Мне нужно поговорить с ним, и я ни за что не уйду к себе наверх, пока не поговорю! — заявила она. — Ворота открыты. Он где-то далеко и меня не слышит, поэтому и не отвечает, хотя я что есть мочи кричала с крыши овчарни.

Поначалу Джозеф возражал. Но Кэтрин так настаивала, что отказаться было невозможно, и в конце концов ему пришлось нацепить на голову шляпу и, ворча, отправиться на поиски. Тем временем Кэтрин ходила взад-вперед по кухне, восклицая:

— Куда же он запропастился? Где он может быть? Что я тогда сказала тебе, Нелли? Я уже забыла. Он рассердился из-за моего плохого настроения? Боже! Скажи, что я такое говорила и что его расстроило? Хоть бы он пришел! Хоть бы пришел!

— Сколько шума из-за пустяка! — ответила я, хотя мне тоже было не по себе. — Разволновались из-за такой мелочи! Уверяю вас, нет никакого

повода для беспокойства, если Хитклиф решил побродить по пустоши под луной или повалять-ся на сеновале, надувшись и не желая с нами разговаривать. Наверняка он прячется там. Вот увидите, сейчас я его найду!

И я вышла, чтобы продолжить поиски. Но меня ждало разочарование. Джозеф тоже вернулся ни с чем.

— Этот парень чем старше, тем хуже! Оставил ворота открытыми настежь! И пони мисс Кэти убежал за две пшеничных полосы и добрался до луга! Так что хозяин завтра будет злой как дьявол — оно и понятно! Он само терпение с этими беспутными созданиями, само терпение! Но не век же ему терпеть — скоро вы получите по заслугам! Всем достанется! Нечего было его изводить!

— Ты нашел Хитклифа, осел? — прервала его Кэтрин. — Ты искал его, как я велела?

— Я охотнее поискал бы лошадку, больше было бы проку. Но в такую ночь не найдешь ни лошадки, ни человека — темень, как в трубе! Да и Хитклиф не тот парень, что прибежит на *мой* свист. Надо думать, *вас* он скорее услышит!

Для летнего вечера было и вправду очень темно. Нависшие тучи предвещали грозу, и я сказала, что всем нам лучше присесть. Надвигающийся

дождь наверняка заставит Хитклифа вернуться, так что не о чем беспокоиться. Однако мне не удалось уговорить Кэтрин угомониться. Она все бродила от двери к воротам и обратно в состоянии такого возбуждения, что об отдыхе не могло быть и речи, и наконец остановилась, точно на часах, по ту сторону забора, у дороги, где, невзирая на мои увещевания, а также на раскаты грома и дождевые капли, которые начали шлепать вокруг нее, так и осталась стоять, то и дело клича Хитклифа, прислушиваясь и рыдая в голос. Такого неистового плача мне не приходилось слышать ни от Гэртона, ни от других детей.

Около полуночи мы все еще не ложились, и буря разразилась над «Грозовым перевалом» во всю мощь. Задул пронзительный ветер, загрохотал гром, и то ли от ветра, то ли от молнии сломалось дерево, росшее за углом дома. Огромная ветка рухнула на крышу, снеся часть восточной дымовой трубы, и в очаг на кухне посыпались камни и сажа. Мы решили, что это молния ударила в самую середину дома, поэтому Джозеф шлепнулся на колени, моля Господа вспомнить патриархов Ноя и Лота и, как в давние времена, пощадить праведников и покарать нечестивцев. Мне тоже почудилось, что нам было ниспослано

наказание Господне. Мистер Эрншо виделся мне Ионой, и я подергала за ручку запертую дверь его берлоги, дабы удостовериться, что хозяин еще жив. Хиндли ответил довольно внятно, но в таких выражениях, что Джозеф завопил громче прежнего, что между людьми святыми, как он сам, и грешными, как его хозяин, Господь должен увидеть различие. Стихия, впрочем, бушевала лишь двадцать минут, не причинив нам вреда, одна лишь Кэти промокла до нитки, потому что так и не спряталась в укрытие и стояла без шляпы и шали, подставив ливню свое платье и непокрытую голову. Она вернулась в дом и легла на скамью вся мокрая, повернувшись к спинке и закрыв лицо руками.

— Послушайте, мисс, — воскликнула я, тронув ее за плечо, — вы же не собираетесь отдать богу душу? Знаете, который уж час? Половина первого ночи. Скорее идите спать! Нет смысла больше ждать этого глупого мальчишку. Он наверняка ушел в Гиммертон, да там и остался. Решил, что мы не станем его дожидаться так поздно — думает, что один мистер Эрншо не будет спать; а если дверь откроет хозяин, парню не поздоровится.

— Нет, нет! Не в Гиммертоне он вовсе! — встрял Джозеф. — Не иначе в трясине утоп! Эта божья

кара ниспослана нам неспроста. Мой вам совет остерегаться, ибо скоро наступит ваш черед, мисс! Благодарение небесам! Все идет ко благу для тех, кто избран Господом и поднят из праха! Сами знаете, как сказано в Писании… — И он начал приводить отрывки из Библии с указанием глав и стихов.

Тщетно я просила упрямицу подняться и снять мокрую одежду. В конце концов я оставила Джозефа молиться, а ее дрожать и отправилась в постель вместе с маленьким Гэртоном, уснувшим так крепко, словно вокруг него все давно уже спали. Поначалу я слышала, как Джозеф продолжал читать свои молитвы, потом различила его неспешные шаги по приставной лестнице и наконец уснула.

Наутро я спустилась вниз несколько позже обычного и в лучах, пробивавшихся сквозь щели в ставнях, увидела мисс Кэтрин, которая все так и сидела у очага. Дверь в «дом» тоже была открыта, и кухня освещалась светом, льющимся из незапертых окон. Хиндли тоже поднялся и стоял у кухонного очага, осунувшийся и заспанный.

— Что тебя тревожит, Кэти? — спрашивал он, когда я вошла. — У тебя такой убитый вид — ну прямо как у щенка, которого вытащили из воды.

Отчего ты такая мокрая и бледная, детка?

— Я промокла! — с неохотой отозвалась она. — И замерзла. Вот и все.

— Ох, до чего непослушная девица! — воскликнула я, видя, что хозяин сравнительно трезв. — Она насквозь вымокла под вчерашнем ливнем, просидела тут всю ночь, но мне так и не удалось заставить ее шевельнуться.

Мистер Эрншо посмотрел на нас с изумлением.

— Всю ночь! — повторил он. — Из-за чего? Ведь не грозы же она боялась? С тех пор уж несколько часов прошло.

Не желая упоминать пропавшего Хитклифа, мы обе старались как можно дольше скрывать его отсутствие, и я повторила, что не знаю, как ей взбрело в голову сидеть здесь ночью, а Кэтрин промолчала. Утро выдалось свежим и прохладным. Я распахнула окно, и в комнату тут же хлынули душистые ароматы сада, но Кэтрин с досадой попросила:

— Эллен, закрой окно. Я умираю от холода.

Ее зубы стучали, когда она придвинулась ближе к почти догоревшим углям.

— Она заболела, — сказал Хиндли, взяв ее за запястье. — Должно быть, поэтому она и отказалась

идти спать. Черт побери! Мне здесь совершенно не нужны больные, хватит с меня! Зачем ты побежала под дождь?

— Как всегда, за парнями! — прокаркал Джозеф, воспользовавшись случаем, вызванным нашей нерешительностью, вставить свое ядовитое словцо. — На вашем месте, хозяин, я бы у них под носом дверь захлопнул — и перед господами, и перед деревенщиной. Дня не проходит, чтоб сюда не прошмыгнул этот хитрющий Линтон, стоит вам ступить за порог. А мисс Нелли — хороша, ничего не скажешь! — сидит на кухне и караулит, когда вы придете. Вы входите в одну дверь, а он уж удирает в другую. А наша важная барышня сама за парнем увивается! Виданное ли это дело — прятаться в полях после полуночи с этим подлым, богомерзким цыганенком Хитклифом! Думают, я слепой! Вот уж нет, я все вижу! И я видел, как молодой Линтон приходил и уходил, и видел, как ты (обращая свою тираду ко мне), никчемная, грязная ведьма, прошмыгнула в дом, едва заслышала с дороги стук копыт хозяйского коня.

— Замолчи, сплетник! — закричала Кэтрин. — Я не потерплю от тебя такой наглости! Эдгар Линтон зашел вчера совершенно случайно, Хиндли,

и это я попросила его уйти, ибо знала, что в том состоянии, в котором ты был, тебе не захочется с ним встречаться.

— Ты, конечно же, лжешь, Кэти, — ответил ее брат. — Но до чего же ты простодушна! Не будем пока о Линтоне. Скажи — ты была с Хитклифом прошедшей ночью? Говори мне правду. Не бойся, ты ему не навредишь. Хотя я ненавижу его не меньше обычного, он намедни сделал мне кое-что хорошее, и посему совесть моя покамест не позволит свернуть ему шею. Дабы избежать такого поворота, я сегодня же утром пошлю его работать куда-нибудь подальше, но, когда он уйдет, советую всем быть начеку, ибо мои причуды не дадут вам жить спокойно.

— Прошедшей ночью я в глаза не видела Хитклифа, — ответила Кэтрин и начала горько плакать. — А если ты выгонишь его из дому, я уйду вместе с ним. Но скорее всего тебе это не удастся; скорее всего он и так ушел.

Тут она так безудержно разрыдалась, что последние слова трудно было разобрать.

Хиндли извергнул на нее потоки презрительной брани и велел тотчас убираться с глаз долой в свою комнату, иначе у нее найдется настоящий повод пустить слезу. Я уговорила ее послушаться

и никогда не забуду, какая сцена разыгралась, когда мы поднялись к ней — мне стало попросту страшно. Было похоже, что Кэтрин впала в безумие, и я упросила Джозефа сбегать за доктором. Она явно начинала бредить. Как только мистер Кеннет ее увидел, он сразу объявил, что болезнь опасна. Кэтрин лихорадило. Доктор отворил ей кровь и сказал, чтобы я поила ее сывороткой и давала жидкую кашу на воде, а заодно следила, чтобы она не бросилась с лестницы или из окна. Потом он ушел, так как дел у него хватало, ведь в нашем приходе дома обыкновенно располагаются в двух-трех милях друг от друга.

Хоть я и не могу похвастаться, что из меня вышла хорошая сиделка, а Джозеф и хозяин были и того хуже, и хоть Кэтрин изводила нас и упрямилась, как это свойственно больным, все же болезнь отступила. Старая миссис Линтон, конечно, несколько раз заезжала к нам и наводила порядок, попрекала нас и всеми командовала; когда же Кэтрин начала выздоравливать, она настояла, чтобы девушку перевезли в поместье «Дрозды», чему мы были несказанно рады. Но у бедной дамы появились все основания раскаяться в проявленной доброте — и она, и ее муж вскоре подхватили лихорадку и оба умерли с

разницею в несколько дней.

Наша юная леди вернулась домой еще более дерзкой, вспыльчивой и высокомерной, чем прежде. От Хитклифа после той грозы не было никаких известий, и однажды, когда Кэтрин окончательно вывела меня из себя, я имела неосторожность обвинить ее в исчезновении парня — что было истинной правдой, и она это хорошо знала. С того дня на протяжении нескольких месяцев она прекратила со мною всякое общение, лишь давала распоряжения по хозяйству. Джозефа тоже не замечала. Он, впрочем, не молчал и читал ей нотации, как и раньше, словно она все еще была маленькой девочкой. Кэтрин же полагала себя взрослой женщиной и нашей хозяйкой, считая, что недавняя болезнь дает ей право ожидать от нас особого к ней отношения. Да еще и доктор сказал, что не следует ей перечить — пусть все будет, как она пожелает. Потому если кто-то отваживался ей возразить, она считала это желанием ее уморить — не меньше. От мистера Эрншо и его друзей она держалась подальше, и брат, следуя советам Кеннета, а также опасаясь припадков, которыми обычно заканчивались у Кэтрин приступы гнева, разрешал ей делать все, что угодно, и, как правило, старался не испыты-

вать ее горячий нрав. Хиндли чрезмерно потакал ее капризам — не из любви, а из тщеславия. Он искренне желал, чтобы она восстановила честь семьи браком с Линтоном, и, покуда она его не тревожила, ей позволялось помыкать нами, как рабами, — ему было все равно. Эдгар Линтон, как множество мужчин до и после него, пребывал в состоянии безумной влюбленности и почел себя счастливейшим из смертных в тот день, когда повел Кэтрин под венец в гиммертонской часовне через три года после смерти старого Линтона.

Против своей воли мне пришлось покинуть «Грозовой перевал» и переехать вместе с Кэтрин сюда, в «Дрозды». Малышу Гэртону было без малого пять лет, и я только-только начала учить его распознавать буквы. Тяжело нам было расставаться, но слезы Кэтрин оказались сильнее наших. Когда я отказалась переезжать и обнаружилось, что ее уговоры на меня не действуют, она пожаловалась мужу и брату. Первый предложил мне очень щедрое жалованье, а второй приказал собирать вещи. Сказал, что теперь, когда хозяйка съезжает, другие женщины в доме ему без надобности, а что до Гэртона, то викарий понемногу обучит его, чему следует. Так что у меня не осталось выбора, пришлось поступать, как велели.

Я заявила хозяину, что он избавляется ото всех порядочных людей в доме, чтобы скорее прийти к погибели, поцеловала Гэртона на прощание, и с тех пор мальчик стал для меня чужим. Как странно мне теперь думать, что он совсем забыл свою Эллен Дин, а ведь когда-то он был для нее самым дорогим на свете, как и она для него!

Сказав это, ключница случайно бросила взгляд на часы над камином и с изумлением обнаружила, что стрелки показывают полвторого ночи. Она и слышать не хотела, чтобы остаться еще хоть на минутку, хотя, признаюсь, я и сам был склонен отложить продолжение ее рассказа. Теперь же, когда она ушла спать, я, поразмышляв еще часа два или три, готов был набраться мужества и тоже удалиться к себе, несмотря на мутную тяжесть в голове и ломоту в руках и ногах.

Глава 10

Миленькое начало отшельнической жизни! Четыре недели мучительного метания в болезни! Ох уж эти пронизывающие ветры и низкое северное небо, непроходимые дороги и медлительные деревенские лекари! И это однообразие человеческих лиц! А хуже всего устрашающие прогнозы Кеннета, убежденного, что до весны мне и носа нельзя казать из дома!

Только что меня почтил своим визитом мистер Хитклиф. Неделю назад он прислал мне связку куропаток — последних в этом сезоне. Мерзавец! Никак не скажешь, что он невиновен в моей болезни, и мне очень хотелось прямо заявить ему об этом. Но увы! Как я мог обидеть человека, который добрый час терпеливо просидел у моей постели и говорил о всяческих предметах, при этом не упоминая пилюли, сквозняки, пластыри и пиявок? Весьма приятное разнообразие! Для чтения я еще слишком слаб, но мог бы получить удовольствие от интересного рассказа. Почему бы не позвать миссис Дин, дабы она закончила свою повесть? Я помню все главные события, о

коих шла речь. Да, я помню, что наш герой убежал и три года о нем не было известий, а героиня вышла замуж. Позвоню. Ключница будет рада найти меня вполне бодрым и готовым для приятной беседы.

Вот она и пришла.

— Через двадцать минут вам положено принять лекарство, сэр, — начала миссис Дин.

— Да бог с ним совсем! — ответил я. — Я бы хотел…

— Доктор говорит, что порошки вам больше принимать не нужно.

— С удовольствием про них забуду! Не перебивайте меня. Лучше сядьте рядышком. И не трожьте этот печальный строй пузырьков. Достаньте из кармана вязанье — вот так, а теперь продолжите свой рассказ о мистере Хитклифе с того момента, на котором вы остановились, и до сегодняшнего дня. Он получил образование в Европе и вернулся джентльменом? Или стал стипендиатом колледжа? Или удрал в Америку и прославился, выкачивая кровь из своей приемной родины? А может, гораздо быстрее сколотил состояние на английских больших дорогах?

— Вероятно, всего понемножку, мистер Локвуд, но я ни за что не могу ручаться. Я уже говорила

вам, что не знаю, откуда у него взялись деньги, и не представляю, какими образом он воспитал свой ум, воспрянув из дикого невежества, в коем прозябал до того. Но, с вашего позволения, я продолжу, как умею, если мой рассказ вас развлечет и не утомит. Вам сегодня уже лучше?

— Гораздо.

— Рада это слышать. Так вот, мы с мисс Кэтрин переехали в поместье «Дрозды», и, к моему удивлению и радости, она стала вести себя намного лучше, чем я могла предположить в самых смелых мечтах. Казалось, она обожает мистера Линтона, и даже к его сестре относится с исключительной симпатией. И оба они, конечно, делали все, чтобы ей было хорошо. Это не терновник согнулся перед жимолостью, а жимолость обвила терновник. Не то чтобы кто-то пошел на уступки — одна стояла прямо, двое других склонялись; но кто же станет выказывать характер и капризничать, если не встречает ни противодействия, ни равнодушия? По моим наблюдениям, в мистере Эдгаре глубоко укоренился страх перед ее взрывным характером. От Кэтрин он это скрывал, но, если ему доводилось услышать от меня резкие слова в ее адрес или заметить, что другие слуги мрачнеют от какого-нибудь ее высо-

комерного приказания, он начинал беспокоиться и недовольно хмурить брови, чего никогда не случалось, когда дело шло о нем самом. Много раз он строго выговаривал мне за мою дерзость, присовокупляя, что ему больнее видеть свою супругу в раздражении, чем получить удар ножом. Дабы не печалить хорошего хозяина, я научилась быть более покладистой, и за полгода порох стал безвредным, как песок, ибо никто не подносил к нему огня. Временами на Кэтрин находила тоска, и она подолгу ни с кем не разговаривала. Муж относился к этому с молчаливым сочувствием и уважением, приписывая ее состояние изменениям в организме, произошедшим после тяжелой болезни, ведь до того она никогда не падала духом. Когда же солнышко вновь выходило из-за облаков, он тоже встречал любимую сияющей улыбкой. Думаю, я вправе сказать, что они были по-настоящему счастливы, и их счастье со временем становилось все крепче.

Но всему этому пришел конец. В конечном счете мы всегда думаем лишь о себе. Люди мягкие и благородные лишь более справедливы в своем эгоизме, чем люди властные, и потому все закончилось, когда обстоятельства заставили каждого из них почувствовать, что интересы од-

ного — не самая важная забота другого. Теплым сентябрьским вечером я шла из сада с тяжелой корзиной яблок. Стало смеркаться, из-за высокого забора выглянула луна, и в углах многочисленных выступов здания начали собираться неясные тени. Опустив корзинку на ступеньки перед кухонной дверью, я остановилась передохнуть и еще немного подышать приятным вечерним воздухом. Я глядела на луну, стоя спиной к двери, когда услышала позади себя голос:

— Это ты, Нелли?

Голос был низкий и звучал по-иностранному, хотя что-то в том, как неизвестный произнес мое имя, показалось мне знакомым. Я со страхом обернулась, чтобы понять, кто со мной говорит, ибо дверь была заперта и я никого не видела, когда подходила к порогу. На крыльце что-то шевельнулось, и, приблизившись, я различила высокого человека в темной одежде, со смуглым лицом и черными волосами. Наклонившись, он взялся за щеколду, словно собирался сам открыть дверь. «Кто это может быть? — подумала я. — Мистер Эрншо? Ну нет! Голос совсем не похож».

— Я уже целый час жду, — продолжал незнакомец, а я продолжала вглядываться в его лицо. — И все время кругом было тихо, как в могиле. Я не

решался войти. Ты меня не узнаешь? Посмотри, я ведь не чужой!

Лунный луч осветил его черты. Щеки землистого цвета были наполовину скрыты черными бакенбардами, брови сдвинуты, глубоко посаженные глаза смотрели как-то необычно. Вот глаза-то я и узнала.

— Как! — воскликнула я, чуть было не приняв его за привидение, и, пораженная, всплеснула руками. — Как? Вы вернулись? Это правда вы? Неужели?

— Да, это я, Хитклиф, — ответил он, переведя взгляд вверх, на темные окна, в которых отражались двадцать мерцающих лун. — Они дома? Где она? Ты мне не рада, Нелли? Да не волнуйся так. Она здесь? Говори же! Мне бы только сказать одно словечко… твоей хозяйке. Пойди и скажи, что некий посетитель из Гиммертона желает ее видеть.

— Но как она к этому отнесется? — воскликнула я. — Что она будет делать? Такая неожиданная новость даже меня обескуражила — а она так и вовсе с ума сойдет! Да, вы и взаправду Хитклиф, но совсем другой! Нет, это непостижимо! Вы что же, были в армии?

— Пойди и передай мою просьбу, — нетерпе-

ливо прервал он меня. — Я как в аду горю, пока ты медлишь!

Он поднял щеколду, и я вошла. Но, оказавшись перед дверью гостиной, где сидели мистер и миссис Линтон, я никак не смогла заставить себя переступить порог. Наконец нашла повод — спросить, не нужно ли им зажечь свечи, — и отворила дверь.

Они сидели рядом у распахнутого окна, за которым виднелись садовые деревья и неухоженный зеленый парк, а дальше раскинулась долина Гиммертона, над коей широкой полосой поднимался туман (ибо почти сразу за часовней, как вы, должно быть, заметили, идущая от болот канава соединяется с ручьем, что струится по изгибу узкой лощины). «Грозовой перевал» поднимался над этой серебристой завесой, но нашего старого дома не было видно, он стоит чуть ниже, по ту сторону. Казалось, что и комната, и ее обитатели, и картина, представшая их взорам, полны удивительного спокойствия. У меня не было никакой охоты выполнять данное мне поручение, и я собралась уйти, так ничего и не сказав, лишь спросив про свечи, но осознание моего безрассудства заставило меня вернуться и пробормотать:

— Один человек из Гиммертона желает видеть

вас, мэм.

— Что ему нужно? — поинтересовалась миссис Линтон.

— Я не спрашивала, — ответила я.

— Тогда задерни шторы, Нелли, — распорядилась она, — и подай чай. Я скоро буду.

Она вышла из комнаты, а мистер Эдгар небрежно спросил, кто пришел.

— Человек, которого хозяйка никак не ожидает, — объяснила я. — Хитклиф. Помните его, сэр? Он когда-то жил у мистера Эрншо.

— Что? Тот цыган, тот неотесанный невежа? — воскликнул он. — Почему ты не сказала Кэтрин?

— Тише! Не называйте его так, хозяин. Ей будет очень неприятно услыхать такие слова. Когда он убежал из дому, она страшно горевала. Думаю, его возвращение для нее праздник.

Мистер Линтон подошел к другому окну, выходившему во двор. И, открыв его, выглянул наружу. Наверное, они были внизу, потому что он тотчас же воскликнул:

— Милая, не стой там! Пригласи гостя в дом, если это человек достойный.

Вскоре я услышала щелчок щеколды, и Кэтрин взлетела вверх по лестнице с исступленным видом и едва дыша. Она была переполнена скорее

волнением, чем радостью. В самом деле, в ее лице вы, пожалуй, заметили бы ужасную тревогу.

— О, Эдгар, Эдгар! — задыхаясь, вскричала она и бросилась к нему на шею. — О, Эдгар, дорогой мой! Хитклиф вернулся — вернулся, понимаешь?

И она еще сильнее сжала его в объятиях.

— Ну-ну, — недовольно проговорил ее муж, — из-за этого не надо меня душить. Он никогда не казался мне таким уж бесценным сокровищем. Незачем тебе так переживать.

— Я знаю, что он тебе не нравился, — ответила она, немного уняв свои чувства. — Но ради меня вы должны теперь стать друзьями. Я позову его наверх?

— Сюда? В гостиную?

— Куда же еще?

Хозяин был недоволен и предложил провести Хитклифа на кухню — более подобающее для него место. Миссис Линтон взглянула на мужа с насмешливым видом — отчасти злясь, отчасти потешаясь над его высокомерием.

— Нет, — помолчав, заявила она, — я не стану сидеть на кухне. Поставь здесь два стола, Эллен: один для твоего хозяина и мисс Изабеллы, ибо они благородных кровей; а другой для меня и

Хитклифа как для людей рангом ниже. Тебя это устроит, дорогой? Или прикажешь мне затопить камин в какой-нибудь другой комнате? Если так, то распорядись. А я побегу вниз и займу своего гостя. Такая огромная радость, что я боюсь в нее поверить!

И она собралась бежать вниз, но Эдгар ее удержал.

— Пригласите его войти, — сказал он, обращаясь ко мне. — А ты, Кэтрин, постарайся радоваться, не впадая в крайности. Всем домашним вовсе не обязательно лицезреть, как ты встречаешь сбежавшего слугу, точно он твой родной брат.

Я спустилась и нашла Хитклифа на крыльце, где он, судя по всему, ожидал приглашения войти. Он последовал за мною без лишних слов, и я привела его к хозяевам, чьи разгоряченные лица свидетельствовали о недавнем бурном споре. Но когда друг хозяйки появился в дверях, ее вспыхнувший румянец поведал совсем об ином чувстве. Она бросилась к нему, взяла за обе руки и подвела к Линтону, затем схватила неохочие пальцы Линтона и силой сунула их в руку Хитклифу. Теперь, когда огонь камина и свечи полностью его осветили, меня поразила произошедшая с ним перемена. Хитклиф стал высоким, статным,

прекрасно сложенным молодым человеком, рядом с которым мой хозяин казался худеньким юношей. Его идеальная выправка говорила о вероятной службе в армии. По выражению глаз и решительному виду он казался старше мистера Линтона. Лицо было умное, без признаков былой деградации. И все же почти варварская свирепость таилась в насупленных бровях и глазах, полных мрачного огня, но он умело скрывал его, и держался даже с достоинством — без прежней неотесанности, однако слишком угрюмо и, следственно, без должной учтивости. Мой хозяин удивился не меньше моего, а может, и больше. Некоторое время он пребывал в растерянности и не знал, как обратиться к неотесанному невеже, как он его только что назвал. Хитклиф отпустил вялую руку Линтона и стоял, холодно глядя на него и ожидая, пока тот не заговорит первым.

— Садитесь, сэр, — наконец вымолвил Линтон. — Миссис Линтон, помня старые времена, просила меня принять вас с сердечною теплотою. И я, конечно, рад, когда что-то приносит ей удовольствие.

— Я тоже, — ответил Хитклиф, — особенно если это касается и до меня. С радостью побуду у вас часок-другой.

Он сел напротив Кэтрин, которая не сводила с него глаз, словно боялась, что он исчезнет, стоит ей посмотреть в другую сторону. Он же нечасто поглядывал на нее — ему достаточно было время от времени бросить на Кэтрин быстрый взгляд; но с каждым разом в его глазах все больше отражалась нескрываемая радость, которую он черпал из ее взоров. Оба были слишком погружены в обрушившееся на них счастье, чтобы испытывать неловкость. Чего нельзя было сказать о мистере Эдгаре. Он побледнел от досады, и чувство это целиком захватило его, когда хозяйка поднялась из-за стола и, шагнув к Хитклифу, вновь схватила его за руки и рассмеялась, как сумасшедшая.

— Завтра я подумаю, что это был сон! — воскликнула она. — Не поверю, что видела тебя, дотрагивалась до тебя, говорила с тобой. И все же, жестокосердный Хитклиф, ты не заслуживаешь такого приема! Уехать на три года, ничего о себе не сообщать и не думать обо мне!

— Я думал о тебе чуть больше, чем ты обо мне, — пробормотал он. — Не так давно я услышал, что ты вышла замуж, Кэти, и, пока ждал в саду, составил такой план: увидеть хоть разок твое лицо, прочесть в нем выражение удивления или, быть может, притворной радости; потом

свести свои счеты с Хиндли, а после, предвосхитив правосудие, казнить себя. Но после такого приема все эти мысли улетучились из моей головы, однако остерегайся встречи со мною, когда я стану по-иному на тебя смотреть! Нет, ты не заставишь меня вновь отступить. Ты и вправду жалела меня, да? Что ж, на то были основания. Мне многое пришлось претерпеть, с тех пор как я в последний раз слышал твой голос. Но ты должна простить меня, ибо я боролся лишь ради тебя!

— Кэтрин, если мы не хотим пить холодный чай, пожалуйста, вернись за стол, — вмешался Линтон, стараясь сохранять обычный свой тон и приличествующую случаю манеру. — Мистеру Хитклифу предстоит долгая дорога туда, где он собирается ночевать, да и мне хочется пить.

Кэтрин села на свое место разливать чай, пришла на звонок и мисс Изабелла, после чего, придвинув их стулья к столу, я вышла из гостиной. Чаепитие едва ли продлилось больше десяти минут. Кэтрин так и не налила себе чаю. Она была не в состоянии ни есть, ни пить. Эдгар же пролил свой чай на блюдце и еле-еле сделал один глоток. Их гость в тот вечер не засиживался — он пробыл не больше часа. Когда Хитклиф уходил, я спросила, собирается ли он в Гиммертон.

— Нет, в «Грозовой перевал», — ответил он. — Меня пригласил мистер Эрншо, когда я утром нанес ему визит.

Мистер Эрншо пригласил *его!* И *он* нанес визит мистеру Эрншо! Когда Хитклиф ушел, я мучительно раздумывала над этой фразой. «Не выучился ли он лицемерить и не явился ли к нам, прикрывшись маскою, творить зло», — размышляла я. В глубине души у меня поселилось дурное предчувствие — лучше было бы ему не приходить.

Посреди ночи мой первый сон был нарушен миссис Линтон, которая прокралась ко мне в комнату, села на край кровати и, желая разбудить, дернула за волосы.

— Не могу спать, Эллен, — сказала она извиняющимся тоном. — И хочу, чтобы хоть одно живое существо разделило со мной мою радость. Эдгар дуется, потому что я счастлива из-за предмета, который его совершенно не интересует. Он отказывается со мной говорить, я слышу лишь вздорные, глупые упреки. Заявил, что я жестокая эгоистка, раз пускаюсь в разговоры, когда ему дурно и хочется спать. Он все время делает вид, что ему дурно, если чем-то недоволен! Я сказала несколько добрых слов о Хитклифе, а он, то ли от головной боли, то ли из приступа ревности, взял

да и заплакал. Тогда я встала и ушла.

— А зачем вы хвалили Хитклифа? — сказала я. — В юности они друг дружку терпеть не могли, и Хитклифу тоже не понравилось бы, если бы вы нахваливали мистера Линтона. Такова человеческая природа. Не беспокойте хозяина разговорами о Хитклифе, если не хотите, чтобы дело кончилось открытой враждой.

— Но разве это не следствие крайней слабости? — настаивала она. — Я не ревнива. Меня никогда не раздражали сияющие белокурые локоны Изабеллы, ее белая кожа, ее изысканность и изящество, да и та любовь, которая всегда окружала ее в семье. Даже ты, Нелли, — если между нами иногда случаются размолвки, ты сразу встаешь на сторону Изабеллы, а я отступаю, как глупая маменька. Называю ее дорогушей, льщу, чтобы сделать приятное. Ее брату доставляет удовольствие видеть наши сердечные отношения, что, в свою очередь, доставляет удовольствие мне. Но они похожи друг на друга. Это избалованные дети, которые считают, что мир создан для их удобства, и, хотя я потакаю обоим, все равно мне кажется, что разумное наказание будет им только полезно.

— Ошибаетесь, миссис Линтон, — сказала я. —

Не вы, а они потакают вам. Сами знаете, что будет, как только они перестанут это делать. Вы готовы прощать их причуды, покуда они рады предвосхищать все ваши желания. Однако же когда-нибудь вы можете поссориться по поводу чего-то существенного для каждой из сторон, и тогда те, кого вы называете слабыми, окажутся такими же упрямыми, как вы.

— И мы станем биться не на жизнь, а на смерть, да, Нелли? — смеясь, спросила она. — Ну, уж нет. Скажу тебе прямо: я абсолютно уверена в любви Линтона и полагаю, что, если мне вздумается его убить, он не станет даже сопротивляться.

Я посоветовала ей больше ценить мужа за такую привязанность.

— Я и ценю, — ответила она. — Просто ему не следует ныть из-за пустяков. Это так по-детски. Вместо того чтобы обливаться слезами из-за моих слов, что Хитклиф теперь достойный человек и первый джентльмен в округе почтет за честь быть его другом, Линтон должен был сказать это сам и радоваться моею радостью. Он привыкнет к нему и, возможно, даже полюбит. А если учесть, сколько оснований у Хитклифа испытывать к Линтону неприязнь, я считаю, он вел себя превосходно.

— Что вы думаете о его появлении в «Грозовом перевале»? — поинтересовалась я. — Он явно переменился во всех отношениях — стал настоящим христианином, если предлагает руку дружбы всем своим врагам.

— Он объяснил мне, — ответила она. — Я ведь тоже не меньше твоего удивилась. Сказал, что зашел узнать у тебя обо мне, полагая, что ты все еще живешь в «Грозовом перевале», а Джозеф сообщил о его приходе Хиндли, который вышел и начал задавать Хитклифу вопросы: чем он занимался, на что жил — и наконец пригласил его войти. У Хиндли за картами сидели какие-то приятели. Хитклиф присоединился. Брат проиграл ему некоторую сумму, но, обнаружив, что у Хитклифа водятся деньги, пригласил его вновь прийти вечером, и тот согласился. Хиндли слишком неосторожен и не отличается благоразумием в выборе знакомств. Он даже не подумал, а можно ли доверять человеку, которого он когда-то жестоко обидел. Хитклиф утверждает, что главная причина возобновления отношений с бывшим мучителем — желание поселиться в доме, от которого легко пешком дойти до «Дроздов», привязанность к жилищу, где когда-то мы вместе обитали, а также надежда, что так у меня

появится больше возможностей с ним видеться, чем если бы он остановился в Гиммертоне. Хитклиф собирается предложить Хиндли щедрую плату за проживание в «Перевале», и алчность, несомненно, подтолкнет моего брата принять его условия. Он всегда был жадным, хотя то, что берет одной рукой, бросает на ветер другой.

— Прекрасное жилье выбрал себе молодой человек, нечего сказать! — воскликнула я. — Вы не боитесь последствий, миссис Линтон?

— Для моего друга — не боюсь, — ответила она. — Трезвый ум защитит его от опасностей. Немного боюсь за Хиндли. Но в нравственном отношении он и без того хуже некуда, а от физической расправы я его уберегу. То, что произошло сегодня вечером, примирило меня с Богом и людьми. Я озлобилась и взбунтовалась против Провидения. До чего же мне было плохо, Нелли! Если бы Эдгар знал, как мне было плохо, он постыдился бы омрачать прекращение моих страданий своими вздорными придирками. Только из жалости к нему я горевала в одиночестве. Если бы я не скрывала от него своей муки, бесконечно терзавшей меня, он так же горячо, как я, желал бы мне избавления. Но теперь все позади, и я не собираюсь мстить Эдгару за его недомыслие. Я го-

това вытерпеть что угодно. Пусть самый низкий человек на свете ударит меня по щеке, я не только подставлю другую, но и попрошу прощения, что его разозлила. И в доказательство я сейчас же пойду и помирюсь с Эдгаром. Доброй ночи! Видишь, какой я ангел!

С такой самодовольной убежденностью она ушла, и наутро успешный результат принятого ею решения был очевиден. Мистер Линтон не только отбросил свою раздражительность (хотя вел он себя гораздо спокойнее по сравнению с той чрезмерной живостью, которая охватила Кэтрин), но даже не пытался возразить, когда после полудня она взяла с собою Изабеллу и отправилась в «Грозовой перевал». Кэтрин же одарила его в ответ такой солнечной нежностью и любовью, что дом несколько дней был настоящим раем, и хозяин, и слуги просто купались в этих негасимых ласковых лучах.

Хитклиф — или мистер Хитклиф, как мне впредь следует его называть — поначалу осторожно пользовался возможностью посещать «Дрозды». Казалось, он прикидывал, насколько далеко хозяин позволит ему вторгнуться в жизнь семейства. И Кэтрин тоже сочла разумным при встречах с ним поубавить свой пыл. Постепен-

но сложилось так, что визиты Хитклифа стали вполне ожидаемы. Он в полной мере сохранил выдержку, свойственную ему в отрочестве, и она помогала ему подавлять явные проявления чувств. Волнения моего хозяина временно поутихли, а дальнейшие события направили их в иное русло.

Новым источником беспокойства стал неожиданный тревожный оборот: Изабелла Линтон вдруг выказала неодолимую симпатию к допущенному в дом гостю. В те времена она была очаровательной восемнадцатилетней девушкой, которая хоть и вела себя по-детски, однако обладала острым умом, сильными чувствами и жестким нравом, если ее рассердить. Брат, нежно любивший сестру, был в ужасе от этого фантастического выбора. Даже не говоря о мезальянсе, о браке с человеком без роду и племени, и о том обстоятельстве, что вся собственность семьи при отсутствии наследника мужского пола перейдет к самозванцу, Эдгар прекрасно понимал, каков был нрав Хитклифа — хотя внешне он переменился, душа его была неизменна и неисправима. Ее он боялся больше всего. Ее отвергал. Предчувствуя неладное, он гнал даже мысль о том, чтобы вверить Изабеллу такому человеку. Он бы ужаснулся

еще более, если бы узнал, что ее привязанность возникла без всяких усилий с другой стороны, что Изабелле не была дарована взаимность, ибо в ту минуту, когда Эдгар обнаружил влюбленность сестры, он решил, что всему виной хитрые козни Хитклифа.

С некоторых пор мы все стали замечать, что мисс Линтон отчего-то тоскует и мучается. Она стала раздражительной и печальной, постоянно набрасывалась на Кэтрин, изводила ее, неминуемо рискуя исчерпать и без того небольшой запас терпения своей невестки. Мы приписывали поведение мисс Линтон ее нездоровью: она худела и чахла на глазах. Но однажды, когда Изабелла особенно капризничала — отказывалась завтракать, жаловалась, что слуги не выполняют ее распоряжений, что хозяйка не дает ей в доме слова сказать, а Эдгар не обращает на нее внимания, что она простудилась, ибо двери вечно нараспашку, что мы нарочно дали потухнуть огню в камине, желая ее рассердить, — и предъявила еще сотню пустячных обвинений, миссис Линтон строго велела ей лечь в постель и, от души отчитав, пригрозила послать за доктором. Упоминание мистера Кеннета тотчас же заставило Изабеллу воскликнуть, что она абсолютно

здорова и что одно только жестокосердие Кэтрин делает ее несчастной.

— Как ты можешь называть меня жестокосердной, ты, избалованный ребенок? — вскричала хозяйка, пораженная до глубины души столь несправедливым обвинением. — Ты определенно потеряла голову. Когда это я была жестокосердной, скажи!

— Вчера, — всхлипывая, проговорила Изабелла. — И сейчас!

— Вчера? — удивилась ее невестка. — И когда же именно?

— Когда мы гуляли по вересковой пустоши. Ты велела мне бродить, где угодно, а сама ушла вперед с Хитклифом!

— И это ты называешь жестокосердием? — рассмеялась Кэтрин. — Не было ни намека, что твое общество кому-то мешает. Нам было все равно, идешь ты с нами или нет. Просто я думала, что разговор с Хитклифом тебе неинтересен.

— Ах, нет! — в слезах сказала молодая леди. — Ты нарочно отослала меня, потому что знала, что мне хочется быть с вами!

— Она в своем уме? — спросила миссис Линтон, оборотясь ко мне. — Я повторю все, что мы говорили, слово в слово, Изабелла, а ты скажешь, что

именно могло бы тебя увлечь.

— Разговор здесь ни при чем, — ответила она. — Мне хотелось быть рядом с…

— Ну? — промолвила Кэтрин, чувствуя, что Изабелла не решается договорить.

— С ним. И нечего меня все время отсылать! — закончила та фразу, вся вспыхнув. — Ты как собака на сене, Кэтрин, хочешь, чтобы все любили только тебя!

— Ах ты, дерзкая маленькая обезьянка! — с удивлением воскликнула миссис Линтон. — Но я не верю своим ушам! Не может быть, чтобы ты искала внимания Хитклифа — чтобы ты считала его подходящим человеком! Надеюсь, я неправильно тебя поняла, Изабелла?

— Нет, ты поняла правильно, — заявила ослепленная любовью девушка. — Я люблю его сильнее, чем ты Эдгара, и он мог бы меня полюбить, если бы ты не мешала!

— В таком случае я ни за какие блага не хотела бы быть на твоем месте! — с чувством произнесла Кэтрин, и, похоже, она говорила искренне. — Нелли, помоги мне убедить ее, что это безумие. Скажи ей, каков Хитклиф на самом деле — необузданное создание, без всякой утонченности, культуры, сухой каменистый пустырь, покрытый дроком.

Я скорее отнесу эту канарейку зимой в парк, чем посоветую тебе отдать ему свое сердце. Только лишь плачевное незнание его натуры, девочка моя, позволило этой мысли родиться в твоей голове. Не воображай, что за суровой внешностью таятся глубокие чувства и бесконечная доброта. Он не похож ни на необработанный алмаз, ни на шершавую устрицу с жемчужиной внутри. Он яростный, безжалостный человек волчьей породы. Никогда я не скажу ему: «Оставь того или иного врага в покое, ибо мстить ему неблагородно и жестоко», а скажу: «Оставь их в покое, ибо *мне* не понравится, если ты их накажешь». Он раздавит тебя, как воробьиное яйцо, Изабелла, начни ты ему докучать. Я твердо знаю, что он не в силах полюбить никого из Линтонов, однако же, используя питающие тебя надежды, вполне может на тебе жениться, чтобы заполучить твое состояние. Алчность постоянно рождает в нем греховные поступки. Таков портрет этого человека, каким я его вижу, причем я его друг — друг настолько, что, если бы он серьезно захотел поймать тебя в свои сети, мне бы, пожалуй, следовало держать язык за зубами и дать тебе попасться в ловушку.

Мисс Линтон с негодованием взглянула на

свою золовку.

— Стыдись! Стыдись! — повторила она со злобой. — Ты хуже двадцати врагов! Ты ядовитая змея, а не друг!

— Ах, выходит, ты мне не веришь? Думаешь, я это говорю из низкого себялюбия?

— Не сомневаюсь, что так и есть! — выпалила Изабелла. — Глядя на тебя, меня в дрожь бросает!

— Прекрасно! — воскликнула Кэтрин. — Вот и попытай счастья, коли так жаждешь! Я сделала, что могла, и прекращаю спор из-за твоей оскорбительной дерзости.

— И мне приходится страдать из-за ее эгоизма! — рыдала Изабелла, когда миссис Линтон вышла из комнаты. — Все, все против меня! Она уничтожила мою единственную радость в жизни. Но ведь то, что она говорила, — ложь, правда? Мистер Хитклиф вовсе не злодей. У него благородная душа, верное сердце, иначе как бы он мог помнить ее столько лет?

— Выкиньте его из головы, мисс, — сказала я. — Эта птица — вестник несчастья. И вам не пара. Миссис Линтон говорила резко, но мне нечего возразить. Она лучше знает его сердце, чем я или кто-нибудь другой, и она никогда не

представила бы его хуже, чем он есть на самом деле. Честные люди не скрывают своих деяний. А как он жил все эти годы? Откуда взялись у него немалые деньги? Почему он поселился в «Грозовом перевале», в доме человека, которого ненавидит? Говорят, с тех пор как он объявился, мистер Эрншо опускается все ниже и ниже. Они сидят вместе ночами напролет, Хиндли занимает у Хитклифа деньги под залог своих земель, и они оба только и делают, что играют и пьют. Я слышала об этом всего неделю назад от Джозефа, повстречавшегося мне в Гиммертоне. «Нелли, — сказал он, — у нас теперича следствие идет. Один из гостей чуть не лишился пальца, когда удерживал другого, чтоб тот не зарезал себя, как теленка. А хозяин предстанет скоро перед выездной сессией суда. Он судейских-то не боится, ни Петра, ни Павла, ни Иоанна, ни Матфея — никого не боится, еще бы! Он даже хочет — попросту мечтает — предстать пред ними во всем своем бесстыдстве! А этот красавчик Хитклиф, вишь ты, — редкая птица! Все себе посмеивается над хорошею шуткой, сыгранной дьяволом. Он, как приходит к вам в поместье, небось никогда не расскажет о своем распрекрасном житье-бытье? А живет он так: кости, бренди, закрытые ставни

и свечи до полудня. Потом наши дурные гости бушуют и богохульствуют, идучи по своим комнатам, а порядочные люди со стыда сгорают их слушать. Ну а наш молодец подсчитает денежки, поест, поспит и давай к соседям языком молоть с чужою женой. Он, поди, рассказывает миссис Кэтрин, как золото ее отца течет в его карманы, сын несется по широкой дороге в преисподнюю, а сам он открывает ему туда ворота». Знаете, мисс Линтон, Джозеф — старый негодяй, но он не лгун, и коли его рассказ правдив, неужто вы захотите себе такого мужа?

— Ты с ними заодно! — ответила она. — Я не желаю слушать эти измышления. Какой надо быть злой, чтобы пытаться убедить меня, будто на свете нет больше счастья!

Не могу сказать, справилась бы она со своею блажью, если бы осталась наедине с собою, или продолжала бы ее лелеять. Но времени на раздумья у нее не оказалось. На следующий день в соседнем городе собирался съезд мировых судей, и моему хозяину надлежало на нем присутствовать. Мистер Хитклиф, зная, что хозяина нет дома, пришел к нам намного раньше обычного. Кэтрин и Изабелла сидели в библиотеке и дулись друг на друга, но молчали — последняя,

встревоженная собственной несдержанностью и опрометчивостью, из-за которой в пылу перепалки выдала свои тайные чувства; первая, по зрелом размышлении, не на шутку обиженная своею золовкою. Кэтрин не прочь была вновь посмеяться над дерзостью Изабеллы, но вместе с тем ей хотелось, чтобы и самой девушке стало не до смеха. И Кэтрин в самом деле рассмеялась, когда увидела, что под окнами проходит Хитклиф. Я как раз подметала пол перед камином и заметила появившуюся на ее губах коварную ухмылку. Изабелла же была так поглощена раздумьями или книгой, которую читала, что, покуда дверь не открылась, ничего не заметила, а тогда уж поздно было убегать — она, конечно, с радостью сделала бы это, появись такая возможность.

— Заходи! Как ты вовремя! — весело воскликнула хозяйка, придвинув еще один стул к огню. — Перед тобою два человека, и необходим третий, дабы растопить меж ними лед; а ты именно тот, кто устроил бы нас обеих. Хитклиф, я с гордостью хочу наконец представить тебе девушку, которая сходит по тебе с ума больше, чем я. Надеюсь, ты польщен. Нет, это не Нелли, не смотри на нее! Сердце моей несчастной юной золовки разбито от одного лишь созерцания твоей телесной и

духовной красоты. Теперь ты, если пожелаешь, можешь стать Эдгару зятем! Нет-нет, Изабелла, ты не убежишь, — продолжала она, останавливая с притворной игривостью смущенную девушку, которая поднялась в негодовании. — Мы, словно две кошки, поцапались из-за тебя, Хитклиф, и я уступила под натиском ее преклонения и восхищения тобою. Более того, мне было сказано, что, если бы я повела себя достойно и отступила, моя соперница, какой она себя считает, пустила бы такую стрелу в твое сердце, что ты принадлежал бы ей навсегда, а мой образ был бы предан вечному забвению.

— Кэтрин, — сказала Изабелла, призвав всю свою гордость и прекратив вырываться из державших ее крепких рук, — я была бы признательна, если бы ты говорила правду, а не порочила меня, пусть даже в шутку. Мистер Хитклиф, будьте так добры, попросите вашу подругу отпустить меня. Она забыла, что мы с вами не столь близкие знакомые, и то, что представляется ей забавным, доставляет мне невыразимую боль.

Поскольку гость ничего не ответил, но сел на предложенный стул с видом совершенно безразличным к нежным чувствам Изабеллы, девушка повернулась к своей мучительнице и шепотом

взмолилась, чтобы та ее отпустила.

— Ни за что! — в ответ вскричала Кэтрин. — Больше не будешь называть меня собакой на сене! Ты останешься! Кстати, Хитклиф, что-то я не вижу радости по поводу этого приятного известия. Изабелла клянется, что любовь ко мне Эдгара — ничто по сравнению с ее чувствами к тебе. Она как будто уверяла меня в чем-то подобном, не так ли, Эллен? И после нашей прогулки она вот уж третий день постится от горя и злости, ибо я в тот раз услала ее, лишив возможности пребывать в твоем обществе.

— По-моему, ты ее оговариваешь, — сказал Хитклиф, повернув свой стул и обратившись к ним лицом. — В любом случае сейчас она, безусловно, не хочет пребывать в моем обществе.

И он перевел тяжелый взгляд на предмет их спора — так из одного лишь любопытства, несмотря на омерзение, разглядывают странное, отвратительное животное, к примеру, привезенную из Индии сороконожку. Бедная Изабелла не могла этого вынести. Она бледнела и краснела попеременно, и со слезами, свисавшими, точно бусинки, с ресниц, все пыталась своими маленькими пальчиками разжать крепкую хватку Кэтрин. Однако, поняв, что стоит ей оторвать от своей руки один

прижатый палец, как второй вновь сжимает ее с такою же силой, а потому ей никак не удается вырваться, Изабелла решила пустить в ход ногти, и их острые кончики быстро украсили руку мучительницы красными полукружиями.

— Да это тигрица! — воскликнула миссис Линтон, отпустив девушку и тряся рукой от боли. — Убирайся, ради бога, и спрячь от нас свою лисью мордочку! Как же глупо показывать когти *ему!* Не догадываешься, к каким он придет заключениям? Ты только погляди, Хитклиф, это прямо-таки орудия казни; поостерегись, не ровен час и ты без глаз останешься.

— Пусть попробует мне грозить — я их с мясом вырву, — грубо отозвался тот, когда дверь за Изабеллой закрылась. — Но для чего ты дразнила это существо, Кэти? Ты ведь все выдумала, да?

— Ничего подобного, — отвечала она. — Она уже несколько недель по тебе сохнет и сегодня утром тоже о тебе бредила, вылила на меня ушат оскорблений, потому что я прямо поведала ей о твоих недостатках, дабы унять ее обожание. Но не обращай внимания. Мне хотелось наказать ее за дерзость — вот и все. Я слишком хорошо к ней отношусь, чтобы позволить тебе схватить ее и проглотить с потрохами.

— А я отношусь к ней слишком плохо, чтобы это сделать. Разве что обернувшись вурдалаком. Странные вещи пришлось бы тебе услышать, случись мне жить вдвоем с нею и вечно видеть перед собой это слезливое, бесцветное лицо. Самым обычным делом было бы раз в два-три дня раскрашивать эту бледную физиономию всеми цветами радуги и превращать голубые глаза в черные. Они такие же отвратительные, как у Линтона.

— Очаровательные! — поправила его Кэтрин. — Глазки как у голубки — ангельские!

— Она ведь наследница своего брата, верно? — спросил Хитклиф после недолгого молчания.

— Жаль, если бы это было так, — ответила Кэтрин. — С полдюжины племянников, даст бог, лишат ее этого права. А пока выкинь все из головы. Слишком тебя манит соседское добро, но не забывай, что добро это — мое!

— Стань оно моим, для тебя ничего бы не изменилось, — ответил Хитклиф. — И хотя Изабелла Линтон, возможно, глупа, сумасшедшей ее вряд ли назовешь. Впрочем, будь по-твоему, оставим эту тему.

В своих речах они и вправду оставили эту тему; а Кэтрин, пожалуй, изгнала ее и из своих

мыслей. А вот друг ее, видно, частенько в тот вечер вспоминал об их разговоре. Я заметила, как он про себя улыбался — вернее, ухмылялся — и предавался зловещим мечтаниям, когда миссис Линтон выходила из комнаты.

Я решила последить за его поступками. Мое сердце было целиком на стороне хозяина, а не Кэтрин — и не без причины, ибо мистер Линтон был добр, честен и благороден; не скажу, что она являла собою его *противоположность*, однако позволяла себе такую широту взглядов, что я мало доверяла ее принципам, а ее чувствам сопереживала и того меньше. Мне хотелось, чтобы какой-нибудь случай тихо и мирно избавил бы «Грозовой перевал и поместье «Дрозды» от мистера Хитклифа, и мы все жили бы как прежде, до его появления. Визиты Хитклифа были для меня постоянным кошмаром, как, по-моему, и для моего хозяина. Пребывание этого человека в «Грозовом перевале» угнетало нас неизъяснимо. Чудилось мне, будто Господь оставил там заблудшую овцу, предоставив ей идти своим греховным путем, и немедля вокруг овчарни принялся рыскать злой волк, выжидая, когда наступит его час наброситься на овцу и растерзать.

Глава 11

Временами, размышляя надо всем этим наедине с собою, я вдруг вскакивала, объятая ужасом, и даже надевала шляпу, чтобы пойти на ферму и посмотреть, как там идут дела. Я уговаривала себя, что мой долг предупредить Хиндли о слухах про его житье-бытье, но потом вспоминала, как закоснел он в своих дурных привычках, и, не имея надежды помочь ему, не решалась вновь ступить на порог сего мрачного жилища; к тому же я не знала, как он отнесется к моим словам.

Однажды я проходила мимо старых ворот, сделав небольшой крюк по пути в Гиммертон. Это случилось примерно в то время, о котором я веду свой рассказ. День стоял морозный и ясный, земля была голая, дорога сухая и твердая. Я подошла к указательному столбу из песчаника, от которого большак ведет налево к вересковой пустоши. Вырезанные на грубом камне с северной стороны буквы Г.П., с восточной — Г. и с юго-западной — Д. обозначали направление «Грозовой перевал», деревню Гиммертон и поместье «Дрозды». Солнышко позолотило серую верхушку столба,

напомнив о лете, и, не знаю почему, на меня вдруг нахлынули детские воспоминания. Двадцать лет назад мы с Хиндли облюбовали это местечко. Долго смотрела я на иссеченный ветрами камень, а потом, нагнувшись, разглядела в его основании ямку, все еще забитую старой змеиной кожей и галькой — их мы спрятали там вместе с другими предметами, но они не выдержали испытания временем. И словно наяву передо мною возник товарищ моих детских игр — он сидел на высохшем дерне, склонив темноволосую голову, и куском сланца, зажатым в маленькой ручке, рыл ямку. «Бедный Хиндли!» — невольно воскликнула я. И вздрогнула. Воображение сыграло со мною странную шутку — на мгновение мне почудилось, будто ребенок поднял голову и взглянул мне прямо в лицо! Видение тут же исчезло, но я почувствовала непреодолимое желание оказаться в «Грозовом перевале». Суеверие заставило меня поддаться этому порыву. «Вдруг Хиндли умер, — подумала я, — или скоро умрет? Что, если это видение предвещает смерть?» Чем ближе я подходила к дому, тем больше волновалась; а завидев вдали его очертания, и вовсе затряслась, как в лихорадке. Но призрак меня опередил. Он стоял за воротами и смотрел в мою сторону.

Такова была моя первая мысль, когда я увидела нечесаного кареглазого мальчугана, припавшего румяным лицом к прутьям решетки. Но затем я сообразила, что это, должно быть, Гэртон, *мой* Гэртон, не так уж сильно изменившийся с того дня, как я покинула его десять месяцев назад.

— Да хранит тебя бог, мальчик мой! — закричала я, сразу же позабыв свои глупые страхи. — Гэртон, я Нелли! Нелли, твоя няня!

Ребенок отступил на шаг и поднял с земли большой камень.

— Я пришла повидать твоего отца, Гэртон, — добавила я, поняв по его движению, что, если Нелли еще оставалась в его памяти, то ее образ никак не был связан со мною.

Он поднял руку, готовый запустить свой снаряд. Я принялась уговаривать мальчика, но тот все равно бросил камень и попал мне прямо в шляпу. А затем он, запинаясь, вылил на меня целый поток грязной ругани, и неважно, понимал он эти слова или нет, но произнес он их с привычным чувством, и детское личико его исказилось, приняв потрясшее меня злобное выражение. Уверяю вас, меня эта сцена скорее опечалила, чем рассердила. Я готова была расплакаться, но, чтобы утихомирить мальчика,

вынула из кармана апельсин и протянула ему. Сперва он колебался, однако потом выхватил у меня апельсин, словно думал, что я собираюсь его подразнить. Я показала ему другой, но держала так, чтобы он не достал.

— Кто научил тебя таким словам, сынок? — спросила я. — Викарий?

— К черту викария! И тебя тоже! Дай мне! — ответил он.

— Расскажи, кто дает тебе уроки, тогда получишь. Кто твой учитель?

— Чертов папаша, — был ответ.

— И чему же он тебя учит? — не отступалась я.

Мальчик прыгнул, чтобы схватить апельсин, но я подняла его выше.

— Так чему он тебя учит?

— Ничему, — ответил он. — На глаза ему не попадаться. Папаша меня терпеть не может за то, что я его ругаю.

— Ах вот как. Значит, ругать его тебя научил черт? — подытожила я.

— Не-ет, — протянул он.

— А кто же тогда?

— Хитклиф.

Я спросила, нравится ли ему Хитклиф.

— Да! — ответил он.

Пытаясь понять, почему ему нравится Хитклиф, я получила лишь такое объяснение:

— Не знаю! Как папаша со мной, так и Хитклиф с ним. Он ругает папашу за то, что папаша ругает меня. И говорит, я могу делать, что хочу.

— Выходит, викарий не учит тебя ни читать, ни писать? — продолжала я.

— Да. Хитклиф сказал мне, что он ему… зубы выбьет и в глотку засунет, если он появится у нас на пороге. Хитклиф так и сделает!

Я вложила апельсин в его руку и попросила передать отцу, что женщина по имени Нелли Дин ждет у садовых ворот, чтобы с ним поговорить. Гэртон отправился по дорожке к дому и вошел внутрь, но вместо Хиндли на крыльце показался Хитклиф; я сразу же повернулась и со всех ног кинулась бежать, и бежала без оглядки, пока не очутилась у указательного столба, и меня все время преследовало чувство, что я повстречалась с нечистой силой. Эта история напрямую не касается влюбленности мисс Изабеллы, разве что она заставила меня утвердиться в намерении пристально следить за событиями и делать все возможное, дабы пресечь губительное влияние Хитклифа на нашу жизнь в поместье. Я даже готова была выдержать дома бурю из-за того, что

порчу настроение миссис Линтон.

В следующий визит Хитклифа юная леди кормила во дворе голубей. За последние три дня она ни словом не обмолвилась со своею невесткою, но в то же время перестала капризничать и жаловаться, так что всем нам жилось спокойнее. Я знала, что у Хитклифа не было в обычае без необходимости проявлять любезность по отношению к мисс Линтон. Однако сейчас, стоило ему ее увидеть, как он сразу предусмотрительно окинул взглядом фасад дома. Я стояла у кухонного окна, но отодвинулась, чтобы не быть замеченной. Тогда Хитклиф перешел мощеную дорожку, приблизился к Изабелле и что-то сказал. Казалось, она смутилась и захотела уйти, но он задержал ее, взявши за руку. Она отвернулась. Похоже, он задал какой-то вопрос, на который девушке не хотелось отвечать. Быстро взглянув на дом и решив, что их никто не видит, мерзавец имел наглость обнять Изабеллу.

— Иуда! Предатель! — вскричала я. — Так ты еще, оказывается, и лицемер! Подлый обманщик!

— О ком это ты, Нелли? — послышался рядом голос Кэтрин. Слишком увлекшись наблюдением, я не заметила ее прихода.

— О вашем недостойном приятеле! — ответила я. — Вон о том коварном негодяе. Ага, он нас увидел и идет сюда! Интересно, найдет ли он подходящее объяснение своим ухаживаниям за мисс, после того как уверял вас, что терпеть ее не может.

Миссис Линтон видела, как Изабелла вырвалась и убежала в сад, а через минуту Хитклиф уже открывал нашу дверь. Я не смогла сдержаться и уже почти дала выход своему негодованию, но Кэтрин раздраженно велела мне замолчать и пригрозила, что выгонит меня из кухни, коли я не придержу свой дерзкий язык.

— Послушать тебя — так ты здесь настоящая хозяйка! — воскликнула она. — Пора указать тебе на твое место в доме! Хитклиф, что ты задумал, устроив этот скандал? Разве я не просила тебя оставить в покое Изабеллу? И очень надеюсь, что ты меня послушаешь, если тебе не надоело здесь бывать и ты не хочешь, чтобы Линтон закрыл перед тобой на замок все двери!

— Пусть только попробует! — ответил злодей. (Как же я его тогда ненавидела!) — Дай бог, чтобы Линтон не утратил свою покорность и терпеливость! С каждым днем мне все сильнее хочется отправить его на не- беса!

— Замолчи! — сказала Кэтрин, прикрыв дверь из кухни. — Не зли меня. Почему ты пренебрег моей просьбой? Изабелла намеренно попалась тебе на глаза?

— А тебе что за дело? — прорычал он. — Я имею право поцеловать ее, раз уж она не против; а у тебя нет права мне мешать. Я не *твой* муж, и *тебе* не пристало меня ревновать.

— Я тебя не ревную, — ответила хозяйка. — Я за тебя волнуюсь. Не хмурь лицо и не сердись на меня! Если любишь Изабеллу, так женись на ней. Но любишь ли ты ее? Скажи правду, Хитклиф. Вот видишь, молчишь! Я уверена, что не любишь.

— А согласится ли мистер Линтон выдать сестру за такого человека? — вмешалась я.

— Мистер Линтон согласится, — решительно ответила Кэтрин.

— Он может не беспокоиться, — сказал Хитклиф. — Мне его согласие не требуется. А что до тебя, Кэтрин, то я желаю кое-что сказать тебе, раз уж зашел такой разговор. Так вот знай: я отдаю себе отчет, с какой дьявольской жестокостью ты ко мне относишься. Слышишь? И если ты пытаешься убедить себя, что я ничего не чувствую, то ты просто глупа; если думаешь, что меня можно успокоить ласковыми словами, то ты совер-

шенная дура; а если считаешь, что я так и буду страдать и не отомщу, то очень скоро я докажу тебе обратное. Покуда же спасибо, что выдала мне секрет своей золовки. Клянусь, я извлеку из него пользу! А ты отойди в сторону.

— Это что-то новенькое! — воскликнула потрясенная миссис Линтон. — Я отношусь к тебе с дьявольской жестокостью, и ты отомстишь? Как же ты собираешься мстить, неблагодарный негодяй? И в чем моя дьявольская жестокость?

— Тебе я не буду мстить, — ответил Хитклиф уже без прежней злобы. — Мой план иной. Когда тиран сокрушает своих рабов, они не восстают против него — они сокрушают тех, кто ниже их. Так что можешь замучить меня до смерти забавы ради, только позволь мне немного поразвлечься в том же духе и, если сумеешь, воздержись от оскорблений. Сровняв с землей мой дворец, не строй для меня ветхую лачугу, самодовольно наслаждаясь собственной благотворительностью. Если бы я поверил, что ты действительно желаешь моего брака с Изабеллой, я бы перерезал себе горло!

— Ах, вот как! Выходит, по-твоему, плохо, что я тебя *не ревную*, да? — воскликнула Кэтрин. — Что ж, больше не буду предлагать тебе ее в жены.

Это так же дурно, как предлагать сатане заблудшую душу. Ты, как и он, находишь блаженство в сеянии зла. Ты это доказал. Эдгар избавился от раздражения, с которым встретил твой приход. Я тоже начала обретать уверенность и спокойствие. А ты, недовольный, что мы пребываем в мире и согласии, похоже, решил посеять меж нами вражду. Если хочешь, поссорься с Эдгаром, Хитклиф, и обмани его сестру. Это будет поистине самым лучшим способом мне отомстить.

Разговор прервался. Миссис Линтон села у огня, раскрасневшаяся и мрачная. Служивший ей дух вышел из повиновения — она не могла ни унять его, ни управлять им. Хитклиф стоял у камина, скрестив на груди руки и предаваясь своим недобрым мыслям. В этом положении я их оставила и пошла искать хозяина, который, должно быть, удивлялся, что задержало Кэтрин внизу.

— Эллен, — вы не видели хозяйку? — спросил он, когда я вошла.

— Видела. Она на кухне, сэр, — ответила я. — Очень огорчена поведением мистера Хитклифа. В самом деле, я убеждена, что надобно по-иному смотреть на его визиты. От столь мягкого отношения к нему у нас одни неприятности, и теперь дело дошло до того, что… — Я рассказала

Эдгару о сцене во дворе и, насколько осмелилась подробно, об их последующем споре с Кэтрин. Мне казалось, это не отразится пагубно на миссис Линтон, если позже она сама не усугубит ситуацию, защищая своего гостя. Эдгар Линтон с трудом дослушал меня до конца. Первые же его слова свидетельствовали о том, что с жены он вину не снимает.

— Это невыносимо! — воскликнул он. — Позорно иметь такого друга, да еще заставлять меня его принимать! Позовите двух слуг из прихожей, Эллен. Кэтрин не следует продолжать разговор с этим низким негодяем. Довольно я ей потворствовал.

Он спустился вниз и, приказав слугам ждать в коридоре, направился на кухню. Я пошла следом. Кэтрин и Хитклиф вновь затеяли жаркий спор. Во всяком случае, миссис Линтон укоряла своего друга с первоначальной пылкостью; Хитклиф же отошел к окну и стоял, повесив голову, несколько укрощенный ее бурными попреками. Он первый увидел хозяина и торопливым жестом подал ей знак замолчать, что она сразу же и сделала, угадав причину.

— Что здесь происходит? — обратился Линтон к Кэтрин. — Может, ты позабыла о правилах

приличия, если остаешься здесь после всего, что наговорил тебе этот мерзавец? Наверное, такова его обычная манера, раз ты не желаешь обращать на нее внимание. Ты привыкла к его подлости и думаешь, я тоже притерплюсь.

— Ты что же, подслушивал под дверью, Эдгар? — спросила хозяйка тоном, которым явно решила взбесить мужа — она говорила небрежно, с презрением к его недовольству.

Услышав речь Эдгара, Хитклиф поднял голову, а после слов Кэтрин издевательски расхохотался — похоже, он сделал это нарочно, чтобы привлечь к себе внимание мистера Линтона. Ему это удалось, однако Эдгар вовсе не собирался забавлять Хитклифа высокопарными сентенциями.

— До сих пор я терпел вас, сэр, — тихо произнес он. — Не могу сказать, что я не знал о вашем подлом, дрянном характере, но мне казалось, что вы лишь отчасти в нем виноваты, а поскольку Кэтрин не хотела отказываться от дружбы с вами, я уступил ей — и совершил глупость. Вы словно яд, отравляющий самую чистую душу. По этой причине, а также дабы избежать худших последствий, с этой минуты я запрещаю вам бывать в моем доме и требую, чтобы вы тотчас покинули его. Помедлите три минуты — и будете принуди-

тельно выдворены отсюда с позором.

Хитклиф окинул его невысокую и худенькую фигуру насмешливым взглядом.

— Кэти, твой ягненок грозится, точно буйвол! — сказал он. — Пусть побережется, не то как бы его череп не раскололся о мой кулак. Ей-богу, мистер Линтон, мне чрезвычайно жаль, что вы не стоите хорошей взбучки!

Хозяин посмотрел в сторону коридора и подал мне знак позвать людей. Он не желал рисковать, лично вступив в схватку с соперником. Я поняла его просьбу, но миссис Линтон, заподозрив неладное, пошла за мной следом и, когда я попыталась позвать слуг, оттолкнула меня, захлопнула дверь и заперла ее на ключ.

— Честный прием, нечего сказать! — сказала она в ответ на рассерженно-удивленный взгляд мужа. — Если тебе не хватает мужества напасть на него, принеси извинения или смирись с побоями. Это научит тебя не изображать храбреца. Я скорее проглочу этот ключ, чем отдам тебе! Как же вы оба отплатили мне за мою доброту! После вечного потакания слабому нраву одного и злобному нраву другого я получаю в награду слепую неблагодарность — глупую до нелепости! Эдгар, я защищала тебя и твой дом. Но раз ты посмел

дурно обо мне подумать, пусть Хитклиф задаст тебе трепку, да так, чтобы тебе стало худо!

Трепки не потребовалось — хозяину стало худо и без нее. Он попытался вырвать у Кэтрин ключ, а она для верности швырнула его в ярко пылавший огонь камина. Покрывшись мертвенной бледностью, мистер Эдгар затрясся в нервном припадке. Он испытывал мучительное унижение из-за того, что не смог подавить бурное проявление своих чувств. Хозяин облокотился на спинку стула и закрыл руками лицо.

— Бог ты мой! В былые времена тебя бы произвели в рыцари! — воскликнула миссис Линтон. — Мы сражены! Сражены! Хитклиф и пальцем не шевельнет в твою сторону, ведь это все равно что королю двинуть армию против стайки мышей. Успокойся, никто тебя не тронет! Ты даже не ягненок, а новорожденный зайчонок.

— Желаю тебе, Кэти, счастья с трусом, у которого вместо крови в жилах течет молоко! — сказал ее друг. — Поздравляю, у тебя отличный вкус. И этого дрожащего слюнтяя ты предпочла мне! Я не стал бы марать руки, но с превеликим удовольствием дал бы ему пинка. Он что там, плачет или собирается хлопнуться в обморок от страха?

Хитклиф подошел и толкнул стул, на который

опустился мистер Линтон. Но лучше бы он держался от моего хозяина подальше. Тот быстро вскочил и, собрав все силы, ударил Хитклифа прямо в шею — менее крепкий противник наверняка бы рухнул. На минуту у Хитклифа перехватило дыхание, и, пока он боролся с приступом удушья, мистер Линтон вышел через черный ход во двор, а оттуда направился к парадной двери.

— Ну вот, больше тебе здесь не бывать! — воскликнула Кэтрин. — Уходи. Он сейчас вернется с пистолетами и полудюжиной помощников. Если он нас слышал, то, конечно, никогда тебя не простит. Ты подвел меня, Хитклиф, но теперь беги! По мне, пусть лучше в безвыходном положении окажется Эдгар, чем ты.

— Думаешь, я уйду, когда у меня вся глотка горит, точно в огне? — прогремел Хитклиф. — Клянусь дьяволом, что нет! Прежде чем ступить за порог, я все ребра ему переломаю, как скорлупу гнилого ореха! Если я не изобью его сейчас, то когда-нибудь просто убью, так что, если тебе дорога его жизнь, дай мне до него добраться!

— Он не придет, — вмешалась я, решившись ради такого случая на ложь. — Там кучер и два садовника. Вы, конечно, не хотите, чтобы вас вышвырнули на дорогу эти люди! У каждого по

дубинке, а хозяин наверняка будет смотреть из окна гостиной, как они выполняют его приказ.

Садовники и кучер действительно были недалеко, но с ними был и хозяин. Они уже приближались к дому. Хитклиф, поразмыслив, решил избежать недостойной драки с тремя слугами. Схватив кочергу, он сбил замок с внутренней двери и скрылся как раз в тот момент, когда те четверо с грохотом ввалились в комнату.

Миссис Линтон, пребывая в сильном волнении, попросила меня подняться с ней наверх. Она не знала о моей роли в разразившемся скандале, но и я готова была сделать все, чтобы она оставалась в неведении.

— Я чуть не сошла с ума, Нелли! — воскликнула она, падая на диван. — У меня в голове словно стучит тысяча кузнечных молотов! Скажи Изабелле, чтобы не попадалась мне на глаза; вся эта кутерьма из-за нее, и если она или кто-нибудь другой разозлят меня еще больше, я совсем взбешусь! И скажи Эдгару, Нелли, если увидишь его сегодня вечером, что мне грозит опасность серьезно заболеть — хоть бы так оно и случилось! Он потряс меня и ужасно расстроил! Хочу его напугать. К тому же он может явиться и начать сыпать оскорблениями или жалобами. А я, конечно же,

стану отвечать, и только одному богу известно, до чего мы договоримся! Сделаешь, как я прошу, моя добрая Нелли? Ты ведь понимаешь, что я не виновата в этой истории. С чего он вдруг начал подслушивать? Когда ты ушла, речи Хитклифа стали просто возмутительны, но я вскоре смогла бы отговорить его от ухаживаний за Изабеллой, а остальное не имеет значения. Но теперь все пошло прахом. И все из-за того, что глупцу понадобилось слушать о себе дурные слова — есть же люди, которые просто одержимы такой потребностью, словно дьяволом! Если бы Эдгар не узнал о нашем разговоре, хуже бы не стало. В самом деле, когда он безо всякого повода накинулся на меня в таком недопустимом тоне и стал высказывать свое недовольство, после того как я отчитала Хитклифа, я рассердилась теперь уже на *него*, и мне было почти безразлично, как они поведут себя друг с другом — особенно потому, что я чувствовала: независимо от окончания этой сцены всем нам теперь придется быть порознь, и никому не ведомо, как долго это продлится. Посему, если я не смогу оставить Хитклифа в друзьях — если Эдгар станет злобствовать и ревновать, — я разобью сердце им обоим, разбив свое. Вот быстрый способ закончить всю эту историю, стоит

им довести меня до крайности! Но прибегну я к нему, лишь когда не останется никакой надежды. И для Линтона это не будет неожиданностью. До сих пор он вел себя благоразумно и опасался вызывать мой гнев. Ты должна объяснить ему всю пагубность его отказа от такого поведения и напомнить о моем буйном нраве, который, если меня разозлить, приведет к безумию. Хочу, чтобы ты согнала с него апатию и заставила наконец тревожиться обо мне.

Спокойствие, с которым я выслушивала эти распоряжения, несомненно, показалось ей возмутительным, ибо говорила она абсолютно откровенно. Но я полагала, что человек, намеревающийся обратить себе на пользу собственные приступы ярости, мог бы, проявив волю, как-нибудь научиться сдерживаться, даже находясь в их власти; к тому же я не хотела пугать хозяина, как она велела, умножая его переживания ради ее себялюбия. Посему я ничего не сказала, встретив его на пути к гостиной, но взяла на себя смелость повернуть назад: мне хотелось знать, не возобновится ли их ссора. Мистер Линтон заговорил первым.

— Останься, Кэтрин, — сказал он безо всякого гнева в голосе, но с печальным, подавленным ви-

дом. — Я скоро уйду. Я пришел не для того, чтобы пререкаться или мириться. Просто хочу знать, собираешься ли ты после сегодняшних событий продолжать свою дружбу с…

— Ох, ради всего святого! — перебила хозяйка, топнув ногой. — Ради всего святого, довольно об этом! Твоя холодная кровь все равно не сможет разгорячиться. В твоих жилах течет ледяная вода, а у меня внутри все кипит, меня трясет от твоего хладнокровия!

— Чтобы избавиться от моего присутствия, ответь на мой вопрос, — настаивал мистер Линтон. — Ты *должна* ответить, а твоя горячность меня не пугает. Я понял, что ты прекрасно умеешь владеть собой, когда захочешь. Ты намерена отныне отказаться от Хитклифа или ты откажешься от меня? Ты не сможешь быть другом одновременно и *мне*, и *ему*. И я *требую*, чтобы ты ответила, кого выбираешь.

— А я требую, чтобы меня оставили в покое! — яростно вскричала Кэтрин. — Я настаиваю! Не видишь разве, что я еле держусь на ногах? Эдгар… ты… ты… уходи! — И она начала звонить в колокольчик, пока он с треском не сломался.

Я вошла, не торопясь. Такого бессмысленного, злобного бешенства хватило бы, чтоб вывести

из себя святого. Она лежала на диване, билась головой о валик и скрежетала зубами так, что, казалось, сотрет их в порошок! Мистер Линтон смотрел на жену с неожиданным страхом и угрызениями совести. Приказал мне принести ей воды. Она задыхалась и не могла говорить. Я принесла полный стакан и, поскольку Кэтрин отказывалась пить, побрызгала водою ей в лицо. Через несколько секунд она вытянулась и замерла, закатив глаза, а ее щеки моментально побелели и приобрели синий отлив, как у покойницы. Линтон пришел в ужас.

— Ничего страшного, — прошептала я. Мне не хотелось, чтобы он сдался, хотя в глубине души я все-таки волновалась.

— У нее на губах кровь! — проговорил он, содрогнувшись.

— Не обращайте внимания, — отозвалась я не без сарказма и поведала ему, как перед его приходом Кэтрин собиралась разыграть нервический припадок. Позабыв об осторожности, я говорила громко, и она меня услышала — вскочила с разметавшимися по плечам волосами и горящими глазами, мышцы ее рук и шеи неестественно напряглись. Я уже ждала, что мне, самое малое, переломают кости, но она лишь окинула нас

безумным взглядом и выбежала из комнаты. Хозяин приказал мне следовать за нею. Так я и сделала, но дошла только до двери в ее спальню, ибо она не впустила меня и заперлась.

Поскольку на следующее утро она так и не явилась к завтраку, я поднялась и спросила, не надо ли принести завтрак к ней наверх. «Нет!» — ответила она тоном, не терпящим возражений. Тот же вопрос был задан по поводу обеда и чая и получен тот же ответ. Назавтра все повторилось. Что до мистера Линтона, то он проводил все время в библиотеке и о жене не справлялся. Целый час он беседовал с Изабеллой, пытаясь вызвать у нее надлежащее чувство ужаса в связи с ухаживаниями Хитклифа, но из ее уклончивых ответов ничего подобного не следовало. В результате он прекратил расспросы, не добившись желаемого, однако со всей серьезностью предупредил напоследок: если сестра продолжит поощрять этого презренного жениха, всякие родственные связи между ними будут разорваны.

Глава 12

Пока мисс Линтон печально бродила по парку и саду, всегда в молчании и почти всегда в слезах, а брат ее сидел, запершись среди книг, которых не открывал, и, как мне казалось, изнывал от тоски и смутной надежды, что Кэтрин, раскаявшись в своем поведении, придет к нему сама, попросит прощения и станет искать мира — *она* же упрямо отказывалась от еды, возможно, полагая, что за столом Эдгар всякий раз не в состоянии проглотить кусок из-за отсутствия жены и лишь гордость мешает ему немедля броситься к ее ногам, — я продолжала выполнять свои обязанности по ведению хозяйства, убежденная, что в стенах «Дроздов» осталась одна разумная душа, и душа эта обитает в моем теле. Я не выражала сочувствия мисс Изабелле, не пыталась увещевать миссис Линтон и не обращала особого внимания на вздохи хозяина, который жаждал услышать хотя бы имя жены, если уж не было возможности услышать ее голос. Я решила, что они должны разобраться сами, и, хотя время тянулось утомительно долго, в конце концов я с радостью

заметила, что забрезжила слабая надежда на перемены, как показалось мне поначалу.

На третий день миссис Линтон отперла дверь и попросила налить воды в кувшин и графин, ибо они уже были пусты, а также принести ей тарелку каши, потому что она, похоже, умирает. Эта речь, подумалось мне, была предназначена для ушей Эдгара. Я же не верила в вероятность смерти хозяйки, поэтому ничего не ответила и принесла ей чаю и гренки. Она с жадностью попила и поела, а после вновь откинулась на подушку, стеная и сжав кулаки. «О, я умру! — воскликнула она. — Потому что я никому не нужна. Не надо было мне есть!» Затем, гораздо позже, я услышала, как она бормочет: «Нет, я не умру… он только обрадуется… он меня совсем не любит… и не будет без меня скучать!»

— Вам что-нибудь нужно, мэм? — спросила я все с тем же безучастным выражением, несмотря на ее жуткий вид и непривычную манеру взволнованно бормотать.

— Что делает этот жалкий человек? — спросила она, откинув густые спутанные локоны с изможденного лица. — Может, впал в летаргию или умер?

— Ни то и ни другое, — ответила я. — Если вы о

мистере Линтоне, то, я думаю, он вполне здоров, хотя предается своим занятиям гораздо усерднее, чем следовало бы. Он все время проводит среди книг, ведь у него нет иного общества.

— Среди книг! — потрясенная, воскликнула она. — Когда я умираю! Когда я на краю могилы! Боже мой! Он хоть знает, как я переменилась? — продолжала она, глядя на свое отражение в зеркале на стене напротив. — И это Кэтрин Линтон? Думает, я капризничаю или притворяюсь? Неужто ты не можешь сообщить ему, что все страшно серьезно? Нелли, пока еще не поздно, как только я узнаю, каковы его чувства, я сделаю одно из двух: либо тотчас умру от голода (но это не будет ему наказанием, если у него нет сердца), либо поправлюсь и уеду отсюда. Ты сейчас правду про него рассказываешь? Не лги мне. Ему и впрямь безразлично, жива я или нет?

— Отчего же, мэм? — ответила я. — Хозяин и не подозревает, что вы так плохи. И уж конечно, не опасается, что вы уморите себя голодом.

— Не опасается? А ты скажи ему, что уморю! Убеди его! Как будто ты сама так думаешь. Скажи, что ты уверена, что я себя уморю!

— Нет, миссис Линтон, не уморите, — высказала я свое мнение. — Вы забываете, что сегодня

вечером вы с аппетитом поели, и завтра наверняка почувствуете благотворный результат.

— Если бы я была уверена, что это его убьет, — перебила она меня, — я сейчас же покончила бы с собой! За эти три жуткие ночи я ни разу не сомкнула глаз и — о Боже! — как я терзалась! У меня были видения, Нелли! Но мне начинает казаться, что ты меня совсем не любишь. Как странно! Я думала, все ненавидят и презирают друг друга, но меня все-таки любят! А они за несколько часов стали врагами. Я уверена, что стали. Все эти люди. Как печально встретить смерть в окружении холодных лиц! Изабелла в страхе и отвращении боится войти в комнату, ей жутко смотреть, как умирает Кэтрин! А Эдгар стоит рядом в мрачной торжественной позе и ждет моего конца, а потом благодарит Бога за то, что в доме наконец-то воцарился мир, и возвращается к своим *книгам!* Есть ли еще на свете люди, способные чувствовать? Что ему в *книгах*, когда я умираю?

Кэтрин не могла вынести мысль, которую я вложила в ее голову, об уходе мистера Линтона в философию. Она металась в постели, и ее лихорадочное возбуждение постепенно перерастало в безумие, она рвала зубами подушку, потом поднялась вся в жару и потребовала открыть окно.

Стояла середина зимы, дул сильный северо-восточный ветер, и я воспротивилась. Постоянно меняющееся выражение ее лица, как и смена настроения, начали меня не на шутку беспокоить, напомнив о ее прошлой болезни и об указаниях доктора ей не перечить. Всего лишь минуту назад она буйствовала, а теперь, подперев голову рукой и не замечая моего отказа выполнить ее приказание, она, точно ребенок, отвлеклась на что-то другое — из прорех в подушке, которую только что сама изорвала, она вытаскивала перья и раскладывала их по кучкам. Ее блуждающие мысли унеслись к другим предметам.

— Это индюшачье, — бормотала она, — это дикой утки, это голубиное. Ах, они набивают подушки голубиными перьями! Неудивительно, что я не умерла! Надо бы не забыть выбросить ее на пол, прежде чем лечь. Это шотландской куропатки, а это — я узнала бы его из тысячи — это перышко чибиса. Красивая птичка, кружилась у нас над головами посреди пустоши. Хотела добраться до своего гнезда, потому что облака почти касались холмов и в воздухе пахло дождем. Это перо подобрано в кустах вереска, потому что птицу никто не убивал. Как-то раз зимой мы нашли ее гнездо с маленькими скелетиками. Хитклиф

поставил над ним силки, и родители-чибисы боялись опуститься к своим деткам. После этого случая я заставила его поклясться, что он больше никогда не застрелит чибиса. И он пообещал. Да, вот еще перья! Выходит, он застрелил моих чибисов, Нелли? Там есть красные перышки, хоть одно? Дай-ка взглянуть.

— Какое ребячество! — прервала я ее, забрав подушку и перевернув прорехами вниз, ибо хозяйка вытаскивала полные пригоршни содержимого. — Лягте и закройте глаза, у вас мысли путаются. Что за беспорядок вы устроили! Пух так и кружится, точно снег.

И я принялась собирать пух и перья по всей комнате.

— Я вижу тебя, Нелли, — сонно проговорила Кэтрин, — пожилой женщиной. Ты седая и сгорбленная. Эта кровать — сказочная пещера под Пенистон-Крэгом. А ты собираешь наконечники стрел, чтобы потом охотиться на наших телок, притворяясь, пока я рядом, что это всего лишь клочки шерсти. Вот какой ты станешь через пятьдесят лет. Знаю, что сейчас ты не такая. И мысли у меня не путаются, ты ошибаешься, иначе я бы поверила, что ты и есть та морщинистая ведьма и что я лежу в пещере под Пенистон-Крэгом. Но я-то

понимаю, что сейчас ночь, на столе две свечи, и от их света черный шкаф сияет, словно гагат.

— Черный шкаф? Где он? — удивилась я. — Вы разговариваете во сне!

— Стоит у стены, как всегда, — отвечала она. — Но он и в самом деле какой-то странный. Посмотри — на нем лицо!

— В комнате нет шкафа и никогда не было, — сказала я и вновь села, предварительно откинув занавеску, чтобы лучше было видно Кэтрин.

— Разве *ты* не видишь это лицо? — спросила она, пристально всматриваясь в зеркало.

Что бы я ни говорила, мне так и не удалось убедить ее, что лицо в зеркале — ее собственное, поэтому я поднялась и накинула на зеркало шаль.

— Но оно все еще там! — с волнением настаивала она. — Оно шевельнулось. Кто это? А вдруг оно вылезет, когда ты уйдешь? О, Нелли, в комнате привидение! Я боюсь оставаться одна!

Я взяла ее за руку и стала успокаивать, ибо ее тело сотрясали судороги и она никак не могла отвести от зеркала взгляд.

— Там никого нет, — повторяла я. — Это лишь ваше отражение, миссис Линтон, и вы это сами прекрасно знаете.

— Мое! — ахнула она. — И часы бьют двенадцать! Значит, правда. Какой ужас!

Ее пальцы вцепились в одеяло и натянули его на глаза. Я было попыталась тихонько прокрасться к двери с намерением позвать ее мужа, но пронзительный крик заставил меня вернуться. С рамы зеркала упала шаль.

— Ну, что случилось? — воскликнула я. — И кто после этого трусиха? Очнитесь, миссис Линтон! Это всего лишь стекло — зеркало, и вы видите в нем себя; и меня тоже — рядышком.

Она вся дрожала, ничего не понимая, и держала меня крепко. Но постепенно ужас сошел с ее лица. Бледность уступила место краске стыда.

— Боже мой! Мне почудилось, что я дома, — вздохнула она. — Будто я лежу в своей комнате в «Грозовом перевале». Я ослабела, оттого у меня в голове все перепуталось и я невольно закричала. Не говори ничего, просто побудь со мною. Я боюсь засыпать. У меня такие страшные сны.

— Крепкий сон вам только на пользу, мэм, — ответила я. — И надеюсь, эти переживания удержат вас от попыток вновь начать голодать.

— Ах, если бы только я очутилась в своей постели в нашем старом доме! — горько посетовала она, ломая руки. — И услышала этот ветер, что

шумит и царапает еловыми ветками у самого окна! Дай мне его почувствовать — он прилетел прямо оттуда, с вересковой пустоши, — дай мне хоть разок вдохнуть этот воздух!

Чтобы ее успокоить, я на несколько секунд отворила окно, и ледяной ветер ворвался в комнату. Потом, когда ставень был закрыт, я вернулась на свое место у постели. Теперь она лежала тихо, обливаясь слезами. Изнуренное ее тело полностью укротило дух. Наша буйная Кэтрин была теперь как малый ребенок.

— Сколько дней прошло, с тех пор как я здесь заперлась? — вдруг спросила она, вернувшись к действительности.

— С вечера понедельника, — ответила я, — до ночи четверга. Точнее, сейчас уже утро пятницы.

— Что? Той же недели? — воскликнула она. — Всего лишь?

— Срок немалый, если питаться одною холодною водой и злостью, — заметила я.

— А мне показалось, что время тянулось утомительно долго, — пробормотала она с сомнением. — Должно быть, все-таки дольше. Помню, как я была в гостиной после их ссоры, Эдгар своею жестокостью вывел меня из себя, и я в отчаянии убежала в эту комнату. Как только

я заперла дверь, на меня навалилась полнейшая тьма, и я упала на пол. Я не смогла объяснить Эдгару, что, если он не перестанет меня дразнить, у меня точно случится нервный припадок или приступ безумия — я это чувствовала! Ни язык, ни мозг уже мне не повиновались, а он, наверное, не догадывался, в какой я агонии; у меня едва хватило соображения скрыться от него и от его голоса. Прежде чем я пришла в себя настолько, что могла видеть и слышать, наступил рассвет; и, Нелли, я открою тебе свои мысли, которые вновь и вновь возникали в моей голове, пока я не испугалась, что схожу с ума. Когда я лежала там, упершись головой в ножку стола, и глаза мои едва различали серый квадрат окна, мне чудилось, что я спряталась дома в своей кровати с дубовыми панелями и мое сердце страдает из-за какого-то огромного несчастья, но в чем оно, я, очнувшись, не в силах была припомнить. Я размышляла, мучительно соображая, что это могло быть; а что самое удивительное, последние семь лет моей жизни как будто исчезли! Казалось, их не было вовсе. Я была ребенком, отца только что схоронили, и я горевала оттого, что Хиндли не давал нам с Хитклифом быть вместе. Я впервые лежала одна. И, очнувшись от гнетущей дремоты,

после ночи, проведенной в рыданиях, я подняла руку, чтобы раздвинуть панели. Но рука ударилась в столешницу! Тогда я провела ею по ковру, и ко мне вернулась память. Пережитое во сне горе утонуло в новой бездне отчаяния. Не знаю, почему я чувствовала себя такою ужасно несчастной. Наверное, случилось какое-то временное помрачение ума, ибо причины я не находила. Но представь, что меня, двенадцатилетнюю девочку, прогнали из «Перевала», лишили всех моих детских радостей и того, кто был для меня в ту пору всем на свете — Хитклифа, и, как по волшебству, превратили в миссис Линтон, хозяйку поместья «Дрозды», жену незнакомца, изгнанницу и бездомную, оторванную от своего родного мира, — и ты увидишь краешек той бездны, на дне которой я распростерлась! Ты можешь, сколько хочешь, качать головой, Нелли, но это с твоей помощью я чуть не помешалась! Ты обязана была поговорить с Эдгаром — да, обязана! — и убедить его не раздражать меня! О, я вся горю! Мне надо выйти на воздух! Хочу снова стать девочкой, полудикаркой, отчаянной и свободной, смеяться над своими бедами, а не сходить от них с ума! Отчего я так переменилась? Отчего моя кровь вскипает, как бешеная, из-за нескольких слов? Я точно знаю,

что опять буду такой, как прежде, стоит мне оказаться на вересковых полях среди тех холмов. Открой настежь окно — открой и закрепи раму! Быстрее! Почему ты не двигаешься с места?

— Потому что не хочу, чтобы вы умерли от простуды, — ответила я.

— Лучше скажи, что не хочешь, чтобы я выжила, — мрачно сказала она. — Впрочем, не такая уж я беспомощная. Сама открою.

Соскользнув с кровати, прежде чем я успела ее остановить, она нетвердым шагом пересекла комнату, распахнула окно и высунулась наружу, не замечая ледяного ветра, который, словно острый нож, кромсал ей плечи. Я умоляла ее отойти, потом попыталась оттащить. Но быстро выяснилось, что сила безумной женщины намного превосходит мою (а она *была* безумна, как стало понятно по ее последующим поступкам и бредовым речам). Ночь стояла безлунная, и все внизу лежало в туманной мгле. Ни в одном доме не горел свет — ни вблизи, ни вдали, — его давно везде потушили. А «Грозового перевала» и вовсе не было видно, но она утверждала, что заметила родные огоньки.

— Погляди! — воскликнула она. — Вон моя комната, там горит свеча, рядом качаются дере-

вья, а другой огонек светит из каморки Джозефа. Ведь Джозеф любит засиживаться допоздна, правда? Он ждет, когда я вернусь домой, чтобы запереть ворота. Что ж, придется ему на этот раз подождать. Путь туда нелегкий и печальный. И надобно пройти мимо гиммертонской церкви и церковного кладбища! Мы вдвоем часто испытывали себя — не устрашимся ли привидений: вставали оба среди могил и призывали покойников выйти. Хитклиф, коли я предложу тебе это испытание теперь, ты согласишься? Если да, то я тоже пойду с тобою. Не буду лежать здесь одна. Пусть они похоронят меня глубоко-глубоко, а сверху придавят церковью, я не уймусь, пока ты не упокоишься рядом. Не бывать этому! — Она остановилась, а потом продолжила со странною улыбкой: — Он раздумывает — хочет, чтобы я пришла к нему! Тогда найди дорогу — но не через кладбище! Что же ты медлишь? Не волнуйся, ты же всегда шел за мною!

Понимая, что спорить с этим бредом невозможно, я подыскивала способ, как достать что-нибудь теплое и укутать Кэтрин, при этом не отпуская ее (я не могла оставить ее одну перед распахнутым окном), как вдруг, к моему ужасу, до меня донесся скрип поворачивающейся дверной ручки, и в

комнате появился мистер Линтон. Он только теперь возвращался из библиотеки и, проходя по коридору, услыхал наши голоса. То ли любопытство, то ли страх толкнули его проверить, что за разговоры ведутся в столь поздний час.

— О сэр! — закричала я, прервав восклицание, готовое сорваться с его губ при виде того, что происходило в холодной и мрачной комнате. — Моя бедная хозяйка больна! Мне с нею не справиться. Я ничего не могу поделать! Прошу вас, подойдите и уговорите ее лечь в постель. Забудьте свой гнев, ибо она никого не слышит, кроме себя.

— Кэтрин больна? — удивился он и поспешил к нам. — Закройте окно, Эллен! Кэтрин! Почему…

Он смолк. Изможденный вид миссис Линтон так поразил его, что он не мог выговорить ни слова и лишь смотрел то на нее, то на меня в изумлении и ужасе.

— Она терзала себя здесь, — продолжала я, — почти ничего не ела, но до сегодняшнего вечера никому не жаловалась и никого к себе не пускала, поэтому мы не могли сообщить вам о ее состоянии — мы и сами ничего толком не знали. Но не волнуйтесь, это несерьезно.

Я чувствовала, что слова мои звучат неубедительно. Хозяин нахмурился.

— Несерьезно, Эллен Дин? — сурово спросил он. — Вам следовало бы объяснить, почему вы держали меня в неведении!

Он взял жену на руки и с тревогой посмотрел на нее.

Сначала Кэтрин его не признала; перед ее рассеянным взором он оставался невидимым. Безумие, однако, не поглотило ее целиком. Отведя взгляд от ночной мглы, мало-помалу она сосредоточила его на мистере Линтоне и поняла наконец, кто ее держит.

— Ах, значит, ты все-таки пришел, Эдгар Линтон? — оживленно и злобно сказала она. — Ты из тех, кто вечно объявляется, когда в них нет никакой надобности, а когда они действительно нужны — днем с огнем не сыщешь! Думаю, теперь у нас будет повод погоревать — да, будет; но никто не посмеет лишить меня того узенького жилища, того места упокоения, куда меня положат до конца весны! Вон там — не среди Линтонов, запомни это, не под церковной крышей, а на открытом воздухе, под могильным камнем. А ты уж сам решай — лежать тебе потом с ними или со мною!

— Кэтрин, что ты наделала? — заговорил хозяин. — Разве я больше ничего для тебя не значу?

Неужто ты любишь этого негодяя Хит…

— Замолчи! — вскричала миссис Линтон. — Замолчи сию же минуту! Еще раз назовешь это имя, и я положу всему конец — брошусь из окна! Тебе принадлежит то, что ты держишь в руках, но моя душа будет на вершине того холма, прежде чем ты дотронешься до меня снова. Ты мне не нужен, Эдгар. Когда-то был нужен, но это прошло. Возвращайся к своим книгам. Я рада, что тебе есть чем утешиться, ибо все, что было связано со мною, ушло.

— Она бредит, сэр, — вмешалась я. — Целый вечер говорит глупости. Но в спокойной обстановке и при должном уходе она поправится. В дальнейшем нужно стараться не досаждать ей.

— Мне больше не требуются ваши советы, — ответил мистер Линтон. — Вы знали нрав вашей хозяйки, но подталкивали меня к строгости. И даже не намекнули, что с ней происходило за эти три дня. Какое бессердечие! Такую перемену не могли бы вызвать и несколько месяцев болезни!

Я стала защищаться, ибо считала, что нехорошо обвинять меня в злобном своеволии другого человека.

— Я знала, что характер у миссис Линтон упрямый и властный! — воскликнула я. — Но не

подозревала, что вы намерены пестовать сей буйный нрав. И что, дабы угодить ей, мне следует закрывать глаза на происки мистера Хитклифа. Все рассказав вам, я честно выполнила свой долг — за это я жалованье получаю! Что ж, значит, в следующий раз буду осторожнее. Теперь сами узнавайте, что да как!

— В следующий раз вы будете уволены, если придете ко мне со сплетнями, Эллен Дин, — ответил он.

— Выходит, вам лучше ничего не знать, мистер Линтон? И вы позволяете Хитклифу ухаживать за мисс Изабеллой, заходить к нам всякий раз, когда вас нет дома, и настраивать хозяйку против вас?

Хоть у Кэтрин и путалось сознание, она внимательно следила за нашим разговором.

— Вот оно что! Выходит, Нелли — предательница! — воскликнула она с чувством. — Нелли — мой тайный враг! Ах ты, ведьма! Ты в самом деле ищешь наконечники стрел, чтобы сразить нас! Пусти меня, Эдгар, я заставлю ее сожалеть о содеянном! Я вырву у нее отречение от ведьминских козней!

Под ее нахмуренными бровями запылала ярость буйнопомешанной. Она отчаянно билась, пытаясь высвободиться из рук мистера Линтона.

У меня не было желания дожидаться окончания этой сцены, и, решив самолично искать помощь доктора, я вышла из комнаты.

Проходя мимо сада в сторону дороги, я заметила, что в том месте, где в забор вбит крюк, на который обыкновенно цепляют уздечки, трепещет что-то белое, причем это мелькание вызвано не ветром, а какой-то иною причиною. Невзирая на спешку, я остановилась с намерением рассмотреть, что там колышется, дабы позже в своем воображении не отнести сие существо к потустороннему миру. Каково же было мое изумление, когда я обнаружила, скорее на ощупь, чем воочию, что это Фанни, собачка мисс Изабеллы, висит при последнем издыхании, привязанная к крюку носовым платком. Я быстро высвободила бедняжку и пустила в сад. Вечером, когда ее хозяйка поднималась к себе спать, я видела, как собачонка бежала следом, и меня крайне удивило, что сейчас она оказалась в саду. Да и какой негодник мог так жестоко с ней обойтись? Пока я отвязывала от крюка узел, мне почудилось, что вдалеке слышится мерный стук копыт бегущих галопом лошадей; но в ту пору многое занимало мои мысли, и я едва ли придала этому значение, хотя в наших краях странно было слышать лоша-

диный топот в два часа ночи.

К счастью, когда я подошла к дому мистера Кеннета, он как раз выходил из ворот, собираясь навестить больного в деревне, и мой рассказ о состоянии миссис Линтон заставил его немедленно последовать за мною. Доктор был человеком прямым и грубоватым, а потому без колебаний высказал свои опасения: она едва ли переживет этот второй приступ, если его рекомендациями станут пренебрегать, как это случалось раньше.

— Нелли Дин, — сказал он, — не могу не предположить, что тут имеется некая особая причина. Что творится в «Дроздах»? До нас доходят странные слухи. Такая крепкая и здоровая женщина, как Кэтрин, не свалится из-за пустяка; с людьми ее склада ничего подобного не бывает. И излечить таких пациентов от горячки и прочих напастей — дело нелегкое. С чего началось ее недомогание?

— Хозяин вам расскажет, — ответила я. — Но вы и без того знакомы с буйным нравом семейства Эрншо, а миссис Линтон перещеголяет их всех. Я могу лишь сказать, что вначале произошла ссора. После яростной перепалки с хозяйкой случился припадок, по крайней мере, по ее словам, потому как в разгар спора она убежала к себе и заперлась. После этого она отказывалась есть, а сейчас то

бредит, то пребывает в полусне. Окружающих узнает, но находится во власти странных мыслей и видений.

— Мистер Линтон будет горевать? — спросил мистер Кеннет.

— Горевать? Случись что, его сердце будет разбито! — ответила я. — Не заставляйте его тревожиться больше чем следует.

— Что ж, я его предупреждал, — сказал мой спутник. — Теперь ему придется справляться с последствиями своего небрежения. В последнее время он близко сошелся с мистером Хитклифом?

— Хитклиф — частый гость в «Дроздах». Но скорее благодаря его детской дружбе с хозяйкой, а не оттого, что мистеру Линтону приятно его общество. Сейчас Хитклиф избавлен от беспокойства, связанного с визитами к нам, по причине его бесцеремонных устремлений, касающихся мисс Линтон. Не думаю, что когда-нибудь его снова начнут принимать.

— А мисс Линтон проявила к нему холодность? — продолжал расспрашивать доктор.

— Она со мной не делится, — сказала я, не имея желания продолжать этот разговор.

— Да, она барышня скрытная, — заметил он, по-

качав головой. — Себе на уме. Но и глупышка же! Мне доподлинно известно, что прошлой ночью (а какая ночь была!) они с Хитклифом прогуливались часа два в посадках за вашим домом, и он уговаривал ее не возвращаться домой, а сесть с ним на коня и бежать. Тот, кто мне об этом рассказал, утверждает, что ей удалось отговориться, лишь дав честное слово, что в следующую их встречу она будет готова к побегу. На какой день намечена встреча, тот человек не расслышал, но скажите мистеру Линтону, чтобы он глядел за девицей в оба.

Эта новость породила в моей душе новые страхи. Оставив доктора, я поспешила домой и почти всю дорогу бежала. Собачка Изабеллы тявкала в саду. Я задержалась на мгновение, чтобы открыть ей ворота, но вместо того, чтобы идти к дверям, она принялась рыскать туда-сюда, нюхая землю, и удрала бы на большак, если бы я ее не подхватила и не внесла внутрь. Когда я поднялась в спальню Изабеллы, мои подозрения подтвердились. Комната была пуста. Приди я несколькими часами раньше, болезнь миссис Линтон, возможно, удержала бы девушку от столь безрассудного шага. Но что было делать теперь? Существовала небольшая вероятность нагнать

их, немедленно пустившись в погоню. Впрочем, я не могла отправиться за ними, как не осмеливалась и устроить переполох, подняв на ноги весь дом, — меньше всего мне хотелось поведать о случившемся хозяину, всецело поглощенному свалившейся на него бедой и неспособному пережить еще одну. Оставалось лишь держать язык за зубами и предоставить событиям идти своим чередом. Когда мистер Кеннет до нас добрался, я с плохо скрываемым волнением вошла в комнату Кэтрин и сообщила об его приходе. Больная спала беспокойным сном. Хозяину удалось унять приступ помешательства, и теперь он сидел в изголовье жены, следя за каждой тенью на ее лице, за каждым изменением в ее болезненно искаженных чертах.

Врач, обследовав больную, в разговоре с мистером Линтоном выразил надежду на излечение Кэтрин при условии, что мы обеспечим ей неизменное и полное спокойствие. Мне же он дал понять, что опасаться следует не столько смерти, сколько окончательного помрачения рассудка.

В ту ночь я не сомкнула глаз, как, впрочем, и мистер Линтон — мы оба не ложились; да и слуги встали ни свет ни заря и тихонько ходили по дому, разговаривая шепотом, если того тре-

бовала их работа. Все были чем-то заняты, не показывалась лишь мисс Изабелла. Слуги даже начали удивляться такому крепкому сну. Брат ее тоже спросил, встала ли барышня. Казалось, он с нетерпением ждет ее пробуждения, огорченный, что та не проявляет беспокойства по поводу здоровья невестки. Я дрожала при мысли, что хозяин может послать меня разбудить сестру, но, слава богу, не мне выпало первой сообщить ему об ее исчезновении. Одна из служанок, девушка глуповатая, ранним утром была отправлена с поручением в Гиммертон и теперь, как только вернулась, взбежала вверх по лестнице, разинув рот и едва дыша. Она бросилась прямо в комнату Кэтрин с криком:

— Ой-ей-ей! Что ж теперь будет-то! Хозяин, хозяин, наша барышня…

— Не шуми! — быстро одернула я ее, возмущенная этой ненужной крикливостью.

— Говорите тише, Мэри! В чем дело? — сказал мистер Линтон. — Что случилось с барышней?

— Она сбежала! Сбежала! И тот Хитклиф тоже убёг с нею! — задыхаясь, проговорила она.

— Это неправда! — воскликнул мистер Линтон, в смятении поднявшись. — Такого не может быть! С чего вы взяли? Эллен Дин, ступайте и

поищите ее. Невероятно! Невозможно!

С этими словами он подвел служанку к двери и вновь попросил ее объяснить, откуда у той такая уверенность.

— Я повстречала на дороге мальчишку, который сюда молоко носит, — запинаясь, стала рассказывать девушка. — И он спросил: «У вас там, в «Дроздах», переполох, что ли?» Я подумала, он это про хозяйкину болезнь, и говорю: «Да». А он мне: «За ними, должно, погоню послали?» Я так и уставилась на него. Он увидел, что я ничегошеньки не знаю, и рассказал, будто один джентльмен и леди остановились у кузни подковать лошадь за две мили от Гиммертона, когда уж и полночь миновала! А дочка кузнеца встала, чтоб подглядеть, кто это такие. И тотчас обоих признала. Она заметила, как мужчина — это точно был Хитклиф, его-то ни с кем не спутаешь — сунул кузнецу соверен. У леди лицо было под капюшоном, но она попросила глоток воды, и, когда пила, капюшон откинулся, и ее сразу стало хорошо видать. Они отъехали. Хитклиф держал поводья обеих лошадей. И поскакали они в другую от деревни сторону быстро-быстро, хоть дороги там и ухабистые. Девчонка отцу ничего не сказывала, но утром разнесла новость по всему

Гиммертону.

Я побежала и для порядка заглянула в комнату Изабеллы, а затем вернулась, чтобы подтвердить рассказ служанки. Мистер Линтон уже вновь сидел у постели больной жены. Когда я вошла, он поднял глаза и по моему смущенному виду понял все. Потом отвел взгляд, не сказав ни слова и не дав мне никаких указаний.

— Надо ли предпринимать меры, чтобы догнать их и вернуть барышню? — спросила я. — Как нам надлежит поступить?

— Она уехала по своей воле, — ответил хозяин. — Она имела право это сделать, раз уж ей так захотелось. Не беспокойте меня больше разговорами об Изабелле. С этой минуты она мне сестра лишь по названию — не потому, что я отрекся от нее, а потому, что она отреклась от меня.

Вот и все, что было сказано на сей счет. Более он никогда не справлялся о ней, даже не произносил ее имя, разве что распорядился отправить вещи сестры в ее новый дом, лишь только я узнаю адрес.

Глава 13

От беглецов не было известий два месяца. За это время у миссис Линтон случилось то, что зовется мозговой горячкой — тяжелый приступ болезни, который ей суждено было перебороть. Ни одна мать не нянчилась так самоотверженно со своим единственным чадом, как Эдгар Линтон со своей женой. Денно и нощно он дежурил у ее постели и терпеливо сносил все неудобства, порожденные ее расстроенными нервами и помраченным рассудком. Правду сказать, доктор Кеннет заявил, что то, что муж своими заботами спас от могилы, в скором будущем станет для него источником постоянной тревоги — проще говоря, свои силы и здоровье он пожертвовал на выхаживание обломков человеческой личности. И все же мистер Линтон был счастлив и бесконечно благодарен судьбе, когда жизнь Кэтрин объявили вне опасности. Часами он просиживал рядом с нею, следя, как постепенно возвращается к жене физическое здоровье, и теша себя иллюзорной надеждой, что рассудок ее тоже скоро придет в равновесие и Кэтрин снова станет такой, как прежде.

В первый раз она вышла из комнаты в начале марта. Еще утром мистер Линтон положил ей на подушку золотистые крокусы. Ее глаза, давно уже не загоравшиеся от радости, вдруг засияли, когда при пробуждении Кэтрин заметила их и с удовольствием принялась складывать букет.

— Это самые ранние цветы в «Грозовом перевале»! — воскликнула она. — Они напомнили мне о мягких влажных ветрах, теплом солнышке и подтаявшем снеге. Эдгар, не дует ли сейчас южный ветер? И не сошел ли снег?

— Снег у нас почти весь растаял, дорогая, — отвечал ее муж. — На вересковых полях я вижу лишь два белых пятнышка. Небо голубое, поют жаворонки. Вода плещется через край в ручейках и речушках. Прошлой весной в это же время я мечтал, чтобы ты оказалась под моею крышей, а теперь хочу, чтобы ты перенеслась за одну-две мили отсюда, на те холмы. Ветерок такой ласковый, что чувствую, он тебя излечит.

— Я поднимусь туда один только раз, — ответила больная. — Ты оставишь меня на холмах, и я упокоюсь навечно. Следующей весной ты вновь будешь мечтать, чтобы я очутилась под твоею крышей, вспомнишь сегодняшний день и подумаешь, как ты был счастлив.

Линтон осыпал ее самыми нежными ласками и старался развеселить самыми искренними словами любви, но она смотрела на цветы затуманенным взором, слезы капали с ее ресниц и струились по щекам. Она их не вытирала. Мы видели, что Кэтрин чувствует себя лучше, и подумали, что причина ее уныния кроется в долгом пребывании в четырех стенах, а значит, хотя бы отчасти это можно излечить переменой обстановки. Хозяин велел мне разжечь камин в гостиной, куда уже много недель никто не заглядывал, и поставить мягкое кресло у окна на солнце; затем он привел Кэтрин вниз, и она долго сидела, наслаждаясь мягким теплом, и, как мы и ожидали, оживилась при виде окружающих предметов, которые, хоть и были давно ей знакомы, не связывались в ее сознании с той ненавистной комнатой, где она столько пролежала в болезни. К вечеру она казалась изможденной, но никакие доводы не убедили ее вернуться к себе. Поэтому мне пришлось постелить ей на диване в гостиной, пока не подготовят другую комнату. Чтобы хозяйка не утруждала себя подъемом по лестнице, мы прибрали для нее эту, где вы сейчас лежите, на одном этаже с гостиной; и она вскоре достаточно окрепла, чтобы переходить из одной

комнаты в другую, опираясь на руку мужа. Я и сама думала, что при столь заботливом уходе Кэтрин сможет поправиться. К тому же у нас было две причины этого желать: от ее жизни зависела жизнь другого существа — мы лелеяли надежду, что вскоре радость наполнит сердце мистера Линтона и его земли будут вырваны из цепких лап чужака благодаря рождению наследника.

Надобно упомянуть, что недель через шесть после побега Изабелла прислала брату короткую записку, извещавшую об ее браке с Хитклифом. Само сообщение звучало сухо и холодно, но внизу карандашом была сделана приписка, содержавшая завуалированные извинения и просьбу не поминать ее дурным словом и помириться с нею, если он обижен ее поступком; она утверждала, что не в силах была противиться Хитклифу, а теперь, когда дело сделано, у нее уже нет власти что-либо изменить. Полагаю, Линтон ей не ответил, а еще через две недели я получила длинное письмо, которое сочла странным, ибо оно вышло из-под пера невесты сразу же после медового месяца. Письмо я сохранила, поэтому прочту его вам. Мы ценим то, что осталось от покойников, дорогих нам при жизни. Начиналось оно так:

«Дорогая Эллен, вчера вечером я прибыла в

«Грозовой перевал» и впервые услышала, что Кэтрин тяжело заболела и все еще нездорова. Думаю, мне не следует писать ей, а мой брат либо слишком зол на меня, либо слишком расстроен, чтобы отвечать на записку, которую я ему послала. Все же мне надо кому-то написать, так что остаетесь Вы — другого выбора у меня нет.

Передайте Эдгару, что я бы отдала все на свете, лишь бы вновь увидеть его лицо, что мое сердце вернулось в «Дрозды» через день после того, как я покинула их, и сейчас пребывает там, исполненное нежности к нему и Кэтрин. *Но я не могу подчиниться его зову* (эти слова подчеркнуты); им не следует ожидать моего появления; они могут сделать из этого выводы, которые посчитают нужным, не виня, однако, мое слабоволие или недостаточную к ним любовь.

Все остальное, что я напишу сейчас, предназначено только для Ваших глаз. Хочу задать Вам два вопроса. Первый: как Вы ухитрились, живя здесь, сохранить свойственное человеческой природе доброе расположение духа? Я не обнаруживаю в себе ни одного чувства, которое могла бы разделить со здешними обитателями.

Второй вопрос, который меня очень занимает, таков: точно ли мистер Хитклиф человек? Коли

это так, то не сумасшедший ли он? А коли не сумасшедший, то не дьявол ли? Не стану объяснять причины, заставившие меня задавать подобные вопросы, но, умоляю, объясните мне, если можете, что это за существо, которое стало моим мужем? Вы сделаете это, когда придете меня навестить, а Вы обязательно должны прийти, Эллен, и очень скоро. Не пишите мне, но придите сами и принесите мне хоть несколько слов от Эдгара.

Теперь поведаю Вам, как меня приняли в моем новом доме, которым, как мне представляется, теперь станет для меня «Перевал». Лишь для забавы я останавливаюсь на таком предмете, как отсутствие внешних удобств; обычно я о них не думаю, за исключением тех случаев, когда мне их недостает. Я бы плясала от радости, если бы все мои несчастья ограничивались отсутствием удобств, а остальное оказалось бы всего лишь невероятным сном!

Солнце уже садилось за «Дроздами», когда мы свернули к вересковой пустоши — значит, было около шести часов; мой спутник задержался на полчаса, чтобы, насколько позволяло время, осмотреть парк, сады и, возможно, всю ферму, поэтому было уже темно, когда мы спешились на мощеном дворе у дома и встречать нас вы-

шел Ваш старый знакомый Джозеф с маканой свечой[9]. Он приветствовал нас с любезностью, несомненно, делавшей ему честь. Сначала он поднес горящую свечу к моему лицу, злобно прищурился, выпятив нижнюю губу, и отвернулся. Потом принял наших коней и отвел их на конюшню; после чего отправился запереть наружные ворота, точно мы живем в древнем замке.

Хитклиф остался поговорить с ним, а я пошла на кухню — мрачную, неопрятную дыру. Осмелюсь предположить, что Вы бы ее не узнали — так все там изменилось с тех пор, как она находилась в Вашем ведении. У очага стоял разбойного вида ребенок, крепкий с виду и грязно одетый. Что-то в его глазах и форме губ напоминало Кэтрин.

«Это законный племянник Эдгара, — догадалась я, — а стало быть, и мой. Нужно поздороваться с ним за руку и, да, придется его поцеловать. Правильно будет сразу же установить с ним дружеские отношения».

Приблизившись к мальчику, я попыталась пожать его крепкий кулачок со словами:

— Здравствуй, мой дорогой!

Он ответил какой-то тарабарщиной, из кото-

---

[9] notes: 9

Речь идет о свече, которая делается путем многократного обмакивания фитиля в воск.

рой я не поняла ни слова, и попыталась вновь завязать разговор:

— Будем друзьями, Гэртон?

Ругательство и угроза натравить на меня Хвата, если я не «скроюсь», были ответом на мою настойчивость.

— Эй, Хват, дружище, — тихонько позвал маленький негодник, и с лежанки в углу поднялся нечистокровной породы бульдог. — Ну, теперь ты уберешься? — с важным видом обратился ко мне ребенок.

Не желая расставаться с жизнью, я подчинилась и, отступив назад, за порог кухни, стала ждать остальных. Мистера Хитклифа нигде не было видно; тогда я сама пошла за Джозефом на конюшню и попросила проводить меня в дом, после чего он долго на меня смотрел, что-то бормоча себе под нос, а потом, поморщившись, ответил:

— Пи-пи-пи! Слыхивал ли хоть один добрый христианин эдакий писк? Щебечет что-то свое да шелестит! Где мне разобрать, что вы там лепечете?

— Я говорю, что хочу, чтобы вы прошли со мной в дом! — закричала я, полагая, что он глуховат, впрочем, немало раздосадованная его грубостью.

— Ну уж нет! У меня другие дела имеются, —

ответил он и снова взялся за работу, время от времени наводя на меня свой фонарь и с крайним презрением разглядывая мое платье и лицо (первое чересчур изысканное, а второе несчастное — именно такое, как ему хотелось).

Я обогнула сад, прошла через калитку ко второй двери и осмелилась постучать в надежде, что мне откроет какой-нибудь более вежливый слуга. Мне пришлось немного подождать, прежде чем на пороге показался высокий, худой человек без шейного платка и вообще чрезвычайно неопрятный. Черты его лица были скрыты густою нечесаною шевелюрой, спускавшейся на плечи, а глаза тоже походили на глаза Кэтрин, только они были померкшие, как у призрака, и утратившие красоту.

— Что вы здесь делаете? — мрачно спросил он. — Кто вы?

— Меня *звали* Изабеллой Линтон, — ответила я. — Мы с вами раньше встречались, сэр. Я недавно вышла замуж за мистера Хитклифа, и он привез меня сюда — полагаю, с вашего разрешения.

— Выходит, он вернулся? — спросил отшельник, сверкнув на меня волчьими глазами.

— Да, мы только что приехали. Он оставил меня

у дверей кухни, а когда я собралась войти, ваш мальчик решил поиграть в стражника и отпугнул меня, позвав на помощь бульдога.

— Хорошо, что этот чертов мерзавец сдержал слово! — прорычал хозяин моего теперешнего жилища, всматриваясь в темноту позади меня, словно думая увидеть Хитклифа; затем принялся его честить и сыпать угрозами, перечисляя, что бы он с ним сделал, если бы «изверг» его обманул.

Раскаявшись, что постучалась во вторую дверь, я уже почти готова была убежать, пока он сквернословил, но намерение свое осуществить не успела, ибо он велел мне войти, а после запер дверь на засов. Огонь в камине пылал ярко, но это был единственный источник света в просторной гостиной, пол которой весь потемнел; некогда до блеска начищенные оловянные блюда, так привлекавшие мое внимание в детстве, тоже потускнели, покрывшись патиной и слоем пыли. Я спросила, можно ли позвать горничную, которая проводит меня в мою комнату. Мистер Эрншо не удостоил меня ответом. Он ходил взад-вперед по гостиной, засунув руки в карманы и, судя по всему, забыв о моем присутствии; его задумчивость была столь глубока, а выглядел он таким мизан-

тропом, что я не решилась вновь его беспокоить.

Вас не удивит, Эллен, охватившее меня совсем не веселое настроение, когда я сидела хуже чем в одиночестве у этого негостеприимного огня и вспоминала, что в четырех милях отсюда мой родной дом и там живут люди, которые мне дороже всех на свете. Но между нами лежал как будто Атлантический океан, а не четыре мили. Мне их все равно не перейти. И я спросила себя: к кому мне обратиться за утешением? Однако (только ни слова не говорите Эдгару или Кэтрин) ко всем моим невзгодам добавилось самое главное — отчаяние, оттого что здесь мне не найти человека, кто смог бы и захотел бы взять мою сторону против Хитклифа. Я намеревалась найти убежище в «Грозовом перевале» почти с радостью, потому что таким образом избавлялась от необходимости жить с ним вдвоем; но он-то знал тех, кто нас там встретит, и не опасался, что они станут вмешиваться.

Я сидела, погруженная в свои печальные мысли, а время шло. Часы пробили восемь, потом девять, но мистер Эрншо все мерил шагами комнату, опустив голову и ничего не говоря; лишь изредка из его груди вырывался стон или полное горечи восклицание. Я прислушивалась, надеясь

различить в доме какой-нибудь женский голос, и в то же время меня переполняли буйное раскаяние и зловещие предчувствия, что в конце концов вылилось в безудержные вздохи и слезы. Я не осознавала, насколько моя горесть была заметна, но Эрншо все же прервал свой размеренный шаг и, встав передо мной, взглянул на меня с пробудившимся изумлением. Пользуясь тем, что снова привлекла к себе его внимание, я воскликнула:

— Я устала с дороги и хочу лечь спать! Где горничная? Проводите меня к ней, если она не может ко мне прийти.

— У нас нет горничных, — ответил он. — Вам придется самой себя обслуживать.

— Тогда где мне спать? — всхлипывая, спросила я. Чувство собственного достоинства покинуло меня под гнетом усталости и бедственного моего положения.

— Джозеф покажет вам комнату Хитклифа, — сказал он. — Откройте вон ту дверь, он там.

Я собралась было последовать его указанию, но Эрншо вдруг остановил меня и произнес с очень странным видом:

— Послушайте, заприте дверь на замок, а потом закройте задвижку — не забудьте!

— Хорошо! — ответила я. — Но зачем, мистер Эрншо?

Мне совсем не хотелось собственноручно запираться в одной комнате с Хитклифом.

— Смотрите! — Он вынул из жилетного кармана пистолет необычной конструкции — к стволу был прикреплен обоюдоострый складной нож. — Большое искушение для человека отчаявшегося, не так ли? Каждую ночь я не в силах удержаться, чтобы не пойти с этой штукой и не проверить, заперта ли у него дверь. И, если хоть раз окажется, что открыта, ему конец! Я не пропускаю ни одной ночи, хотя перед тем привожу себе сотню причин, почему мне следует отказаться от своей затеи. Какой-то черт все время заставляет меня отбросить все разумные доводы и убить его. Можно сколько угодно бороться с дьяволом, но придет время, и тогда Хитклифа не спасет и вся небесная рать!

Я внимательно смотрела на пистолет, и мне пришла в голову отвратительная мысль: как бы сильна я была, будь у меня такой же! Я взяла оружие из рук Эрншо и дотронулась до лезвия. Казалось, его поразило выражение, которое на мгновение промелькнуло на моем лице — не ужас, но желание завладеть пистолетом. Эрншо

ревниво выхватил его, сложил лезвие и спрятал оружие обратно в карман.

— Можете рассказать ему, мне все равно, — сказал он. — Пусть остерегается, и сами будьте начеку. Вижу, вы знаете, в каких мы отношениях, и вас не удивляют мои угрозы.

— Что сделал вам Хитклиф? — спросила я. — Какое зло он вам причинил, что вызвал такую страшную ненависть? Не разумнее ли будет выгнать его из дому?

— Ни за что! — прогремел Эрншо. — Стоит ему лишь задумать уйти, как он покойник! Уговорите его попытаться это сделать — и вы убийца. Или, по-вашему, я должен *все* потерять без надежды вернуть свое добро? А Гэртон должен стать нищим? О проклятие! Я *верну* все, и *его* золото в придачу! Потом заберу его жизнь, а душу отправлю в ад! С таким гостем там сразу станет в десять раз чернее!

Вы мне рассказывали, Эллен, о привычках своего прежнего хозяина. Он явно пребывает на грани безумия. По крайней мере, так было в тот вечер. Я содрогалась, будучи рядом с ним, и даже мрачный, невоспитанный слуга уже не казался мне таким отвратительным. Эрншо вновь начал угрюмо ходить по комнате, я же

открыла засов и ушла на кухню. Джозеф стоял, склонившись к очагу, и заглядывал в большую кастрюлю, висевшую над огнем, а рядом на скамье была поставлена деревянная миска с овсяной мукой. Вода в кастрюле начала закипать, и он повернулся, чтобы рукой зачерпнуть из миски муку. Я предположила, что старик готовит нам ужин, а поскольку была голодна, решила сделать еду съедобной и поспешно закричала: «Я сама сварю кашу!» Отодвинула кастрюлю так, чтоб Джозеф не смог достать, и начала снимать шляпу и амазонку.

— Мистер Эрншо, — продолжала я, — распорядился, чтобы я сама за собой ухаживала. Так и будет. Я не собираюсь вести себя у вас как леди, не то, боюсь, умру с голоду.

Джозеф уселся.

— Бог ты мой! — проворчал он, почесывая от колена до лодыжки ноги в полосатых чулках. — Не успел я приспособиться к двум хозяевам, как, нате вам, затеялись новые порядки, да еще и *хозяйка* на голову свалилась; видать, пора мне отсель убираться. Не думал я, не гадал, что придет мне время уйти со старой доброй фермы, и, кажись, оно недалече!

Я не обращала внимания на его причитания,

но решительно принялась за дело, со вздохом вспоминая дни, когда готовить ужин было для меня веселой забавой. Однако я гнала печальные мысли. Сердце мое обливалось кровью при воспоминании о былом счастье, и чем больше я боялась вызвать в памяти картины прошлого, тем быстрее мешала кашу деревянной лопаткой и сыпала в воду пригоршни овсяной муки. Джозеф наблюдал мою стряпню с растущим негодованием.

— Вона что делает! — воскликнул он. — Тебе, Гэртон, каши сегодня не поесть; это не каша, а комья с мой кулак. Вот опять! На вашем месте я бы бухнул все в кастрюлю вместе с миской! Ну, теперь снимите пенку, и готово! Тяп-ляп! Хорошо еще, что дно не отвалилось!

Каша, признаюсь, и в самом деле оказалась комковатая, когда я раскладывала ее по четырем тарелкам. Из молочной был принесен большой кувшин с парным молоком, который тут же схватил Гэртон и начал пить прямо из него, так что молоко потекло по обеим сторонам его большого рта. Я возмутилась и потребовала, чтобы мальчику налили в кружку, объявив, что не смогу пить молоко после столь неряшливого с ним обращения. Старый грубиян ужасно обиделся

из-за моей привередливости и несколько раз повторил, что «мальчонка ничуть не хуже вас» и «такой же здоровенький» и «что это я вздумала о себе воображать». Между тем мерзкий ребенок продолжал причмокивать и, глядя на меня исподлобья, пускал слюни в кувшин.

— Я буду ужинать в другой комнате, — сказала я. — У вас есть гостиная?

– *Гостиная!* — издевательским тоном повторил старик. — *Гостиная!* Нету у нас никаких гостиных. Коли наше общество вам не по нраву, ступайте к хозяину, а коли не по нраву хозяин, сидите с нами.

— Тогда я пойду наверх, — ответила я. — Покажите мне мою комнату.

Поставив свою тарелку на поднос, я пошла за молоком и налила себе немного. Не переставая причитать, Джозеф встал и поплелся впереди меня. Мы поднялись на чердак. Он открывал то одну, то другую дверь, и мы заглядывали в помещения, мимо которых шли.

— Вот вам комната, — наконец сказал он, откинув какую-то скрипучую доску на петлях. — Чтоб кашу поесть, подойдет. Там в углу мешок с пшеницей, несильно грязный. Ежели боитесь запачкать свои роскошные шелка, постелите

сверху платок.

Комнатой оказался чулан, пропахший солодом и зерном; по углам были свалены мешки с тем и другим, но посередине оставалось довольно много места.

— Послушайте! — воскликнула я, сердито глядя на него. — Здесь же нельзя спать. Покажите мне мою спальню!

– *Спальню!* — снова передразнил он меня. — Вы уж видели все тутошние спальни. Вон там моя.

Он указал на другой чулан, отличавшийся от первого тем, что стены там были голые и в нем стояла большая низкая кровать без полога, покрытая с одного конца синим одеялом.

— Зачем мне ваша? — возмутилась я. — Полагаю, мистер Хитклиф не спит на чердаке, так ведь?

— Ах, выходит, вам потребен мистер Хитклиф? — воскликнул он, как будто сделал открытие. — Так бы сразу и говорили! Я бы сказал вам без этих хождений, что в его комнату вам ходу нет. Она всегда закрыта, и никто, кроме него, там не ест.

— Какой у вас милый дом, Джозеф, — не удержалась я, — и обитатели какие чудесные! Наверное, все мировое безумие сосредоточилось в моей го-

лове в тот день, когда я связала с такими людьми свою судьбу! Однако сейчас речь о другом. Есть же еще комнаты. Ради бога, поскорее разместите меня где-нибудь!

На мою мольбу он не ответил, лишь с мрачным видом поплелся вниз по деревянной лестнице и остановился у дверей комнаты, которая, судя по тому, что он задержался рядом с ней, и по стоявшей там добротной мебели, показалась мне лучшей в доме. На полу лежал ковер — хороший ковер, но под слоем пыли узор был неразличим, — над камином свисали клочья тисненых обоев, стояла красивая дубовая кровать современного стиля с роскошным малиновым пологом из дорогой материи, правда, полог этот имел жалкий вид: выдранные из колец оборки болтались, точно фестоны, а металлический стержень, который должен был их поддерживать, согнулся дугой с одной стороны, так что ткань легла на пол. Стулья также пострадали, многие значительно. Панели на стенах были изуродованы глубокими выбоинами. Я собралась с силами и почти вошла, чтобы занять это помещение, когда мой бестолковый провожатый объявил: «Это комната хозяина». Ужин мой к этому часу остыл, аппетит пропал, терпение лопнуло. Я потребовала, чтобы

мне немедленно предоставили место, где я могла бы наконец устроиться и отдохнуть.

— Где же, черт побери… — начал богобоязненный старец. — Господи, прости и помилуй! Свят-свят-свят! В преисподнюю, что ли, вас вести, надоедливая, никчемная женщина! Вы все видели, кроме угла Гэртона. В доме больше негде лечь спать!

Я была так раздосадована, что швырнула на пол поднос со всем, что там было, села на верхнюю ступеньку лестницы и, закрыв лицо руками, расплакалась.

— Ох-ох-ох! — запричитал Джозеф. — Хорошо, нечего сказать, мисс Кэти! Очень хорошо, мисс Кэти! А что, коли хозяин споткнется об эти черепки? Мы тут такое услышим — и поделом! Бездельница! Вас надобно наказать до самого Рождества. Это что ж такое — беситься и швырять Божьи дары себе под ноги! Но недолго вам осталось характер показывать — уж я-то знаю. Думаете, Хитклиф станет терпеть ваш нрав? Вот бы он поймал вас на этой выходке! Вот бы поймал!

Так, продолжая ругаться, он поковылял в свою берлогу под крышей, прихватив с собой свечу, а я осталась одна в темноте. Размышления, последовавшие за моим глупым поступком, заставили

меня признать необходимость унять свою гордость и обуздать гнев, и я, собравшись с силами, принялась убирать их последствия. Вскоре ко мне пришла неожиданная помощь — это был Хват, который, как я теперь догадалась, был сыном нашего старого Зверобоя. Щенком он жил у нас в «Дроздах», а потом батюшка подарил его мистеру Хиндли. Наверное, пес меня признал. В виде приветствия он ткнулся носом мне в лицо и быстро начал поглощать овсянку; я же на ощупь спускалась по ступенькам, собирая глиняные черепки и вытирая молоко с перил носовым платком. Едва мы закончили трудиться, как я услышала в коридоре шаги мистера Эрншо. Мой помощник поджал хвост и прижался к стене, а я проскользнула в ближайшую дверь. Попытка пса избежать встречи не увенчалась успехом, как я поняла по его топоту по лестнице и долгому жалобному визгу. Мне повезло больше. Хиндли прошел мимо в свою комнату и запер дверь. Следом за ним появился Джозеф с Гэртоном — старик собирался уложить мальчишку спать. Оказалось, что я спряталась в комнате Гэртона, и, увидев меня, Джозеф сказал:

— В доме, кажись, имеется подходящая комната для обоих — для вас и для гордости вашей.

Она пустая, можете располагаться. А третьим с вами пребудет нечистый, как всегда случается в дурной компании!

Я с радостью воспользовалась его приглашением и едва рухнула в кресло у огня, как глаза мои закрылись и я провалилась в сон глубокий и сладкий, однако слишком недолгий. Разбудил меня мистер Хитклиф. Он только что пришел и спросил в своей обычной любезной манере, что это я здесь делаю. Я объяснила ему причину, по которой не ложилась так долго, — ключ от нашей комнаты у него в кармане. Слово «нашей» смертельно его оскорбило. Он с проклятиями заявил, что его комната — не моя и никогда моей не будет и что он… но не стану повторять его слова и описывать его привычную манеру. Он неутомим и изобретателен в своем стремлении вызвать у меня ненависть. Иногда я дивлюсь ему так сильно, что даже забываю о страхе, однако, уверяю Вас, тигр или ядовитая змея не смогут внушить мне такого ужаса, какой внушает мистер Хитклиф. Он сообщил мне о болезни Кэтрин и обвинил во всем моего брата, пообещав, что, пока не доберется до Эдгара, заставит меня страдать вместо него.

Ненавижу этого человека! Как же я несчастна! И как глупа! Ни в коем случае не говорите ничего

в «Дроздах». Буду ждать Вас каждый день. Не обманите моих надежд.

Изабелла».

Глава 14

Как только сие послание было мною прочитано, я отправилась к хозяину и сообщила, что его сестра приехала в «Грозовой перевал» и прислала мне письмо, в котором выражает сожаление в связи с состоянием миссис Линтон, а также горячее желание повидаться с братом и надежду, что он передаст ей какой-нибудь знак прощения.

— Прощения! — воскликнул Линтон. — Мне нечего ей прощать, Эллен. Можете пойти сегодня же в «Грозовой перевал», если хотите, и сказать ей, что я не *сержусь*, но *сожалею*, что потерял ее — поскольку определенно знаю, что счастлива она не будет. Однако ж мой визит к ней немыслим; мы расстались навсегда, и если она хочет мне добра, то пусть уговорит негодяя, за которого вышла замуж, уехать отсюда.

— И вы не напишете даже коротенького письмеца, сэр? — с мольбой в голосе спросила я.

— Нет, — ответил он. — Это бессмысленно. Мои отношения с семейством Хитклифа должны быть столь же ограниченны, сколь и его с моим. Их не должно быть вовсе!

Холодность мистера Эдгара чрезвычайно меня расстроила, и всю дорогу до «Перевала» я ломала голову над тем, как вложить больше теплоты в его слова, когда буду их передавать, и как смягчить его отказ написать хотя бы несколько строк, чтобы утешить Изабеллу. Думаю, она ждала моего прихода с утра. Я заметила, что она смотрит в окно, когда я шла по садовой мощеной дорожке, и кивнула ей, но она отпрянула, словно боялась быть обнаруженной. Я вошла не постучавшись. Никогда еще этот в прошлом приветливый дом не был таким унылым и мрачным. Признаюсь, окажись я на месте молодой леди, я бы, по крайней мере, подмела пол перед камином и вытерла пыль со столов. Но она уже прониклась царившим в доме духом небрежения. Ее милое личико было бледным и безжизненным, волосы не завиты — некоторые пряди свисали вдоль лица, другие были кое-как уложены вокруг головы. Своим платьем она, вероятно, не занималась с прошлого вечера. Хиндли в комнате не было. Мистер Хитклиф сидел за столом, перекладывая в своем бумажнике какие-то документы. Но, когда я появилась, он поднялся, вполне дружелюбно спросил, как я поживаю, и предложил мне сесть. Он один имел благопристойный вид, и мне поду-

малось, что он никогда не был так хорош, как в ту минуту. Обстоятельства так изменили жизнь этих людей, что человеку несведущему Хитклиф показался бы истинным джентльменом, а его жена совершеннейшей замарашкой. Изабелла с радостью вышла мне навстречу и протянула руку в надежде получить долгожданное письмо. Я покачала головой. Она не поняла моего жеста и последовала со мною к буфету, куда я направилась, чтобы положить шляпу. По пути она шепотом стала просить меня немедленно передать ей то, что я принесла. Хитклиф догадался о намерениях жены и сказал:

— Если у тебя есть что-то для Изабеллы — а у тебя наверняка что-то есть, Нелли, — отдай ей. Не надо делать из этого тайну. У нас с женой друг от друга секретов нет.

— Но у меня нет ничего, — ответила я, решив, что лучше сразу сказать правду. — Мой хозяин поручил мне передать своей сестре, что в настоящее время ей не следует ожидать от него ни писем, ни визитов. Он шлет вам свою любовь, мэм, и пожелания счастья, а также прощение за горе, которое вы ему причинили; но он считает, что отныне всякие сношения между его домом и этим должны прекратиться, ибо ничего хорошего

из них не получится.

Губы миссис Хитклиф чуть задрожали, и она вернулась на свое место у окна. Ее муж встал рядом со мной у камина и принялся расспрашивать о Кэтрин. О ее болезни я сообщила ему лишь то, что считала возможным, но путем хитрых расспросов он выпытал у меня все обстоятельства, приведшие к заболеванию. Я винила в произошедшем саму Кэтрин, как она того и заслуживала, и в конце рассказа выразила надежду, что Хитклиф последует примеру мистера Линтона и разорвет всякую связь с его семейством.

— Миссис Линтон только-только начала поправляться, — сказала я. — Она никогда не будет прежней, но жизнь ее вне опасности; и если вы и в самом деле о ней беспокоитесь, то не встанете вновь у нее на пути — нет, вы навсегда уедете отсюда. А чтобы вас не мучили сожаления, скажу вам, что Кэтрин Линтон нынче так же непохожа на вашу детскую подругу Кэтрин Эрншо, как эта молодая леди на меня. Она изменилась внешне, но еще больше внутренне; и человек, которому суждено оставаться с нею рядом, сможет в будущем сохранить свою привязанность, основываясь лишь на воспоминаниях о том, какой она была когда-то, на обычном человеколюбии и

чувстве долга.

— Вполне возможно, — проговорил Хитклиф, заставив себя казаться спокойным, — что твой хозяин способен опереться только на человеколюбие и чувство долга. Но не думаешь же ты, что я вверю Кэтрин *долгу* и *человеколюбию* этого человека? И разве можно сравнить мои чувства к Кэтрин с его? Прежде чем покинуть этот дом, ты должна дать обещание, что устроишь мне с ней встречу. Согласишься ты или откажешься, но я *все равно* ее увижу! Каков твой ответ?

— Мой ответ, мистер Хитклиф, таков: вы не должны этого делать. И тут я вам не помощница. Еще одна ваша встреча с моим хозяином совершенно ее убьет.

— С твоею помощью этой встречи можно будет избежать, — продолжал он. — А если возникнет опасность такого события — если он станет причиною, вызвавшей хоть малейшее беспокойство в жизни Кэтрин, — ну, тогда, думаю, у меня будут все основания перейти к крайним мерам. Хорошо бы у тебя хватило искренности сказать мне, станет ли Кэтрин сильно горевать из-за такой утраты; боязнь, что все-таки станет, удерживает меня. Здесь видна разница в наших чувствах: будь Линтон на моем месте, а я на его, я никогда

не поднял бы на него руку, хоть и ненавидел бы его лютой ненавистью. Можешь не верить мне, если хочешь, но я бы ни за что не лишил Кэтрин его общества, покуда ей это общество приятно. Однако, как только он перестал бы занимать ее, я вырвал бы его сердце и выпил бы его кровь! Но до тех пор — коли не веришь, ты меня не знаешь! — до тех пор я бы умирал медленной смертью, но не тронул бы и волоска на его голове!

— И при этом, — перебила я его, — вы без всяких угрызений совести собираетесь похоронить все надежды на ее выздоровление, ворвавшись в ее память теперь, когда она вас почти забыла, и заставить ее пережить новые душевные волнения, смятение и разлад.

— Так ты думаешь, она меня почти забыла? Ох, Нелли, ты ведь знаешь, что нет. Тебе, как и мне, прекрасно известно, что если она один разок подумает о Линтоне, то обо мне вспомнит тысячу раз! В самый плачевный период моей жизни у меня возникало подобное предположение. Прошлым летом, когда я вернулся сюда, оно тоже преследовало меня неотступно. Но я соглашусь с этой страшной мыслью лишь в том случае, если Кэтрин сама ее подтвердит. И тогда Линтон превратится в ничто, как и Хиндли, как и все мои

мечты. Два слова — *смерть* и *ад* — обозначат все мое последующее существование; жизнь без нее будет для меня адом. Да, когда-то я был глуп, предположив на минуту, что она ценит чувства Эдгара Линтона больше, чем мои. Если бы он любил ее всеми силами своего ничтожного естества, он и за восемьдесят лет не дал бы ей столько, сколько дам я за один день. А сердце Кэтрин способно на столь же глубокую страсть, как и мое. Скорее море поместится в корыте, чем вся ее любовь будет отдана Линтону. Тьфу! Едва ли он ей хоть на йоту дороже, чем собака или лошадь. В нем нет того, что она любит во мне. Как она может любить то, чего нет?

— Кэтрин и Эдгар любят друг друга, как никто в мире! — закричала Изабелла с неожиданной горячностью. — Ни у кого нет права говорить так о них, и я не стану молчать, когда унижают моего брата!

— Ваш брат и вас любит на редкость пылко, не так ли? — насмешливо сказал Хитклиф. — Отлучил вас от дома с удивительным проворством.

— Он не знает, что мне приходится терпеть, — ответила она. — Я ему не сказала.

— Значит, вы ему все-таки что-то рассказывали. Написали письмо, да?

— Да, я сообщила, что вышла замуж; записку вы видели.

— И с тех пор больше ничего?

— Ничего.

— Мне грустно видеть, что молодая леди сама на себя не похожа после этой перемены в ее жизни, — заметила я. — У кого-то явно недостает к ней любви. Догадываюсь у кого, но, наверное, мне не следует называть имя.

— Думается, ей самой, — сказал Хитклиф. — Опустилась и превратилась в обыкновенную неряху. Уж слишком скоро бросила она все попытки мне понравиться. Ты не поверишь, но наутро после свадьбы она уже хныкала, что хочет домой. Ее не слишком привлекательный вид вполне подойдет этому дому, но я позабочусь, чтобы она не позорила меня, бродя по округе.

— Вот что, сэр, — не выдержала я, — надеюсь, вы не забыли, что миссис Хитклиф привыкла, чтобы за ней ухаживали; она росла единственной дочерью, которой все были рады услужить. Вы должны нанять ей горничную, чтобы та содержала свою госпожу в порядке, и вам надобно относиться к жене по-доброму. Что бы вы ни думали о мистере Эдгаре, у вас не может быть сомнений относительно способности миссис Хит-

клиф проявлять сильные чувства, иначе она не отказалась бы от изысканности, удобств и друзей в ее родном доме, поменяв их по доброй воле на запустение, царящее у вас.

— Она отказалась от них из-за собственных иллюзий, — ответил он. — Придумала себе, что я герой романа, и ожидала бесконечной снисходительности от моей рыцарской преданности. Я не в силах видеть в ней разумное существо, так упрямо она настаивала на придании моей персоне несуществующих черт и вела себя в согласии со столь милым ей ложным образом. Впрочем, похоже, она наконец начинает понимать, каков я на самом деле. Я не встречаю более ни глупых улыбочек, ни ужимок, которые поначалу выводили меня из себя, ни дурацкой неспособности сообразить, что я не шутил, когда высказывал свое мнение по поводу ее безрассудного обожания, да и ее самой. Путем невероятных усилий она наконец осознала, что я ее не люблю. Одно время мне казалось, что, как ее ни учи, все без толку. Но кое-какой урок она все-таки извлекла, ибо сегодня утром объявила с потрясающей рассудительностью, что я смог наконец заставить ее меня возненавидеть — вот уж поистине совершил подвиг Геракла! Если я этого достиг, то имею

все основания выразить ей благодарность. Могу ли я доверять вашему утверждению, Изабелла? Вы уверены, что ненавидите меня? Если я на полдня оставлю вас одну, вы не явитесь ко мне снова, вздыхая и ластясь? Полагаю, ей больше пришлось бы по душе, изобрази я перед тобой, Нелли, нежные чувства к супруге, ибо голая правда ранит ее самолюбие. Но мне все равно, пусть кто угодно знает, что страсть пылала лишь с одной стороны, я никогда ей не лгал на этот счет. Она не может обвинить меня в проявлении даже малейшей притворной мягкости. Первое, что я сделал, когда мы уезжали из поместья, — на ее глазах подвесил на крюке ее собачонку. Когда же она умоляла меня пожалеть животное, я сразу объявил ей, что желал бы повесить всех, кто связан с ее домом, за исключением одного человека. Возможно, она приняла это исключение на свой счет. Но жестокость не отвратила ее. Быть может, в ней живет внутреннее восхищение жестокостью, лишь бы только страдать пришлось не ее драгоценной особе. Так разве не верх абсурда и полного идиотизма, что эта жалкая, раболепная, низкая сучка возомнила, что я способен ее полюбить? Скажи своему хозяину, Нелли, что мне еще не приходилось видеть столь презренного существа.

Она позорит даже имя Линтонов. Иногда, исключительно из-за нехватки изобретательности, я смягчал свои опыты, проводимые с целью понять, что еще она способна вынести и потом все равно приползти ко мне на брюхе. Но еще скажи ему, что его братское и судейское сердце может быть спокойно — я действую строго в рамках закона. До сегодняшнего дня я не дал ей ни малейшего повода требовать развода; более того, ей некого будет благодарить за возможность жить отдельно. Если ей захочется уехать, я мешать не стану; досада от ее присутствия пересиливает удовольствие, которое я получаю, мучая ее.

— Мистер Хитклиф, — сказала я, — это речь безумца. Ваша жена скорее всего убеждена, что вы сошли с ума, и по этой причине она до сих пор вас терпит; но нынче, раз вы сказали, что отпускаете ее, она, без сомнения, воспользуется вашим разрешением. Не так ведь вы околдованы, мэм, чтобы по доброй воле оставаться с этим человеком?

— Будьте осторожны, Эллен! — отвечала Изабелла, и глаза ее гневно заблестели. Судя по их выражению, никаких сомнений в том, что супругу вполне удалось вызвать к себе ее ненависть, у меня не осталось. — Не верьте ни единому его

слову. Он лживый дьявол! Чудовище, а не человек! Он уже говорил мне, что я могу уйти от него, и я попыталась — но больше не решусь повторить эту попытку. Только, Эллен, обещайте, что не передадите ни словечка из его гнусных речей моему брату или Кэтрин. Как бы он ни притворялся, он хочет лишь одного — довести Эдгара до отчаяния. Он признался, что нарочно женился на мне, чтобы взять власть над Эдгаром, но ничего у него не выйдет. Я скорее умру! Надеюсь лишь — и молю об этом Бога, — что он забудет о своей дьявольской осторожности и убьет меня! Только одно будет мне в радость — умереть самой или увидеть мертвым его.

— Так, на сегодня хватит! — сказал Хитклиф. — Если тебя вызовут в суд, не забудь, что она сейчас сказала, Нелли! И погляди хорошенько на ее лицо: она почти дошла до того состояния, которое меня бы вполне устроило. Нет, Изабелла, вы пока не можете отвечать за свои поступки, и я, будучи вашим законным покровителем, должен держать вас под присмотром, сколь бы неприятной ни была для меня сия обязанность. Ступайте наверх, мне надобно кое-что сказать Эллен Дин с глазу на глаз. Не туда! Наверх, говорю вам! Вон там лестница, деточка.

Схватив Изабеллу, он вытолкал ее из комнаты и вернулся ко мне, бормоча:

— Долой жалость! Долой жалость! Чем больше извиваются черви, тем сильнее хочется их раздавить! В нравственном смысле это как прорезывание зубов у младенца — надо грызть все упорнее по мере возрастания боли.

— А вы понимаете, что такое жалость? — спросила я и поспешила взять свою шляпу. — Вы хоть раз в жизни испытывали ее, пусть мимолетно?

— Положи шляпу! — прервал он меня, поняв мое желание покинуть его жилище. — Тебе еще рано уходить. Подойди сюда, Нелли. Я должен либо заставить, либо уговорить тебя содействовать мне в моем намерении увидеть Кэтрин, причем безотлагательно. Клянусь, ничего дурного не случится. Я не собираюсь устраивать скандал, приводить в ярость или оскорблять мистера Линтона. Я всего лишь хочу узнать у нее самой, как она себя чувствует, что стало причиной ее недуга, и спросить, могу ли я что-нибудь для нее сделать. Прошлой ночью я простоял в саду «Дроздов» шесть часов и сегодня снова приду; каждую ночь и каждый день я буду бродить вокруг дома, пока не найду способ проникнуть внутрь. Ежели мне попадется мистер Линтон, я без колебаний собью

его с ног и так отделаю, что он и пикнуть не сможет, покуда я там. А случись его слугам напасть на меня, я отпугну их вот этими пистолетами. Но не лучше ли будет избежать моей встречи с ними или с их хозяином? Ты ведь можешь это легко устроить. Я заранее дам тебе знать о своем приходе, и ты впустишь меня, когда никто не сможет меня увидеть и Кэтрин будет одна. Можешь присутствовать при нашей встрече до моего ухода, и твоя совесть будет чиста, ибо так ты предотвратишь возможные неприятности.

Я отказывалась становиться предательницей в доме своего хозяина и, кроме того, осуждала жестокосердие и себялюбие Хитклифа, желавшего ради собственного удовольствия нарушить покой миссис Линтон.

— Самое обыденное происшествие вызывает у нее болезненное волнение, — сказала я. — Нервы ее напряжены, и, я уверена, она не перенесет вашего неожиданного прихода. Не настаивайте, сэр, иначе мне придется сообщить хозяину о ваших планах, и он примет меры, чтобы обезопасить свой дом и его обитателей от подобного нежелательного вторжения.

— В таком случае я приму меры, чтобы обезопасить мой план от тебя, дорогуша! — воскликнул

Хитклиф. — Ты просидишь в «Грозовом перевале» до завтрашнего утра. Что за глупость — утверждать, что Кэтрин не выдержит встречи со мной! Да я и не хочу нагрянуть к ней неожиданно. Ты должна будешь ее подготовить — спросишь, можно ли мне прийти. Говоришь, она не упоминает моего имени и никто не разговаривает с ней обо мне? А с кем она станет меня вспоминать, если мое имя у них в доме под запретом? Она считает, что ты шпионишь за нею и обо всем докладываешь ее мужу. О, я уверен, она живет среди вас, как в аду! Именно по ее молчанию я могу представить, каковы ее чувства. Ты сказала, что она часто бывает тревожна и чем-то озабочена. Разве это свидетельство душевного спокойствия? Потвоему, у нее помешался рассудок. Но разве, черт возьми, может быть иначе в столь чудовищной изоляции? А это мягкотелое ничтожество ухаживает за нею из *чувства долга* и *человеколюбия*, из *жалости* и *сострадания*! С тем же успехом он может посадить дуб в цветочный горшок и ждать, когда тот вырастет до небес. Так что пусть не мечтает вернуть ее к жизни своими убогими ласками! Договоримся сейчас же. Ты будешь заперта здесь, а я пробьюсь к Кэтрин, расправившись с Линтоном и лакеями, или ты останешься

мне другом, каким была всегда, и выполнишь мою просьбу? Решайся, ибо я не вижу смысла тянуть время, если ты продолжаешь настаивать из-за своего упрям- ства.

Знаете, мистер Локвуд, я спорила с ним, пеняла ему, сто раз наотрез отказывалась, но в конце концов он вынудил меня сдаться. Мы договорились, что я передам хозяйке его письмо и, если она согласится увидеться с ним, я обязуюсь сообщить, когда в ближайшее время мистер Линтон будет отсутствовать. Тогда Хитклиф сможет прийти в «Дрозды» и пробраться в дом, как сам сумеет. Меня там не будет, как не будет и других слуг. Правильно я поступила или нет? Боюсь, что нет, хотя в тот момент у меня не было выбора. Мне думалось, что своей уступчивостью я предотвращаю новую бурю и к тому же благодаря их встрече в душевной болезни Кэтрин может наступить благоприятный поворот. Еще я вспомнила, как сурово отчитал меня мистер Эдгар за то, что разношу сплетни, и попыталась унять свое беспокойство, дав себе слово — и повторила клятву несколько раз, — что это предательство хозяйского доверия, если использовать столь суровое обозначение моего проступка, будет последним. И все же мой путь домой был печальнее, чем

дорога до «Перевала», и дурные предчувствия долго терзали меня, прежде чем я вложила в руку хозяйки послание от Хитклифа.

Но вот пришел доктор Кеннет. Спущусь и скажу ему, что вам стало намного лучше. Моя повесть, как у нас говорят, *тягучая*, и она поможет нам скоротать еще одно утро.

«Тягучая и тяжелая!» — так подумалось мне, пока добрая женщина спускалась вниз встретить врача; едва ли я сам избрал бы подобную повесть, чтобы с приятностью провести время. Но ничего! Я сумею извлечь целебные соки из горьких трав миссис Дин. И прежде всего, мне надобно опасаться очарования, таящегося в сверкающих глазах Кэтрин Хитклиф. В любопытную историю попаду я, если отдам свое сердце этой молодой даме, а она окажется точным повторением своей матушки.

Глава 15

Прошла еще одна неделя, и я на несколько дней приблизился к выздоровлению и к весне! Теперь мне уже известна вся история — ключница изложила мне ее не за один раз, а когда выдавалось время, свободное от более важных дел. Продолжу ее же словами, лишь более сжато. Должен сказать, она замечательная рассказчица, и мне вряд ли удалось бы сделать ее слог краше.

— Вечером, — рассказывала она, — того самого дня, когда я побывала в «Грозовом перевале», я почувствовала, как если бы видела собственными глазами, что мистер Хитклиф где-то рядом, в «Дроздах». Я опасалась выходить из дома, ибо его письмо все еще лежало у меня в кармане, а я не хотела вновь выслушивать его угрозы и просьбы. Про себя я решила, что отдам письмо, только когда хозяин куда-нибудь отлучится, ведь я не знала, каково будет действие этого послания на Кэтрин. Поэтому письмо попало к ней в руки по прошествии трех дней. Четвертый день пришелся на воскресенье, и я принесла письмо к ней в комнату, после того, как все домашние

ушли в церковь. В доме, помимо меня, оставался еще один слуга. Обыкновенно в часы церковной службы мы запирали двери, но в тот день погода стояла теплая и приятная, поэтому, выполняя свое обещание, я настежь распахнула двери. Зная, кого мне следует ожидать, я сказала слуге, что хозяйке вдруг очень захотелось апельсинов, потому надо сбегать за ними в деревню, а заплатим мы завтра. Он ушел, и я поднялась наверх.

Миссис Линтон сидела в свободном белом платье с легкой шалью на плечах, как всегда, в уютном уголке у открытого окна. Ее густые длинные волосы были подстрижены еще в начале болезни, и сейчас она просто расчесывала их, и естественные прядки вились на висках и на шее. Внешне Кэтрин переменилась, как я и сказала мистеру Хитклифу, но в спокойные минуты она была красива какой-то неземной красотой. Взгляд некогда сверкающих глаз смягчился и стал мечтательно-меланхоличным. Казалось, эти глаза более не глядят на окружающие предметы, но устремляются куда-то далеко-далеко — можно даже сказать, за пределы земного мира. Бледность лица — по мере физического выздоровления изможденность исчезла — и необычное выражение, появившееся по причине душевного

недуга, хотя, к несчастью, и свидетельствовали о причинах, их породивших, все же вызывали трогательное участие. Однако они сводили на нет — для меня уж точно, да и для любого другого, кто ее видел, — более заметные признаки выздоровления, налагая на Кэтрин печать обреченности и распада.

На подоконнике перед нею лежала раскрытая книга, и время от времени едва заметный ветерок перебирал страницы. Думаю, книгу положил Линтон, ибо сама Кэтрин ни разу не попробовала развлечь себя чтением или каким-нибудь другим делом. Эдгар же проводил многие часы, стараясь привлечь внимание жены к вещам, когда-то ее занимавшим. Она осознавала, для чего это делалось, и, будучи в спокойном настроении, терпеливо сносила его ухищрения, лишь иногда намекая на их бесполезность подавляемым усталым вздохом и под конец останавливая его грустной улыбкой и поцелуем. В иных случаях она недовольно отворачивалась, закрывала руками лицо или даже зло отталкивала мужа. Тогда он оставлял ее в покое, понимая, что ничего хорошего из его затеи не выйдет.

Еще звонили колокола гиммертонской часовни и с долины доносилось ласковое и нежное

журчание полноводного ручья. Эти сладкие весенние звуки заменяли пока еще не пробудившийся шелест листвы — он поглотит эту музыку летом, когда в поместье зазеленеют деревья. В тихие дни после обильного таяния снега или продолжительных ливней в «Грозовом перевале» всегда был слышен шум ручья. О «Грозовом перевале» и думала Кэтрин, прислушиваясь к плеску бегущей воды, если, конечно, она вообще о чем-то думала и к чему-то прислушивалась. Но в ее глазах было то рассеянное, отстраненное выражение, о котором я говорила ранее. Казалось, она не воспринимает никаких материальных предметов ни зрением, ни слухом.

— Вам письмо, миссис Линтон, — сказала я, осторожно вложив его в лежавшую на коленях руку. — Нужно прочесть его сейчас, потому что требуется дать ответ. Хотите, чтобы я сломала печать?

— Да, — ответила она, но ее глаза не изменили своего выражения.

Я открыла письмо, оно было очень коротким.

— А теперь, — продолжала я, — прочтите его.

Она отвела руку, и письмо упало на пол. Я вновь положила его ей на колени и стояла в ожидании, когда ей вздумается опустить на него свой

взгляд. Минуты тянулись долго, и в конце концов я предложила:

— Быть может, вы желаете, чтобы я прочла его вам? Оно от мистера Хитклифа.

Кэтрин вздрогнула, в глазах засветилось узнавание и беспокойство, она усиленно пыталась собраться с мыслями. Взяла письмо и как будто принялась читать, но, дойдя до подписи, лишь вздохнула. Мне стало ясно, что смысл послания ускользает от нее, ибо вместо ожидаемого мною ответа она указала на имя и взглянула на меня с немым вопросом, полным волнения и скорби.

— Он хочет вас видеть, — сказала я, догадавшись, что ей требуется толкователь. — Сейчас он в саду и с нетерпением ожидает, какой я принесу ответ.

Сказав это, я заметила, что большая собака, лежавшая на солнце в траве, навострила уши, словно собираясь залаять, а потом снова их опустила и принялась вилять хвостом, из чего следовало, что к дому подошел кто-то знакомый. Миссис Линтон наклонилась вперед и, затаив дыхание, слушала. Через минуту в прихожей послышались шаги. Открытая дверь оказалась слишком большим искушением для Хитклифа, и он вошел. Скорее всего, он подумал, что я вряд ли

сдержу данное ему обещание, и принял решение действовать на свой страх и риск. Кэтрин смотрела на дверь с напряженным вниманием. Хитклиф не сразу нашел нужную комнату, и она сделала мне знак встретить его и впустить к ней, но прежде чем я дошла до двери, он уже был на месте и, ринувшись к Кэтрин, сжал ее в объятиях.

Минут пять он ничего не говорил и не отпускал ее, покрывая поцелуями — столько поцелуев он, наверное, не дарил никому за всю свою жизнь. Кэтрин первая поцеловала его, и я ясно видела, что в крайнем смятении он никак не решался посмотреть ей в лицо. Однако стоило ему взглянуть на нее, как его поразила та же неизбежная мысль, что и меня: нет никаких надежд на окончательное выздоровление, Кэтрин обречена и наверняка умрет.

— О, Кэти! О жизнь моя! Как мне вынести это! — Он даже не пытался скрыть своего отчаяния. Теперь он смотрел на нее, не отрывая глаз, и мне казалось, что этот пристальный взгляд вот-вот затуманится слезами. Но в глазах его была лишь мука, не слезы.

— Что такое? — сказала Кэтрин, отпрянув и взглянув на него с недовольным выражением. Ее настроение под воздействием капризов бес-

престанно менялось. — Ты и Эдгар разбили мне сердце, Хитклиф! И вы оба приходите ко мне оплакивать содеянное, словно не меня, а вас надо жалеть! Не стану я жалеть вас, вот уж нет! Вы убили меня — и, думаю, к собственной пользе! Вон какой ты сильный! Сколько лет ты собираешься прожить после того, как меня не станет?

Хитклиф, когда обнимал ее, опустился на одно колено и теперь хотел подняться, но она схватила его за волосы и толкнула вниз.

— Жаль, я не могу держать тебя в объятиях, пока оба мы не умрем, — с горечью продолжала она. — Мне не должно быть дела до твоих страданий. И они меня совсем не волнуют. Почему бы тебе не страдать? Ведь я-то страдаю! Ты забудешь меня? Будешь счастлив, когда я лягу в землю? А через двадцать лет скажешь: «Вот могила Кэтрин Эрншо. Когда-то я ее любил, и мне было больно ее потерять. Но все прошло. Потом я любил многих других. Мои дети дороже мне, чем она, и на пороге смерти я не стану радоваться, что иду к ней, мне будет жаль покидать их!» Ты скажешь так, Хитклиф?

— Не мучай меня, не то я, как ты, сойду с ума! — закричал он, скрежеща зубами, и рывком высвободил голову из ее рук.

Для стороннего наблюдателя оба они являли собою невероятное и страшное зрелище. Кэтрин вполне могла считать небеса местом изгнания, если вкупе со своею земною плотью она не желала лишаться и своего земного нрава. Сейчас ее лицо выражало исступленную мстительность — бледное, с бескровными губами и сверкающими глазами; в зажатом кулаке остался клок вырванных волос. Что до ее товарища, то, поднимаясь, он оперся на одну руку, а другой схватил руку Кэтрин; и так мало в нем было нежности и сочувствия к ее состоянию, что, когда он отпустил ее, я заметила четыре синих пятна, оставленных им на прозрачной коже.

— Неужто в тебя дьявол вселился, — грозно вскричал он, — если ты, умирая, говоришь мне такое? Ты понимаешь, что твои слова будут навек запечатлены в моей памяти и после того, как ты покинешь меня, станут врезаться в нее все глубже и глубже? Ты знаешь, что это ложь, будто я убил тебя; и, Кэтрин, ты также знаешь, что я не в силах забыть тебя, как собственное свое естество! Твоему дьявольскому себялюбию недостаточно, что, когда ты упокоишься с миром, я буду корчиться в адских муках?

— Я не упокоюсь с миром, — простонала Кэтрин,

ощутив телесную слабость, отмеченную сильным и неровным биением сердца. От чрезмерного возбуждения было и видно, и слышно, как оно стучит. Больше она ничего не сказала, ожидая, пока минует приступ. Затем заговорила вновь, уже мягче: — Я не желаю, чтобы ты мучился сильнее меня, Хитклиф. Просто хочу никогда с тобой не расставаться. И если в будущем мои слова заставят тебя страдать, знай, что под землей я тоже страдаю, и, ради меня, прости их мне! Подойди и встань опять на колено. Ты ни разу в жизни не сделал мне больно. Нет. Но коли ты сейчас питаешь ко мне злобу, то потом вспоминать ее будет тяжелее, чем мои жестокие слова. Ну, подойди же ко мне! Подойди!

Хитклиф приблизился, встал за спинкой кресла, и наклонился к ней, но так, чтобы она не видела его лица, мертвенно-бледного от душевных терзаний. Кэтрин оглянулась, чтобы на него посмотреть. Он не мог этого допустить и, резко повернувшись, молча направился к камину, где остановился, спиною к нам. Миссис Линтон с подозрением следила за его перемещениями. Каждое его движение рождало в ней новое чувство. Долго она молчала, а потом вновь заговорила, не скрывая негодующего разочарования:

— О, ты видишь, Нелли, он ни на йоту не уступит, чтобы спасти меня от могилы. Вот как он меня *любит*! Что ж, пусть. Это не *мой* Хитклиф. Я все равно буду любить моего и заберу его с собою — он у меня в душе. Знаешь, — добавила она задумчиво, — больше всего мне докучает эта ужасная тюрьма. Я устала быть узницей. И изнываю от желания убежать в прекрасный мир и все время пребывать там, а не видеть его в тумане, сквозь слезы, и не томиться по нему, за оградой своего больного сердца — быть вместе с ним и в нем. Нелли, думаешь, ты лучше и счастливей меня, ты такая здоровая и сильная. И ты жалеешь меня. Но очень скоро все переменится. Мне будет жаль *тебя*. Я буду несказанно далеко от всех вас — там, в вышине. Неужели его не будет со мною? — продолжала она, словно спрашивая саму себя. — Я думала, он этого хочет. Хитклиф, дорогой, не грусти. Ну, подойди же ко мне, Хитклиф!

В нетерпении она поднялась, держась за подлокотник кресла. В ответ на этот искренний призыв он повернулся с видом бесконечного отчаяния. Его большие, мокрые от слез глаза наконец, яростно сверкнув, устремились на нее. Грудь его судорожно вздымалась. Всего одно мгновение

они стояли порознь, и я даже не успела заметить, как они соединились вновь. Кэтрин кинулась к нему, он схватил ее и заключил в объятия, из которых, как мне казалось, моя хозяйка живой не выйдет — правду сказать, вид у нее был совершенно бесчувственный. Хитклиф опустился в ближайшее кресло и, когда я поспешила к ним, чтобы посмотреть, не лишилась ли она чувств, заскрежетал зубами с пеной у рта, точно бешеная собака, и сгреб ее в охапку с ревнивой жадностью. Мне почудилось, что рядом со мной не человеческое существо. Казалось, он даже не понимает, что я ему говорю, поэтому я отошла в сторону и в растерянности замолчала.

Вскоре Кэтрин зашевелилась, что немного успокоило меня. Она обхватила его за шею и прижалась щекою к его щеке, а он, покрывая ее безумными ласками, исступленно заговорил:

— Ты учила меня своею жестокостью — жестокостью и ложью. *Почему* ты презирала меня? *Почему* ты предала собственное сердце, Кэти? У меня нет слов утешения. Ты это заслужила. Ты сама убила себя. Да, целуй меня и плачь, исторгай мои поцелуи и слезы; в них твоя погибель, твое проклятие. Ты любила меня, так какое же *право* ты имела меня покинуть? Какое право —

отвечай? Из-за жалкого чувства к Линтону? Ибо ни невзгоды, ни унижения, ни смерть — ничто, посланное нам Богом или сатаной, не могло бы нас разлучить. Это сделала *ты*, своей волей. Не я разбил твое сердце — *ты* разбила его, а разбив свое, ты разбила и мое. Мне лишь хуже оттого, что я крепок. Хочу ли я жить? Что это будет за жизнь, если ты… о Боже! Ты бы хотела жить, похоронив свою душу?

— Оставь меня! Оставь! — всхлипывала Кэтрин. — Если я поступила дурно, то в наказание умираю. Довольно! Ты тоже оставил меня, но я не стану тебя бранить. Я прощаю тебя. Прости и ты.

— Трудно прощать, когда смотришь в эти глаза и касаешься этих безжизненных рук, — ответил он. — Поцелуй меня еще раз, но глаза свои спрячь. Я прощаю то, что ты сделала мне. Я люблю *своего* убийцу. Но могу ли простить *твоего?*

Они смолкли. Лиц их не было видно — они прижались щека к щеке и умывались слезами друг друга. Во всяком случае, мне показалось, что плакали оба, ибо Хитклиф, как выяснилось, в такие судьбоносные мгновения умел плакать.

Меж тем я начала беспокоиться. День быстро катился к вечеру, слуга, которого я отправила с поручением, уже вернулся, и в лучах заходящего

солнца в долине я различала большое скопление людей на пороге гиммертонской часовни.

— Служба закончилась, — объявила я. — Хозяин будет здесь через полчаса.

Хитклиф прорычал какое-то ругательство и сильнее прижал Кэтрин к себе. Она не шевельнулась.

Вскоре я заметила толпу слуг, идущих по дороге к кухонному флигелю, а чуть позади них и мистера Линтона. Он сам открыл ворота и медленно, словно прогуливаясь, шел к дому и, наверное, наслаждался приятной, мягкой погодой, предвещавшей скорое лето.

— Он уже здесь! — воскликнула я. — Ради всего святого, скорее бегите вниз! На парадной лестнице вы никого не встретите. Поторопитесь! Спрячьтесь за деревьями и ждите, пока он войдет.

— Мне надо идти, Кэти, — сказал Хитклиф, стараясь высвободиться из ее объятий. — Но, живой или мертвый, я увижу тебя еще раз, прежде чем ты ляжешь спать. Я не отойду от твоего окна дальше чем на пять шагов.

— Ты не уйдешь! — противилась она, держа его крепко, насколько хватало сил. — Говорю тебе, ты не можешь уйти!

— Всего на час, — умолял он.

— Ни на минуту, — отвечала она.

— Но я *должен* — Линтон сейчас будет здесь, — настаивал в тревоге незваный гость.

Он почти поднялся и своим движением чуть не разжал ее пальцы, но она, задыхаясь, вцепилась в него еще сильнее, а ее лицо выражало безумную решимость.

— Нет! — закричала она. — Не уходи! Не уходи! Это последний раз! Эдгар нам ничего не сделает, Хитклиф! Я умру! Умру!

— Черт бы побрал этого болвана! Явился! — воскликнул Хитклиф, вновь опустившись в кресло. — Тише, дорогая! Тише, тише, Кэтрин! Я остаюсь. Если он меня сейчас застрелит, я сойду в мир иной со словами благословения.

Они так и сидели, обнявшись. Я слышала, как хозяин поднимается по лестнице, и от ужаса меня прошиб холодный пот.

— Неужто вы будете слушать ее бред? — с возмущением воскликнула я. — Ведь она не понимает, что говорит. И вы погубите ее, потому что у нее нет разумения спасти саму себя? Вставайте! Еще можно быстро исчезнуть. Это самый дьявольский поступок из всех, что вы совершили. Теперь всем нам конец — хозяину, хозяйке и служанке!

Я взывала, заламывая руки. Услышав шум, мистер Линтон ускорил шаг. Но посреди этих треволнений я с радостью заметила, что руки Кэтрин ослабли и опустились, а голова упала на грудь.

«В обмороке или умерла, — подумала я. — Оно и к лучшему. Ей лучше умереть, чем быть постоянной обузой и сеять кругом несчастье».

Побледнев от удивления и ярости, Эдгар бросился к своему нежданному гостю. Не могу сказать, что именно он намеревался с ним сделать. Однако Хитклиф сразу же пресек возможную сцену, положив ему в руки безжизненное тело.

— Послушайте, — сказал он, — если вы человек, а не дьявол, сначала помогите ей. А уж потом разговаривайте со мной!

Хитклиф ушел в гостиную и сел. Мистер Линтон подозвал меня, и мы с огромным трудом и прибегнув ко множеству средств, привели Кэтрин в чувство, но разум ее мешался. Она вздыхала, стонала и никого не узнавала. Эдгар, целиком поглощенный женой, забыл о своем ненавистном враге. Однако я не забыла. И при первой же возможности пошла к нему. Я попросила Хитклифа удалиться, убедив его, что Кэтрин стало лучше, и пообещав, что утром сообщу, как пройдет ночь.

— Я согласен покинуть эти стены, — ответил

он. — Но из сада не уйду. И, Нелли, не забудь о своем обещании. Я буду ждать там, под лиственницами. Помни! Иначе я вновь приду, и мне безразлично, будет Линтон дома или нет.

Через полуоткрытую дверь он бросил быстрый взгляд в комнату и, убедившись, что сказанное мною, скорее всего правда, избавил наш дом от своего несчастного присутствия.

Глава 16

В ту ночь около двенадцати часов родилась Кэтрин, которую вы видели в «Грозовом перевале», — недоношенный семимесячный младенец, а через два часа умерла ее мать, не приходя в сознание и потому не заметив отсутствия Хитклифа и не признав Эдгара. Отчаяние ее мужа от столь горькой утраты, — слишком тяжелый предмет для рассказа; последствия ясно показали, насколько глубока была его скорбь. К ней, как мне кажется, примешивались и серьезные переживания, связанные с отсутствием наследника. Я тоже горевала, глядя на бедную маленькую сиротку, и мысленно укоряла старого Линтона за то, что он завещал свое поместье — хотя в определенном смысле это было даже естественно — не сыну, а дочери. Бедняжка оказалась нежеланным ребенком. В первые часы появления на свет она кричала надрываясь, изо всех своих силенок, но это никого не заботило. Позднее мы искупили свою вину, но жизнь ее началась без дружеского участия, каким, наверное, станет и конец.

Утро следующего дня — солнечное и веселое

на дворе, приглушенное спущенными шторами — прокралось в тихую комнату и покрыло мягким, нежным светом кушетку и лежавшую на ней Кэтрин. Голова Эдгара Линтона покоилась рядом, на подушке, глаза его были закрыты. Тонкие черты его молодого лица казались такими же застывшими и несли почти такую же печать смерти, как и черты покойницы. Однако его недвижное лицо говорило о неизбывном страдании, ее же — о полном умиротворении. Лоб Кэтрин был гладок, веки опущены, на губах застыла улыбка — ангел небесный не мог бы быть прекраснее. Мне тоже передалось ее безграничное спокойствие. Никогда больше не приходилось мне ощущать такого благоговения, чем в ту минуту, когда я смотрела на этот тихий образ божественного покоя. Невольно пришли на память слова, произнесенные ею несколько часов назад: «Я буду несказанно далеко от всех вас — там, в вышине!» Все еще на земле или уже на небесах, но дух ее пребывал с Богом!

Не знаю, мое ли это особенное свойство, но я редко испытываю иное чувство, кроме счастья, глядя на покойника на смертном одре, если рядом со мной нет обезумевших от горя и отчаяния близких. Я вижу покой, который не могут нару-

шить ни земля, ни ад, и чувствую уверенность в бесконечной и безоблачной загробной жизни — в той вечности, в которую вступили усопшие, — где безгранична жизнь в своем продолжении, любовь в своем сострадании и радость в своей полноте. В тот раз я отметила про себя, как много эгоизма даже в такой любви, как у мистера Линтона, который так сильно убивается о благословенном освобождении жены! Конечно, если вспомнить, какой неуправляемой и своенравной была Кэтрин, можно было бы усомниться, заслужила ли она рай. Но эти сомнения возникли бы у вас после долгих холодных размышлений, а не в тот час, когда ее тело еще лежало перед вами. Оно утверждало неизбежность покоя — залога будущего успокоения обитавшей в сем теле души.

— Как вы думаете, сэр, такие люди счастливы в мире ином? Многое бы я отдала, чтобы узнать.

Я уклонился от ответа на вопрос миссис Дин, ибо он показался мне несколько еретическим. И она продолжила свой рассказ:

— Проследив жизненный путь Кэтрин Линтон, боюсь, мы не найдем оснований для положительного ответа. Но оставим ее наедине с Создателем.

Похоже было, что хозяин спит, и вскоре после восхода я отважилась выйти из комнаты и вы-

браться на чистый, свежий воздух. Слуги решили, что я вышла, желая стряхнуть дремоту после долгого ночного бдения, на самом же деле моей главной целью было увидеть мистера Хитклифа. Если он всю ночь простоял под лиственницами, то, значит, не слышал шума и беготни в доме, разве что уловил топот коня, на котором слуга поскакал в Гиммертон. Если бы он подошел ближе, то, возможно, понял бы по перемещающимся по дому огонькам и хлопающим дверям, что внутри не все благополучно. Я желала и боялась нашей встречи. Было очевидно, что нужно сообщить ужасную новость, и чем скорее, тем лучше, но я даже не представляла, *как* я ему это скажу. Хитклиф стоял на несколько шагов дальше, в парке, прислонившись к старому ясеню, без шляпы, с мокрыми волосами — капельки росы собирались в почках и падали на него и вокруг. Видно, в этой позе стоял он уже давно, потому что я заметила, как два черных дрозда скачут взад-вперед меньше чем в трех футах от него, строя себе гнездо и принимая его за ствол дерева. При звуке моих шагов дрозды улетели, а Хитклиф поднял взгляд.

— Она умерла! — сказал он. — Я и без тебя знал. Убери свой платок, не хнычь передо мной. Черт вас всех возьми! *Ваши* слезы ей не нужны!

Я плакала по нему не меньше, чем по ней, ведь мы иногда жалеем людей, которые не щадят ни себя, ни других. Как только я увидела его лицо, мне сразу подумалось, что он уже знает о трагедии, и в голову пришла глупая мысль, что сердце его успокоилось и он молится, потому что губы его что-то шептали, а глаза смотрели вниз.

— Да, умерла! — ответила я, едва сдерживая слезы и вытирая лицо. — Надеюсь, вознеслась на небеса, где все мы когда-нибудь сможем встретиться с нею, если вовремя примем ниспосланное предостережение и оставим свои дурные поступки, ступив на стезю добра.

— Выходит, она «приняла ниспосланное предостережение»? — спросил Хитклиф и попытался усмехнуться. — Умерла, как святая? Тогда поведай мне, как все было. Как…

Он хотел произнести ее имя, но не смог; сжав губы, он молча боролся с терзавшей его мукой, но в то же время отвергал мое сострадание непреклонным свирепым взглядом.

— Как она умерла? — наконец выговорил он, принужденный, несмотря на свою крепость, опереться на ствол, ибо после внутренней борьбы с собой не мог унять дрожь, охватившую его целиком, до кончиков пальцев.

«Несчастный! — подумала я. — У тебя сердце и нервы такие же, как у любого другого. Зачем ты так силишься их скрыть? Гордость твоя не ослепит Господа. Ты лишь искушаешь Его испытывать их, пока Он не исторгнет из тебя униженный вопль».

— Тихо, как агнец! — сказала я. — Она вздохнула и вытянулась, словно ребенок, сначала пробудившийся, а потом опять погрузившийся в сон; через пять минут я нащупала один еле слышный удар пульса — и больше ничего!

— А она… называла мое имя? — спросил он таким голосом, будто боялся, что в моем ответе услышит подробности, вынести которые будет не в силах.

— Сознание так и не вернулось к ней. Она никого не узнавала с той минуты, как вы ушли, — сказала я. — И теперь лежит с ласковой улыбкой на лице, ведь последние ее мысли были обращены к милым дням ее юности. Ее жизнь завершилась тихим сном. Дай ей бог проснуться столь же безмятежно в ином мире!

— Дай ей бог проснуться в мучениях! — закричал он с неистовым пылом, топнув ногой и застонав от внезапного приступа необузданной страсти. — Да она осталась лгуньей до самого

конца! Где она? Не *там* — не на небесах, но и не канула в вечность! Тогда где? О, ты сказала, что тебя не беспокоят мои страдания! И я читаю лишь одну молитву — повторяю ее, пока не закостенеет мой язык: Кэтрин Эрншо, не дай бог тебе покоя, пока я жив! Говоришь, я убил тебя — так являйся мне! Я знаю, что убитые являются своим убийцам. Мне известно, что привидения бродят по земле. Будь со мною, прими какой хочешь образ, сведи меня с ума — только не оставляй меня в этой пучине, где я не могу тебя отыскать! О Боже! Это невыразимо! Я не могу жить без моей жизни! Я не могу жить без моей души!

Он стал биться головой об узловатый ствол и, воздев глаза к небу, завыл — не как человек, а как дикий зверь, насмерть заколотый копьями и кинжалами. Я заметила несколько кровавых пятен на коре дерева, лоб и руки Хитклифа тоже покрывали пятна. Возможно, наблюдаемая мною сцена была повторением других, разыгравшихся ночью. Едва ли я почувствовала к нему сострадание — скорее ужас. Однако мне не хотелось оставлять его в таком состоянии. Но лишь только он пришел в себя и заметил, что я за ним наблюдаю, как тут же громовым голосом потребовал, чтобы я убиралась. И я подчинилась. Не в моих

силах было успокоить или утешить его.

Похороны миссис Линтон были назначены на ближайшую пятницу после ее кончины, а до тех пор ее гроб стоял в гостиной открытый, убранный цветами и душистыми листьями. Линтон проводил там дни и ночи, словно бессонный страж. И Хитклиф — это обстоятельство было скрыто от всех, кроме меня, — проводил, по крайней мере, ночи в парке у дома, также не зная отдыха. Я не виделась с ним и все же понимала, что он намерен при благоприятных обстоятельствах проникнуть в дом. И вот во вторник, как только стемнело, мой хозяин, подкошенный усталостью, вынужден был на несколько часов удалиться. Тогда я вошла в комнату и открыла одно из окон, тронутая непоколебимостью Хитклифа, чтобы дать ему возможность сказать последнее «прости» своему ушедшему в небытие кумиру. Хитклиф не упустил этого случая и пробрался к гробу быстро и осторожно — очень осторожно, дабы ни малейшим шумом не обнаружить своего присутствия. Правду сказать, я не догадалась бы, что он побывал там, если бы не заметила, что ткань у лица покойницы немного смята, а на полу лежит локон светлых волос, перевязанный серебристой нитью, который, как я удостовери-

лась, был вынут из медальона на шее у Кэтрин. Хитклиф открыл медальон, выбросил содержимое и вложил в него собственный черный локон. Я сплела эти два локона и положила их в медальон вместе.

Мистера Эрншо, конечно, пригласили сопровождать упокоившуюся сестру в последний путь. Он не прислал извинений и не пришел. Посему, кроме мужа, за гробом шли только арендаторы и слуги. Изабеллу не позвали.

К удивлению окрестных жителей, местом погребения Кэтрин не стали ни резная усыпальница Линтонов в часовне, ни та часть кладбища, где были похоронены ее родные. Могилу вырыли на зеленом склоне в углу погоста, где ограда такая низкая, что с пустоши туда проникают побеги вереска и черники, и ее почти полностью укрывает торфяник. Теперь и муж Кэтрин лежит рядом, и у каждого в головах поставлен простой могильный камень, а в изножье положена серая плита, отмечающая край могилы.

Глава 17

Та пятница оказалась последним погожим днем месяца. Вечером погода начала портиться, ветер переменился с южного на северо-восточный, принеся сначала дождь, а потом мокрый снег и метель. Наутро никто бы не сказал, что совсем недавно у нас было три недели настоящего лета — под снежными сугробами скрылись примулы и крокусы, молодые листочки на деревьях пожухли и почернели, смолкли жаворонки. Нас словно придавила угрюмая, промозглая, гнетущая атмосфера. Хозяин почти не выходил из своей комнаты, и в моем распоряжении оказалась пустая гостиная, которую я превратила в детскую. Так вот, сидела я, качая на коленях плачущую девочку, крошечную, точно куколка, и глядела, как нескончаемые хлопья снега залепляют незанавешенное окно, но вдруг отворилась дверь, и в дом кто-то вбежал, шумно втягивая воздух и хохоча. На минуту мой гнев даже пересилил удивление. Решив, что это одна из горничных, я прикрикнула:

— Прекратите сейчас же! Как вам не стыдно

здесь веселиться? Что скажет мистер Линтон, если услышит?

— Извините! — ответил знакомый голос. — Но я знаю, что Эдгар в постели, а я никак не могу остановиться.

С этими словами говорившая подошла к камину, тяжело дыша и держась за бок.

— Я бежала всю дорогу от «Грозового перевала», — продолжала она после паузы. — Если не считать случаев, когда летела кубарем. Даже не вспомню, сколько раз я упала! Все тело болит! Не тревожьтесь, как только я буду в состоянии дать объяснение, вы его получите. Только, пожалуйста, сделайте милость, пойдите и прикажите заложить карету, чтобы меня отвезли в Гиммертон, и велите горничной поискать в шкафу мои платья.

В неожиданной гостье я узнала миссис Хитклиф. И ей, конечно, было не до смеха. Волосы, мокрые от растаявшего снега, разметались по плечам; на ней было девичье платье, более подходившее ее возрасту, чем положению — с глубоким вырезом и короткими рукавами. Голова и шея оставались непокрытыми. Легкий шелк, намокнув, облепил ее тело, а на ногах были лишь тоненькие домашние туфли. Добавьте к этому

описанию глубокий порез за ухом, из которого кровь не лила ручьем лишь благодаря холодной погоде, и побледневшее лицо с царапинами и синяками. Она едва держалась на ногах от усталости. Думаю, вам понятно, почему мой первоначальный испуг не улегся, когда появилась возможность внимательнее ее разглядеть.

— Дорогая моя юная леди! — воскликнула я. — Я даже пальцем не пошевельну и слушать ничего не буду, пока вы не переоденетесь в сухое платье. И уж точно вам сегодня не следует ехать в Гиммертон, так что незачем закладывать карету.

— Я непременно доберусь туда сегодня, — сказала она. — В карете или пешком. Хотя не имею ничего против, чтобы прилично одеться. И вот еще что… Ах, смотрите, как потекло по шее! Это от жаркого огня.

Изабелла настояла на выполнении всех ее распоряжений, прежде чем позволила мне до нее дотронуться. Только после того, как кучеру велели подготовиться к поездке, а горничную послали собрать все необходимое, мне было разрешено перевязать рану и помочь миссис Хитклиф переодеться.

— А теперь, Эллен, — сказала она, когда я выполнила все, что требовалось, а сама она с чашкой

чая опустилась в мягкое кресло у огня, — садитесь напротив и отложите младенца бедняжки Кэтрин. Не хочется мне его видеть. Не думайте по моему глупому поведению, что мне не жаль Кэтрин. Я ведь тоже плакала, горько плакала — и на то у меня больше причин, чем у кого бы то ни было. Мы расстались непримиренные, как вы помните, и я себе этого никогда не прощу. Но при всем том я не стану ему сочувствовать — этому грубому животному! Ах, дайте мне кочергу! Вот последнее, что у меня от него осталось. — Она сняла золотое кольцо с безымянного пальца, швырнула на пол и ударила по нему кочергой. — Растопчу его! — вскричала она с детской злобой. — А потом сожгу! — Подняв кольцо, она бросила его, как ненужную вещь, в угли камина. — Вот так! Придется ему купить другое, если только он вернет меня назад. Он способен явиться искать меня, чтобы подразнить Эдгара. И я боюсь здесь оставаться, вдруг такая мысль придет в его мерзкую голову! Эдгар обошелся со мной не слишком ласково, не правда ли? Поэтому я не стану просить брата о помощи и не навлеку на него новую беду. Лишь по необходимости пришлось мне искать у вас убежища, и если бы мне не сказали, что мы с Эдгаром сейчас не встретимся, я бы

осталась на кухне, вымыла лицо, согрелась, попросила бы вас принести мне нужную одежду и вновь отправилась бы куда-нибудь подальше от моего проклятого… от этого исчадия ада! Ах, как он неистовствовал! А если бы он меня поймал? Жаль, что Эрншо слабее его. Я бы не убежала и осталась посмотреть, как Хиндли изобьет его до полусмерти, будь он на такое способен.

— Говорите медленнее, мисс, — прервала я ее, — иначе собьете повязку на голове, и рана снова начнет кровоточить. Выпейте чаю, переведите дух и не смейтесь больше. К несчастью, смех под этой крышей сейчас неуместен, да и в ваших обстоятельствах тоже!

— Истинная правда! — ответила она. — Ну что за ребенок! Вопит, не умолкая! Скажите, пусть его заберут отсюда хоть на час. Дольше я не останусь.

Я позвонила и поручила девочку заботам горничной, а затем спросила Изабеллу, что побудило ее бежать из «Грозового перевала» в таком виде и куда она думает податься, если не хочет оставаться у нас.

— Конечно, мне следовало бы остаться здесь, — ответила она, — по двум причинам: чтобы поддержать Эдгара и позаботиться о младенце,

а еще потому, что «Дрозды» — мой настоящий дом. Но, поверьте, этот человек ничего подобного не допустит. Думаете, он стерпит, что я день ото дня становлюсь здоровее и веселее, думаете, он смирится с мыслью, что жизнь в поместье протекает в мире и спокойствии, и ему не захочется отравить наше благополучие? Теперь-то я могу утверждать, что он совершенно меня не терпит — до такой степени, что, завидев меня или заслышав, в самом деле испытывает глубочайшее отвращение. Я заметила, как при моем появлении его лицо невольно искажается гримасой ненависти отчасти из-за того, что ему известны веские причины, по которым я испытываю к нему то же чувство, отчасти потому, что я была ему неприятна с самого начала. И вот эта сильнейшая неприязнь внушает мне уверенность, что, если мне удастся замести следы, он не станет гоняться за мною по всей Англии. Поэтому мне надобно скорее бежать отсюда. Я излечилась от моего прежнего желания быть убитой этим человеком. Мне куда больше по душе, чтобы он убил себя! Он очень умело растоптал мою любовь, и нас больше ничего не связывает. Правда, я еще помню, как любила его, и могу смутно представить, как могла бы любить, если бы… нет, нет! Даже полюби он

меня без памяти, его дьявольская природа так или иначе дала бы о себе знать. У Кэтрин был страшно извращенный вкус, раз она так сильно им дорожила, хорошо зная, каков он. Чудовище! Хоть бы он вовсе исчез из этого мира и из моей памяти!

— Тише, тише! Он все-таки человек, — сказала я. — Будьте милосерднее. Встречаются люди и похуже.

— Он не человек, — возразила она. — И не может ждать от меня милосердия. Я отдала ему свое сердце, а он истерзал его, убил и швырнул мне обратно. Люди чувствуют сердцем, Эллен, но мое-то разбито, значит, мне нечем сочувствовать ему, и я не буду, хоть бы он стенал до своего смертного дня и умывался из-за Кэтрин кровавыми слезами! Ни за что, ни за что не буду! — Сказав это, Изабелла расплакалась, но быстро смахнула с ресниц слезы и продолжала: — Вы спрашиваете, что толкнуло меня наконец к побегу? Мне представился случай, потому что я раздразнила в нем ярость больше обычного. Чтобы теребить нервы раскаленными щипцами, требуется куда больше хладнокровия, чем для того, чтобы просто дать дубиной по голове. Я довела его до того, что он забыл о своей дьявольской осторожности, которой

перед вами так хвастался, и перешел к грубому насилию. Я получала удовольствие, доводя его до белого каления, и это удовольствие пробудило во мне инстинкт самосохранения, поэтому я и сбежала. И если когда-нибудь я попаду к нему в лапы, что ж, пусть попробует мне отомстить!

Вчера, как вам известно, мистер Эрншо должен был присутствовать на похоронах. Поэтому он старался держаться трезвым — относительно трезвым — и не свалился в постель, обезумев от выпивки, в шесть, чтобы подняться таким же пьяным в двенадцать. В результате утром он встал в безнадежно подавленном настроении, готовый к походу в церковь не более, чем к танцам. Ну и уселся у камина и стал опрокидывать один за другим стаканчики джина и бренди.

Хитклиф — меня в дрожь бросает при одном его имени! — почти не появлялся дома с прошлого воскресенья до сегодняшнего дня. Кормили его ангелы или собратья из преисподней, сказать не могу, но с нами он не ел ни разу почти всю неделю. Он приходил домой на рассвете, поднимался к себе и запирал дверь, как будто кому-то пришло бы в голову искать его общества! Там он не переставая молился — только божеством, к которому он взывал, был бесчувственный прах

и пепел, а Господь, если он к нему обращался, странным образом мешался с его собственным рогатым создателем! Закончив свои непотребные молитвы — а длились они, пока он не охрипнет или вовсе не потеряет голос, — он снова уходил, и, конечно, в «Дрозды»! Удивляюсь, что Эдгар не послал за констеблем и не упрятал его за решетку. Я же, хоть и была опечалена смертью Кэтрин, воспринимала эту передышку от унизительного гнета как настоящий праздник.

Немного воспрянув духом, я уже могла без слез слушать бесконечные поучения Джозефа и ходить по дому не так, как раньше — точно я перепуганный воришка. Теперь вам бы не показалось, что я готова расплакаться в ответ на любое слово старика, но все-таки они с Гэртоном — отвратительное общество. Куда приятнее сидеть с Хиндли и слушать его жуткие речи, чем с «маленьким хозяйчиком» и его преданным слугой, этим гнусным старикашкой! Когда Хитклиф дома, мне часто приходится прятаться на кухне в их компании или бродить голодной по сырым комнатам, где давно никто не живет. Когда же Хитклифа нет, как было на этой неделе, я ставлю стол и стул в уголке, поближе к камину в гостиной, не обращая внимания на то,

что делает мистер Эрншо, и он тоже не мешает мне устраиваться, как я хочу. Сейчас, если его никто не разозлит, он ведет себя спокойнее, чем раньше, — он более мрачен, подавлен, но уже не неистовствует. Джозеф утверждает, что Хиндли, несомненно, стал другим человеком, что Господь проник в его сердце, и теперь он спасся, «точно огнем очищенный». Я с удивлением наблюдаю в нем признаки перемены к лучшему. Однако не мое это дело.

Вчера вечером я сидела допоздна в своем укромном уголке и читала старинные книги. Близилась полночь. Мне так тяжко было идти наверх, когда снаружи бушевала метель, а мысли мои постоянно возвращались к погосту и свежей могиле. Едва я осмеливалась поднять глаза от страницы, как эта печальная картина немедля вставала передо мною. Напротив меня, подперев голову рукой, сидел Хиндли, возможно, думая о том же. Он прекратил беспробудно пить и часа два или три не шевелился и не говорил ни слова. В доме было слышно лишь завывание ветра, иногда сотрясавшего рамы, тихое потрескивание углей и щелканье щипцов, которыми я время от времени снимала нагар с длинного фитиля свечи. Гэртон и Джозеф, должно быть, крепко спали в

своих постелях. Было очень, очень грустно. Читая, я глубоко вздыхала, ибо мне казалось, что вся радость исчезла из нашего мира и больше уже не вернется.

Наконец эту скорбную тишину нарушило звяканье щеколды на кухонной двери. Хитклиф вернулся после своего бдения раньше обычного, вероятно, из-за неожиданно грянувшей бури. Но вход через кухню был заперт, и мы услышали, как он пошел вокруг дома, чтобы войти через другую дверь. Я поднялась с восклицанием, недвусмысленно выражавшим мои чувства, что заставило Хиндли, смотревшего на дверь, перевести взгляд на меня.

— Я минут пять подержу его за дверью, — сказал он. — Вы не станете возражать?

— Нет. По мне, держите его там хоть всю ночь, — ответила я. — Очень хорошо! Вставьте ключ в замок и задвиньте засовы.

И прежде чем его гость добрался до парадного входа, Эрншо так и сделал. Потом он вернулся, перенес свой стул к столу и, наклонившись, стал искать в моих глазах сочувствие горячей ненависти, которая пылала в его собственном взгляде. Но не могу сказать, что нашел, ибо он показался мне убийцей, да и сам ощущал себя таковым.

Впрочем, Хиндли увидел достаточно, чтобы решиться заговорить.

— Перед вами и мною, — сказал он, — у того человека за дверью накопился большой долг. И коли мы не трусы, нам следует объединиться и заставить его заплатить по счетам. Или вы столь же мягкотелы, как ваш брат? Собираетесь терпеть до последнего и ни разу не попытаетесь отомстить?

— Я уже устала терпеть, — ответила я. — И была бы рада возмездию, лишь бы оно меня не задело. Предательство и насилие — обоюдоострое оружие. Оно ранит того, кто к нему прибегает, сильнее, чем того, на кого направлено.

— Предательство и насилие — это справедливая плата за предательство и насилие! — вскричал Хиндли. — Миссис Хитклиф, прошу вас ничего не предпринимать, сидеть тихо и молчать. Скажите, вы готовы на это? Я уверен, что вы получите такое же наслаждение, как и я, когда у вас на глазах этот дьявол исчезнет с лица земли. *Вам* он принесет смерть, если вы его не перехитрите, да и *меня* погубит. Будь он проклят, чертов наглец! Барабанит в дверь, словно уже стал хозяином в моем доме! Обещайте держать язык за зубами, и прежде чем пробьют часы, а сейчас без трех

минут час, вы станете свободной женщиной!

Хиндли вынул из-за пазухи оружие, которое я описывала вам в письме, и хотел уже потушить свечу, но я быстро отодвинула ее и схватила его за руку.

— Я не буду держать язык за зубами, — сказала я. — Не трогайте его. Просто не открывайте дверь и сидите тихо.

— Нет! Я принял решение и, клянусь Богом, выполню, что задумал! — закричал этот отчаявшийся человек. — Сделаю вам добро против вашей воли и восстановлю справедливость для Гэртона! И не надо ломать голову над тем, как помочь мне выпутаться. Кэтрин мертва. Никто на этом свете не будет обо мне сожалеть или стыдиться за меня, если я сию же минуту перережу себе горло. Пора всему положить конец!

С тем же успехом я могла бы сражаться с медведем или урезонивать сумасшедшего. Единственное, что мне оставалось, — это подбежать к окну и предупредить намеченную жертву об уготованной ей судьбе.

— Сегодня поищите себе убежище в другом месте! — крикнула я торжествующе. — Мистер Эрншо намерен застрелить вас, если вы не прекратите ломиться в дом.

— Лучше открой дверь, ты… — ответил он, наградив меня таким изысканным прозвищем, что лучше не повторять.

— Я не собираюсь вмешиваться, — парировала я. — Входите, и пускай вас пристрелят, коли желаете. Свой долг я выполнила.

С этими словами я закрыла окно и вернулась в свой угол у камина, не пытаясь лицемерно изображать беспокойство из-за грозящей Хитклифу опасности. Эрншо принялся осыпать меня проклятиями, говорил, что я все еще люблю негодяя, и нещадно бранил за малодушие. Я же в глубине души думала (и совесть меня совсем не мучила), каким благодеянием это станет для Эрншо, если Хитклиф избавит *его* от страданий, и каким благодеянием для *меня*, если Эрншо отправит Хитклифа в уготованную ему обитель! Пока я предавалась этим мыслям, на пол позади меня с грохотом рухнула выбитая негодяем оконная створка, и в комнату заглянуло его злобное черное лицо. Но слишком частый переплет окна мешал Хитклифу просунуть плечи, и я улыбнулась, радуясь воображаемой безопасности. Его волосы и одежда были белыми от снега, острые каннибальские зубы, оскаленные от холода и ярости, сверкали в темноте.

— Изабелла, впусти меня или пожалеешь! — «возопил» он, как сказал бы Джозеф.

— Я не могу потворствовать убийству, — ответила я. — Мистер Хиндли стоит наготове с ножом и заряженным пистолетом.

— Тогда впусти через дверь на кухне.

— Хиндли окажется там быстрее меня, — сказала я. — Невелика, видно, ваша любовь, раз вы так боитесь снегопада! Мы спокойно спали в своих постелях, пока светила летняя луна, но стоило подуть зимнему ветру, как вам понадобилось прятаться в доме! На вашем месте, Хитклиф, я бы пошла на кладбище, упала на ее могилу и умерла там, как верная собака. Ведь теперь вам нет смысла жить на белом свете, не правда ли? Вы очень доходчиво объяснили мне, что Кэтрин была для вас единственной радостью в жизни. Не представляю, как вы собираетесь существовать после такой утраты.

— Он там, да? — закричал Хиндли, бросившись к проему. — Мне только бы руку просунуть, и я его застрелю!

Боюсь, Эллен, вы сочтете меня дурным человеком, но вы ведь всего не знаете, так что не судите. Я бы ни за что не помогала и не потворствовала попытке отнять даже *такую* жизнь. Да, это прав-

да, я желала ему смерти и поэтому была ужасно раздосадована и взволнована, испугавшись последствий своих издевательских слов, когда Хитклиф кинулся на пистолет Эрншо и вырвал оружие из его рук.

Раздался выстрел, и нож, отскочив на пружине назад, вонзился в запястье своего владельца. Хитклиф с силой выдернул его, изодрав руку нападавшего, и сунул окровавленное оружие себе в карман. Потом поднял с земли камень, разбил им деревянную перегородку, разделявшую створки, и запрыгнул внутрь. Его противник потерял сознание от ужасной боли и свалился на пол, обливаясь кровью, которая хлестала из артерии или крупной вены. Мерзавец стал его бить, пинать ногами и колотить головой о плиты пола, одновременно держа меня одной рукой, чтобы я не могла позвать на помощь Джозефа. Он проявил нечеловеческое самообладание, удержавшись, чтобы не забить Эрншо до смерти. С трудом дыша, он все же наконец остановился и перетащил с виду совершенно безжизненное тело на скамью. Там оторвал рукав от кафтана Эрншо и без церемоний, кое-как перевязал рану, не переставая плеваться и браниться с тем же ожесточением, с каким до этого избивал. Вы-

свободившись, я, не теряя ни минуты, побежала за Джозефом, и тот, понемногу сообразив, что я торопливо ему втолковывала, поспешил вниз, перескакивая через ступеньку и охая:

— Что ж делать-то? Делать-то что?

— Вот что делать! — прогремел голос Хитклифа. — Твой хозяин спятил, и, если он протянет еще хотя бы месяц, я сдам его в сумасшедший дом. Какого дьявола ты запер дом, когда я еще не вернулся, ты, беззубый старый пес? Чего стоишь и бормочешь? Пойди сюда! Я не собираюсь с ним нянчиться. Смой кровь. И следи за свечкой — от Хиндли разит, как от винной бочки!

— Так, выходит, вы его надумали прикончить! — завопил Джозеф, в ужасе воздев к небу глаза и руки. — Никогда я такого не видывал! Господи, дай…

Хитклиф повалил старика на колени посреди лужи крови и швырнул ему полотенце, но вместо того, чтобы вытирать пол, Джозеф сложил на груди руки и принялся бубнить молитву, вызвав у меня смех своим удивительным слогом. Я пребывала в таком состоянии, когда уже ничто не может испугать. Такая бесшабашность охватывает преступника у подножия эшафота.

— Про тебя-то я и забыл! — сказал злодей. —

Приберешь здесь все. А ну, вставай на колени! Значит, ты была с ним заодно? Признавайся, змея! Вот работа как раз по тебе!

Он стал трясти меня так, что зубы застучали, а потом пихнул на пол рядом с Джозефом, который дочитал, как положено, свою молитву и, поднявшись, объявил, что немедленно отправляется в «Дрозды». Мистер Линтон, мол, судья, и, пусть у него почили хоть пятьдесят жен, он обязан расследовать это дело. Старик был настолько тверд в своей решимости, что Хитклиф счел благоразумным заставить меня вкратце поведать ему, что именно только что произошло. Он стоял надо мной, дыша злобою, а я с неохотой описывала случившееся в ответ на его вопросы. Мне с трудом удалось убедить старика, особенно по причине моего крайнего нежелания отвечать, что это не Хитклиф напал на Эрншо, а наоборот. Однако вскоре мистер Эрншо подал признаки жизни, и Джозеф, уверившись, что хозяин жив, поспешил влить ему в рот немного алкоголя, благодаря чему Хиндли пришел в себя и зашевелился. Хитклиф хорошо понимал, что враг его, будучи в беспамятстве, не ведал, как он с ним обошелся, поэтому заявил, что Эрншо был мертвецки пьян и он готов оставить без внимания его отврати-

тельное поведение, но советует лечь в постель. К моей радости, после этого разумного заявления Хитклиф удалился, Хиндли растянулся на скамье перед огнем, а я пошла к себе в комнату, удивляясь, что так легко отделалась.

Сегодня утром, когда я спустилась вниз за полчаса до полудня, мистер Эрншо сидел у огня совершенно больной. Его злой гений, почти такой же исхудавший и мертвенно-бледный, стоял, прислонясь к каминной полке. Ни тот, ни другой, казалось, не имели желания приступить к обеду. Я подождала и, когда на столе уже все остыло, в одиночестве принялась за еду. Ничто не портило мне аппетит, и я даже чувствовала удовлетворение и некоторое превосходство, когда бросала взгляд на этих двоих, не проронивших ни единого слова, и с приятностью отметила про себя, что совесть моя чиста. Закончив обед, я решилась на необычную вольность — подошла к огню, обойдя скамью мистера Эрншо, и опустилась на колени в уголке рядом с ним.

Хитклиф на меня не смотрел, и я почти без боязни вгляделась в его черты, словно окаменевшие. На его лоб, который когда-то казался мне таким мужественным, а теперь виделся дьявольским, легла неизбывная мрачная тень; глаза василиска

погасли от бессонных ночей и, вероятно, слез, ибо ресницы были влажными; на губах, уже не кривившихся в злобной ухмылке, лежала печать невыразимой печали. Будь на его месте кто-то другой, я бы, видя такое горе, прониклась сочувствием. Но страдание Хитклифа вызвало у меня лишь радость, и, хотя, наверное, неблагородно оскорблять поверженного врага, я не смогла упустить возможность уколоть его еще раз. Благодаря его слабости мне выпал случай получить удовольствие, отомстив ему злом за зло.

— Ох, барышня, как вам, не стыдно! — прервала я ее. — Можно подумать, вы никогда не читали Библию. Коли Господь поражает наших врагов, мы должны этим удовлетвориться. Подло и самонадеянно добавлять свое наказание к тому, что послал Всевышний.

— Эллен, я готова признать, что так и есть, — продолжала она, — но какое несчастье, ниспосланное Хитклифу, удовлетворило бы меня, если бы я не приложила к нему руку? По мне, пусть лучше он страдает *меньше*, но по моей воле, и при этом *знает*, что именно я тому причиною. О, у меня к Хитклифу большой счет! И простить я его могу лишь при одном условии. Если это будет око за око, зуб за зуб, и за каждое мое мучение я

воздам ему таким же, унизив его, как он унизил меня. А раз он первым причинил мне зло, пусть первым просит прощения, и тогда — только тогда, Эллен, — вы увидите, что во мне осталось великодушие. Но поскольку отомстить ему я не смогу, поэтому я его и не прощу. Хиндли захотел пить, я передала ему бокал и спросила, как он себя чувствует.

— Не так плохо, как хотелось бы, — был ответ. — Помимо того, что болит рука, все тело ломит так, будто я сражался с легионом бесов.

— Ничего удивительного, — отозвалась я. — Кэтрин когда-то хвалилась, что защищает вас от физического насилия. Она подразумевала, что, из боязни ее обидеть, кое-кто вас никогда не тронет. Хорошо, что мертвецы не встают из могил, иначе прошлой ночью дух Кэтрин стал бы свидетелем отвратительной сцены! Нет ли у вас синяков и ссадин на груди и плечах?

— Не знаю, — ответил он. — Но что вы хотите сказать? Он осмелился бить меня, лежачего?

— Он швырнул вас на пол, топтал и пинал, — прошептала я. — И с пеной у рта готов был растерзать вас зубами, потому что он человек лишь наполовину, а может, и того меньше — остальное в нем от сатаны.

Мистер Эрншо, как и я, поднял взгляд на нашего общего недруга, который, поглощенный своим страданием, казалось, не замечал ничего вокруг. Чем дольше он стоял там, тем яснее проявлялось в его чертах злодейство помыслов.

— О, если бы бог дал мне силы задушить его в моей предсмертной агонии, я бы с радостью отправился в ад! — нетерпеливо простонал Эрншо и, корчась от боли, попробовал подняться, но, осознав невозможность борьбы, в отчаянии рухнул на скамью.

— Нет, достаточно того, что он уже убил одного человека из вашей семьи, — громко сказала я. — В «Дроздах» все знают, что, если бы не мистер Хитклиф, ваша сестра сейчас была бы жива. Выходит, лучше, чтобы он кого-то ненавидел, а не любил. Только вспомню, как мы были счастливы раньше и как счастлива была Кэтрин, так и хочется проклясть тот день, когда он появился.

Вероятно, Хитклиф осознал скорее правоту моих слов, чем то, с каким настроением они были сказаны. Я видела, что до него дошел их смысл, ибо он глубоко вздохнул, силясь подавить рыдания, а из глаз на пепел в камине полились слезы. Я взглянула на него в упор и презрительно рассмеялась. Мгновенно две черные адские про-

пасти уставились на меня, однако черт, обычно таившийся в них, был на этот раз скрыт влагою и едва различим. Посему я отважилась снова издевательски рассмеяться.

— Встань и скройся с глаз моих, — произнес этот человек, охваченный горем.

Вернее, я догадалась, что он так сказал, потому что его голос был еле слышен.

— Прошу прощения, — отозвалась я, — но я тоже любила Кэтрин; и ее брат нуждается в уходе, который, ради нее, я ему обеспечу. Теперь, когда Кэтрин больше нет с нами, я вижу ее в Хиндли. Он такой же, как она, черноглазый, хотя вы пытались выбить ему глаза, и поэтому сейчас они красные. И у него…

— Поднимайся, подлая бестолочь, пока я не забил тебя до смерти! — заорал он, сделав движение, которое заставило меня встать.

— Но знаете, — продолжала я, приготовившись, если понадобится, отскочить, — если бы бедняжка Кэтрин доверилась вам и согласилась зваться нелепым, презренным, унизительным именем миссис Хитклиф, то вы вскоре наблюдали бы ту же картину. Уж она бы не терпела молча ваши гнусные выходки. Ее отвращение и ненависть обрели бы голос.

Спинка скамьи, на которой сидел Эрншо, не давала Хитклифу до меня добраться, тогда он схватил со стола нож и метнул мне в голову. Острие вонзилось чуть ниже уха и прервало меня на полуслове. Выдернув нож, я отбежала к двери и бросила ему еще несколько слов, надеюсь, ранивших его сильнее, чем посланное в меня оружие. Последнее, что я увидела, — это то, как он в ярости ринулся следом, но попал в объятия хозяина дома и они оба, сцепившись, покатились по полу перед камином. Убегая через кухню, я велела Джозефу поспешить на помощь хозяину. Потом чуть не сбила с ног Гэртона, который, стоя в дверях, подвешивал на спинку стула новорожденных щенков. И счастливая, словно вырвавшаяся из чистилища душа, я понеслась, перепрыгивая через ямы, вниз по крутой дороге, но потом, когда дорога стала петлять, бросилась напрямик через вересковую пустошь, то скатываясь с насыпей, то увязая в болоте, неизменно подгоняя себя и приближаясь, точно на свет маяка, к поместью «Дрозды». Я скорее согласилась бы терпеть вечные муки в аду, чем еще на одну ночь оставаться под крышей «Грозового перевала».

Изабелла закончила рассказ и выпила чаю; затем встала, попросила меня помочь надеть

принесенные ей шляпу и шаль, и, не обращая внимания на мои мольбы остаться у нас хотя бы на часок, поднялась на стул, поцеловала портреты Эдгара и Кэтрин, а следом и меня, и спустилась к карете в сопровождении Фанни, визжавшей от радости, что вновь она обрела свою госпожу. Изабелла уехала и больше никогда не появлялась в наших краях, но, когда все улеглось, между нею и хозяином наладилась постоянная переписка. Думаю, она обосновалась на юге, неподалеку от Лондона; там через несколько месяцев после побега, она родила сына. Мальчика окрестили Линтоном, и с самого начала мать писала о нем, как о больном и капризном ребенке.

Мистер Хитклиф, однажды повстречав меня в Гиммертоне, спросил, где живет Изабелла. Я отказалась ему сообщить. Он заметил, что большого значения это не имеет, однако ей следует держаться подальше от брата. Она не должна быть с ним, если рассчитывает, что Хитклиф будет ее содержать. Хотя я ничего ему не открыла, от какого-то слуги он все же узнал и где проживает Изабелла, и что она родила ребенка. Хитклиф не досаждал жене, но, думаю, такой подарок она получила лишь благодаря его отвращению к ней. Хитклиф, встречаясь со мною, часто спрашивал

о младенце и однажды, услышав его имя, мрачно усмехнулся и спросил:

— Значит, они хотят, чтобы я и его ненавидел?

— По-моему, они хотят, чтобы вы вовсе ничего о нем не знали, — ответила я.

— Я получу его, когда пожелаю. Им следует иметь это в виду.

К счастью, мать ребенка умерла до того, как Хитклиф осуществил свою угрозу — лет через тринадцать после смерти Кэтрин. Линтону тогда было двенадцать или чуть больше.

На следующий день после неожиданного появления Изабеллы в поместье у меня не было возможности поговорить с хозяином. Он пресекал все попытки разговора, ибо был не в состоянии ничего обсуждать. Когда же я смогла добиться, чтобы он выслушал меня, я поняла, что он рад уходу сестры от мужа — человека этого он ненавидел с особой силой, несмотря на свою мягкую натуру. Столь глубоким и болезненным было его отвращение к Хитклифу, что он избегал мест, где мог увидеть его или услышать о нем. Это обстоятельство вместе с горем утраты сделали мистера Линтона настоящим отшельником. Он перестал исполнять судейские обязанности, даже бросил посещать церковь, избегал появляться

в Гиммертоне и вел совершенно уединенную жизнь, ограниченную угодьями «Дроздов» и парком, лишь иногда бродя по пустоши или навещая могилу жены — чаще вечером или ранним утром, пока не вышли на прогулку другие. Но Линтон был слишком хорошим человеком, чтобы бесконечно предаваться унынию. *Он* не молил, чтобы ему являлся дух Кэтрин. Время принесло ему смирение и печаль более сладостные, чем обычная радость. Линтон хранил память жены с горячей и нежной любовью и надеялся, что они встретятся в лучшем мире, где — он в этом не сомневался — пребывала покойная.

Оставались у него и земные утешения и привязанности. Несколько дней, как я вам рассказывала, Линтон как будто не замечал маленькую девочку, оставленную ему покойной. Но скоро его холодность растаяла, как апрельский снег, и малышка научилась вить из отца веревки, прежде чем пролепетала первое слово или сделала первый шаг. Девочку назвали Кэтрин, правда отец никогда не называл ее полным именем, как никогда не называл первую Кэтрин сокращенным, возможно, потому что такова была привычка Хитклифа. Малютка была для него Кэти — так он отличал ее от матери и вместе с тем видел между

ними связь. И его нежность питалась, скорее, этой связью, чем отцовским чувством.

Бывало, я сравнивала Эдгара Линтона с Хиндли Эрншо и не могла объяснить себе, почему они вели себя так по-разному в схожих обстоятельствах. Оба были любящими мужьями, привязанными к своим детям. И я никак не могла взять в толк, почему они не пошли, к счастью или к несчастью, одною дорогой. В глубине души я понимала, что Хиндли, с виду такой самоуверенный, на поверку, как это ни печально, оказался более слабым и недобрым. Когда корабль его разбился, капитан покинул свой мостик, а команда, вместо того чтобы спасать судно, начала бунтовать и безобразничать, не оставив надежд злополучному кораблю. Линтон же, напротив, проявил истинное мужество верной и преданной души. Он веровал в нашего Создателя, и Создатель послал ему утешение. Один лелеял надежду, другой — отчаяние. Каждый избрал свой удел и был по справедливости обречен нести свою ношу. Но вам ни к чему слушать мои разглагольствования на моральные темы, мистер Локвуд; вы не хуже моего можете судить о подобных предметах. Во всяком случае, вам кажется, что можете, а это одно и то же. Кончина Эрншо была вполне ожи-

даема и последовала вскоре после смерти сестры — не прошло и полугода. Мы в «Дроздах» не имели даже самых кратких сведений о состоянии Хиндли, предшествующем этому событию. Кое-что удалось мне узнать, лишь когда я помогала готовиться к похоронам. Хозяину о смерти Эрншо объявил мистер Кеннет.

— Так-так, Нелли, — сказал он, однажды поутру въехав в наш двор, и этот слишком ранний визит сразу же встревожил меня предчувствием дурных новостей. — Пришла наша с тобой очередь горевать по усопшему. И кто, по-твоему, на сей раз ушел в мир иной?

— Кто? — в волнении спросила я.

— Догадайся! — отозвался он, слез с лошади и накинул поводья на крюк у двери. — И держи наготове уголок передника — уверен, он тебе понадобится.

— Не мистер же Хитклиф! — воскликнула я.

— Что? Разве ты станешь о нем плакать? — сказал доктор. — Нет, Хитклиф — крепкий парень. Сегодня он прямо расцвел. Я только что его видел. Он быстро набирает жирок после того, как расстался с лучшей своей половиной.

— Но кто же тогда, мистер Кеннет? — нетерпеливо повторила я.

— Хиндли Эрншо, твой старинный приятель Хиндли, — ответил он. — И мой грешный подопечный. Хотя он уже давно стал для меня слишком буен. Ну вот! Говорил же, что придется вытирать слезы. Но не горюй, он умер, верный своим привычкам — пьяный как сапожник. Бедолага! Мне тоже его жаль. Все равно печалишься по старым знакомым, хоть Хиндли и творил такое, что даже трудно вообразить, а со мной так и вовсе откалывал подлые номера. Кажется, ему едва стукнуло двадцать семь. Вы ведь с ним одногодки. Кто бы подумал, что вы родились в один год!

Признаюсь, для меня этот удар был тяжелее, чем смерть миссис Линтон. Мое сердце исполнилось давними воспоминаниями. Я присела на крыльцо и заплакала, точно по кровному родственнику, попросив мистера Кеннета, чтобы он послал другого слугу сообщить хозяину об его визите. Меня все время мучил вопрос: своей ли смертью умер Хиндли? Чем бы я ни занималась, эта мысль постоянно преследовала меня. Она была такой изнурительно-неотступной, что я решила отпроситься и сходить в «Грозовой перевал», дабы отдать покойному последний долг. Мистер Линтон не хотел меня отпускать, но я так

красноречиво упрашивала, расписывая, в каком недобром окружении лежит покойник, и еще сказала, что мой бывший хозяин и молочный брат имеет право ожидать от меня услуги не меньше, чем хозяин нынешний. Кроме того, я напомнила, что мальчик Гэртон — племянник его жены и при отсутствии других близких родственников мистер Линтон должен стать его опекуном, а потому ему следует знать, какое имущество оставил Хиндли, и подробно изучить состояние дел своего шурина. Линтон тогда был не в состоянии заниматься такими вещами, но велел мне переговорить с поверенным и в конце концов позволил уйти. У них с Хиндли был общий поверенный. Я отправилась в Гиммертон к этому человеку и попросила его меня проводить. Он покачал головой, посоветовав оставить Хитклифа в покое, и сообщил, что, если правда всплывет наружу, Гэртон окажется почти нищим.

— Его отец умер весь в долгах, — сказал он. — Все имущество заложено. Наследнику остается единственная возможность — пробудить в сердце кредитора хоть какой-то интерес к своей персоне и рассчитывать на его снисходительность.

Явившись в «Грозовой перевал», я сказала, что хочу проследить, чтобы все прошло, как подо-

бает, и Джозеф, будучи в сильном расстройстве, обрадовался моему участию. Мистер Хитклиф ответил, что не видит во мне никакой надобности, но разрешил остаться и сделать необходимые распоряжения, раз уж мне так хочется.

— Правильно было бы, — заметил он, — похоронить болвана на перекрестке без всякой церковной службы. Вчера после полудня я оставил его всего на десять минут, но он ухитрился запереть на засов обе двери и всю ночь нарочно беспробудно пил, чтобы помереть. Утром мы выломали дверь, услышав, что он храпит, как лошадь. Вот тут он и лежал, на скамье, и не поднялся бы ни за что, хоть сдирай с него кожу, хоть снимай скальп. Я послал за Кеннетом, и тот пришел, но не раньше, чем животное превратилось в падаль. Он был мертвый, холодный, окоченелый, так что, согласись, возиться с ним уже не имело смысла.

Старик слуга подтвердил слова Хитклифа, однако пробормотал:

— Хитклифу самому надо было идти за доктором, а я бы уж позаботился о хозяине куда лучше его. И вовсе он не был мертвый, как я уходил, совсем не был!

Я настояла, чтобы похороны прошли с долж-

ным уважением к покойному. Мистер Хитклиф сказал, что и тут предоставляет мне действовать по моему разумению, однако желает напомнить, что деньги идут из его кармана. Он держал себя со строгостью и равнодушием, не говорившими ни о радости, ни о печали. Если в нем и скрывалось какое-то чувство, то скорее суровое удовлетворение от удачно выполненного нелегкого дела. Один раз я и в самом деле заметила в его лице некое подобие торжества — это случилось, когда из дома выносили гроб. Хитклиф лицемерно изображал, что оплакивает покойного, но прежде чем пойти за гробом вместе с Гэртоном, он поднял несчастного ребенка на стол и прошептал с особенным удовольствием: «Ну, теперь, милый мальчик, ты *мой*! Посмотрим, вырастет ли это дерево таким же кривым, как другое, если гнуть его будет такой же ветер!» Ничего не подозревающий мальчик был доволен, слушая эти речи, играл с бакенбардами Хитклифа и гладил его по щеке, но я поняла смысл сказанных Хитклифом слов и резко возразила:

— Ребенок пойдет со мной в поместье «Дрозды», сэр. Он вовсе не ваш, и вашим никогда не будет.

— Это Линтон так говорит? — спросил Хитклиф.

— Конечно. Он велел мне забрать парнишку, — ответила я.

— Что ж, — сказал негодяй, — сейчас мы не станем спорить на эту тему, но мне пришла фантазия заняться воспитанием ребенка, особенно близкого твоему хозяину, так что, если Линтон попробует забрать у меня Гэртона, я, пожалуй, возьмусь вместо него воспитывать собственного сынка. Но и Гэртона тоже не отпущу без борьбы. А уж сынка потребую к себе непременно! Не забудь передать это Линтону.

Такой угрозы было вполне достаточно, чтобы связать нам руки. Я передала хозяину суть своего разговора с Хитклифом, и Эдгар Линтон, с самого начала не слишком интересовавшийся судьбой племянника, больше не заговаривал о вмешательстве. Впрочем, даже если бы захотел вмешаться, не уверена, что из этого вышел бы толк.

Приемыш, когда-то взятый в дом, стал с тех пор хозяином «Грозового перевала». Оспорить его права было невозможно, ибо Хитклиф предъявил доказательства адвокату, а тот в свою очередь мистеру Линтону, что Эрншо, заядлый игрок, заложил за наличные всю свою землю до последнего ярда. Кредитором же оказался сам Хитклиф.

Таким образом, Гэртон, который сейчас мог бы стать первым джентльменом в округе, был низведен до положения полной зависимости от заклятого врага отца и теперь живет в собственном доме, как слуга, лишенный даже преимущества получать жалованье и неспособный исправить учиненное над ним зло, ибо друзей у него нет, а сам он даже не подозревает, как несправедливо с ним обошлись.

Глава 18

Те двенадцать лет, продолжала миссис Дин, что последовали за этой тяжелой порой, были счастливейшими годами моей жизни. У меня не было более серьезных волнений, чем те, что касались обычных болезней маленькой леди, а они ведь случаются у всех детей — и бедных, и богатых. В остальном, по прошествии первых шести месяцев, девочка росла, точно лиственница после дождя, и, прежде чем во второй раз зацвел вереск над прахом миссис Линтон, уже умела ходить и разговаривать на свой манер. Она была поистине очаровательной девчушкой, осветившей, словно солнышко, наш печальный дом, — лицом настоящая красавица, с прелестными темными глазами, унаследованными от Эрншо, но белокожая, с тонкими чертами и светлыми вьющимися волосами, как у всех Линтонов. Характер у нее был веселый, но ровный, без буйства, а сердце чувствительное и даже слишком горячее в своих привязанностях. Эта способность чересчур крепко прикипать к кому-то напоминала мне ее мать. И все же она не была на нее похожа, ибо умела быть нежной

и ласковой, точно голубка. Голосок был мягкий, взгляд задумчивый. Гнев ее никогда не переходил в ярость, а любовь — в безудержную страсть. Она любила глубоко и нежно. Однако ж, надобно признать, что наряду с достоинствами у нее были и недостатки. Один из них — склонность дерзить, а вместе с тем, и капризничать, что неизбежно проявляется у избалованных детей, независимо от их доброго или злого нрава. Если горничной случалось ее рассердить, в ответ всегда звучало одно и то же: «Я пожалуюсь папочке!» А если отец упрекал ее, хотя бы одним только взглядом, тут уж разыгрывалась настоящая трагедия. Не думаю, чтобы он хоть раз строго ее отчитал. Мистер Линтон сам занимался образованием дочери, и уроки его были легкими и увлекательными. К счастью, любознательность и сообразительность позволили Кэти стать хорошей ученицей. Она училась с удовольствием и все схватывала на лету, делая честь своему учителю.

До тринадцати лет девочка ни разу не вышла одна за пределы парка. Случалось, мистер Линтон брал ее с собою на прогулку — не больше чем на милю; никому другому он дочь не доверял. Название «Гиммертон» было для нее отвлеченным понятием, а церковь — единственным зданием,

кроме родного дома, порог которого она переступала. Ни «Грозовой перевал», ни мистер Хитклиф для нее не существовали. Она жила совершенной затворницей и, по-видимому, ничуть этим не тяготилась. Правда, иногда, глядя из окна детской на окрестный пейзаж, спрашивала:

— Эллен, скоро я смогу подняться на вершину тех холмов? Интересно, что там, за ними — может, море?

— Нет, мисс Кэти, — отвечала я. — Там тоже холмы — такие же, как эти.

— Вот бы посмотреть, какими видятся вон те золотые скалы, если встать внизу? — однажды спросила она.

Крутой склон Пенистон-Крэга больше всего привлекал ее внимание, особенно когда на него и на самые высокие окрестные вершины светило солнце, а весь остальной пейзаж покрывала тень. Я объяснила, что это всего лишь огромные голые камни и в щелях между ними трудно укорениться даже чахлому деревцу, так мало там питательной почвы.

— А почему они так долго сияют на солнце, когда в «Дроздах» уже вечер? — не унималась она.

— Потому что они намного выше нас, — отвечала я. — Вам на них не взобраться — они высокие

и крутые. Зимой мороз сначала приходит туда, а потом уже к нам. В середине лета я, случалось, видела снег в той черной впадине на северо-восточном склоне.

— О, так, значит, ты там бывала! — с восторгом вскричала она. — Тогда я тоже смогу пойти, когда вырасту. А батюшка тоже бывал, Эллен?

— Батюшка сказал бы вам, мисс, — поспешила я ответить, — что нет смысла подниматься так высоко. Вересковые поля, по которым вы с ним гуляете, гораздо приятнее, а парк в поместье «Дрозды» — самое прекрасное место на свете.

— Да, но парк я знаю, а их нет, — пробормотала она вполголоса. — Было бы здорово оглядеть все вокруг с того высокого выступа. Когда-нибудь моя маленькая пони Минни меня туда отвезет.

Когда же одна из служанок вскользь упомянула Пещеру Фей, Кэти больше ни о чем уж и думать не могла — только бы осуществить свой план! Она то и дело донимала мистера Линтона, и он пообещал отправиться с ней в путешествие, когда она подрастет. Но мисс Кэтрин считала свой возраст не годами, а месяцами, и вопрос: «А теперь я уже подросла, и мне можно поехать на Пенистон-Крэг?» — буквально не сходил с ее губ. Дорога в ту сторону проходила неподалеку от

«Грозового перевала», и Эдгару не хватало духу решиться на такое путешествие, поэтому девочка всегда получала один и тот же ответ: «Пока нет, милая моя, пока нет».

Я говорила вам, что после ухода от мужа миссис Хитклиф прожила около двенадцати лет. Семейство Линтон отличалось хрупким сложением. Она и Эдгар не имели того крепкого здоровья, которое вы обыкновенно встретите у обитателей здешних краев. Не знаю точно, чем именно она болела перед смертью. Полагаю, оба они умерли от одного и того же — некоего подобия лихорадки. Недомогание охватывает человека постепенно, но лечению не поддается, и под конец заболевший очень быстро сгорает. Проведя в болезни четыре месяца, она сообщила брату письмом о своем возможном уходе и попросила, по возможности, приехать к ней, ибо ей нужно многое уладить, сказать ему последние прощальные слова и передать маленького Линтона в надежные руки. Она надеялась, что Линтон останется жить с дядей, как до того жил с нею. Его отец, в чем она пыталась сама себя убедить, не имел желания взваливать себе на плечи заботы о воспитании и образовании ребенка. Мой хозяин, не колеблясь ни минуты, откликнулся на ее просьбу. Хотя по

обычным приглашениям он крайне неохотно покидал дом, в этом случае он поспешил к ней, вверив Кэтрин на время своего отсутствия моему попечению, не раз повторив, что ей запрещается выходить за границы парка, даже если я буду ее сопровождать. Ему и в голову не пришло, что она может убежать одна, без всякого сопровождения.

Мистер Линтон отсутствовал три недели. Первые день или два моя подопечная сидела в углу библиотеки слишком опечаленная, чтобы читать или играть. В таком подавленном состоянии она почти не доставляла мне хлопот, но затем ее настроение сменилось нетерпеливой раздражительностью и капризами, и, поскольку домашние обязанности и возраст не давали мне бегать вверх-вниз по лестнице и развлекать ее, я придумала способ, которым она могла бы сама себя занять. Я стала отправлять мисс Кэти на прогулки по парку то пешком, то на пони и по возвращении внимательно выслушивала рассказы о ее настоящих или вымышленных приключениях.

Лето стояло в самом разгаре, и ей так понравились эти одинокие путешествия, что частенько она проводила в парке все время от завтрака до чаепития, а вечером потчевала меня своими увлекательными историями. Я не боялась, что

она нарушит отцовский запрет, потому что ворота были обычно заперты, но даже если бы они стояли настежь открытыми, она вряд ли решилась бы, думалось мне, в одиночку отправиться за границы парка. К несчастью, я ошибалась. Однажды Кэтрин явилась ко мне в восемь часов утра и объявила, что сегодня она арабский купец, который пересекает пустыню со своим караваном, и я должна дать ей побольше провизии для нее самой и для животных — коня и трех верблюдов, на роль которых были взяты большая гончая и пойнтеры. Я собрала множество вкусных припасов в корзинку и подвесила ее сбоку у седла. В широкополой шляпе с газовой вуалью, защищавшей от июльского солнца, Кэти вскочила на пони, веселая, как маленькая фея, и поскакала с радостным смехом, ни в грош не ставя мои советы быть осторожной, не пускаться в галоп и вернуться пораньше. К чаепитию проказница не явилась. Вернулась одна из участниц путешествия — гончая, старая собака, предпочитавшая покойную жизнь. Но, как я ни вглядывалась в даль, ни Кэти, ни пони, ни двух пойнтеров нигде не было видно. Я отправила людей искать ее по разным дорожкам и в конце концов вышла на поиски сама. На краю наших угодий работник

чинил забор вокруг посадок, и я спросила его, не видел ли он молодую леди.

— Утречком видал, — ответил он. — Просила сделать ей ореховый хлыстик, а потом как перепрыгнет на своей лошадке через изгородь вон там, где пониже, и поминай как звали!

Можете представить себе, что я почувствовала, услышав эту новость. Сразу стало ясно, что она направилась к Пенистон-Крэгу.

— Что же с нею будет? — воскликнула я и бросилась через проем, который латал работник, прямо на большую дорогу. Я неслась, словно с кем-то наперегонки, миля за милей, пока на повороте передо мною не возник «Грозовой перевал». Но Кэтрин не было видно нигде. Крэг лежал в полутора милях от дома мистера Хитклифа, а значит, в четырех милях от «Дроздов», и я поняла, что, прежде чем я туда доберусь, начнет темнеть. «Что, если она поскользнулась, пробираясь среди камней, — думала я, — и убилась или переломала себе кости?» Неизвестность мучила меня, и поначалу я почувствовала радостное облегчение, когда, заторопившись пройти мимо «Грозового перевала», вдруг заметила Чарли, самого злобного из наших пойнтеров, лежавшего под окном с распухшей мордой и окровавленным ухом.

Открыв калитку, я подбежала к дому и стала неистово стучать в дверь. Открыла знакомая мне женщина, некогда жившая в Гиммертоне. Оказалось, после смерти мистера Эрншо она нанялась в «Перевал» на службу.

— Ах, вы пришли за своей маленькой госпожой! — воскликнула она. — Не волнуйтесь, она жива-здорова. И я очень рада, что это не хозяин вернулся.

— Значит, его нет дома? — спросила я, задыхаясь от быстрой ходьбы и тревоги.

— Нет-нет. Они с Джозефом ушли, и, я думаю, вернутся не раньше, чем через час, а то и больше. Зайдите и отдохните немного.

Я вошла и увидела свою заблудшую овечку, которая сидела у камина в маленьком кресле-качалке, принадлежавшем еще ее матери, когда та была девочкой. Шляпа висела на стене, и Кэти чувствовала себя совсем как дома — в самом прекрасном расположении духа она смеялась и болтала с Гэртоном — ныне крупным и сильным восемнадцатилетним юношей, который смотрел на нее с изумлением и крайним любопытством и почти ничего не понимал из тех бесконечных замечаний и вопросов, что безостановочно слетали с ее губ.

— Просто замечательно, мисс! — воскликнула я, силясь скрыть радость за суровым выражением лица. — Это будет ваше последнее путешествие до приезда батюшки. Более я не выпущу вас за порог, непослушный вы ребенок!

— Ах, Эллен! — весело закричала она, вскочив и подбежав ко мне. — Сегодня вечером я расскажу тебе чудесную историю. Значит, ты меня нашла! А сама ты когда-нибудь здесь бывала?

— Наденьте шляпу и живо домой, — сказала я. — Я чрезвычайно огорчена вашим поведением, мисс Кэти; вы поступили очень, очень дурно. И не нужно дуться и плакать — это вам не поможет, после того как я исходила всю округу, пытаясь отыскать вас. Вы только вспомните, что мистер Линтон поручил мне не выпускать вас за ворота, а вы убежали тайком! Выходит, вы хитрая лиса, и больше ни у кого к вам веры не будет.

— Что плохого я сделала? — захныкала она, сразу же забыв о веселье. — Папочка ничего мне не запрещал. И он не станет меня ругать, Эллен. Он никогда не бывает таким сердитым, как ты.

— Пойдемте, пойдемте! — повторила я. — Дайте я завяжу вам ленты. Не капризничайте. Стыд какой! Вам тринадцать лет, а ведете себя как малое дитя!

Последнее замечание было вызвано тем, что Кэти скинула с головы шляпу и отбежала к камину, чтобы я до нее не добралась.

— Нет, — замолвила за нее слово служанка, — не надо ругать такую хорошую девочку, миссис Дин! Это мы уговорили ее у нас остановиться. Она-то хотела ехать дальше, боялась, что вы разволнуетесь. Гэртон предложил ее проводить, и, по мне, так правильно сделал. Дорога через холмы тяжелая.

Во время нашего разговора Гэртон стоял, сунув руки в карманы, и от неловкости не знал, что и сказать, хотя было видно, что мое появление его не обрадовало.

— Сколько мне еще прикажете ждать? — настаивала я на своем, не обращая внимания на слова служанки. — Через десять минут уже будет темно. Где пони, мисс Кэти? И где Феникс? Я уйду и оставлю вас одну, если не поторопитесь, так что сделайте милость!

— Пони во дворе, — ответила она. — А Феникс закрыт вон там. Его здешние собаки покусали, и Чарли тоже. Я как раз хотела тебе все рассказать, но ты сердишься, поэтому ничего от меня не услышишь.

Я подобрала брошенную шляпу и подошла, что-

бы снова ее надеть, но Кэти, поняв, что те, у кого она нашла приют, держат ее сторону, начала бегать и прыгать по комнате. Когда же я погналась за нею, она юркнула, как мышка, сначала в одну сторону, потом в другую, стала прятаться за стол и стулья, и мне стало неловко ее преследовать. Гэртон со служанкой рассмеялись, и Кэти тоже вслед за ними. Ее поведение становилось все более дерзким, и в конце концов я вскричала в ужасном раздражении:

— Вот что, мисс Кэти, если бы вы знали, в чей дом пришли, вы бы с радостью его покинули.

— Это ведь дом вашего отца, да? — спросила она, повернувшись к Гэртону.

— Не-е, — ответил тот, от смущения опустив глаза и залившись краской.

Он не смог выдержать ее пристального взгляда, хотя глаза ее были точь-в-точь, как у него.

— Тогда чей? Вашего хозяина? — снова спросила она.

Гэртон покраснел еще больше, теперь уже от совсем иного чувства. Пробормотал какое-то ругательство и отвернулся.

— Кто его хозяин? — не унималась девочка, обращаясь ко мне. — Он говорил «наш дом», «наши работники». Я решила, что он хозяйский сын.

А меня ни разу не назвал «мисс», хотя, если он слуга, то ему положено, так ведь?

Гэртон стал чернее тучи, услышав эти детские рассуждения. Я молча ее одернула и наконец смогла снарядить в дорогу.

— Приведи мою лошадку, — обратилась она к своему неведомому родственнику тоном, каким говорила с мальчишками-конюхами в «Дроздах». — И можешь поехать со мною. Я хочу посмотреть, где из болота поднимается охотник на болотных чудищ, и послушать про «феюшек», как ты их называешь. И поторопись! В чем дело? Говорю же, приведи мне лошадку.

— Я скорей тебя к черту на кулички отправлю, чем стану тебе прислуживать! — рявкнул юноша.

— Куда отправишь? — удивилась Кэтрин.

— К черту на кулички, тебя, наглую ведьму! — ответил он.

— Ну вот, мисс Кэти, видите, в какую милую компанию вы попали! — вступила я в разговор. — И с такими словами он обращается к молодой леди! Не вздумайте только с ним спорить. Пойдемте, сами отыщем Минни и поедем домой.

— Но, Эллен, — воскликнула она, широко раскрыв глаза от изумления. — Как он смеет так со

мной говорить? Разве он не должен выполнять то, что я ему приказываю? Ты негодник! Я передам папочке, что ты про меня говорил! Ну же!

Гэртон, похоже, не испугался ее угроз, и на глазах у Кэти от негодования выступили слезы.

— Тогда ты приведи пони, — потребовала она, повернувшись к служанке. — И сейчас же выпусти мою собаку!

— Потише, мисс, — ответила та. — От вас не убудет быть повежливее. Пусть мистер Гэртон и не хозяйский сын, но он вам двоюродный брат. А меня никто не нанимал вам прислуживать.

– *Он* мой двоюродный брат! — презрительно рассмеялась Кэти.

— Так и есть! — ответила служанка с укором в голосе.

— О, Эллен, скажи им, чтобы они такого не говорили! — в волнении продолжала девочка. — Папочка привезет моего двоюродного брата из Лондона. Он сын джентльмена. А этот…

Она не договорила и разрыдалась, потрясенная мыслью о родстве с таким неучем и деревенщиной.

— Тише, тише! — прошептала я. — У людей бывает много разных двоюродных братьев и сестер, мисс Кэти, и ничего в этом нет страшного. Просто

не нужно водить с ними знакомство, если они дурно воспитаны и злы.

— Он не… он не мой двоюродный брат, Эллен! — настаивала она, еще больше расстроившись от моих слов, и бросилась ко мне в объятия, чтобы спрятаться от столь ужасного известия.

Я была крайне раздосадована тем, что открыли друг другу Кэти и служанка, и нисколько не сомневалась, что сообщение о скором приезде Линтона сразу же будет передано мистеру Хитклифу, а моя подопечная, когда приедет отец, первым делом попытается у него выведать, как объяснить слова служанки о ее дурно воспитанной родне. Гэртон, принятый за слугу, уже оправился от обиды и, казалось, проникся сочувствием к переживаниям девочки. Он подвел пони к входной двери, затем, чтобы успокоить Кэти, вынес из псарни славного криволапого щенка терьера и сунул ей в руки, сказав при этом, что плакать не надо, он не хотел ничего плохого. Кэти на мгновение притихла, подняла на него полные ужаса глаза и вновь разрыдалась.

Я едва сдержала улыбку, видя такую неприязнь к бедняге, который был прекрасно сложен, силен, крепок, прямо кровь с молоком, и к тому же имел приятные черты лица. Правда, одежда на нем

больше подходила для работы на ферме или для скитаний по вересковым полям во время охоты на кроликов или дичь. И все-таки, мне казалось, что в его внешности проявились признаки лучших качеств, чем те, что присущи были его отцу. Хорошие, но неухоженные ростки, конечно, потерялись среди диких сорняков, заглушивших их своим буйным ростом, однако они свидетельствовали об изобильной, плодородной почве, которая при более благоприятных обстоятельствах могла бы дать богатый урожай. Полагаю, мистер Хитклиф не обижал юношу физически — из-за присущего мальчику бесстрашного нрава, который не способствовал желанию наказывать его таким способом. В Гэртоне не было ни капли робкой покорности, которая, по мысли Хитклифа, придала бы приятную остроту подобным истязаниям. По-видимому, свое мщение Хитклиф решил свести к воспитанию паренька в грубости и невежестве. Опекун не учил Гэртона ни читать, ни писать, никогда не попрекал за дурные привычки, лишь бы они не мешали ему самому, никогда не наставлял его на путь добродетели и ни словом не предостерегал от греховных поступков. Судя по слухам, что до меня доходили, Джозеф также приложил руку к извращению

характера молодого человека, ибо по своему недомыслию относился к нему пристрастно — еще в детстве он льстил ему и баловал его, потому что видел в Гэртоне главу древнего рода. Но когда Кэтрин Эрншо и Хитклиф были совсем юные, старик вечно попрекал их: они-де выводят из себя хозяина, и из-за их «гадких поступков» тот ищет утешения в выпивке. Теперь всю вину за дурные качества Гэртона Джозеф возлагал на человека, завладевшего всем его имуществом. Когда парень сыпал проклятиями или вел себя недостойно, старик не вмешивался, по-видимому, получая удовлетворение от того, как низко тот падает. Он понимал, что юноша обречен, что душа его будет осуждена на вечные муки, но ему думалось, что отвечать за это придется Хитклифу. «Кровь Гэртона падет на его голову», — эта мысль особенно грела воображение старика. Джозеф научил мальчика гордиться именем своих предков. Он мог бы, если бы осмелился, воспитать в нем и ненависть к нынешнему владельцу «Грозового перевала», но страх перед этим владельцем граничил с суеверным ужасом, и потому свои чувства Джозеф выражал невнятными намеками и обещаниями кары небесной. Не могу сказать, что я хорошо осведомлена о том, как в те годы

протекала жизнь в «Грозовом перевале». Передаю вам лишь слухи, ибо сама я видела немного. В деревне поговаривали, что мистер Хитклиф скуп и крайне суров с арендаторами, но благодаря женскому присмотру дом его вновь обрел былой уют, и сцены гульбы, привычные для той поры, когда хозяином был Хиндли, больше не разыгрывались в этих стенах. Из-за своего хмурого нрава Хитклиф ни с кем не искал знакомств — ни с добрыми людьми, ни с дурными. Таким он и остался до сегодняшнего дня.

Впрочем, я отвлеклась, а история моя, меж тем, стоит на месте. Мисс Кэти отказалась принять в знак примирения терьера и потребовала, чтобы ей вернули ее собак, Чарли и Феникса. Псов привели — оба приплелись, хромая, с опущенными головами. Так мы и отправились домой — каждый в подавленном настроении. Мне не удавалось выведать у моей маленькой леди подробностей произошедшего в тот день, за исключением следующих — целью ее, как я и предполагала, было путешествие к Пенистон-Крэгу, она без приключений добралась до ворот фермерского дома, и тут появился Гэртон в сопровождении нескольких собак, которые набросились на ее «караван». Прежде чем хозяева

смогли растащить дерущихся, битва разгорелась нешуточная. Так Кэтрин познакомилась с Гэртоном. Девочка объяснила ему, кто она такая, куда направляется, и попросила показать дорогу, и в конце концов он, поддавшись ее очарованию, согласился ее сопровождать. Юноша рассказал ей про таинственную Пещеру Фей и про два десятка иных удивительных мест. Но, будучи в опале, я не удостоилась описания всех увиденных ею чудес. Однако поняла, что провожатый вызывал у Кэти симпатию до той минуты, пока она не оскорбила его, назвав слугою, а служанка Хитклифа не задела чувств девочки, заявив, что парень приходится ей двоюродным братом. Кроме того, грубые слова Гэртона, адресованные Кэти, ранили ее очень больно. Ее, которую все в «Дроздах» неизменно называли «милая моя», «дорогая», «принцесса» и «ангел», посмел так ужасно оскорбить какой-то шут гороховый! Это не укладывалось у Кэти в голове. Мне пришлось долго уговаривать ее, чтобы она пообещала не делиться своими горестями с отцом. Я объяснила, что ее папочка противится всякому нашему общению с обитателями «Грозового перевала» и будет опечален, если узнает, что она все-таки там побывала. Но больше всего я напирала на то

обстоятельство, что, если она откроет ему, что я пренебрегла его распоряжением, он наверняка ужасно рассердится, и мне придется оставить поместье. Этого Кэти допустить не могла. Она дала слово молчать и сдержала его — ради меня. Все-таки она была славной девочкой.

Глава 19

В письме с черною каймою мы прочли день возвращения моего хозяина. Изабелла умерла, и мистер Линтон просил меня заказать траурное платье для дочери, а также приготовить комнату и все необходимое для юного племянника. Кэтрин прыгала от радости, что наконец-то увидит батюшку, и с живым энтузиазмом строила догадки о бесчисленных достоинствах своего «настоящего» двоюродного братца. Наступил вечер их ожидаемого приезда. С раннего утра она отдавала распоряжения, касающиеся различных мелких дел, и теперь, надев новое черное платье — смерть бедной тетушки не вызвала у нее особенных переживаний, — она то и дело упрашивала меня выйти прогуляться им навстречу, и мне пришлось согласиться.

— Линтон всего на полгода младше меня, — щебетала она, пока мы неспешно пробирались по кочкам и ямкам мшистого торфяника под тенью деревьев. — Как чудесно будет с ним играть! Тетя Изабелла когда-то прислала батюшке его прелестный локон. У него волосы светлее, чем

мои, — совсем льняные, но тоже очень красивые. Я храню этот локон в стеклянной шкатулке, и мне всегда так хотелось увидеть мальчика, которому он принадлежит. Ах, как я счастлива! И папочка, дорогой мой папочка! Эллен, давай побежим! Давай побежим!

Она много раз убегала вперед, возвращалась, вновь убегала, прежде чем я ровным шагом дошла до ворот. Там она села у тропинки на покрытый травою склон и попыталась терпеливо ждать, что, конечно, было невозможно. Кэтрин ни минуты не могла усидеть на месте.

— Как долго они едут! — восклицала она. — Ой, я вижу пыль над дорогой. Это они? Нет! Ну когда же они будут здесь? Может, еще немного пройдем вперед — полмили, Эллен, всего полмили? Скажи «да»! Вон до той березовой рощицы у поворота!

Я решительно отказывалась. Но наконец ее нетерпеливое ожидание закончилось — на дороге показался экипаж. Различив лицо отца, выглядывавшего из окошка, мисс Кэти, завизжав от радости, протянула к нему руки. Он вышел из кареты почитай с таким же счастливым видом, как у нее, и прошло немало времени, прежде чем они вспомнили, что не одни. Пока они осыпали друг дружку ласками, я заглянула в карету.

Линтон спал в уголке, завернутый в теплый, подбитый мехом плащ, словно на дворе была зима. Бледный, болезненный, изнеженный мальчик, его можно было принять за младшего брата моего хозяина, так они были похожи, но в лице ребенка чувствовалась несвойственная Эдгару Линтону брюзгливость. Хозяин заметил, что я смотрю на мальчика, и, пожав мне руку, попросил закрыть дверцу и не мешать племяннику, ибо путешествие его утомило. Кэти тоже с радостью заглянула бы хоть одним глазком, но отец подозвал ее к себе, и они пошли по парку к дому, а я поспешила вперед предупредить прислугу.

— Так вот, душа моя, — сказал мистер Линтон, обращаясь к дочери, когда они остановились на крыльце у парадного входа, — твой кузен не так крепок и весел, как ты. И не забудь, что он только что потерял мать. Поэтому не жди, что он станет сразу же с тобой играть и резвиться. И не утомляй его разговорами. Пусть посидит спокойно хотя бы сегодня вечером, хорошо?

— Да, да, папочка! — отвечала Кэтрин. — Но мне так хочется на него посмотреть, а он даже ни разу не выглянул.

Карета остановилась, спящего мальчика разбудили, дядя вынес его на руках и поставил на

землю.

— Линтон, это твоя кузина Кэти, — сказал он и соединил их руки. — Она тебя уже полюбила, поэтому, будь добр, не расстраивай ее сегодня своим плачем. Попробуй развеселиться. Путешествие наше закончилось, так что у тебя нет других дел, кроме как отдыхать и заниматься чем-нибудь приятным.

— Тогда позвольте мне лечь в постель, — ответил мальчик, отпрянув от Кэтрин, которая кинулась к нему знакомиться, и приложил пальцы к глазам, чтобы сдержать накатившие слезы.

— Ну-ну, будьте умницей! — прошептала я, вводя его в дом. — Иначе и она тоже расплачется. Видите, как она вас жалеет!

Уж не знаю, жалела ли Кэтрин своего кузена, но она вернулась к отцу с лицом не менее печальным, чем у него. Все трое вошли в дом и поднялись в библиотеку, где их ждал чай. Я сняла с Линтона шапку и плащ и посадила его к столу. Но не успел он сесть, как снова заплакал. Хозяин спросил, что случилось.

— Я не могу сидеть на стуле, — всхлипнул мальчик.

— Тогда ляг на диван, и Эллен принесет тебе чай туда, — терпеливо ответил дядя.

Было очевидно, что мистер Эдгар очень устал за время путешествия со своим капризным и хворым подопечным. Линтон медленно поплелся к дивану и улегся. Кэтрин, прихватив с собой скамеечку для ног и чашку, села рядышком. Сначала она сидела молча, но долго так продолжаться не могло. Она решила, что будет ухаживать за своим кузеном, назначив его на роль любимчика, и принялась гладить его кудри, целовать в щечку и поить чаем из блюдечка, точно младенца. Ему это понравилось, потому что таким он, в сущности, и был. Слезы высохли, и мальчик слабо улыбнулся.

— Ну, все будет прекрасно, — сказал мне хозяин, понаблюдав за ними с минуту. — Прекрасно, если нам удастся оставить его у себя, Эллен. Общество ребенка того же возраста расшевелит его, ему захочется стать здоровее, и силы сами придут.

«Да, верно: если нам удастся оставить его у себя!» — подумала я, и меня охватило дурное предчувствие, ибо надежды на такой исход было мало. А потом я представила, как этот тщедушный ребенок будет жить в «Грозовом перевале» в компании Хитклифа и Гэртона, какой у него будет товарищ для игр и какой воспитатель. Но сомнения наши быстро разрешились — скорее,

чем я ожидала. После чая я отвела детей наверх и дождалась, пока Линтон уснет — до этого он не отпускал меня, потом спустилась и, стоя у стола в коридоре, зажигала свечу для спальни мистера Эдгара, как вдруг из кухни явилась горничная и сообщила, что пришел Джозеф, слуга мистера Хитклифа, и хочет говорить с хозяином.

— Сначала я спрошу, что ему нужно, — сказала я в крайней тревоге. — Не пристало ему беспокоить людей в столь неурочное время, после дальней дороги. Не думаю, что хозяин сможет его принять.

Не успела я договорить, как Джозеф, войдя через кухню, появился в коридоре, облаченный в свой воскресный наряд, с кислой, ханжеской миной, и, держа шляпу в одной руке, а палку в другой, вытирал башмаки об коврик.

— Добрый вечер, Джозеф, — холодно обратилась я к нему. — Что за дело привело вас сюда в такой поздний час?

— Мне потребно говорить с мистером Линтоном, — ответил он, пренебрежительно от меня отмахнувшись.

— Мистер Линтон собирается лечь. И если ничего особо важного вы сообщить не собираетесь, то, поверьте мне, сейчас он вас слушать не ста-

нет, — продолжала я. — Лучше присядьте и все расскажите мне, а я уж передам.

— Которая тут его комната? — настаивал старик, окинув взглядом ряд закрытых дверей.

Я поняла, что он твердо намерен отказаться от моего посредничества, поэтому весьма неохотно пошла в библиотеку и объявила хозяину о неожиданном посетителе, посоветовав отложить их встречу на завтра. Но мистер Линтон даже не успел распорядиться об этом, ибо Джозеф, поспешивший за мною, ввалился в комнату, встал у дальнего конца стола, сложив руки на набалдашнике своей палки, и заговорил громким голосом, словно ожидая возражений:

— Хитклиф послал меня за своим сынком, и я без него не уйду!

Минуту Эдгар Линтон молчал, и черты его омрачила глубокая печаль. Конечно, ему было жаль мальчика, но еще бóльшую горечь он чувствовал, памятуя о надеждах и страхах Изабеллы, о ее тревоге и желаниях, о том, что она вверила ему своего сына, которого теперь придется отдать. Он ломал себе голову, как избежать этого. Но ничего не приходило на ум. Если он выкажет намерение оставить у себя племянника, требования Хитклифа станут более настойчивыми. Оставалось

одно — подчиниться. Однако он не собирался поднимать мальчика среди ночи.

— Передайте мистеру Хитклифу, — спокойно ответил он, — что его сына завтра привезут в «Грозовой перевал». Он уже в постели, и в этот час ему слишком тяжело предпринять еще одно путешествие. Можете также сказать, что мать Линтона желала, чтобы он оставался под моею опекою; кроме того, в настоящее время здоровье мальчика вызывает опасения.

— Вот уж нет! — заявил Джозеф, стукнув об пол палкой и напустив на себя важный вид. — Вот уж нет! Все это пустяки. Хитклифу дела нет до его матери, да и до вас тоже. Ему сынок надобен, и я его заберу. Так и знайте!

— Не сегодня! — решительно ответил Линтон. — Спускайтесь вниз и передайте своему хозяину то, что я сказал. Эллен, проводите его. Отправляйтесь!

И, подхватив негодующего старца под локоть, он выдворил его из комнаты и закрыл дверь.

— Хорошо же! — крикнул Джозеф, медленно удаляясь. — Завтра он сам к вам придет. Попробуйте-ка *его* выгнать, коли не боитесь!

Глава 20

Чтобы избежать осуществления этой угрозы, мистер Линтон поручил мне отвезти ребенка к отцу пораньше на пони Кэтрин.

— Поскольку теперь мы не будем иметь никакого влияния на судьбу мальчика, как бы она ни сложилась, вы не должны говорить моей дочери ни слова о том, куда его увезли. С сегодняшнего дня она не сможет видеться с ним, и ей лучше не знать, что он живет по соседству, иначе она не усидит на месте и захочет отправиться в «Грозовой перевал». Просто скажите, что отец неожиданно прислал за ним и мальчику пришлось уехать.

Линтону совсем не хотелось вставать в пять часов утра, и он крайне удивился, узнав, что ему предстоит еще одна поездка. Правда, я немного смягчила краски, сказав, что мальчику предстоит встреча с отцом, мистером Хитклифом, который так желает видеть его, что не может ждать, пока Линтон отдохнет от первого своего путешествия.

— С отцом! — воскликнул он в немалом замешательстве. — Мама никогда не говорила, что

у меня есть отец. Где он живет? Но я бы лучше остался у дяди.

— Он живет недалеко от «Дроздов», — ответила я, — вон за теми холмами — расстояние небольшое, так что сможете приходить к нам пешком, когда окрепнете. Вы должны радоваться, что поедете домой и увидите отца. Попробуйте его полюбить, как вы любили свою маму, тогда и он вас полюбит.

— Но почему я о нем никогда раньше не слышал? — спросил Линтон. — Почему они с мамой не жили вместе, как другие люди?

— Дела не давали ему уехать с севера, — ответила я. — А здоровье вашей матушки требовало, чтобы она поселилась на юге.

— А почему мама мне о нем ничего не говорила? — не унимался Линтон. — Она рассказывала про дядю, и его я давно люблю. Но как мне полюбить отца? Я же его совсем не знаю.

— О, все дети любят своих родителей, — сказала я. — Может быть, ваша матушка боялась, что вы захотите жить с ним, а не с нею, если она будет слишком часто его поминать. Давайте-ка поторопимся. Поездка на пони в такое прекрасное утро гораздо приятнее лишнего часа сна.

— А *она* поедет с нами? — спросил он. — Та

девочка, которую я вчера видел.

— Не сейчас, — ответила я.

— А дядя? — продолжал он.

— Нет. С вами поеду я.

Линтон откинулся на подушку и глубоко задумался.

— Я не поеду без дяди! — воскликнул он наконец. — Откуда мне знать, куда ты меня повезешь!

Я пыталась его урезонить, говорила, что незачем капризничать и надо отправляться к отцу. Однако он упрямо отказывался одеваться, и мне пришлось призвать на помощь хозяина, чтобы уговорами вытащить его из постели. В конце концов бедняжка согласился, поверив нашим лживым обещаниям, что отсутствие его будет недолгим, что мистер Эдгар и Кэти станут его навещать, и многому другому, столь же фантастическому — всему тому, что я сочинила и рассказала ему во время поездки. Через некоторое время чистый воздух, наполненный запахом вереска, яркое солнце и мерный шаг Минни вернули мальчику присутствие духа, и он стал расспрашивать о своем новом доме и его обитателях с большей живостью и интересом.

— «Грозовой перевал» — такое же приятное

место, как «Дрозды»? — задал он вопрос, обернувшись и в последний раз взглянув на долину, от которой поднимался легкий туман и кудрявым облаком плыл по голубому краю неба.

— Вокруг «Перевала» не так много деревьев, — ответила я. — И дом не такой большой, как наш, но оттуда открывается прекрасный вид на все окрестности. И тамошний воздух для вас полезнее — свежее и суше. Поначалу вам, наверное, покажется, что здание старое и мрачное, но это почтенный дом — второй после «Дроздов» во всей округе. И вы сможете с удовольствием совершать прогулки по вересковым полям. Гэртон Эрншо — другой кузен мисс Кэти, а значит, и вам родня — покажет вам самые интересные места. А в хорошую погоду вы сможете брать книгу и читать где-нибудь среди зелени. Иногда ваш дядя тоже присоединится к вам, ведь он частенько гуляет среди холмов.

— Каков собою мой отец? — спросил Линтон. — Такой же молодой и красивый, как дядя?

— Такой же молодой, — ответила я. — Но глаза и волосы у него черные, и с виду он более строгий. Вообще, он выше дяди и крупнее. Поначалу отец, наверное, покажется вам не таким уж добрым и ласковым, потому что не привык к нежностям,

но если вы будете с ним искренни и сердечны, то, помяните мое слово, он наверняка полюбит вас больше, чем любой дядя, ибо вы ему родной сын.

— Черные волосы и глаза! — задумчиво проговорил Линтон. — Не могу даже представить. Выходит, я на него не похож?

— Не очень, — ответила я, а сама подумала: «Нисколько», — с сожалением глядя на белую кожу и хрупкую фигурку моего спутника, на его большие, томные глаза — глаза его матери, с той лишь разницей, что вместо веселого огонька, отражавшего ее живой характер, в его глазах временами вспыхивала болезненная обидчивость.

— Как странно, что он никогда не приезжал навестить маму и меня, — пробормотал он. — Он меня хоть раз видел? Если видел, то, наверное, когда я был маленьким. Я его совсем не помню.

— Знаете, мистер Линтон, — сказала я. — Триста миль — это большое расстояние, а десять лет кажутся взрослому не таким уж длинным сроком, как вам. Возможно, мистер Хитклиф каждое лето собирался навестить вас, но все не подворачивался удобный случай, а теперь уже слишком поздно. Не беспокойте его вопросами на эту тему, они лишь расстроят его понапрасну.

Весь остальной путь мальчик провел, целиком

погруженный в раздумья, пока наконец мы не остановились перед домом у ворот сада. Я следила за выражением лица ребенка, чтобы понять, каковы его первые впечатления. Со значительным видом Линтон внимательно рассматривал резное убранство фасада, узкие оконные переплеты, редкие кусты крыжовника и кривые ели. Потом покачал головой. Было видно, что в глубине души ему совсем не нравится его новое жилище. Но ему хватило разумения отложить жалобы. Ведь, возможно, внутри его ждало что-то интересное. Прежде чем помочь Линтону сойти с пони, я пошла вперед и открыла дверь. Была половина седьмого, семья только что закончила завтракать; служанка убирала посуду и вытирала стол. Джозеф стоял у стула хозяина дома и рассказывал что-то про хромую лошадь, а Гэртон собирался в поле на сенокос.

— Здравствуй, Нелли! — воскликнул Хитклиф, увидев меня. — А я уж боялся, что придется пойти и самому забрать свою собственность. Привезла мне ее? Тогда пойдем посмотрим, что тут можно сделать.

Поднявшись, он широким шагом направился к двери. Следом, открыв рты от любопытства, устремились Гэртон и Джозеф. Бедный Линтон

испуганно переводил взгляд с одного на другого.

— Знамо дело, — мрачно сказал Джозеф, закончив разглядывать ребенка. — Вас надули, хозяин, и подсунули девчонку!

Хитклиф, от пристального взгляда которого мальчика бросило в дрожь, презрительно хмыкнул.

— Боже, красота-то какая! Что за прелестное, очаровательное созданьице! — воскликнул он. — Его, верно, кормили улитками и простоквашей, да, Нелли? Будь я проклят! Это хуже, чем я ожидал, а я, черт побери, не особенно обольщался на сей счет!

Я попросила дрожащего, ошеломленного мальчика слезть с лошадки и войти в дом. Он не до конца понял смысл сказанного отцом и, вообще, относились ли его слова к нему; он даже не был уверен, действительно ли этот злобный, насмешливый незнакомец — его родитель. Линтон прижимался ко мне, трепеща все больше, а когда мистер Хитклиф уселся и велел ему подойти поближе, он уткнулся лицом мне в плечо и заплакал.

— Ну-ну, — сказал Хитклиф, протянул руку, грубо подтащил к себе мальчика и поставил, зажав между коленями и приподняв за подбородок его

голову. — Нечего хныкать! Никто тебя не обидит, Линтон, — так ведь тебя зовут? Да, ты сын своей матери, весь в нее. Где же хоть что-нибудь от меня, пискливый цыпленок?

Он снял с Линтона шапку, откинул назад его густые льняные волосы, пощупал нежные ручки и тонкие пальчики. Во время этого осмотра Линтон перестал плакать и поднял свои большие голубые глаза, намереваясь, в свою очередь, изучить изучавшего.

— Ты знаешь меня? — спросил Хитклиф, удостоверившись, что руки и ноги ребенка одинаково хрупки и хилы.

— Нет, — ответил Линтон с непроизвольным страхом в глазах.

— Но, надеюсь, ты обо мне слышал?

— Нет, — снова ответил мальчик.

— Нет? Какой стыд, что твоя мать не воспитала в тебе сыновнего чувства! Ну так скажу тебе, что ты мой сын, а мать твоя была подлой мерзавкой, если не удосужилась рассказать ребенку об отце. Не дрожи и не бледней! У тебя кровь не белого цвета, хотя это еще стоит проверить. Будь хорошим парнем, и я тебя не обижу. Нелли, если ты устала, присядь, отдохни; если нет — отправляйся домой. Полагаю, ты доложишь обо всем, что

видела и слышала, тому ничтожеству, что живет в «Дроздах», а пока ты крутишься здесь, дело до конца не доведено.

— Что ж, — сказала я, — надеюсь, вы будете добры к мальчику, мистер Хитклиф, иначе недолго он у вас проживет. И не забывайте, что он единственный в целом свете родной вам человек — о других ведь ничего не известно.

— Я буду *очень* добр к нему, не беспокойся, — сказал он, смеясь. — Но никому другому добрым быть не дам. Пусть вся его привязанность достанется лишь мне одному. А чтобы показать свою доброту, начну с завтрака. Джозеф, принеси парню поесть. Гэртон, чертов теленок, ступай работать! Кстати, Нелл, — добавил он, когда те двое ушли, — мой сын — будущий владелец вашего поместья и я не хочу, чтобы он умер до того, как ко мне перейдет право наследования. Кроме того, он *мой*, и я желаю торжествовать, когда *мой* потомок, законный владелец их поместий — *мой* сын будет за поденную плату нанимать их детей пахать землю своих же отцов. Это единственное, что заставляет меня терпеть щенка. Сам по себе он вызывает у меня презрение, а воспоминания, которые он рождает, — одну лишь ненависть. Но означенной причины вполне достаточно, так

что ему ничего не грозит, и я окружу его такою же заботою, какою твой хозяин окружил свою дочь. Для него наверху приготовлена комната, и я обставил ее в лучшем вкусе. Учитель, что живет в двадцати милях отсюда, будет приходить сюда трижды в неделю и учить мальчишку всему, чему тот захочет выучиться. Гэртону я наказал его слушаться. Вообще, я все устроил так, чтобы сохранить в нем чувство превосходства, понимание, что он господин над теми, кто его окружает. Жаль, однако, что он не стоит таких усилий. Уж если и ждал бы я какого-нибудь блага от Всевышнего, то лишь одного — обрести в парне предмет своей гордости, но меня жестоко разочаровал этот бледный, никчемный плакса!

Пока Хитклиф говорил, в комнату вернулся Джозеф с миской молочной каши и поставил ее перед Линтоном, который, с отвращением взглянув на незамысловатую стряпню старика, заявил, что не может такое есть. Я видела, что старый слуга разделяет презрение своего хозяина к мальчику, хотя вынужден скрывать это чувство, поскольку Хитклиф дал ясно понять, что все, кто по положению ниже Линтона, должны относиться к нему со всею почтительностью.

— Не можете есть? — повторил он, заглянув

Линтону в глаза и понизив голос до шепота из боязни, что его услышат. — Но мистер Гэртон ребенком ничего другого и не едал, а по мне, что было хорошо ему, то подойдет и вам.

– *Не буду* есть! — раздраженно огрызнулся Линтон. — Унесите!

Джозеф в негодовании схватил миску и принес нам.

— Чем плоха каша-то? — спросил он, сунув миску Хитклифу под нос.

— Плоха? — удивился Хитклиф.

— Да уж так, — ответил Джозеф. — Ваш нежный отпрыск говорит, что кушать не будет. Нечего тут и удивляться! Мать такая же была. Мы у ней все были слишком грязные, потому как хлеб сеяли, чтоб ее кормить.

— Не напоминай мне про его мать! — рассердился хозяин. — Принеси ему то, что он будет есть, вот и все. Что он обычно ест, Нелли?

Я предложила дать мальчику кипяченого молока или чаю, и ключнице тут же поручили приготовить питье. «Пожалуй, — думала я, — себялюбие отца сделает жизнь мальчика вполне сносной. Он видит его хрупкое сложение и понимает, что относиться к сыну следует бережно. Расскажу мистеру Эдгару, какой оборот приняли

мысли Хитклифа, и успокою его». Оставаться дольше у меня повода не было. Пока Линтон отвлекся, робко пытаясь увернуться от дружелюбного приставания овчарки, я выскользнула из комнаты. Но его не так легко было обмануть. Лишь только я закрыла за собой дверь, как услышала крик. Мальчик отчаянно повторял одно и то же:

— Не бросай меня! Я тут не останусь! Я тут не останусь!

Засов поднялся и опустился. Линтон остался в доме. Оседлав Минни, я пустила лошадку рысцой. На этом и закончилась моя недолгая опека.

Глава 21

Трудно нам пришлось в тот день с Кэти. Она поднялась в радостном возбуждении, с нетерпением ожидая встречи с кузеном, но, узнав об его отъезде, так горько расплакалась и запричитала, что Эдгару самому пришлось ее успокаивать, убеждая, что мальчик скоро вернется. Впрочем, он добавил: «Если мне удастся его забрать», а на это надежды не было. Его обещание было слабым утешением, но время взяло свое, и, хотя иногда она все еще спрашивала у отца, когда вернется Линтон, до их следующей встречи черты братца успели настолько стереться из ее памяти, что она его не узнала.

Когда, бывая по делам в Гиммертоне, мне случалось встретить служанку из «Грозового перевала», я всегда спрашивала, как поживает молодой хозяин, ибо он вел почти такую же уединенную жизнь, как Кэтрин, и никто его никогда не видел. От служанки я узнала, что ребенок все так же слаб здоровьем и мучает домашних своими придирками. По ее словам, мистер Хитклиф, видать, все так же — а может, и еще сильнее — не любит

сына, хотя старается этого не показывать. Ему неприятен даже звук его голоса, посему он даже не может долго находиться с ним в одной комнате. Меж собою они почти не говорят. Линтон учит уроки и проводит вечера в небольшой комнате, именуемой гостиной, а бывает, целыми днями не встает с постели, потому что его вечно мучает простуда и кашель или что-нибудь болит.

— Ни разу в жизни не встречала я такое трусливое создание, — добавила женщина. — Да еще чтоб так заботился о своем здоровье! Не дай бог, я чуть позже обычного оставлю вечером открытое окно — сразу такое начинается! Как будто глоток ночного воздуха его убьет! А посреди лета непременно надобно затопить камин. Трубка Джозефа — ему тоже отрава. Мальчонке всегда подавай конфеты, всякие лакомства и молоко, молоко, без конца молоко. И ему все равно, как нам тяжело приходится зимой. Сядет у камина, закутавшись в свой меховой плащ, поставит на полку, чтоб подогреть, гренки и воду или какую-нибудь кашу и кушает потихоньку. А если Гэртон из жалости придет его развлечь — Гэртон, хоть и грубый, но в душе-то не злой, — они обязательно разругаются: один уйдет с бранью, другой со слезами. Думаю, не будь он хозяйским сыном, мистер Хитклиф

был бы только рад, если бы Эрншо выпорол его хорошенько. И я не сомневаюсь, что мальчишку выставили бы за дверь, если бы хоть немного знали, как он нянчится со своей персоной. Но мистер Хитклиф опасается поддаться такому искушению, отчего никогда не заходит в комнату сына, а случись тому вести себя так в «доме», где бывает мистер Хитклиф, его сразу же отправляют наверх.

По ее рассказу я поняла, что полное отсутствие сочувствия сделало молодого Хитклифа сварливым и эгоистичным, если даже он не был таковым от природы, и мой интерес к нему постепенно угас, хотя я все равно печалилась о его судьбе и жалела, что мальчик не остался у дяди.

Мистер Эдгар поощрял мои попытки побольше разузнать о племяннике. Полагаю, он много думал о нем и даже готов был пойти на риск и с ним свидеться. Однажды он попросил меня узнать у служанки, бывает ли мальчик в деревне. Она ответила, что в деревню Линтон приезжал лишь дважды в сопровождении отца, и каждый раз потом три-четыре дня изображал ужасную усталость. Та служанка, если я верно припоминаю, от них ушла через два года после появления в доме молодого Хитклифа, и на ее место пришла

другая, с которой знакомы мы не были. Она и сейчас там.

Жизнь в «Дроздах» текла спокойно и безмятежно, как раньше, пока мисс Кэти не исполнилось шестнадцать лет. В день ее рождения мы никогда не устраивали веселых празднеств, ибо это был также день смерти моей бывшей хозяйки. Отец мисс Кэти проводил все время один в библиотеке, а в сумерках отправлялся на погост в Гиммертон, где частенько оставался до полуночи. Поэтому Кэтрин приходилось самой себя развлекать.

Двадцатого марта, в погожий весенний денек, когда ее отец ушел, моя молодая леди спустилась вниз, готовая отправиться на прогулку. Она сказала, что попросила разрешения пройтись со мною по краю вересковой пустоши, и мистер Линтон дал свое согласие, с условием, что мы далеко не уйдем и вернемся через час.

— Так что поторопись, Эллен! — воскликнула она. — Я знаю, куда хочу пойти — туда, где обычно гнездятся куропатки. Надо посмотреть, свили ли они гнезда.

— Это довольно далеко, — ответила я. — На краю пустоши куропатки не гнездятся.

— Нет, недалеко. Мы с батюшкой видели их очень близко.

Я надела шляпу и вышла из дома, больше не задумываясь о куропатках. Мисс Кэти бежала вприпрыжку впереди меня, потом возвращалась, потом вновь мчалась вперед, точно молодая борзая. Поначалу я лишь наслаждалась льющимся отовсюду пением жаворонков и мягким, теплым солнцем, любовалась моей подопечной, моей радостью — ее рассыпанными по спине золотистыми локонами, ее румянцем, таким же нежным и чистым, как цветы дикой розы, и ее глазами, излучающими безоблачное удовольствие. В те дни она была счастливейшим созданием, ангелом. И до чего же мне жаль, что ей вечно чего-то не хватало!

— Ну, — сказала я, — где ваши куропатки, мисс Кэти? Мы должны были бы уже их повстречать. И очень далеко ушли от ворот парка.

— Еще чуть дальше, еще чуть дальше, Эллен, — без конца повторяла она. — Давай поднимемся на этот пригорок, пройдем по тому склону, и когда ты будешь на другой стороне, я вспугну птиц.

Но пригорков было много, склонов пришлось преодолеть еще больше, так что вскоре я начала уставать и сказала, что нам следует наконец остановиться и повернуть назад. Мне пришлось кричать, потому что она изрядно меня обогнала.

Но Кэти либо не слышала, либо не обращала внимания и продолжала вприпрыжку бежать все дальше, а мне ничего не оставалось, кроме как поспевать за нею. В конце концов она скрылась в каком-то овраге, и прежде чем я увидела ее вновь, она была мили на две ближе к «Грозовому перевалу», чем к родному дому. Тут я заметила, что Кэти остановили два человека, одним из которых — я его сразу узнала — был сам мистер Хитклиф.

Кэти оказалась пойманной на воровстве или, по крайней мере, на выискивании птичьих гнезд. Земля эта принадлежала Хитклифу, и он отчитывал браконьершу.

— Я ничего не брала и ничего не нашла, — говорила она, когда я с трудом дотащилась до них, и развела руками, чтобы доказать сказанное. — Я и не собиралась их брать, но батюшка сказал, что здесь много гнезд, и я хотела посмотреть на яйца.

Хитклиф взглянул на меня с усмешкой, не сулившей ничего хорошего, но подтвердившей наше с ним знакомство, а значит, и его недоброжелательство, и спросил, кто таков ее батюшка.

— Мистер Линтон, что живет в поместье «Дрозды», — ответила она. — Я сразу поняла, что вы меня не знаете, иначе вы бы со мной так не го-

ворили.

— Стало быть, вы считаете, что ваш батюшка — почтенный и весьма уважаемый господин? — с сарказмом спросил Хитклиф.

— А сами вы кто? — в свою очередь спросила Кэтрин, с любопытством разглядывая собеседника. — Этого человека я раньше видела. Он ваш сын?

Она указала на Гэртона — спутника Хитклифа. За прошедшие два года парень нисколько не изменился, разве что стал крупнее и сильнее, оставаясь все таким же грубым и неловким.

— Мисс Кэти, — вступила я в разговор, — мы гуляем уже три часа вместо одного. Нам давно пора возвращаться.

— Нет, этот человек не мой сын, — ответил Хитклиф, отодвинув меня в сторону. — Но сын у меня есть, и вы его тоже раньше видели. И хотя ваша няня торопится, я полагаю, вам обеим полезно будет немного отдохнуть. Не обогнете ли вы этот холмик и не заглянете ли ко мне? Отдохнув, вам будет гораздо легче добраться до дому, а я с радостью приму вас у себя.

Я прошептала Кэтрин, что ей ни под каким видом не следует принимать его приглашение и что наш визит абсолютно невозможен.

— Почему? — громко спросила она. — Я устала бегать, и земля кругом вся мокрая от росы. Мне здесь даже не присесть. Давай пойдем, Эллен. Кроме того, он говорит, что я знакома с его сыном. Думаю, это ошибка, но я догадываюсь, где он живет — в том фермерском доме, где я оказалась, когда сбежала посмотреть на Пенистон-Крэг, верно?

— Верно. Послушай, Нелли, придержи язык; ей будет интересно заглянуть к нам. Гэртон, пойди с девушкой вперед, а ты, Нелли, прогуляешься со мной.

— Нет, она ни за что туда не пойдет! — воскликнула я, силясь высвободить свою руку, которую Хитклиф держал крепко; однако Кэти, обогнув холм, уже почти добежала до крыльца. Назначенный ей провожатый даже не пытался идти рядом; вместо этого он свернул по боковой дорожке и скрылся из глаз.

— Мистер Хитклиф, это очень дурно, — продолжала я. — И вы сами знаете, что задумали недоброе. Там она встретится с Линтоном, и, как только мы вернемся домой, все будет рассказано отцу, а я окажусь виноватой.

— Но я как раз хочу, чтобы она встретилась с Линтоном, — ответил он. — Последние несколько

дней он выглядит лучше. Не так уж часто его можно показывать гостям. И мы скоро уговорим ее сохранить ваш визит в тайне. Что ж тут плохого?

— Плохо то, что отец Кэти никогда не простит мне, что я позволила ей войти в ваш дом; к тому же, я уверена, что, заманивая ее, вы вынашиваете какие-то недобрые планы, — ответила я.

— Мои планы самые что ни на есть честные. И я готов изложить их тебе без утайки, — сказал он. — Двоюродные брат и сестра могли бы полюбить друг друга и пожениться. По отношению к твоему хозяину я веду себя благородно. У его девчонки нет никакой надежды получить наследство, а коли она поступит так, как хочу я, она будет обеспечена наравне с Линтоном.

— Если Линтон умрет, — предположила я, — а его здоровье внушает некоторые опасения, наследницей станет Кэтрин.

— Ничего подобного, — возразил он. — В завещании нет такого пункта. Вся собственность Линтона перейдет ко мне. Но дабы избежать судебных тяжб, я желаю, чтобы они поженились, и намерен всячески этому содействовать.

— А я намерена воспрепятствовать ее визитам в ваш дом, — заявила я, когда мы подходили к

воротам, где нас уже ожидала мисс Кэти.

Хитклиф велел мне замолчать и, пройдя вперед по дорожке, поспешил открыть дверь. Моя юная леди несколько раз взглянула на него, словно не могла решить, как к нему относиться. Но вдруг, встретившись с нею взглядом, Хитклиф улыбнулся и заговорил ласковее. И тогда мне хватило глупости предположить, что воспоминание о матери Кэти обезоружит его и не даст причинить девушке зло. Юный Линтон стоял у огня. Он, похоже, только что вернулся с прогулки по полям, ибо шапку еще не снял и кричал, чтобы Джозеф принес ему сухие башмаки. Для своего возраста — а ему оставалось несколько месяцев до шестнадцатилетия — он был высок и лицом все так же красив. В сравнении с тем, каким я его запомнила, глаза его сияли ярче, на щеках появился румянец, но эта временная живость явилась всего лишь следствием целительного свежего воздуха и ласкового солнца.

— Итак, кто это перед вами? — спросил мистер Хитклиф, обращаясь к Кэтрин. — Узнаете?

— Ваш сын? — предположила она, с сомнением переводя взгляд с одного на другого.

— Да, верно, — ответил он. — Вы видите его в первый раз? Подумайте! Ах, какая же у вас корот-

кая память! Линтон, ты разве не помнишь свою кузину, о которой ты нам все уши прожужжал — так хотел ее повидать?

— Что? Линтон! — воскликнула Кэти, вспыхнув от радостного удивления при звуке знакомого имени. — Это тот самый малыш Линтон? Да он уже выше меня! Так вы Линтон?

Юноша вышел вперед и представился. Кэти с жаром его расцеловала, и оба с изумлением отметили перемены, которые сотворило время с каждым из них. Кэтрин выросла, ее фигурка была полноватой, но изящной и упругой, как сталь, весь ее облик говорил о прекрасном здоровье и веселом нраве. Внешность и движения Линтона были очень томны, юноша был крайне худ, но в его манерах присутствовала утонченность, смягчавшая эти недостатки и делавшая его довольно привлекательным. Обменявшись с ним нежными приветствиями, его кузина направилась к мистеру Хитклифу, который все еще стоял у двери и внимательно следил за тем, что происходило и в доме, и во дворе — притворяясь, будто его больше интересует второе, однако на самом деле увлеченный лишь первым.

— Выходит, вы мой дядя! — воскликнула Кэти, бросившись к нему с объятиями. — Вы мне сразу

понравились, хотя поначалу на меня злились. Зачем вы с Линтоном не бываете у нас в «Дроздах»? Очень странно жить столько лет рядом и никогда не зайти в гости. Почему так?

— Я бывал в «Дроздах» слишком часто еще до вашего рождения, — ответил он. — Послушайте… черт возьми! Если у вас много лишних поцелуев, отдайте их Линтону, тратить их на меня бесполезно.

— Противная Эллен! — вскричала Кэтрин и кинулась на этот раз ко мне, чтобы осыпать бурными ласками. — Гадкая Эллен! И ты не давала мне войти в этот дом! Теперь я буду приходить сюда каждое утро — можно, дядя? — и когда-нибудь приведу с собой папочку. Вы ведь будете рады нас видеть?

— Конечно! — ответил дядя, с трудом скрыв гримасу, выражавшую глубокое отвращение к обоим предполагаемым посетителям. — Однако погодите, — продолжал он, повернувшись к юной леди. — Пожалуй, мне все-таки придется кое-что вам сказать. Мистер Линтон предубежден против меня. Однажды мы с ним жестоко поссорились, совсем не по-христиански, и, если вы расскажете ему, что были здесь, он более никогда вас к нам не отпустит. Потому вам не стоит говорить ему об

этом визите, если желаете и впредь видеться со своим кузеном. Приходите, когда вам захочется, но отцу ни слова.

— А почему вы поссорились? — спросила Кэтрин, явно упав духом.

— Он считал, что я слишком беден, чтобы жениться на его сестре, — ответил Хитклиф. — И очень сожалел, что она все-таки пошла за меня. Его гордость была уязвлена, и он мне этого никогда не простит.

— Но он неправ! — воскликнула девушка. — Когда-нибудь я так ему и скажу. Но мы с Линтоном не имеем никакого отношения к вашей ссоре. Хорошо, я не стану приходить сюда, но зато Линтон сможет бывать у нас в поместье.

— Для меня это слишком далеко, — пробормотал ее двоюродный братец. — Четыре мили пешком меня убьют. Нет, приходите лучше вы, мисс Кэтрин, но не каждое утро, а иногда — раз или два в неделю.

Отец метнул на сына взгляд, полный горького презрения.

— Боюсь, Нелли, все мои усилия пойдут прахом, — шепнул он мне. — Мисс Кэтрин, как зовет ее этот нытик, быстро поймет, чего он стоит, и пошлет его к черту. Вот если бы на месте Линтона

был Гэртон! Ты знаешь, что я двадцать раз на дню думаю о нем с нежностью, несмотря на его грубость и униженное положение. Я бы любил парня, будь он кем-нибудь другим. Но полагаю, *ее* любовь ему не грозит. Я подобью его на соперничество с этим жалким ничтожеством, коли мой сынок быстро не расшевелится. По нашим расчетам, Линтон проживет лет до восемнадцати, не больше. Ох, что за слизняк! Занят только тем, что сушит свои ноги, а на девицу даже не глядит! Линтон!

— Да, отец, — ответил юноша.

— Разве тебе нечего показать своей двоюродной сестренке где-нибудь невдалеке от дома — кроликов или норку ласки? Отведи ее в сад, пока не переодел башмаки, и на конюшню — посмотреть твою лошадь.

— Может, вам будет приятнее посидеть здесь? — обратился Линтон к Кэтрин, и по тону его голоса было ясно, что у него нет никакого желания выходить из дома.

— Не знаю, — ответила она, бросив тоскливый взгляд на дверь и явно не радуясь этому предложению.

Линтон остался на месте, лишь придвинулся ближе к огню. Хитклиф поднялся и вышел на

кухню, а оттуда во двор. Там он позвал Гэртона, тот откликнулся, и вскоре оба они явились к нам. Молодой человек только что умылся — это было понятно по его сияющим щекам и мокрым волосам.

— О, теперь я хочу задать вопрос *вам*, дядя, — воодушевилась Кэти, вспомнив, что говорила ей ключница. — Он ведь не мой кузен, правда?

— Нет, ваш, — отвечал Хитклиф. — Гэртон — племянник вашей матери. Неужто он вам не нравится?

Кэтрин посмотрела на Гэртона с сомнением.

— Ну чем не красавчик? — продолжал Хитклиф.

Невоспитанная девица поднялась на цыпочки и прошептала что-то ему на ухо. Тот засмеялся. Гэртон помрачнел. Я поняла, что паренек принимает близко к сердцу, когда на него глядят свысока, смутно осознавая свою ущербность. Но его хозяин — или опекун — согнал с лица юноши тучу, воскликнув:

— Ты будешь ходить у нас в любимчиках, Гэртон! Она говорит, что ты… как бишь там? Ну, что-то очень лестное. Так вот, прогуляйся с нею вокруг фермы. И смотри, веди себя как джентльмен! Не ругайся, не глазей на юную леди, когда

она на тебя не смотрит, и опусти глаза, если вдруг посмотрит. А беседуя, произноси слова медленно и вынь руки из карманов. Ступайте! Развлекай девушку со всею приятностью.

Он наблюдал, как парочка проходила мимо окна. Эрншо шел, отвернувшись от своей спутницы. Казалось, он изучает знакомый пейзаж с интересом чужестранца или художника. Кэтрин лукаво взглянула на него без особого обожания, потом стала высматривать вокруг что-нибудь интересное и наконец весело зашагала дальше, напевая песенку, раз уж беседы не получилось.

— Я заткнул ему рот, — заметил Хитклиф. — Теперь он и полслова не скажет! Нелли, ты помнишь меня в этом возрасте? Нет, пожалуй, на несколько лет младше. Я тоже глядел таким глупцом — таким «олухом», как сказал бы Джозеф?

— Вы были хуже, — ответила я. — Потому что мрачнее.

— Как же я доволен, когда смотрю на него! — продолжал он, словно размышляя вслух. — Гэртон вполне оправдал мои ожидания. Будь он дурачком от рождения, я бы и вполовину так не радовался. Но он неглуп. И я понимаю его чувства, ибо сам испытывал то же самое. К примеру, я точно знаю, что он переживает в эту минуту.

Но это только начало — дальше будет еще хуже. Ему никогда не выбраться из пучины дикости и невежества. Я держу Гэртона крепче, чем держал меня его негодяй отец, и поставлю еще ниже, ибо парень горд своим плебейством. Я научил его презирать все людские свойства, которые возвышают нас над животными, считая их глупостью и слабостью. Как, по-твоему, Хиндли гордился бы своим сыном, если бы сейчас его увидел — почти так же, как я своим? Но тут есть различие: один — золото, коим вместо булыжника мостят дорогу, а другой — начищенные до блеска оловянные плошки, имитирующие серебряный сервиз. В *моем* нет ничего ценного, но я постараюсь сделать из столь плачевного материала что-то толковое. В *его* сыне были заложены первоклассные качества, но они оказались бесполезны, даже хуже — утрачены. *Мне* не о чем сожалеть. *Ему* — было бы о чем, и я об этом знаю лучше любого другого. А самое замечательное то, что Гэртон чертовски ко мне привязан. Согласись, тут я Хиндли переиграл. Если бы мерзавец-покойник встал из могилы, чтобы наказать меня за зло, которое я учинил над его отпрыском, я получил бы огромное удовольствие, наблюдая, как означенный отпрыск колотит отца, негодуя, что тот осмелился

поднять руку на его друга, единственного на всем белом свете.

Хитклиф изуверски рассмеялся своей мысли. Я ничего ему не ответила, ибо мне было ясно, что он и не ждет ответа. Меж тем юный Линтон, сидевший слишком далеко от нас и потому не слышавший слов отца, начал проявлять признаки беспокойства — возможно, он сожалел, что из-за боязни утомиться лишил себя возможности приятно провести время с Кэтрин. Отец заметил тревожные взгляды, которые юноша бросал в окно, и то, как его рука неуверенно потянулась за шапкой.

— Ну-ка вставай, бездельник! — воскликнул Хитклиф с напускным добродушием. — Беги за ними! Они на углу, рядом с пчелиными ульями.

Линтон собрался с силами и отошел от огня. Окно было открыто, и, когда он появился во дворе, я услышала, как Кэти спрашивает своего неразговорчивого спутника, что означает вон та надпись над входной дверью.

Гэртон уставился на буквы и почесал затылок, точно неотесанный деревенский оболтус.

— Какая-то чертова писанина, — ответил он. — Не могу прочесть.

— Не можете прочесть? — удивилась Кэтрин. —

Прочесть я и сама могу, ведь написано по-английски. Но мне интересно, почему это написано.

Линтон захихикал, в первый раз проявив веселость.

— Он неграмотный, — объяснил Линтон кузине. — Можете себе представить, что на свете существуют такие законченные болваны?

— А он вообще здоров? — серьезно поинтересовалась мисс Кэти. — Или просто… дурачок? Я дважды задала ему вопрос, и каждый раз он так тупо смотрел на меня, что, по-моему, совсем ничего не понял. А я-то уж точно понимаю его с трудом.

Линтон снова рассмеялся и с издевкой посмотрел на Гэртона, который и в самом деле в тот момент плохо соображал.

— Ничего тут нет, кроме лени, верно, Эрншо? — сказал Линтон. — Моя кузина решила, что ты слабоумный. Видишь, приходится тебе расплачиваться за свое презрение к тому, что ты называешь «грамотейством». Кстати, вы заметили, Кэтрин, какой у него ужасный йоркширский выговор?

— А какой от него, к черту, прок? — прорычал Гэртон, сразу нашедший слова для своего привычного собеседника. Он собирался продолжить,

но молодые люди весело расхохотались. Моя ветреная барышня с удовольствием обнаружила, что этот странный разговор легко превратить в забаву.

— А какой прок от черта в твоей речи? — захихикал Линтон. — Папа велел тебе избегать бранных слов, а ты без них и рта раскрыть не можешь. Постарайся быть джентльменом — ну хоть попробуй!

— Не будь ты больше барышней, чем парнем, я бы так тебя огрел! Да, огрел бы! Жалкая ты тварь! — зло прокричал обиженный мужлан уходя. Лицо его горело от ярости и унижения, ибо он понимал, что его оскорбили, но не знал, как на это ответить.

Мистер Хитклиф, вместе со мною слышавший их разговор, улыбнулся, когда увидел, что парень уходит, но тут же с крайним отвращением посмотрел на легкомысленную парочку, остановившуюся в дверях поболтать. Юноша вполне оживился, принявшись описывать ущербность и неполноценность Гэртона и рассказывать про него смешные истории, а девушка получала удовольствие от этих дерзких и язвительных выпадов, не сознавая, что порождены они были злобным нравом. Линтон сделался мне еще более

неприятен, и мое сочувствие к нему поубавилось. В какой-то мере я даже готова была понять, почему отец так его презирает.

После полудня мы все еще оставались в «Грозовом перевале», и мне с трудом удалось убедить мисс Кэти возвратиться домой. Но, к счастью, мой хозяин не выходил из своей комнаты и не узнал о нашей долгой отлучке. На обратном пути я искренне пыталась открыть глаза своей питомице на характеры людей, коих мы только что посетили, но она вбила себе в голову, что во мне говорит предубеждение.

— Ага, Эллен! — воскликнула она. — Ты с папочкой заодно. Я знаю, что твое отношение предвзято, иначе ты не лгала бы мне столько лет, что Линтон живет далеко отсюда. Я очень зла на тебя, но все-таки я так рада, что злиться не получается. Однако не говори мне ничего про дядю. Он *мой* дядя, ясно? Я еще попеняю батюшке за то, что он с ним поссорился.

Она продолжала твердить свое, пока я не оставила всякие попытки ее вразумить. В тот вечер она не рассказала о нашем визите в «Грозовой перевал», потому что не видела мистера Линтона. Но на следующий день, к сожалению, тайна открылась. Хотя, признаться, я все-таки не очень

расстроилась. Мне подумалось, что с тяжким бременем предостережений и поучений мистер Линтон справится куда лучше меня. Но он слишком неуверенно объяснял дочери, почему он хочет, чтобы она прекратила всякую связь с живущими в «Грозовом перевале»; Кэтрин же, избалованной девице, требовались веские причины для всего, что препятствует ее желаниям.

— Папочка! — воскликнула она после утренних приветствий. — Отгадай, кого я встретила вчера, когда гуляла по вересковым полям? Ага, ты вздрогнул! Значит, ты поступил дурно, да? Я встретила… Но, послушай, я расскажу тебе, как я разоблачила и тебя, и Эллен, которая с тобою заодно, хотя притворялась, будто жалеет меня, когда я так безнадежно надеялась на возвращение Линтона.

Она правдиво поведала ему о нашей прогулке и о ее последствиях, и мой хозяин, хотя не раз бросал на меня укоризненные взгляды, молчал, пока она не закончила рассказ. Потом он привлек Кэтрин к себе и спросил, известно ли ей, почему он скрывал от нее, что Линтон живет совсем рядом. Неужели она думает, что он хотел лишить ее совершенно невинного удовольствия?

— Все из-за того, что ты не любишь мистера

Хитклифа, — ответила она.

— Значит, ты считаешь, Кэти, что я о своих чувствах пекусь больше, чем о твоих? — спросил он. — Нет, не из-за того, что я не люблю мистера Хитклифа, а из-за того, что мистер Хитклиф не любит меня. А еще потому, что господин этот — исчадие ада, он получает наслаждение, творя зло и уничтожая тех, кого ненавидит, если они дают ему хоть малейшую возможность. Я понимал, что ты не сможешь поддерживать знакомство с кузеном и при этом не видеться с Хитклифом, и я также понимал, что из-за меня он возненавидит и тебя. Посему ради твоей же пользы — и только ради нее — я сделал все, чтобы ты больше не встретилась с Линтоном. Я собирался все тебе объяснить, когда ты вырастешь, и мне жаль, что я так долго откладывал.

— Но мистер Хитклиф был со мною очень ласков, папочка, — заметила Кэтрин, не до конца вняв увещеваниям отца. — И *он* не возражал, чтобы мы с Линтоном встречались. Он разрешил мне бывать у них, когда я захочу, только не говорить тебе, потому что ты с ним поссорился и не можешь ему простить женитьбу на тете Изабелле. Но ведь так и есть — не можешь. Получается, это ты виноват. Он-то желает, чтобы мы были друзья-

ми — хотя бы мы с Линтоном, а ты противишься.

Мой хозяин, чувствуя, что просто так она не поверит словам о злонравии своего дяди, кратко рассказал, как поступил тот с Изабеллой и как «Грозовой перевал» перешел в его собственность. У мистера Эдгара не было сил долго описывать произошедшее, ибо даже при скупом перечислении событий он все еще испытывал к своему давнему врагу те же ужас и ненависть, что наполнили его сердце после смерти миссис Линтон. «Она до сих пор была бы жива, если бы не он!» — постоянно повторял он, и в его понимании Хитклиф был убийцей. Мисс Кэти, которая не знала ни о каких дурных поступках, кроме пустячных случаев собственного непослушания, несправедливости или горячности, проистекавших из ее вспыльчивости и легкомыслия, но всегда в тот же день вызывавших раскаяние, — была потрясена чернотой души человека, который мог годами скрывать и вынашивать свою месть, а потом, продумав до мелочей, осуществить ее без капли раскаяния. Казалось, она была так глубоко потрясена этими открывшимися ей свойствами человеческой натуры, несовместимыми со всем, чему ее учили и что она до сих пор воспринимала, как должное, что мистер Эдгар решил прекратить

разговор. Он лишь добавил:

— Теперь ты знаешь, дорогая, почему я хочу, чтобы ты избегала этого семейства. Займись своими обычными делами, развлекайся, как раньше, и больше не думай об этих людях.

Кэтрин поцеловала отца и, как было заведено, часа два тихо готовила уроки. Потом она отправилась с ним на прогулку по нашему парку, и весь день прошел как обычно. Но вечером, когда она ушла к себе в комнату, а я поднялась, чтобы помочь ей раздеться, оказалось, что она стоит на коленях у кровати и горько плачет.

— Фу, какой глупый ребенок! — воскликнула я. — Будь у вас настоящее горе, вы бы постыдились даже слезинку пролить из-за столь мелкого разногласия. У вас никогда в жизни не было ничего похожего на истинную трагедию, мисс Кэтрин. Представьте на минутку, что хозяин и я умерли и вы остались одна-одинешенька на всем белом свете. Каково вам было бы? Сравните сегодняшний случай с подобным несчастьем, и будьте благодарны, что у вас есть друзья, и ни к чему вам мечтать о новых.

— Я плачу не из-за себя, Эллен, — ответила она, — а из-за него. Он ждет, что я приду завтра, и будет очень разочарован. Меня будут ждать, а

я не приду!

— Глупости! Уверены, он столько же думает о вас, сколько вы о нем? Разве у него нет в товарищах Гэртона? Ни один человек из сотни не станет плакать, что лишился родственника, которого видел всего дважды. Линтон догадается, в чем дело, и думать о вас забудет.

— Но можно я напишу ему записку и объясню, почему мне нельзя прийти? — спросила она, поднявшись. — И просто пошлю ему книги, которые обещала дать почитать. У него нет таких хороших книг, как у меня, и он очень хотел почитать их, когда я рассказала, какие они интересные. Можно, Эллен?

— Ни в коем случае! Нет и нет! — решительно отрезала я. — Тогда он напишет вам ответ, и конца этому не будет. Нет, мисс Кэтрин, ваше знакомство должно полностью прекратиться. Так желает ваш отец, и я прослежу, чтобы так оно и было.

— Но разве может одна маленькая записка… — вновь начала она, умоляюще глядя на меня.

— Хватит! — прервала я ее. — Ни о каких записках и речи быть не может. Марш в постель!

Она посмотрела на меня с таким гадким видом, что поначалу я даже не стала целовать ее

и желать доброй ночи. Укрыв ее одеялом, я притворила дверь в крайнем неудовольствии, но на полдороге раскаялась и потихоньку вернулась в комнату. И что бы вы думали? Мисс Кэти стояла у стола, перед ней лежал чистый лист бумаги, а в руке она держала карандаш, который при моем появлении виновато сунула под листок.

— Никто не отнесет вашу записку, Кэтрин, — сказала я, — даже если вы ее напишете. А пока я погашу свечу.

Я накрыла гасильником пламя и в этот момент почувствовала шлепок по руке, сопровождавшийся дерзким криком: «Мегера!» После я снова вышла, а Кэти заперлась на задвижку в самом злобном и капризном настроении. Письмо было ею написано и передано адресату молочником, который ходил к нам из деревни за молоком, но я об этом узнала лишь некоторое время спустя. Шли недели, и Кэти вновь стала такой, как прежде, хотя теперь на удивление часто забиралась одна в укромные уголки. И нередко, когда я неожиданно подходила к ней, она вздрагивала и склонялась над книгою, с явным намерением ее спрятать, а я замечала уголки бумаги, торчащие между страницами. Кроме того, она наладилась рано утром спускаться на кухню и слоняться там,

словно в ожидании чего-то. И еще в библиотечном секретере у нее был свой маленький ящичек, где она копалась часами, и ключ от него, уходя, неизменно забирала с собою.

Однажды, когда она рылась в ящике, я приметила, что вместо игрушек и безделушек, составлявших до недавнего времени все его содержимое, там лежат сложенные листочки бумаги. Это пробудило мое любопытство и вызвало подозрения. Я твердо решила посмотреть, что за таинственные сокровища она хранит, поэтому ночью, когда Кэти и хозяин спокойно спали у себя наверху, я, покопавшись, быстро нашла в своей связке ключ, который подходил к замку ящика. Открыв его, я собрала все, что нашла, в передник и пошла к себе в комнату, намереваясь на досуге внимательно изучить. Хотя я и раньше это подозревала, но все же была поражена, какой обильной была их переписка — Линтон Хитклиф писал ей почти ежедневно в ответ на полученные от нее письма. Самые ранние были краткими и стеснительными, однако постепенно они превратились в многословные любовные послания — глупые, что было естественно, если учесть возраст автора, но местами содержавшие обороты, заимствованные, как мне показалось, у

более опытного сочинителя. Некоторые поразили меня исключительно странным сочетанием пылкой страсти и банальностей, ибо начинались с выражения сильного чувства, а заканчивались вычурным многословием, присущим скорее школьнику, пишущему придуманной, бесплотной возлюбленной. Не знаю, понравились ли они Кэти, но мне показались сущим вздором. Прочитав достаточное их количество, я связала письма в платок и убрала, а пустой ящик снова заперла на ключ.

По привычке моя юная леди рано утром наведалась на кухню. Я наблюдала, как при появлении мальчика-молочника она подошла к двери и, пока наша молочница наполняла его жбан, сунула что-то в карман его курточки и что-то оттуда извлекла. Я прошла кругом через сад и стала поджидать посыльного. Мальчишка доблестно сражался за вверенное ему сокровище, так что мы даже расплескали молоко, но мне удалось отобрать у него письмо, и, пригрозив серьезными последствиями, если он тотчас не отправится домой, я остановилась у забора и внимательно прочла нежное послание мисс Кэти. Оно было проще и красноречивее, чем письма ее кузена, — очень милое и очень глупое. Покачав головой,

я направилась к дому, полная раздумий. День выдался дождливый, что мешало мисс Кэти отправиться на прогулку в парк, и после утренних занятий она с радостью удалилась в библиотеку к своему ящику. Ее отец читал за столом, а я нарочно придумала себе работу — подшить оторванную бахрому шторы, и при этом не спускала глаз с мисс Кэти. Никогда еще птичка, вернувшаяся в разоренное гнездо, где совсем недавно чирикали ее птенчики, не выражала столь бурного отчаяния метанием и страдальческим криком, как Кэти единственным возгласом «ах!» и переменившимся лицом, совсем недавно таким счастливым. Мистер Линтон взглянул на нее.

— Что случилось, любовь моя? Ты ушиблась? — спросил он.

Голос и лицо отца убедили Кэти, что это не он обнаружил ее тайник.

— Нет, батюшка, — еле выговорила она. — Эллен, Эллен, пойдем наверх! Мне дурно!

Я послушалась и вышла вместе с нею.

— О, Эллен, ты их нашла! — заговорила она сразу же, лишь только мы оказались одни в комнате, и упала на колени. — Верни их мне, и я больше никогда, никогда так не сделаю! Не говори батюшке! Ты же не сказала ему, Эллен, правда

не сказала? Я очень, очень плохо себя вела, но больше так никогда не буду!

Со всей строгостью, на какую была способна, я попросила ее встать.

— Так-так, мисс Кэтрин, — сказала я, — похоже, вы слишком далеко зашли. Вам бы следовало стыдиться этой писанины! Вот какую пачку хлама вы читаете на досуге! Его бы впору напечатать! И что, по-вашему, скажет мистер Линтон, когда я выложу перед ним эти письма? Пока я их не показывала, но не думайте, что я стану хранить ваши возмутительные секреты. Стыд какой! И, должно быть, именно вы начали сочинять все эти нелепости. Я уверена, что ему бы такое и в голову не пришло.

— Нет, не я, не я! — Кэтрин рыдала так, словно у нее разрывалось сердце. — Я вовсе не думала в него влюбляться, пока…

— «Влюбляться»! — воскликнула я, с презрением выговорив это слово. — «Влюбляться»! Кому такое только в голову придет! Тогда мне стоит влюбиться в мельника, который приходит раз в год покупать у нас пшеницу. Вот уж любовь так любовь! Вы за всю свою жизнь видели Линтона дважды и провели с ним четыре часа! Это все детский лепет. Я немедля иду в библиотеку, и

посмотрим, что ваш батюшка скажет про такую *влюбленность*!

Кэти бросилась отбирать у меня драгоценные послания, но я подняла их высоко над головой, и тогда она стала истово молить меня сжечь их — сделать что угодно, только не показывать батюшке. И поскольку мне было впору скорее рассмеяться, чем браниться, ибо ее поведение представлялось мне просто девичьим тщеславием, я сменила гнев на милость и спросила:

— Если я соглашусь их сжечь, вы дадите мне честное слово, что не будете больше ни посылать писем, ни принимать от него посланий, а также книг (я догадываюсь, что вы давали Линтону книги), локонов, колец и игрушек?

— Мы не дарили друг другу игрушек! — вскричала Кэтрин, чья уязвленная гордость пересилила стыд.

— Значит, вообще ничего, моя юная леди, — сказала я. — Если не дадите слово, я иду к отцу!

— Обещаю, Эллен! — закричала она, схватив меня за платье. — Брось их в огонь! Брось! Брось!

Но лишь только я начала ворошить угли кочергой, жертва показалась ей невыносимой. Кэти принялась горячо умолять меня оставить ей хотя бы одно или два письма.

— Одно или два, Эллен! Я сохраню их ради Линтона!

Я развязала платок и стала бросать листочки в огонь, а пламя, подхватив их, метнулось вверх.

— Дай мне хоть одно, злодейка! — завопила она и голыми руками, обжигая пальцы, вытащила из огня полуобгоревшие бумажки.

— Что ж, хорошо. У меня еще осталось, что показать вашему батюшке, — сказала я, вновь завязала платок узлом и направилась к двери.

Она швырнула почерневшие листки в огонь и сделала мне знак продолжить жертвенный обряд. Все было кончено. Поворошив пепел, я погребла его под горкой угля, и Кэтрин молча, с чувством глубокой обиды удалилась к себе. Я спустилась сказать хозяину, что приступ дурноты у юной леди почти прошел, но, по-моему, ей будет лучше еще немного полежать. Кэти не обедала, но вышла к чаю, бледная, с красными глазами и на редкость тихая.

На следующее утро я ответила на письмо Линтона запиской: «Просим Хитклифа-младшего больше не посылать записок мисс Линтон, ибо она их не получит». С тех пор мальчик приходил к нам за молоком с пустыми карманами.

Глава 22

Лето подошло к концу, а за ним и ранняя осень. Уж миновал и Михайлов день[10], но урожай в том году созрел поздно, и некоторые наши поля все еще стояли неубранные. Мистер Линтон с дочерью частенько ходили смотреть, как жнецы убирают хлеб. Когда увозили последние снопы, отец с дочерью остались в поле до сумерек, а вечер в тот день был холодный и промозглый, и мой хозяин сильно простудился. Коварная болезнь добралась до легких, и он почти всю зиму был принужден не выходить из дома.

Бедняжка Кэти, испугавшись последствий своего маленького романа, стала после его завершения гораздо печальнее и скучнее, поэтому отец настаивал, чтобы она меньше читала, а больше гуляла на свежем воздухе. Впрочем, теперь он не мог составить ей компанию, и я сочла своим долгом его заменить, насколько это было в моих силах. Конечно, замена была неравноценной, ибо я могла уделить прогулке два-три часа, урвав их от моих каждодневных обязанностей; к тому же

---

[10] notes: 10
29 сентября.

мое общество было для Кэти не так желательно, как его.

Однажды в октябре, а может, в начале ноября, когда на дворе было свежо и сыро, торфяник и тропки, пропитавшись влагой, хлюпали под ногами, листья пожухли, а холодное голубое небо было наполовину скрыто за тучами — темно-серою грядою, быстро набегающей с запада и сулящей ливень, — я попросила юную леди отложить прогулку, ибо не сомневалась, что вот-вот польет сильный дождь. Она отказалась, и я без всякой охоты надела плащ и взяла зонтик, чтобы сопроводить ее до конца парка — на скучную прогулку, которую она обычно предпочитала, когда пребывала в унынии (а такое случалось всегда, когда мистеру Эдгару особенно нездоровилось). Он никогда прямо не говорил о плохом самочувствии, но мы обе о нем догадывались по его молчаливому и меланхоличному виду. Кэтрин грустно шла вперед, на этот раз не бегая вприпрыжку по своему обыкновению, хотя пронизывающий ветер вполне мог заставить ее пробежаться. И часто краем глаза я замечала, как она поднимает руку и смахивает что-то со щеки. Я огляделась в поисках того, что могло бы отвлечь ее от невеселых мыслей. С одной стороны до-

рожки поднимался высокий неровный склон, за который своими торчащими из почвы корнями неуверенно цеплялись кусты орешника и чахлые дубки. Для дубков земля была здесь слишком сыпучей, а из-за сильных ветров некоторые деревца росли почти горизонтально. Летом мисс Кэтрин любила лазать по их стволам и сидеть на ветках, раскачиваясь в двадцати футах от земли, а я, радуясь ее жизнелюбию и веселой детской беззаботности, все же считала своим долгом всякий раз выговаривать ей, стоило мне увидеть, как она воспаряла над землею, но вместе с тем давала ей понять, что спускаться совсем необязательно. С обеда до чая она, бывало, лежала в своем гамаке, качаемая легким ветерком, и знай себе распевала старинные песни — те, что я пела ей в младенчестве, — или же следила за птицами: как они вили гнезда, кормили птенцов и выманивали их из гнезда, чтобы научить летать. Случалось, она просто отдыхала, прикрыв веки, в полураздумье и полудреме, такая счастливая, что и словами не передать.

— Взгляните, мисс! — воскликнула я, указывая на ямку под корнями одного скрюченного деревца. — Вот место, куда зима еще не пришла. Там спрятался маленький цветок — последний

из колокольчиков, что в июле покрывали эти торфяные террасы лиловою дымкою. Может, поднимете сь по склону и сорвете его для батюшки?

Кэти долго смотрела на одинокий цветок, трепещущий в своем земляном укрытии, и наконец ответила:

— Нет, я его не трону. Но он навевает печаль, правда, Эллен?

— Да, — сказала я. — Почти такой же измученный и скучный, как вы. У вас в лице ни кровинки. Давайте возьмемся за руки и пробежимся. Вы сегодня такая вялая, что я от вас едва ли отстану.

— Нет, — повторила она и побрела дальше, иногда останавливаясь и с задумчивостью глядя на клочок мха, пучок выцветшей травы или гриб, горевший ярко-оранжевым пятном среди бурых листьев. И, отвернувшись от меня, то и дело подносила руку к лицу.

— Кэтрин, что вы плачете, деточка моя? — спросила я, подойдя к ней и обняв за плечи. — Не надо плакать из-за того, что батюшка занемог. Мы должны быть благодарны, что у него всего лишь простуда.

При этих словах она не смогла сдержать слез и зарыдала, задыхаясь и всхлипывая:

— О, но ведь *когда-нибудь* будет хуже! Что мне

делать, когда вы с батюшкой покинете меня и я останусь совсем одна? Я не могу забыть твоих слов, Эллен; они так и звучат у меня в ушах. Как изменится моя жизнь, каким пустынным станет мир, когда вы с папочкой умрете!

— Никто не знает, кто когда умрет, — ответила я. — Не надо ожидать худшего. Давайте надеяться, что впереди у нас долгие, долгие годы. Хозяин еще молод, а я женщина крепкая, мне даже нет сорока пяти. Моя мать дожила до восьмидесяти, и до последнего оставалась веселой и бодрой. Может, и мистеру Линтону суждено дожить хотя бы до шестидесяти, а это куда больше, чем прошло от вашего рождения до сего дня, мисс. Не глупо ли оплакивать несчастье загодя — больше, чем за двадцать лет?

— Но тетушка Изабелла была моложе папочки, — заметила Кэти, робко взглянув на меня в надежде на дальнейшие утешения.

— За тетушкой Изабеллой некому было ухаживать, рядом не оказалось ни вас, ни меня, — ответила я. — Она не была так счастлива, как хозяин. И не так много имелось у нее привязанностей. А вам всего лишь надобно проявлять об отце заботу, доставлять ему радость, показывая, что вы радуетесь жизни, и не давать ему поводов

волноваться. Помните об этом, Кэти! Не стану скрывать, вы бы убили его, если бы проявили сумасбродство и безрассудность, питая глупые, придуманные чувства к сыну человека, который с удовольствием отправил бы мистера Эдгара в могилу, и позволили бы отцу узнать, что терзаетесь из-за расставания, которое он посчитал необходимым.

— Я терзаюсь из-за батюшкиной болезни — только из-за нее! — ответила Кэти. — Рядом с папочкой все становится неважным. И я никогда, о, никогда, пока сохраняю разум, не сделаю и не скажу ничего, что могло бы его расстроить. Я люблю его больше, чем себя, Эллен, а поняла я это вот почему: всякий раз перед сном я молюсь, чтобы его пережить, ибо пусть лучше буду страдать я, а не он. Выходит, я люблю его больше, чем себя.

— Золотые слова, — сказала я. — Но их следует подкрепить делами. И когда ваш батюшка поправится, не забудьте о решениях, которые вы приняли в минуту тревоги.

За разговором мы приблизились к закрытым воротам, ведущим на дорогу, и моя юная леди, вновь засияв, словно солнышко, забралась на каменную ограду и уселась наверху, а оттуда принялась собирать ягоды шиповника, краснев-

шие на самых высоких ветвях кустов, росших вдоль дороги. Ягод, что росли ниже, уже не было, а до верхних могли добраться лишь птицы да Кэти, сидевшая на верху ограды. Когда барышня потянулась за шиповником, ее шляпа упала на дорогу, а поскольку калитка у ворот была заперта, Кэти предположила, что можно спуститься за шляпой по выступающим из кладки камням, и я только успела попросить ее быть осторожной и постараться не упасть, как она мигом исчезла. Но вскарабкаться назад оказалось не так-то просто. Камни были гладкие, аккуратно прилаженные друг к другу, а на кусты роз и ежевики не обопрешься. Я, глупая, не сообразила, в чем дело, пока не услышала ее смех и возглас:

— Эллен! Придется либо тебе искать ключ, либо мне бежать до домика привратника. С этой стороны на нашу крепостную стену мне не залезть!

— Оставайтесь на месте, — ответила я. — У меня в кармане связка ключей. Может, удастся каким-нибудь открыть замок. Если нет — пойду искать подходящий.

Кэтрин развлекалась тем, что, приплясывая, порхала туда-сюда по другую сторону калитки, я же перепробовала по очереди все большие ключи. Но после того, как вложила в замочную

скважину последний, стало ясно, что ни один не годится. Тогда, повторив барышне еще раз, чтобы она не сходила с места, я заторопилась домой, но внезапно встала как вкопанная — вдали послышался какой-то звук. Это был топот копыт. Кэти тоже перестала приплясывать.

— Кто это? — прошептала я.

— Эллен, хорошо бы ты поскорее открыла калитку, — таким же взволнованным шепотом отозвалась моя спутница.

— О-го-го, мисс Линтон! — послышался звучный бас подъехавшего к ней человека. — Рад вас видеть. Не торопитесь уйти, ибо я намерен просить у вас объяснений и надеюсь их получить.

— Я не стану говорить с вами, мистер Хитклиф, — ответила Кэтрин. — Батюшка сказал, что вы злой человек и ненавидите нас обоих. И Эллен тоже с ним согласна.

— Это не имеет отношения к делу, — ответил Хитклиф — на дороге действительно был он. — Но, согласитесь, я вряд ли ненавижу собственного сына, а ваше внимание мне требуется как раз в связи с ним. Да, у вас есть все основания краснеть. Два или три месяца назад вы имели обыкновение писать к Линтону, не так ли? Играли в любовь, да? Вас бы следовало — и вас, и его — хорошенько

выпороть, особенно вас как старшую и, насколько я вижу, менее чувствительную. Все ваши письма у меня, и вздумай вы повести себя опрометчиво, я сразу же отправлю их вашему отцу. Полагаю, вам надоело развлекаться и вы прекратили переписку, верно? Ну так знайте: вы ввергли Линтона в пучину отчаяния. Он искренне полюбил вас, да, полюбил всей душой. И, клянусь жизнью, он умирает от любви, ибо вы своим непостоянством разбили ему сердце — не образно говоря, а по-настоящему. И хотя Гэртон полтора месяца поднимает его на смех, а я предпринимаю более серьезные меры, пытаясь угрозами отучить его от этих глупостей, с каждым днем Линтону становится все хуже. И если вы не поможете ему, к лету он уже будет покоиться в земле!

— Как вы можете так беззастенчиво лгать бедной девочке! — прокричала я с другой стороны калитки. — Прошу вас, езжайте дальше! Как можно намеренно сочинять такие подлые небылицы! Мисс Кэти, я сейчас собью замок камнем. Не верьте этому злостному вранью. Вы ведь можете и по себе судить — не станет человек умирать, влюбившись в того, с кем почти незнаком.

— Не знал я, что нас подслушивают, — проворчал уличенный негодяй. — Достойнейшая

миссис Дин, сами вы мне нравитесь, но мне не нравится ваше двуличие, — продолжал он громко. — Как можете *вы* так беззастенчиво лгать, утверждая, что я ненавижу «бедную девочку», и пугая букой, лишь бы не дать мисс Кэти ступить на мой порог? Кэтрин Линтон — от этого имени у меня сразу делается тепло на душе, — красавица моя, всю эту неделю меня не будет дома. Придите сами и проверьте, обманул я вас или нет. Придите, будьте умницей! Представьте на моем месте своего батюшку, а на вашем — Линтона. А теперь подумайте, как бы вы отнеслись к своему беспечному другу, если бы он не сделал ни шагу, чтобы вас утешить, несмотря на уговоры вашего батюшки. Не впадайте по недомыслию в ту же ошибку! Клянусь своим спасением, Линтон стоит на пороге могилы, и только вы можете вернуть его к жизни!

Замок поддался, и я выскочила на дорогу.

— Я клянусь, что Линтон умирает, — повторил Хитклиф, вперив в меня тяжелый взгляд. — Печаль и разочарование торопят его конец. Нелли, если ты ее к нам не отпустишь, приходи сама. Меня не будет ровно неделю, и я полагаю, твой хозяин едва ли воспротивится, вырази мисс Кэти желание навестить двоюродного братца.

— Пойдемте, — сказала я, взяв Кэти за руку и почти силком втащив ее за калитку, ибо она медлила, беспокойно вглядываясь в лицо говорившего, слишком суровое, чтобы выдать обман.

Хитклиф подъехал ближе и, наклонившись к ней, произнес:

— Мисс Кэтрин, признаюсь, я не очень терпелив с Линтоном, а Гэртон и Джозеф — и того меньше. Да, он живет среди черствых людей. Ему так хочется нежности и любви, и сказанное вами доброе слово станет для него лучшим лекарством. Не слушайте жестоких предостережений миссис Дин, будьте добрее и придумайте, как его навестить. Он думает о вас день и ночь, вбил себе в голову, что вы его ненавидите, и нам никак его не разубедить, ведь вы же у нас не бываете и ему не пишете.

Я закрыла калитку и подперла ее камнем в помощь разбитому замку. Потом, раскрыв зонтик, спрятала под ним свою подопечную, так как дождь уже капал сквозь шумящие на ветру ветви деревьев, давая понять, что медлить не стоит. Спеша в сторону дома, мы не могли обсудить нашу встречу с Хитклифом, но я и без слов понимала, что сердце Кэтрин теперь окутано двойной печалью. Ее черты выражали такую грусть, что,

казалось, принадлежали кому-то другому. Без сомнения, она считала все услышанное правдой от первого до последнего слова.

Хозяин удалился к себе отдыхать еще до нашего прихода. Кэти осторожно прокралась к нему в комнату справиться о здоровье, но он уже спал. Вернувшись, она попросила меня посидеть с нею в библиотеке. Мы вместе попили чаю, а после она прилегла на ковер и сказала, что не желает разговаривать, потому что устала. Я взяла книгу и сделала вид, что читаю. Как только мисс Кэти решила, что я увлеклась книгой, она вновь принялась тихонько всхлипывать — в последнее время это стало ее любимым занятием. Я дала ей возможность немного поплакать, а потом попробовала увещевать, с презрением и издевкой высмеивая уверения мистера Хитклифа касательно его сына, словно не сомневалась, что Кэти непременно со мною согласится. Увы! Мне не удалось повлиять на впечатление, которое произвел на девушку услышанный рассказ. Хитклиф добился своего.

— Возможно, ты и права, Эллен, — ответила Кэти. — Но у меня все время будет камень на сердце, пока я не узнаю наверное. Я должна сказать Линтону, что не пишу ему не по своей воле,

и убедить его, что чувства мои неизменны.

Что толку было возмущаться и спорить с ее глупой доверчивостью? В тот вечер мы расстались в ссоре, но наутро я уже шагала по дороге в «Грозовой перевал» рядом с пони моей юной упрямицы. Не было у меня сил видеть ее горе, бледное лицо, печальные глаза и подавленное настроение, и я сдалась в слабой надежде, что при встрече с самим Линтоном его поведение докажет ей, как мало в словах Хитклифа правды.

Глава 23

Дождливая ночь привела за собою туманное утро — на дворе одновременно подмораживало и моросило, и дорогу нашу пересекали ручейки, сбегавшие после ненастья с холмов. Я сильно промочила ноги, а потому расстраивалась и злилась, но именно в таком настроении как раз и совершаются дурные поступки. В фермерский дом мы зашли через кухню, желая удостовериться, что мистер Хитклиф действительно уехал, так как я с сомнением относилась к его заверениям.

У пылавшего очага в одиночестве сидел Джозеф, блаженствуя, словно в райских кущах — на столе перед ним стояла огромная кружка эля с накрошенными в нее большими кусками подрумяненной овсяной лепешки. Изо рта у него торчала черная короткая трубка. Кэтрин подбежала к огню согреться. Я спросила, дома ли хозяин. Мой вопрос так долго оставался без ответа, что мне подумалось, будто старик оглох, и я снова задала свой вопрос, на этот раз громче.

— Не-е-ет! — рявкнул он или, скорее, фыркнул через нос. — Не-е-ет! Шли бы вы, откуда пришли.

— Джозеф! — одновременно с моими словами прозвучал из комнаты недовольный окрик. — Сколько можно тебя звать? Осталось всего несколько красных угольков. Джозеф, немедля иди сюда!

Увлеченное попыхивание трубкой и взгляд, который он решительно уставил в огонь, давали понять, что призыв этот старик пропустил мимо ушей. Ни служанки, ни Гэртона не было видно — женщина, вероятно, ушла по делам, а парень работал. Мы узнали голос Линтона и вошли.

— Чтоб тебе помереть с голоду на чердаке! — воскликнул юноша, приняв наши шаги за поступь нерадивого слуги, но, заметив свою ошибку, осекся.

Кузина бросилась к нему.

— Это вы, мисс Линтон? — проговорил юноша, подняв голову с подлокотника большого кресла, в котором полулежал. — Нет, не целуйте меня, мне от этого делается трудно дышать. Подумать только! Папа говорил, что вы придете, — продолжал он, кое-как придя в себя после объятий; Кэтрин же стояла с весьма удрученным видом. — Сделайте милость, закройте дверь, вы оставили ее открытой. Эти… эти *подлые* твари не могут подбросить в камин угля. А здесь так холодно!

Я поворошила золу и сама вывернула в огонь ведерко с углем. Больной пожаловался, что его запачкало пеплом. При этом он мучительно закашлялся, и было видно, что его лихорадит, так что я не стала пенять на его капризный характер.

— Ну, Линтон, — тихо сказала Кэтрин, когда нахмуренный лоб кузена разгладился. — Вы рады меня видеть? Могу я что-нибудь для вас сделать?

— Почему вы раньше не приходили? — спросил он. — Лучше бы приходили, а не писали. Я ужасно уставал, когда должен был писать такие длинные письма. Поговорить было бы куда лучше. А сейчас я не в силах даже говорить — ничего не могу. Куда запропастилась Зилла? — И, посмотрев в мою сторону, добавил: — Вы не поищете ее на кухне?

Не получив благодарности за предыдущую услугу и не имея желания бегать с его поручениями туда-сюда, я ответила:

— Там нет никого, кроме Джозефа.

— Я хочу пить! — раздраженно воскликнул Линтон и отвернулся. — С тех пор как папа уехал, Зилла все время таскается в Гиммертон. Это гадко! Мне приходится спускаться вниз: они сговорились делать вид, что не слышат, когда я зову их сверху.

— Ваш отец внимателен к вам, мастер Хитклиф? — спросила я, чувствуя, что дружеские порывы Кэтрин не находят отклика.

— Внимателен? По крайней мере, он их заставляет быть чуть более внимательными. Негодяи! — вскричал он. — Знаете, мисс Линтон, этот грубиян Гэртон надо мной смеется! Ненавижу его! Всех их ненавижу! Гнусные мерзавцы!

Кэти увидела на полке кувшин, налила воды в бокал и принесла ему. Линтон попросил ее добавить ложечку вина из стоявшей на столе бутылки. Немного отпив, он стал как будто спокойнее и сказал, что она очень добра.

— И вы рады меня видеть? — повторила она свой вопрос, с радостью заметив на его лице слабое подобие улыбки.

— Да, рад. А услышать ваш голос — такая приятная неожиданность! Но я *ужасно* досадовал, что вы не приходите. А папа уверял, что все из-за меня. Называл меня жалким, убогим, никчемным существом, говорил, что вы меня презираете и что если бы он был на моем месте, то сейчас имел бы больше прав на «Дроздов», чем ваш отец. Но вы не презираете меня, мисс…

— Зовите меня Кэтрин или Кэти, — прервала его моя юная леди. — Презираю вас? Нет! После

батюшки и Эллен я люблю вас больше всех людей на земле. Но мистера Хитклифа я не люблю и не стану приходить, когда он вернется. Он надолго уехал?

— Не очень. Но с начала охотничьего сезона он часто бродит по вересковым полям, и в его отсутствие вы можете провести со мною часок-другой. Приходите! Думаю, на вас я не буду сердиться. Вы же не дадите мне повода и всегда будете готовы помочь, правда?

— Да, — ответила Кэтрин, гладя его длинные шелковистые волосы. — Если бы батюшка разрешил, я проводила бы с вами половину своего времени. Красавчик Линтон! Вот бы вы были моим братцем!

— И тогда вы относились бы ко мне, как к своему отцу? — заключил Линтон, повеселев. — А папа говорит, что вы полюбили бы меня еще больше — больше всех на свете, если бы были моей женой. И мне тоже этого бы хотелось.

— Нет, я никого не полюблю больше, чем батюшку, — серьезно сказала Кэтрин. — К тому же люди иногда ненавидят своих жен, но только не сестер и не братьев. Будь вы моим братом, вы жили бы с нами, и папочка любил бы вас так же, как он любит меня.

Линтон стал отрицать, что мужья могут ненавидеть своих жен, но Кэти стояла на своем, и ей хватило ума рассказать для примера, какое отвращение испытывал отец Линтона к ее тетушке. Я попыталась остановить эту неосторожную речь, но не успела, и Кэти высказала все, что знала. Молодой Хитклиф с досадой заявил, что сказанное ею — ложь.

— Мне говорил об этом отец, а он никогда не лжет, — уверенно ответила она.

— А *мой* отец презирает вашего! — закричал Линтон. — Он его называет трусливым дураком!

— Ваш отец — дурной человек, — строго сказала Кэтрин. — А вы негодный мальчишка, раз осмеливаетесь повторять такие слова. Он наверняка злой, иначе тетушка Изабелла не ушла бы от него.

— Она вовсе не ушла от него. И не смейте со мной спорить!

— Нет, ушла! — воскликнула моя юная леди.

— Тогда я вам кое-что скажу, — продолжал Линтон. — Ваша мать не любила вашего отца. Вот так-то!

— О! — воскликнула Кэтрин, придя в такую ярость, что больше ничего не смогла выговорить.

— Она любила моего, — добавил Линтон.

— Ах, ты маленький врун! Теперь я тебя ненавижу! — задыхаясь, крикнула Кэти, раскрасневшись от гнева.

— Любила! Любила! — нараспев повторял Линтон, глубже втиснувшись в кресло и откинув голову, дабы в полной мере насладиться смятением спорщицы, которая стояла позади него.

— Прекратите, мастер Хитклиф, — вмешалась я. — Должно быть, это еще одна сказка вашего отца.

— Нет, не его! А вы помолчите! — ответил он. — Любила! Любила, Кэтрин! Любила! Любила!

Кэти, вне себя от злости, так яростно тряхнула кресло, что Линтон упал на подлокотник. И сразу же юношу охватил удушливый кашель, положивший конец его торжеству. Кашель не отпускал его так долго, что испугал даже меня. А Кэти разрыдалась, пораженная тем, что натворила, хотя больше никаких слов ею сказано не было. Я держала Линтона, пока не прошел припадок. После чего он оттолкнул меня и молча положил на подлокотник голову. Кэтрин тоже уняла слезы, села напротив и мрачно уставилась в огонь.

— Как вы себя чувствуете, мастер Хитклиф? — спросила я, подождав минут десять.

— Пусть бы *она* чувствовала себя так же, как я, — ответил он. — Противная злюка! Гэртон меня даже пальцем не трогает, он ни разу в жизни меня не ударил. А сегодня мне было лучше, и вот… — Его голос перешел в хныканье.

– *Я* вас не ударила! — пробормотала Кэти, прикусив губу, стараясь избежать нового всплеска эмоций.

Линтон вздохнул и застонал, словно испытывал сильнейшее страдание. Так продолжалось с четверть часа; по-видимому, целью его было вконец расстроить кузину, потому что, как только он слышал ее приглушенное всхлипывание, в модуляциях его голоса с новой силой начинали звучать мука и боль.

— Простите, что я сделала вам больно, Линтон, — наконец сказала она в полном изнеможении. — Но *мне* не было бы плохо от этого слабого толчка, поэтому я никак не ожидала, что он нанесет вам вред. Но все же вред не такой уж большой, правда, Линтон? Как же теперь я пойду домой, зная, что из-за меня вам стало плохо? Ответьте! Поговорите со мною!

— Я не могу с вами говорить, — проворчал он. — Вы так сильно толкнули меня, что нынче я всю ночь напролет буду задыхаться от кашля! Если бы

вы только знали, каково это! Сами-то вы уснете в уютной постели, а мне предстоит мучиться, и рядом не будет ни одной живой души! Интересно, что бы вы делали в такие ужасные ночи.

И он громко завыл от жалости к самому себе.

— Раз уж такие ужасные ночи вам не впервой, — сказала я, — значит, не мисс Кэти виновата в том, что вам стало хуже. С вами случилось бы то же самое, если бы она вовсе сюда не приходила. Впрочем, она больше не будет вас беспокоить, и, наверное, вам станет легче, когда мы уйдем.

— Мне уйти? — уныло спросила Кэтрин, склонившись к нему. — Вы хотите, чтобы я ушла, Линтон?

— Вы не исправите того, что совершили, — раздраженно ответил он, отшатнувшись. — Скорее сделаете еще хуже — станете дразнить, и у меня начнется лихорадка.

— Стало быть, мне уйти? — повторила она.

— По крайней мере, отстаньте от меня, — сказал он. — Не могу слушать вашу болтовню.

Кэтрин не сразу поддалась моим уговорам отправиться восвояси. Но так как Линтон не смотрел на нас и молчал, она в конце концов сделала несколько шагов к двери, а я последовала за нею. И тут нас остановил вопль. Линтон

соскользнул со своего кресла на каменный пол перед камином и принялся корчиться, словно упрямый избалованный ребенок, намеренный изобразить огромное горе и обиду. Я прекрасно поняла, каково его настроение, судя по тому, как он себя с нами вел, и сразу решила, что будет безумием пытаться его ублажить. Другое дело моя спутница. Кэтрин в ужасе бросилась назад, опустилась на колени, стала плакать, утешать, умолять, пока он не затих из-за нехватки воздуха, а вовсе не из раскаяния, что расстроил кузину.

— Я уложу его на скамью, — сказала я. — И пусть там корчится, сколько душе угодно. А у нас нет времени на это смотреть. Надеюсь, вы удовлетворены, мисс Кэти, и теперь понимаете, что вы не тот человек, который может ему помочь, и что его здоровье никак не связано с нежными чувствами к вам. Ну, вот так, уложили! Пойдемте. Как только он поймет, что рядом никого нет, он прекратит чудить и успокоится.

Она положила ему подушку под голову и предложила принести воды. От воды он отказался и начал ерзать на подушке, словно это был камень или колода. Кэтрин попыталась устроить ее поудобнее.

— Не могу так лежать, — сказал он. — Слишком

низко.

Она принесла другую подушку и подсунула ему под голову поверх той.

— А так слишком высоко, — пробормотал капризный мальчишка.

— Как же тогда мне ее положить? — отчаявшись, спросила она.

Поскольку Кэтрин стояла у скамьи, чуть наклонившись, Линтон подался вперед и, приникнув к кузине, склонил голову ей на плечо.

— Нет, так дело не пойдет, — вмешалась я. — Вам вполне хватит подушки, мастер Линтон. Мисс Кэти и без того потратила на вас слишком много времени. И мы не можем более оставаться здесь даже на пять минут.

— Нет, нет, можем! — перебила меня Кэти. — Сейчас он стал добрее и спокойнее. Он начал понимать, что сегодня ночью я буду несчастнее его, если решу, что из-за моего прихода ему стало хуже, и тогда я не осмелюсь прийти сюда снова. Скажите правду, Линтон, потому что, если я и впрямь сделала вам больно, мне не следует больше у вас бывать.

— Вы должны приходить, чтобы помочь мне вылечиться, — ответил он. — Вы просто обязаны, потому что причинили мне страдания — сами

знаете, очень большие страдания. Когда вы пришли, мне не было так плохо, как сейчас, верно?

— Вы сами довели себя до припадка, потому что кричали и горячились. Не одна я виновата, — сказала его кузина. — Но ведь мы теперь друзья. И вы хотите… Вы бы правда желали иногда меня видеть?

— Я же сказал, что хочу, — нетерпеливо ответил он. — Сядьте на скамью и дайте мне положить голову к вам на колени. Так мы сидели с матушкой — целыми днями вместе. Сидите тихо и ничего мне больше не говорите. Можете спеть песню, если умеете, или рассказать красивую, длинную, интересную балладу — из тех, каким вы обещали меня научить, — или какую-нибудь историю. Но мне больше хотелось бы балладу. Начинайте.

Кэтрин прочла самую длинную, которую помнила наизусть. И это занятие чрезвычайно увлекло обоих. Линтон потребовал еще одну, а затем еще, несмотря на мои строгие возражения. Так продолжалось, пока часы не пробили двенадцать. Тут со двора до нас донеслись шаги Гэртона, который шел обедать.

— А завтра, Кэтрин? Вы придете сюда завтра? — спросил молодой Хитклиф, не выпуская ее платья, когда она с неохотой поднялась, чтобы уйти.

— Нет, — ответила я. — Ни завтра, ни послезавтра.

Однако ж Кэтрин, очевидно, дала другой ответ, потому что лоб его разгладился, когда она наклонилась и прошептала что-то ему на ухо.

— Завтра вы никуда не пойдете, запомните это, мисс, — сказала я, когда мы вышли из дома. — Или вы уж размечтались?

Она улыбнулась.

— Тогда я все сделаю, чтобы этого не произошло, — продолжала я. — Велю починить замок на калитке, а другой дорогой вам не уйти.

— Я могу перелезть через ограду, — рассмеялась она. — «Дрозды» — не тюрьма, Эллен, а ты не тюремщица. Кроме того, мне почти семнадцать, я уже взрослая. И я не сомневаюсь, что Линтон быстро поправится, если я буду за ним ухаживать. Я старше его и благоразумнее — во мне нет такого ребячества, ведь правда? Очень скоро он будет во всем меня слушаться, надобно лишь немного его ублажить. Он такой милый и хорошенький, когда не злится. Был бы он мой, я бы его заласкала. Мы бы никогда не бранились, если бы привыкли друг к другу. Разве он тебе не по душе, Эллен?

— По душе? — воскликнула я. — Самый каприз-

ный и тщедушный недоросль! К счастью, как считает мистер Хитклиф, до двадцати он вряд ли доживет. Ну а я полагаю, что и до весны не протянет. Не бог весть какая потеря для семьи. Нам еще повезло, что его забрал отец. От нашего доброго отношения он стал бы лишь более нетерпимым и эгоистичным. И я очень рада, что вам не суждено получить его в мужья, мисс Кэтрин.

Выслушав меня, моя спутница оскорбилась. Столь небрежное рассуждение о возможной смерти Линтона ранило ее чувства.

— Он моложе меня, — ответила она после долгого раздумья. — А потому ему и жить дольше. И он проживет, должен прожить не меньше меня. Сейчас он не слабее здоровьем, чем когда впервые приехал к нам на север — я в этом уверена. Он хворает от холода, как и батюшка. Ты говоришь, что мой папа поправится, так почему не может поправиться Линтон?

— Что ж, — сказала я. — значит, нам беспокоиться не о чем. Послушайте, мисс, и запомните: я сдержу слово — если вы еще раз попытаетесь наведаться в «Грозовой перевал», со мною или без меня, я все расскажу мистеру Линтону, и покуда не последует его разрешение, ваша тесная дружба не возобновится.

— Она уже возобновилась, — понуро проворчала Кэтрин.

— Тогда не продолжится.

— Посмотрим, — был ее ответ.

Кэти пустила пони в галоп, а мне пришлось тащиться сзади.

Мы обе пришли домой до обеда. Хозяин решил, что мы бродили по парку, и потому не попросил объяснений нашего отсутствия. Войдя в дом, я поспешила сменить промокшие башмаки и чулки, но из-за того, что так долго пробыла с мокрыми ногами, случилась беда. На следующее утро я слегла и три недели кряду была не в состоянии исполнять свои обязанности — до того случая, как и после него, ничего подобного со мною не бывало — и слава богу!

Моя юная барышня вела себя словно ангел — приходила ухаживать за мною и скрашивала мое одиночество. Я ужасно расстраивалась, что прикована к постели — это так утомительно для натуры неугомонной и деятельной. Но грех было жаловаться. Стоило мисс Кэтрин покинуть комнату мистера Линтона, как она тут же появлялась у моей постели. Ее день был поделен между нами обоими, на развлечения она не тратила ни минуты. Она забывала поесть, не бралась за

уроки и игры и была самой ласковой нянькой на свете. Должно быть, доброе было у нее сердце, если, так любя своего отца, она столько времени уделяла и мне.

Я сказала, что ее день был поделен между нами, но хозяин ложился спать рано, а мне после шести часов обычно ничего не требовалось, так что вечера целиком принадлежали ей одной. Бедняжка! Я совсем не задумывалась, что она делает после чая. И хотя частенько, когда она заглядывала ко мне пожелать покойной ночи, я замечала разрумянившиеся щечки и покрасневшие кончики тонких пальцев, и вместо того, чтобы догадаться о ее поездках по холодным вересковым полям, я считала, что причиной тому — слишком жарко растопленный камин в библиотеке.

Глава 24

По прошествии трех недель я смогла выйти из своей комнаты и походить по дому. Первый раз решив посидеть вечерком вместе с Кэтрин, я попросила ее почитать мне вслух, потому что глаза мои ослабли. Мы расположились в библиотеке, хозяин уже лег в постель. Она согласилась, но, как мне показалось, без удовольствия, и поэтому, решив, что мой выбор книг ей не подходит, я предложила найти что-то, что ей по душе. Она сняла с полки одну из своих любимых книг и почти час без перерыва читала, но затем посыпались вопросы:

— Эллен, ты не устала? Может, тебе лучше лечь? Тебе не станет хуже, ты ведь так долго не ложишься?

— Нет, нет, дорогая, я не устала, — всякий раз отвечала я.

Поняв, что с места меня не сдвинуть, она решила испробовать другое средство и стала изображать, что утомлена, принялась зевать, потягиваться и наконец заявила:

— Эллен, мне надоело.

— Тогда бросьте читать. Давайте поговорим, — предложила я.

Это было еще хуже. Она ерзала, вздыхала, до восьми поглядывала на часы и в конце концов отправилась в свою комнату. И судя по тому, что имела недовольный, мрачный вид и постоянно терла глаза, была совершенно сонная. На следующий вечер она казалась еще более нетерпеливой, а в третий, оставшись со мною вдвоем, пожаловалась на головную боль и удалилась. Ее поведение показалось мне странным и, посидев довольно долго в одиночестве, я все же решила пойти справиться, не стало ли ей лучше, и предложить спуститься вниз и прилечь на диван, вместо того чтобы сидеть у себя в кромешной темноте. Но наверху Кэтрин не оказалось, как не обнаружилось ее и внизу. Слуги утверждали, что никого не видели. Я приложила ухо к двери мистера Эдгара — там было тихо. Тогда я вернулась в комнату Кэтрин, потушила свечу и села у окна.

Ярко светила луна, кое-где на земле белел снег, и мне подумалось, что она, быть может, вздумала прогуляться по саду на сон грядущий. Вдруг я разглядела фигуру какого-то человека, крадущегося вдоль ограды внутри парка, но это была не моя барышня. Когда на него упал свет, я узнала одного

из конюхов. Он простоял довольно долго, глядя на проезжую дорогу, потом быстрым шагом пошел вперед, словно что-то заметил, и вскоре появился вновь, ведя под уздцы пони мисс Кэти. Она только что спешилась и шла рядом. Конюх тихонько повел лошадку на конюшню, а Кэти забралась в дом, отворив створку окна в гостиной, и бесшумно проскользнула наверх, где я ее и поджидала. Она аккуратно закрыла дверь, скинула покрытые снегом башмаки, развязала ленты шляпы и, не подозревая, что за нею следят, собиралась снять мантилью, но тут я встала и объявила себя. Кэтрин застыла, как камень, пробормотала что-то невнятное и больше не двигалась.

— Моя дорогая мисс Кэтрин, — заговорила я, слишком хорошо помня ее недавнюю заботу обо мне, чтобы начать с выговора. — Куда же вы ездили в такой час? И почему пытаетесь меня обмануть, рассказывая небылицы? Где вы были? Говорите же!

— На том конце парка, — запинаясь, сказала она. — Я тебя не обманывала.

— И больше нигде? — не отставала я.

— Нет, — чуть слышно пробормотала она.

— Ох, Кэтрин! — с горечью воскликнула я. — Вы сами понимаете, что поступаете дурно, иначе не

стали бы мне лгать. И меня это очень печалит. Я бы скорее согласилась три месяца лежать больной, чем слушать заведомую ложь.

Кэти кинулась ко мне и, расплакавшись, обвила мою шею руками.

— Понимаешь, Эллен, я так боюсь, что ты разозлишься, — сказала она. — Обещай не сердиться, и я все тебе расскажу без утайки. Мне и самой не хочется ничего скрывать.

Мы уселись у окна, и я уверила ее, что браниться не буду, каков бы ни был ее секрет — а я, конечно, и без того догадалась, — и Кэти начала свой рассказ:

— Я была в «Грозовом перевале», Эллен. С тех пор как ты заболела, я ездила туда каждый день, кроме трех раз до того, как ты стала выходить из комнаты, и двух после. Я давала Майклу книжки и картинки, и за это он вечером седлал Минни, а потом отводил ее на конюшню. Имей в виду, его ты тоже не должна ругать! Туда я приезжала в половине седьмого, обычно оставалась до половины девятого и галопом мчалась домой. И ездила я вовсе не для развлечения; часто мне бывало очень горько, иногда радостно — может, раз в неделю. Сначала я думала, что мне предстоит нелегкое дело — убедить тебя, чтобы ты

позволила мне сдержать данное Линтону слово, потому что, уходя, я пообещала ему приехать на следующий день. Но поскольку на следующее утро ты оставалась в своей комнате, я смогла убежать без всяких хлопот. Пока Майкл чинил замок на калитке у парковых ворот, я взяла у него ключ, объяснив, что кузен ждет моего прихода, потому что сам он болен и не может приехать в «Дрозды», а батюшка меня не пускает. Я договорилась с Майклом о пони. Он любит читать и собирается скоро от нас уйти, потому что женится. И он предложил, чтобы я взамен дала ему почитать книги из нашей библиотеки, но я решила, что лучше принесу свои — так получилось даже лучше.

В мой второй приезд Линтон был оживлен, и их служанка Зилла убрала для нас комнату, жарко затопила камин и сказала, что раз Джозеф на молитвенном собрании, а Гэртон Эрншо ушел с собаками на охоту — повывести из наших лесов фазанов, как я узнала потом, — мы можем делать, что нам вздумается. Она принесла мне подогретого вина и пряников и вела себя на редкость дружелюбно. Линтон сидел в кресле, а я — в маленьком кресле-качалке у камина. Мы смеялись и весело болтали — нам так многое хотелось сказать друг другу. Мы строили планы, куда пойдем

и что будем делать летом, но не стану их пересказывать, потому что ты сочтешь их глупыми.

Впрочем, один раз мы почти поссорились. Линтон заявил, что лучше всего провести жаркий июльский день, лежа с утра до вечера на поросшем вереском холмике посреди пустоши. И чтобы в цветах сонно гудели пчелы, над головою пели жаворонки и в синем безоблачном небе весь день сияло солнце. Так он представляет себе райское блаженство. У меня же была в голове другая картина: я качаюсь на ветке шелестящего зеленого дерева, дует западный ветер, по небу несутся освещенные солнцем белые облака, и не только жаворонки, но и дрозды, певчие и черные, а с ними коноплянки и кукушки заливаются со всех сторон; вересковая пустошь вдали кое-где переходит в прохладные тенистые долины, рядом со мною высокие травы на кочках колышутся, словно волны под легким ветерком; деревья, журчащие ручьи — словом, весь мир вокруг полон жизни и неистовой радости. Линтон хотел, чтобы все лежало в упоении покоя, я же мечтала, чтобы все сверкало и плясало в праздничном великолепии. Я сказала ему, что его рай какой-то полуживой, а он ответил, что мой — какой-то пьяный. Я сказала, что в его раю я усну, а он ска-

зал, что в моем он станет задыхаться, и сразу же рассердился. В конце концов мы решили, что испробуем и то, и другое, когда позволит погода, а потом поцеловались, снова став друзьями.

Мы просидели так час, и я, оглядев просторную комнату с гладким, не покрытым ковром полом, подумала, как замечательно было бы отодвинуть стол и во что-нибудь поиграть. Я попросила Линтона позвать Зиллу, чтобы она тоже приняла участие — тогда мы сможем поиграть в жмурки. Она будет нас ловить, как ты когда-то, помнишь Эллен? Но Линтон отказался. Заявил, что никакого удовольствия ему это не доставит. Но согласился поиграть со мною в мяч. В чулане среди груды старых игрушек, волчков, обручей, ракеток и воланов мы нашли два мяча. На одном была выписана буква «К», на другом — «Х». Я захотела взять тот, что с буквой «К», потому что мое имя — Кэтрин, а буква «Х» могла означать Хитклиф — фамилию Линтона. Но из второго мяча высыпалось немного отрубей, и Линтону это не понравилось. Я все время его обыгрывала, и он снова рассердился, закашлялся и уселся в свое кресло. Правда, в тот вечер он злился недолго. Ему очень полюбились две или три милые песенки — *твои* песенки, Эллен; и когда я должна была

уходить, он просил и даже умолял меня прийти вечером на следующий день. Я пообещала. Мы с Минни помчались домой, как ветер, и я всю ночь до утра видела во сне «Грозовой перевал» и моего дорогого, милого кузена.

Поутру мне было грустно: отчасти потому, что тебе сильно нездоровилось, а отчасти потому, что мне так хотелось, чтобы батюшка знал о моих поездках и не возражал против них. После чая, когда я пустилась в дорогу, в небе засияла луна, и мрак рассеялся. «Меня ждет еще один счастливый вечер», — думала я. Но еще больше меня радовало, что такой же счастливый вечер ожидает и Линтона. Я быстро проехала по саду и уже поворачивала за дом, как навстречу вышел тот парень, Эрншо, взял Минни под уздцы и пригласил меня войти через парадную дверь. Он похлопал Минни по шее и назвал красивой лошадкой. Мне показалось, что он пробует завязать со мной беседу. Но я лишь предупредила, чтобы он не трогал пони, не то она его лягнет. На что он ответил со своим грубым выговором: «Ничиво, мне не страшно» — и с улыбкой посмотрел на ее ноги. Я почти готова была дать ему испробовать их удар, однако он пошел вперед открыть мне дверь и, когда поднимал щеколду, взглянув

наверх, на надпись, проговорил с дурацким сочетанием неловкости и восторга:

— Мисс Кэтрин, я умею читать вон то.

— Прекрасно! — воскликнула я. — Давайте послушаем. Вы, наверное, и вправду поумнели. — Он прочитал медленно и протяжно, выговаривая каждую букву: «Гэртон Эрншо».

— А цифры? — спросила я, желая его подбодрить, потому что почувствовала, что он вдруг замолк и больше не может сказать ни слова.

— Еще не выучился, — отвечал он.

— Вот оболтус! — воскликнула я и весело засмеялась над его неудачей.

Болван уставился на меня; на его губах играла улыбка, но брови хмурились, словно он не мог решить, надо ли смеяться вместе со мной: явилось ли мое веселье следствием дружеского отношения или — как было на самом деле — презрения. Я разрешила его сомнения, вновь напустив серьезность и попросив его удалиться, ибо я приехала не к нему, а к Линтону. Парень покраснел — это стало видно даже при лунном свете, — отпустил щеколду и скрылся с видом уязвленной гордости. Наверное, возомнил себя таким же образованным, как Линтон, раз научился читать свое имя, и никак не ожидал, что я думаю иначе.

— Постойте, мисс Кэтрин, душа моя! — прервала я ее. — Не буду вас ругать, но ваше поведение мне совсем не по нраву. Если бы вы помнили, что Гэртон такой же вам кузен, как мастер Хитклиф, вы почувствовали бы, как некрасиво себя повели. По крайней мере, его желание стать таким же образованным, как Линтон, достойно всяческих похвал, и, возможно, он выучился читать не только для того, чтобы похвастаться. Я не сомневаюсь, что когда-то вы заставили его устыдиться своего невежества, и он захотел исправиться и сделать вам приятное. Потешаться над его не самой удачной попыткой значит быть дурно воспитанной. А если бы вы росли так, как он, разве вы не превратились бы в такую же деревенщину? В детстве он был шустрый и сообразительный не хуже вашего, и мне больно видеть, как вы его презираете только потому, что этот подлый Хитклиф так несправедливо с ним обошелся.

— Ну, Эллен, ты же не будешь из-за него плакать? — воскликнула она, удивленная моим искренним сочувствием. — Но погоди, и ты услышишь, выучил ли он буквы, чтобы сделать мне приятное, и стоило ли мне быть вежливой с этаким грубияном. Я вошла. Линтон лежал на скамье и, увидев меня, привстал, чтобы поздороваться.

— Сегодня мне плохо, Кэтрин, любовь моя, — сказал он. — Поэтому говорить будешь ты, а я слушать. Иди сюда, сядь рядом. Я был уверен, что ты сдержишь слово, и сегодня до твоего ухода я снова возьму с тебя обещание прийти завтра.

Теперь я понимала, что раз он болен, шутить с ним нельзя, и я говорила ласково, не задавала вопросов, всячески избегала раздражающих тем. С собой я принесла несколько замечательных книг. Он попросил немного почитать из одной, и я уже готова была начать, как в комнату, распахнув дверь, ворвался Эрншо, злой после нашей встречи. Он подбежал прямо к нам, схватил Линтона за руку и сдернул со скамьи.

— Пошел прочь в свою комнату! — закричал он с раскрасневшимся от ярости лицом, еле выговаривая слова из-за охватившей его ненависти. — И ее забери, коль она твоя гостья. По-вашему, я здеся лишний? Нет уж! Обои убирайтесь!

Он стал бранить нас и даже не дал Линтону ответить — так и вытолкнул его на кухню. Когда я кинулась за кузеном, Эрншо сжал кулак, явно желая меня прибить. На секунду я испугалась, и одна книжка выпала у меня из рук. Он пнул ее ногой нам вслед и захлопнул дверь. И тут от очага послышался ехидный, крякающий смех, и,

повернувшись, я увидела этого отвратительного Джозефа — он стоял, трясясь и потирая свои костлявые руки.

— Так я и знал, что он вас вышибет оттудова! Парень что надо! Духом крепок! Он-то понимает, кому здесь быть хозяином! Хе-хе-хе! Прогнал вас взашей — и правильно! Хе-хе-хе!

— Куда же нам идти? — спросила я Линтона, не обращая внимания на издевательства гнусного старикашки.

Линтон стал белый как полотно и весь дрожал. Теперь он уже не казался мне таким хорошеньким, Эллен, совсем нет! Я даже испугалась, потому что его огромные глаза на худеньком личике горели исступленной, бессильной яростью. Он схватился за дверную ручку и стал ее трясти, да только дверь была заперта снаружи.

— Если не откроешь, я тебя убью! Если не откроешь, я тебя убью! — Он прямо-таки визжал, а не говорил. — Черт! Черт! Я убью тебя! Убью!

Джозеф снова засмеялся своим каркающим смехом:

— Ну чисто папаша! Чисто папаша! В нас всегда есть чтой-то от обоих. Не смотри, что он тут ломится, дружок мой Гэртон, и не бойся. Ему тебя нипочем не достать!

Я взяла Линтона за руки и попыталась оторвать его от двери, но он так жутко завизжал, что я отступилась. Наконец его крик перешел в страшный припадок: он закашлялся, изо рта хлынула кровь, и он упал на пол. Я выбежала во двор, чувствуя от ужаса дурноту, и стала во весь голос звать Зиллу. Вскоре она меня услышала: она доила коров в хлеву за амбаром и, когда бежала ко мне, бросив работу, все спрашивала, что ей надо делать. Но у меня не хватило духу рассказать ей о случившемся. Я втащила Зиллу за собой на кухню и стала искать глазами Линтона. Оказалось, что Эрншо пришел посмотреть на несчастье, которому был причиною, и в ту минуту как раз поднимал бедняжку Линтона наверх, в его комнату. Мы с Зиллой стали подниматься следом, но на верхней площадке Эрншо меня остановил, сказав, что дальше мне идти не надо, а надо домой. Я воскликнула, что он убил Линтона и что я непременно войду. Но Джозеф запер дверь на ключ и объявил, что я «ничиво такова» не сделаю, и спросил, может, я «тоже с придурью»? Я стояла и плакала, покуда не появилась служанка. Она уверила меня, что Линтону скоро станет лучше, но шум и крики ему только мешают, поэтому она взяла меня за руку и почти

силком отвела в «дом».

Эллен, я готова была рвать на себе волосы. Я так рыдала, что глаза мои почти ослепли, а негодяй, которого ты так жалеешь, встал передо мною и имел наглость успокаивать меня, то и дело твердя: «Тише, тише!» — и отрицал, что это он во всем виноват. Наконец я нагнала на него страху, уверив, что расскажу об этом деле батюшке, что его посадят в тюрьму, а потом повесят. Тогда он сам начал всхлипывать и поспешил уйти, чтобы скрыть свое трусливое волнение. Но все-таки он от меня не отстал. Когда в конце концов мне пришлось покинуть «Грозовой перевал» и я отъехала ярдов на сто от фермы, Эрншо вдруг выступил из тени на дороге и, схватив Минни под уздцы, остановил меня.

— Мисс Кэтрин, я очинно печалюся, — начал он. — Уж как-то больно нехорошо…

Я до крови ударила его хлыстом и подумала, что теперь, наверное, он меня точно убьет. Эрншо отпустил Минни, обрушив на мою голову одно из своих ужасных проклятий, и я помчалась домой, почти ничего не соображая.

В тот вечер я не зашла к тебе пожелать спокойной ночи, а на следующий не поехала в «Грозовой перевал». Мне очень хотелось это сделать, но

я была в таком странном возбуждении: то боялась услышать, что Линтон умер, то дрожала от мысли, что придется встретиться с Гэртоном. На третий день я собрала все свое мужество и вновь потихоньку убежала из дома — не было сил более пребывать в неведении. Я вышла в пять часов и отправилась пешком, предполагая, что мне удастся проскользнуть в дом и сразу же незамеченной подняться к Линтону. Но меня выдали собаки. Навстречу вышла Зилла и, сказав, что «паренек поправляется как надо», провела в небольшую аккуратно прибранную комнату с ковром на полу, где, к моей невыразимой радости, я увидела Линтона. Он лежал на маленьком диванчике и читал одну из моих книг. Но он целый час не сказал мне ни слова и даже не посмотрел в мою сторону, Эллен! Такой уж у него несчастный характер. Но меня окончательно сразило то, что, когда он все-таки открыл рот и заговорил, оказалось, что в случившемся скандале виновата я, а Гэртон вовсе ни при чем! На такую ложь я не нашлась бы, что сказать без возмущения, поэтому просто встала и пошла к двери. Он слабо позвал: «Кэтрин!» Не ожидал такого поворота. Но я не вернулась. На следующий день я опять осталась дома, почти решившись более с ним не видеться.

Однако я чувствовала себя такой несчастной, когда ложилась спать и вставала, ничего не зная о нем, что мое намерение растаяло само собой, не успев обрести твердость. И если раньше мне казалось, что дурно туда ехать, то теперь я чувствовала, что дурно *не* ехать. Пришел Майкл и спросил, седлать ли Минни, я сказала «да» и, скача по холмам, убеждала себя, что делаю это из чувства долга. Мне пришлось проехать мимо окон, чтобы попасть во двор, так что скрывать свое присутствие не имело смысла.

— Молодой хозяин в «доме», — сказала Зилла, увидев, что я направляюсь в комнату Линтона.

Я вошла. Там был и Гэртон, но сразу же удалился. Линтон сидел в полудреме в огромном кресле. Подойдя к огню, я заговорила серьезным голосом и даже отчасти верила в то, что говорю:

— Раз я тебе не нравлюсь, Линтон, и ты думаешь, что я прихожу нарочно, чтобы нанести вред твоему здоровью, и делаешь вид, будто я всякий раз только так и поступаю, значит, это наше последнее свидание. Давай простимся. И скажи мистеру Хитклифу, что ты не желаешь меня больше видеть, чтобы он не придумывал всякие небылицы.

— Сядь и сними шляпу, Кэтрин, — ответил

он. — Ты намного счастливее меня, а потому должна быть лучше. Отец столько пеняет мне на мои недостатки и выказывает такое презрение, что мне приходится постоянно в себе сомневаться — это же естественно. И я думаю, неужели я правда такой никчемный, как он частенько говорит, и тогда меня наполняют злость и горечь и я ненавижу всех вокруг! Да, я никудышный, и характер у меня скверный, и настроение почти всегда унылое, так что, если хочешь, распрощайся со мной — избавишься от столь прискорбного знакомства. Только, Кэтрин, отнесись ко мне справедливо: будь я таким же счастливым и здоровым, как ты, я охотно и даже с удовольствием тоже сделался бы милым, добрым и хорошим. Поверь, что твоя доброта заставила меня полюбить тебя еще сильнее, хотя, быть может, я недостоин твоей любви. Я не мог и не могу сдерживать свой дурной нрав, но я сожалею об этом и раскаиваюсь. И буду сожалеть и раскаиваться, пока не умру!

Я почувствовала, что он говорит правду и что надо его простить. А если он сразу же начнет мне перечить, то мне снова придется его простить. Мы помирились, но оба расплакались и плакали все время, пока я была у них — и не только от огорчения, хотя мне действительно было жаль,

что у Линтона такой исковерканный нрав. Его друзьям никогда не будет с ним легко, да и ему самому никогда не будет легко. С того вечера я все время приходила в его маленькую комнатку, потому что на следующий день воротился его отец.

Пожалуй, раза три мы с Линтоном веселились и строили планы, как в тот первый вечер, остальные мои визиты были тягостными и неспокойными — иногда из-за его себялюбия и злости, иногда из-за страдания от болезни. Но я выучилась переносить первое почти так же спокойно, как второе. Мистер Хитклиф намеренно меня избегает, и я почти его не вижу. Правда, в прошлое воскресенье я пришла раньше обычного и услышала, как он жестоко ругает бедного Линтона за его поведение накануне вечером. Не знаю, как он об этом узнал — скорее всего, подслушал. Линтон и в самом деле вел себя вызывающе. Однако это никого не касалось, кроме меня, о чем я и заявила мистеру Хитклифу, когда вошла и прервала его нотацию. Он расхохотался и сказал, что рад, если я смотрю на это дело с такой стороны, после чего я посоветовала Линтону впредь говорить обидные слова шепотом. Теперь, Эллен, ты все знаешь. Запретив мне бывать в «Грозовом перевале», ты сделаешь несчастными двух человек, в то же

время, если ты не выдашь меня батюшке, мои визиты никого не побеспокоят. Ты же не выдашь, правда? Это было бы жестоко.

— Как поступить, я решу завтра, мисс Кэтрин, — ответила я. — Мне надобно поразмышлять, так что оставляю вас, отдыхайте, я же пойду и обдумаю сей предмет.

Обдумывала я вслух в присутствии своего хозяина — из комнаты Кэтрин я направилась прямиком к нему и пересказала всю историю, за исключением подробностей ее разговоров с кузеном и всяких упоминаний Гэртона. Мистер Линтон был взволнован и расстроен больше, чем хотел показать. Утром Кэтрин узнала, что я предала ее доверие, а также что ее тайные визиты должны прекратиться. Напрасно она плакала и терзалась, умоляя отменить запрет и пожалеть Линтона. Единственное, что согласился сделать ее отец, — это написать племяннику и разрешить ему приходить в «Дрозды», когда тот пожелает, объяснив при этом, что Кэтрин более не появится в «Грозовом перевале». Возможно, знай он о нраве юноши и о его здоровье, он счел бы за благо отказать ему и в этом небольшом утешении.

Глава 25

— Все это случилось прошлою зимой, сэр, — сказала миссис Дин. — Чуть больше года назад. Тою зимой я и подумать не могла, что через двенадцать месяцев буду развлекать незнакомца рассказами об этом семействе. Хотя кто знает, как долго вы останетесь незнакомцем? Вы слишком молоды, чтобы довольствоваться одинокою жизнью, и мне почему-то кажется, что никто не может, увидев Кэтрин Линтон, не влюбиться в нее. Вы улыбаетесь, но только отчего сразу оживляетесь и слушаете с особенным вниманием, стоит мне о ней заговорить? И почему вы попросили меня повесить ее портрет у себя над камином? И почему…

— Довольно, милочка, — прервал я. — Вполне возможно, что я бы влюбился в нее, но полюбит ли она меня? Слишком сильны мои сомнения, чтобы, поддавшись такому искушению, рисковать своим спокойствием. И потом, дом мой не здесь. Я живу в суетном мире и должен вернуться в его лоно. Но что было дальше? Послушалась ли Кэтрин отца?

— Послушалась, — ответила миссис Дин и продолжала: — Любовь к нему все-таки главенствовала в ее сердце. К тому же он говорил с нею без гнева, но с глубокой нежностью человека, который оставляет свое сокровище среди недругов на произвол судьбы, и потому его слова, врезавшись ей в память, будут единственной путеводной нитью, которую он завещает дочери. Несколько дней спустя хозяин сказал мне:

— Хотелось бы, чтобы племянник написал мне, Эллен, или посетил нас. Скажи мне честно, что ты думаешь о нем. Изменился ли он к лучшему и есть ли надежда, что, повзрослев, он исправится?

— Он очень слаб здоровьем, сэр, — ответила я. — Едва ли ему суждено стать взрослым. Но одно могу сказать: он не похож на своего отца. И если мисс Кэтрин, к несчастью, выйдет за него замуж, то она сумеет управляться с ним, только бы она не сделала глупость и не начала ему потакать. Однако, мистер Линтон, у вас еще есть в запасе достаточно времени, чтобы познакомиться с племянником и решить, подходит ли он ей. До совершеннолетия мальчику остается четыре года с лишним.

Вздохнув, Эдгар подошел к окну и поглядел на гиммертонскую церковь. День стоял туманный,

но сквозь дымку все же пробивалось февральское солнце, и мы смогли различить две ели на церковном дворе и могильные камни на погосте.

— Я часто молился, — вновь заговорил Эдгар, как будто сам с собою, — и торопил то, что сейчас грядет, но теперь в страхе начинаю гнать от себя эту мысль. Мне тогда думалось, что воспоминание о часе, когда я шел женихом по той долине, будет менее сладостным, чем предчувствие, что очень скоро, через несколько месяцев, а быть может, недель, меня пронесут по ней и погребут в одинокой могиле. Эллен, я был очень счастлив с моей малышкой Кэти; в зимние вечера и летние дни она всегда была рядом и вселяла в меня надежду. Но столь же счастлив я был, предаваясь мечтам среди тех камней у старой церкви, когда лежал на зеленом пригорке, под которым упокоилась ее мать, и всеми силами души жаждал лечь рядом, в ту же землю. Что могу я сделать для Кэти? Как мне оставить ее одну? Если бы Линтон смог утешить ее после моего ухода, для меня не важно было бы ни то, что он сын Хитклифа, ни то, что он заберет ее у меня. Не важно было бы и то, что Хитклиф достигнет своей цели и восторжествует, лишив меня последней моей радости. Но вдруг юный Линтон — человек недостойный

и лишь безвольное орудие в руках отца? Как же я могу отдать ему ее? Сколь ни тяжело мне укрощать жизнелюбивый нрав Кэти, приходится, пока я жив, заставлять ее грустить, а когда я умру, оставить совсем одинокой. Девочка моя! Лучше я отдам ее Господу и сам положу в землю, пока жив.

— Вот и вверьте ее Господу, сэр, — ответила я. — И коли нам суждено потерять вас — но, надеюсь, Господь этого не допустит, — промысел Божий поставит меня ее другом и советчицей до конца моих дней. Мисс Кэтрин — хорошая девушка, и я не опасаюсь, что она намеренно пойдет по дурному пути. А люди, выполняющие свой долг, в конце концов вознаграждаются.

Приближалась весна, однако мой хозяин так и не окреп, хотя возобновил прогулки с дочерью по своим землям. Ей, неопытной в таких делах, это уже казалось признаком выздоровления. К тому же на его щеках часто играл румянец, глаза блестели. Она была уверена, что он выздоровеет.

В день ее семнадцатилетия мистер Линтон не пошел на церковное кладбище. Лил дождь, и я сказала:

— Вы, конечно, не думаете сегодня выходить, сэр?

А он ответил:

— Не думаю. В этот год немного повременю.

Он снова написал Линтону, выражая большое желание повидаться. И если бы больной был в силах наносить визиты, я уверена, отец позволил бы ему приехать. Но, видно, Линтону сильно нездоровилось, и под диктовку отца им был написан ответ, в котором сообщалось, что мистер Хитклиф возражает против визитов сына в поместье «Дрозды». Однако Линтону приятно, что дядюшка помнит о нем, и он надеется когда-нибудь встретиться с ним во время прогулки и лично попросить, чтобы они с кузиной не оставались так долго в разлуке.

Последняя часть письма была написана просто и, скорее всего, самим Линтоном. Должно быть, Хитклиф понимал, что сын и сам может весьма красноречиво просить о встрече с Кэтрин.

«Я не прошу, — писал он, — чтобы она приезжала сюда, но неужто мне никогда не увидеть ее из-за того, что мой отец запрещает мне бывать в Вашем доме, а Вы запрещаете ей посещать нас? Разве не можете Вы хоть иногда поехать с нею на прогулку верхом к «Грозовому перевалу» и позволить нам обменяться несколькими словами в Вашем присутствии? Мы не совершили ничего

дурного, чтобы в наказание жить в разлуке; и Вы ведь не сердитесь на меня — признайтесь, у Вас нет причин меня не любить. Милый дядюшка, пришлите мне завтра доброе письмецо и скажите, в каком месте на Ваш выбор, кроме поместья «Дрозды», я бы мог бы встретиться с вами. Не сомневаюсь, что, беседуя со мною, вы убедитесь, что у меня не такой характер, как у отца. Он утверждает, что я больше Ваш племянник, чем его сын. И хотя у меня есть недостатки, которые делают меня недостойным Кэтрин, она простила мне их, и Вы тоже, ради нее, должны простить. Вы справлялись о моем здоровье. Сейчас мне лучше, но, оставаясь отрезанным от всякой надежды и обреченным на одиночество или же на общество людей, которые меня никогда не любили и не полюбят, как же мне быть веселым и здоровым?»

Эдгар, хоть и жалел мальчика, не мог выполнить его просьбу, потому что сам был не в состоянии сопровождать Кэтрин верхом. Он ответил, что, возможно, они встретятся летом. Между тем он не против того, чтобы время от времени племянник писал ему, и готов в ответных письмах помогать советом и утешением, хорошо понимая, каково положение Линтона в семье. Тот согласился, и, если бы ему дали волю, наверное,

испортил бы все дело, наполняя свои послания сетованиями и жалобами. Но отец пристально следил за сыном и, конечно, требовал, чтобы ему показывали каждую строчку, писанную моим хозяином. Поэтому вместо того, чтобы оплакивать свои страдания и несчастья, Линтон обращался к темам, якобы для него важнейшим — то и дело повторял, что его жестоко разлучили с любимой подругой, и осторожно намекал, что мистеру Линтону следовало бы поскорее разрешить им свидание, иначе он опасается, что дядя нарочно обманывает его пустыми обещаниями.

Дома сильным союзником Линтона была Кэти. Так, вдвоем они наконец уговорили моего хозяина согласиться на их совместную прогулку пешком или верхами не чаще одного раза в неделю под моим присмотром по вересковой пустоши неподалеку от «Дроздов» — ибо в июне здоровье мистера Эдгара продолжало ухудшаться. Хотя он ежегодно откладывал часть своих доходов в качестве приданого для моей юной леди, ему, конечно, хотелось, чтобы она сохранила в собственности или, по крайней мере, в скором времени вернулась в дом своих предков. И он понимал, что единственной возможностью осуществить это был союз с наследником его имущества. Но

хозяин не имел представления, что наследник угасает едва ли не быстрее, чем он сам. Да и никто, наверное, об этом не догадывался. Доктора в «Грозовой перевал» не приглашали, никто не наносил визиты мастеру Хитклифу, и потому некому было рассказать нам о его здоровье. Мне же подумалось, что мои дурные предчувствия не оправдались и мальчик поправляется, раз он предлагает ездить верхом и гулять по пустоши, да еще так уверенно настаивает на этом. Я даже вообразить не могла, что родной отец будет столь подло тиранить своего умирающего сына. Но, как я узнала впоследствии, именно в этом и было дело: Хитклиф принуждал Линтона изображать большое желание увидеться с кузиной, и усилия его возрастали по мере того, как неумолимая смерть грозила перечеркнуть вынашиваемые им алчные и жестокие планы.

Глава 26

Лето шло на убыль, когда Эдгар с неохотою дал согласие на совместные прогулки Кэти и Линтона, уступив мольбам обоих, и мы с моею подопечной в первый раз выехали на встречу с ее кузеном. День был жаркий и душный, солнце не показывалось из-за облаков, набегавших грядами друг на друга, в воздухе повисло марево, не предвещавшее, впрочем, дождя. Мы условились встретиться у камня на перекрестке дорог. Однако, прибыв туда, мы увидели мальчонку-пастушка, отправленного в качестве посыльного, который сказал нам:

— Мастер Линтон недалече, с ентой стороны холмов. Он очинно просит вас туда доехать.

— Значит, мастер Линтон забыл про первое условие своего дяди, — заметила я. — Нам разрешено ездить только по землям, принадлежащим «Дроздам». А там мы уже переходим в чужие владения.

— Мы повернем в обратный путь, как только до него доберемся, — сказала Кэтрин. — И наша прогулка состоится по дороге домой.

Но когда мы доехали до того места, где ждал нас мистер Линтон, а это было всего в четверти мили от его собственного дома, оказалось, что у него нет коня, поэтому мы были вынуждены тоже спешиться и пустить наших попастись. Линтон лежал на вересковой полянке и ждал нас, но поднялся к нам навстречу, когда между нами оставалось всего несколько шагов. Тогда он двинулся в нашу сторону, еле передвигая ноги, и лицом был так бел, что я воскликнула:

— Боже мой, мастер Хитклиф, куда вам сегодня гулять! Вы же совсем больны!

Кэтрин глядела на него с удивлением и страданием. И радостные слова привета, готовые сорваться с ее губ, превратились в тревожный возглас. Вместо того чтобы поздравить кузена с такой долгожданной встречей, она засыпала его беспокойными вопросами, волнуясь, не стало ли ему хуже.

— Нет, мне лучше, лучше! — повторял юноша, дрожа и задыхаясь, и не выпускал ее руку, словно нуждался в опоре. Его большие голубые глаза робко оглядывали Кэтрин, вокруг них пролегли глубокие тени, отчего некогда томное выражение сменилось на его лице выражением изможденным и диким.

— Но тебе явно хуже, — настаивала кузина. — Хуже, чем когда мы виделись в последний раз. Ты похудел и…

— Я устал, — торопливо прервал он ее. — Тяжело ходить в такую жару. Давай отдохнем здесь. Да и вообще мне часто нездоровится по утрам. Папа говорит, я слишком быстро расту.

Нисколько не удовлетворенная его объяснением, Кэти села, а он прилег рядом.

— Это немного похоже на твой рай, — сказала она, попытавшись изобразить веселость. — Помнишь, мы сговорились два дня провести самым приятным образом и в самом чудесном месте? Сейчас все почти как ты задумал, только в небе собрались облака, но они такие нежные и рыхлые, что это даже лучше, чем яркое солнце. На следующей неделе, если ты сможешь, поедем в наш парк и испробуем мой рай.

Линтон, казалось, не помнил, про что она говорила, и явно с огромным трудом поддерживал беседу, о чем бы ни заходила речь. Отсутствие интереса к любому предмету разговора и такая же неспособность проявить хотя бы малейшее внимание к кузине были столь очевидны, что Кэтрин не смогла скрыть разочарования. Какая-то неуловимая перемена произошла во всем

его характере и поведении. Обидчивость, которую раньше лаской можно было превратить в нежность, уступила место вялому безразличию; в Линтоне теперь было меньше от капризного ребенка, который нарочно сердится и дразнится, чтобы его утешали, и больше от поглощенного собою безнадежного инвалида, исполненного угрюмости, отвергающего всякие уговоры и готового видеть в добродушном веселье других одно лишь оскорбление. Кэтрин чувствовала не хуже меня, что для него проводить время в нашем обществе было скорее наказанием, чем наградою, и вскоре она без особенных колебаний сказала, что нам пора уезжать. Ее слова неожиданно стряхнули с Линтона апатичность и привели в состояние непонятного волнения. Он со страхом посмотрел в сторону «Грозового перевала» и попросил нас остаться еще хотя бы на пол- часа.

— Но мне кажется, — сказала Кэти, — что тебе гораздо лучше лежать дома, чем сидеть здесь. И я вижу, что сегодня я не могу развлечь тебя ни сказками, ни песнями, ни разговором. Ты стал мудрее меня за прошедшие полгода, и тебе уже неинтересна моя болтовня о том о сем — но если я могу чем-нибудь увлечь тебя, то я с радостью останусь.

— Останься и отдохни, — ответил он. — И пожалуйста, не думай и не говори, что я *очень* плох. Я такой скучный из-за духоты и жары; к тому же до твоего прихода я прошагал пешком слишком большое для меня расстояние. Скажи дяде, что здоровье мое сносно, хорошо?

— Я передам ему твои слова, Линтон. Но сама этого утверждать не могу, — ответила моя юная леди, удивившись его упрямой настойчивости в желании скрыть правду.

— И приходи снова в следующий четверг, — продолжал он, избегая ее озадаченного взгляда. — Передай ему мою благодарность за то, что разрешил нам увидеться — большую благодарность, Кэтрин. А если тебе доведется повстречать моего отца и он спросит обо мне, не говори, что я всю нашу встречу молчал и вел себя глупо. Не будь печальной и расстроенной, как сейчас, иначе он разозлится.

— Мне все равно, разозлится он или нет, — воскликнула Кэтрин, полагая, что гнев Хитклифа может пасть на ее голову.

— Но мне не все равно, — затрепетав, проговорил ее кузен. — Не настраивай его против меня, Кэтрин, потому что он очень жесток.

— Он сурово обращается с вами, мастер Хит-

клиф? — спросила я. — Может, он устал потакать вам и перешел от скрытой ненависти к явной?

Линтон взглянул на меня, но не ответил. Кэтрин посидела рядом с ним еще минут десять, и все это время он, словно в полусне, со склоненной на грудь головой ничего не говорил и только иногда сдавленно стонал не то от изнеможения, не то от боли. Кэти, чтобы чем-то себя занять, стала собирать чернику и угощать меня ягодами. Она не предлагала их Линтону, ибо видела, что дальнейшее общение будет для него досадно и утомительно.

— Полчаса уже прошло, Эллен? — наконец прошептала она мне на ухо. — Не понимаю, зачем нам оставаться. Он спит, а дома нас ждет папа.

— Не следует оставлять его спящим, — ответила я. — Подождите, пока он проснется, будьте терпеливой. Вы так торопились сюда ехать, отчего же теперь ваше желание увидеться с бедняжкой Линтоном так быстро улетучилось?

— Но ему-то зачем понадобилось меня видеть? — отозвалась Кэтрин. — Раньше, когда он бывал в самом дурном расположении духа, он мне нравился куда больше, чем в теперешнем своем странном состоянии. Мне кажется, что его принудили встретиться со мною, и он боится, как

бы отец не стал его бранить. Но я не собираюсь доставлять удовольствие мистеру Хитклифу, каковы бы ни были его мотивы подвергнуть Линтона такому наказанию. И хотя я рада, что здоровье кузена поправилось, мне жаль, что он не столь мил и ласков, как бывало прежде.

— Вы и впрямь думаете, что здоровье его поправилось? — удивилась я.

— Да, — ответила она. — Потому что, знаешь, он всегда с удовольствием лелеял свои страдания. Не думаю, что здоровье его сносно, как он просил передать папе, но вполне может быть, что ему стало лучше.

— Здесь я с вами не соглашусь, мисс Кэти, — заметила я. — По моим наблюдениям, ему намного хуже.

Тут Линтон, вздрогнув, очнулся от дремы в ужасном замешательстве и спросил, не звал ли его кто по имени.

— Нет, — ответила Кэтрин, — разве только во сне. Не понимаю, как ты можешь спать утром на свежем воздухе.

— Мне почудился голос отца, — задыхаясь, проговорил он, глядя на скалистый выступ над нами. — Вы уверены, что никто меня не звал?

— Абсолютно уверены, — сказала его кузина. —

Только мы с Эллен спорили о твоем здоровье. Ты правда стал крепче, Линтон, чем тогда, когда мы расстались зимою? Если это и так, то я точно знаю, что кое-что другое крепче не стало — твоя любовь ко мне. Скажи, я права?

Слезы полились ручьем из глаз Линтона, и он ответил:

— Да, да, мне стало лучше!

Но все же, словно завороженный воображаемым голосом, он то и дело обращал свой взгляд на холм, чтобы увидеть того, кому голос принадлежал. Кэти встала.

— Сегодня нам пора проститься, — сказала она. — Не стану скрывать, что, к несчастью, я разочарована нашей встречей, хотя не скажу об этом никому, кроме тебя. Только не подумай, что я трепещу перед мистером Хитклифом.

— Тише! — пробормотал Линтон. — Ради бога, тише! Он идет сюда.

И он обхватил руку Кэтрин, стараясь удержать кузину, но при этом известии она торопливо высвободилась и свистом подозвала Минни, которая слушалась ее, точно собака.

— Я приеду в четверг! — крикнула она, вскочив в седло. — До свидания. Скорее, Эллен!

Мы оставили его одного, правда, едва ли он

обратил внимание на наш отъезд, ибо был весь поглощен мыслью о приближении отца.

Еще до того, как мы добрались до дома, недовольство Кэтрин улеглось, и вместо него возникло недоумение, смешанное с жалостью и сочувствием, в значительной степени поддерживаемое неясными и горькими сомнениями в действительном положении Линтона — относительно его здоровья и того места, что он занимает в отцовском доме. Я их разделяла, однако посоветовала ей пока много об этом не говорить, ибо следующая встреча позволит нам лучше судить о происходящем. Хозяин попросил рассказать о нашей поездке. Кэти послушно передала ему от племянника слова благодарности и лишь слегка коснулась остального. Я также отвечала на вопросы уклончиво, ибо толком не знала, о чем лучше говорить, а о чем умолчать.

Глава 27

Промелькнула неделя, и теперь утро каждого дня было отмечено ухудшением состояния Эдгара Линтона. Если раньше здоровье его разрушалось постепенно от месяца к месяцу, то ныне он увядал ежечасно. Мы бы с радостью продолжали обманывать Кэтрин, но ее собственная живая натура не давала ей обмануться. Она втайне догадывалась и предавалась скорбным размышлениям о страшной возможности, которая постепенно превращалась в неизбежность. Когда подошел четверг, у нее не хватило духу напомнить отцу про визит к двоюродному братцу. Я сделала это за нее и получила разрешение выбраться на свежий воздух, ибо библиотека, где каждый день ее отец проводил некоторое время — совсем недолго, пока мог сидеть за книгой, — и его спальня заменили для Кэтрин весь мир. Ей было досадно, если хотя бы минуту она занималась чем-то другим, вместо того, чтобы склоняться над подушкою больного и сидеть у его постели. Ее лицо побледнело от усталости и печали, и мой хозяин с радостью отпустил ее, надеясь, что

смена общества и обстановки окажет на дочь, как он уговаривал себя, благотворное действие. Он утешал себя надеждой, что после его смерти она не останется совсем одна.

В нем крепла убежденность, как я поняла по некоторым оброненным им словам, что, раз племянник так похож на него внешне, то должен походить и по характеру, тем более что по письмам Линтона нельзя было догадаться о его скверном нраве. А я, по простительной слабости, предпочла не исправлять эту ошибку, спросив себя: что хорошего будет в том, если я причиню хозяину беспокойство в последние минуты его жизни, сообщив известия, которые у него не станет ни сил, ни возможности обратить во благо?

Мы отложили поездку на несколько часов и отправились в путь золотым августовским днем, когда каждое дуновение ветерка с холмов было так наполнено жизнью, что казалось, любой, кто вдыхал этот воздух, пусть даже находясь на смертном одре, не может не возродиться. Лицо Кэтрин напоминало окружающий пейзаж — по нему то пробегали тени, то скользили солнечные лучи. Однако тени оставались дольше, а солнечный свет был мимолетен — бедное сердечко Кэти упрекало ее за то, что она даже на такое короткое

время отвлеклась от домашних забот.

Мы заметили, что Линтон ждет нас на том же месте, что и раньше. Моя юная леди спешилась, сказав, что, поскольку она намерена пробыть с кузеном совсем немного, мне лучше не сходить с лошади и подержать ее пони. Я не согласилась. Ни на минуту не хотела я оставлять без присмотра мою подопечную, так что мы вместе поднялись по вересковому склону. На этот раз мастер Хитклиф встретил нас с бóльшим оживлением, происходившим, правда, не от хорошего настроения и не от радости. А скорее, как мне показалось, от страха.

— Вы поздно, — сказал он, выговаривая слова отрывисто, с трудом. — Твой отец, кажется, тяжело болен. Я думал, ты не приедешь.

— Почему ты не можешь быть искренним? — воскликнула Кэтрин, позабыв поздороваться. — Почему сразу не скажешь, что не хочешь меня видеть? Это странно, Линтон, ты второй раз намеренно заставляешь меня приехать сюда, по-видимому, с целью расстроить нас обоих, к тому же безо всякой на то причины.

Линтон задрожал и посмотрел на нее с мольбой и стыдом одновременно, но кузине не хватало терпения, чтобы разобраться в его загадочном

поведении.

— Да, мой отец очень болен, — сказала она. — Так зачем отрывать меня от его постели? Почему ты не послал сказать, что освобождаешь меня от данного обещания, если не хотел, чтобы я его выполняла? Говори! Я требую объяснений. Мне сейчас не до развлечений и баловства, и я не буду танцевать вокруг тебя, потворствуя твоим кривляньям.

— Кривляньям? — пробормотал он. — В чем они? Ради всего святого, Кэтрин, не гляди так зло! Презирай меня, сколько хочешь. Я никчемное, трусливое ничтожество — можешь ни во что меня не ставить, но я слишком слаб, чтобы снести твой гнев. Ненависть прибереги для моего отца, а мне хватит и презрения.

— Чушь! — вскричала Кэтрин. — Недалекий, глупый мальчишка! Глядите-ка, он дрожит, как будто я собираюсь его ударить! И незачем тебе просить о презрении, Линтон, оно и так появится у кого угодно — вот и получи, будь любезен! Можешь отправляться к себе. А я еду домой. Безумием было пытаться оттащить тебя от теплого местечка у камина и притворяться… а кем мы притворялись? Отцепись от моего платья! Если бы я жалела тебя, потому что ты плачешь

и глядишь таким испуганным, тебе следовало бы отвергнуть мою жалость. Эллен, скажи ему, как постыдно его поведение. Встань и прекрати пресмыкаться! Довольно!

С залитым слезами и исполненным муки лицом Линтон кинулся на землю. Его бессильное тело корчилось от самого настоящего ужаса.

— Ах, — рыдал он, — я этого не вынесу! Кэтрин, Кэтрин, я ведь еще и предатель! Язык не поворачивается сказать! Но если ты меня оставишь, мне смерть! Дорогая Кэтрин, моя жизнь в твоих руках. Ты говорила, что любишь меня, а значит, с тобой не случится ничего плохого. Ты ведь не уйдешь, добрая, милая, хорошая Кэтрин? Может, ты согласишься — и он даст мне умереть с тобой!

Моя барышня, увидев его мучения, наклонилась, чтобы помочь ему встать. Былое чувство терпеливой нежности пересилило ее раздражение, она была по-настоящему тронута и обеспокоена.

— Соглашусь на что? — спросила она. — Остаться? Объясни мне свои странные слова, и я останусь. Ты сам себе противоречишь и совсем запутал меня. Успокойся, будь откровенным и сейчас же признайся, что терзает твое сердце. Ведь ты не обидишь меня, Линтон, правда? И

не дашь никому в обиду, если это будет в твоей власти? Я поверю, что ты трус, когда дело идет о тебе, но не станешь же ты трусливым предателем своего лучшего друга!

— Отец угрожал мне, — задыхаясь и сжимая исхудавшие пальцы, проговорил Линтон. — И я боюсь его… боюсь! Мне страшно рассказывать!

— Что ж, — ответила Кэтрин с презрительной жалостью, — скрытничай и дальше. Только я-то не трусиха. Спасай себя. А мне не страшно.

Ее великодушие вызвало еще большие слезы. Он рыдал, как безумный, целуя поддерживавшие его руки, однако все равно не мог пересилить себя и открыться. Я же раздумывала, что за тайну он хранит, и дала себе слово не допустить, чтобы Кэтрин пострадала ради его выгоды или чьей-то еще, как вдруг, услышав шорох вереска, подняла глаза и увидела мистера Хитклифа, спускавшегося с холма прямо к нам. Он даже не взглянул в сторону молодых людей, хотя они были совсем близко от него и плач Линтона был хорошо слышен, а вместо этого поздоровался только со мною почти сердечно, впрочем, искренность его не могла не вызвать у меня сомнений.

— Редкий случай — увидеть тебя совсем рядом с моим домом, Нелли. Как тебе живется в «Дроз-

дах»? Ну-ка, расскажи. Ходят слухи, — добавил он, понизив голос, — что Эдгар Линтон при смерти. Может, люди преувеличивают?

— Нет, мой хозяин умирает, — ответила я. — Это правда. Для нас его смерть станет тяжкой утратой, а для него — милостью Божией.

— Как ты думаешь, сколько он еще протянет? — спросил он.

— Не знаю, — сказала я.

— Вот в чем дело, — продолжал он, глядя на молодых людей, застывших перед его глазами — Линтон, казалось, не осмеливался шевельнуться или поднять голову, а Кэтрин из-за этого тоже не могла сдвинуться с места. — Мальчишка вроде решил оставить меня с носом, и я был бы весьма признателен его дяде, если бы он поторопился и отправился на тот свет раньше племянничка. Ну вот! Давно щенок ведет эту игру? Я же преподал ему пару уроков, чтобы научился не распускать нюни! Но в общем, как он держится с мисс Линтон — весело?

— Весело? Нет. Он очень страдает, — ответила я. — Глядя на него, думаешь, что, вместо прогулок по холмам с любимой девицей, ему следует лежать в постели под присмотром врача.

— Так и будет дня через два, — пробормотал

Хитклиф. — Но прежде… Вставай, Линтон! Вставай! — закричал он. — Хватит ползать! Сейчас же вставай!

Линтон еще сильнее прижался к земле в новом припадке бессильного страха, вызванного, полагаю, взглядом отца: что еще могло заставить его унизиться до такой степени? Несколько раз он делал попытку подняться, но к этой минуте у него совсем не осталось силенок, и он вновь со стоном повалился на землю. Мистер Хитклиф приблизился к нему, поднял на ноги и прислонил к покрытому дерном пригорку.

— Так, — заговорил он с еле сдерживаемой яростью, — я начинаю злиться. Ежели ты не совладаешь со своей цыплячьей душонкой… черт тебя побери! Стой прямо!

— Я встану, отец, — прохрипел Линтон, — только отпусти, иначе у меня случится обморок. Я все делал, как ты велел, правда. Кэтрин тебе скажет, что я… что я… был веселый. Ох, Кэтрин, не уходи, дай мне руку!

— Обопрись на мою, — сказал отец. — Стой твердо. Вот так. Она даст тебе руку. Прекрасно. На *нее* смотри! Вы можете подумать, что я сам дьявол во плоти, мисс Линтон, коли навожу на него такой ужас. Не будете ли вы так добры про-

водить его до дома? Он весь трясется, стоит мне его тронуть.

— Линтон, дорогой! — прошептала Кэтрин. — Я не могу пойти с тобой в «Грозовой перевал» — батюшка запретил. Отец тебе ничего плохого не сделает, отчего ты так боишься?

— Я не смогу войти в дом, — ответил он. — Мне *запрещено* входить туда без тебя.

— Довольно! — вскричал Хитклиф. — Мы будем уважать дочерние чувства Кэтрин. Нелли, проводи его в дом, а я безотлагательно последую твоему совету и приглашу доктора.

— И хорошо сделаете, — ответила я. — Однако я должна оставаться со своей барышней. Ухаживать за вашим сыном — не мое дело.

— Ты женщина твердая, — сказал Хитклиф. — Мне это известно. Но придется мне щипать младенца, чтобы он заплакал — только тогда ты его пожалеешь. Ну так что, герой, хочешь, чтобы я сопроводил тебя домой?

Он вновь приблизился к Линтону и сделал движение, словно собирался схватить это тщедушное существо, но тот отпрянул и прижался к кузине, умоляя не бросать его с такой неистовой настойчивостью, что отказаться было невозможно. Как бы неодобрительно я ни относилась к этой идее,

остановить Кэтрин я не могла. И правда, что ей было делать? Мы не понимали, что наполняло Линтона таким ужасом, но видели, что перед ним он бессилен и нараставший с каждой минутой страх может довести его до безумия. Мы подошли к порогу. Кэтрин вошла, а я осталась ждать, пока она проводит больного и усадит в кресло. Кэтрин, по моему расчету, должна была сразу же покинуть дом, однако Хитклиф подтолкнул меня вперед со словами:

— Мой дом не зачумлен, Нелли, и сегодня мне вздумалось быть гостеприимным. Присядь и позволь мне закрыть дверь.

Он закрыл дверь и запер ее на замок. Я вздрогнула.

— Выпейте чаю перед уходом, — предложил он. — Я сейчас один. Гэртон погнал скотину в Лис, а Зилла с Джозефом с удовольствием отправились прогуляться. И хотя я привык к одиночеству, мне хочется побыть в интересном обществе, раз уж удалось его найти. Мисс Линтон, сядьте рядом с *ним*. Дарю вам все, что имею, хотя такой подарочек немногого стоит, но больше мне вам предложить нечего. Я говорю о Линтоне. Надо же, как она на меня смотрит! Странно, что за дикое чувство поднимается во мне при виде всякого,

кто меня боится. Родись я в краях, где законы не столь суровы, а вкусы не столь изысканны, я побаловал бы себя тем, что медленно резал бы этих двоих на кусочки в качестве вечернего развлечения. — Втянув воздух, он ударил кулаком по столу и негромко пробормотал: — Дьявол, как же я их ненавижу!

— Я вас не боюсь! — воскликнула Кэтрин, не расслышавшая последней фразы. Она шагнула к нему, ее черные глаза пылали страстной решимостью. — Дайте мне ключ. Сейчас же! Я бы не стала ни есть, ни пить в этом доме, даже если бы умирала с голоду!

Кулак Хитклифа с зажатым в нем ключом лежал на столе. Хитклиф поднял голову, несколько удивленный ее смелостью, а быть может, узнав голос и взгляд той, от кого она их унаследовала. Кэтрин схватила ключ и почти вытащила его из расслабленных пальцев хозяина дома, что вернуло того к действительности — и он довольно быстро вновь зажал ключ в руке.

— Послушайте, Кэтрин Линтон, — сказал он, — отойдите-ка в сторону или я вас так прибью, что с ног свалитесь, и миссис Дин с ума сойдет.

Несмотря на предупреждение, Кэтрин вновь вцепилась в его кулак и попыталась вырвать

ключ.

— Мы выйдем отсюда! — твердила она, изо всех сил стараясь разжать его железные пальцы. Поняв, что ногтям ничего не добиться, она вцепилась ему в руку острыми зубами. Хитклиф глянул на меня так, что я на мгновение окаменела. А Кэтрин была слишком занята ключом, чтобы заметить выражение его лица. Неожиданно он сам разжал кулак и выпустил вожделенный предмет, но прежде чем она успела завладеть ключом, Хитклиф обхватил ее освободившейся рукой и, затащив к себе на колени, стал со страшной силой наносить ей пощечины, каждой из которых было достаточно, чтобы осуществить недавнюю угрозу, если бы только Кэти могла упасть.

Увидев такую дьявольскую жестокость, я в ярости набросилась на него.

— Негодяй! — закричала я. — Мерзавец!

Толчок в грудь заставил меня замолчать. Я полновата и страдаю одышкой, поэтому от удара и ярости я сначала закачалась, а потом, пошатываясь, отступила. Казалось, я вот-вот задохнусь или у меня лопнет кровеносный сосуд.

Через две минуты все кончилось. Он отпустил Кэтрин, и она неуверенно прижала обе руки к вискам, словно проверяя, на месте ли у нее уши.

Бедняжка дрожала, как камыш на ветру, и прислонилась к столу в полном недоумении.

— Видишь, я умею наказывать непослушных детей, — мрачно сказал негодяй, наклонившись и вновь забрав упавший на пол ключ. — Теперь пойди к Линтону и плачь сколько хочешь. Завтра я стану твоим отцом — единственным отцом, который через несколько дней у тебя останется, — так что ты свое получишь. Но ты ведь готова многое снести, ты не из трусливых. А потому я буду потчевать тебя ежедневно, ежели еще хоть раз замечу в твоих глазах эту дьявольскую спесь!

Кэти подбежала не к Линтону, а ко мне. Она присела на пол рядом и, положив голову горящей щекой мне на колени, расплакалась во весь голос. Ее кузен забился в угол скамьи, притихший, как мышь, полагаю, радуясь, что наказание досталось не ему. А мистер Хитклиф, считая, что никто из нас больше не станет ему перечить, встал и спешно сам заварил чай. Чашки и блюдца уже были расставлены на столе. Он разлил чай и протянул мне чашку.

— Залей-ка хандру, — сказал он. — И поухаживай за своей непослушной подопечной, да и за моим, кстати, тоже. Чай не отравлен, хоть заваривал его я. Пойду разыщу ваших лошадей.

Первой нашей мыслью после его ухода было взломать замок какой-нибудь двери и убежать. Мы попытались открыть дверь, ведущую из кухни во двор, но она была заперта на засов снаружи. Посмотрели на окна — те оказались слишком узкими — даже малышка Кэти не смогла бы в них пролезть.

— Мастер Линтон, — вскричала я, поняв, что мы превратились в настоящих пленников, — вы знаете, что задумал этот дьявол, ваш отец, и должны нам рассказать. Иначе я надеру вам уши, как только что он поступил с вашей кузиной.

— Да, Линтон, ты должен нам все рассказать, — подхватила Кэтрин. — Я пришла сюда ради тебя, и, если ты откажешься, это будет черной неблагодарностью.

— Дайте мне чаю… я хочу пить… потом я скажу. Миссис Дин, отойдите. Мне не нравится, когда вы стоите надо мною. Послушай, Кэтрин, твои слезы капают мне в чай. Я это пить не буду. Дайте мне другую чашку.

Кэтрин подтолкнула к нему другую чашку и обтерла лицо. Отвратительно было наблюдать, с каким хладнокровием вел себя маленький негодник, когда перестал за себя трястись. Стоило ему войти в свой дом, как страдания, которым он

предавался на пустоши, сразу утихли, и мне стало ясно, что он страшился ужасного отцовского гнева, если не заманит нас в «Грозовой перевал», а раз уж дело было сделано, ему в ближайшее время ничего не грозило.

— Папа хочет, чтобы мы поженились, — сказал он, отпив из чашки. — Он знает, что твой отец не позволит нам жениться сейчас, и боится, что, если придется ждать, я умру. Поэтому мы заключим брак завтра утром, а ты на всю ночь останешься здесь. Если сделаешь, как он хочет, то на другой день вернешься домой и меня заберешь с собою.

— Забрать тебя с собою, жалкий перевертыш! — воскликнула я. — Тебе — жениться! Да он просто спятил, твой отец, или решил, что мы тут все до одного безумцы? И ты думаешь, что эта юная леди, эта здоровая и крепкая красавица свяжет свою жизнь с тобой — эдакой маленькой, полуживой обезьянкой? Неужели ты лелеешь надежду, что хоть какая-нибудь барышня, не то что Кэтрин Линтон, захочет взять тебя в мужья? Высечь бы тебя за то, что заманил нас сюда своим притворным хныканьем и воем. И нечего смотреть на меня с дурацким видом! У меня руки чешутся встряхнуть тебя как следует за подлое предательство и глупейшее самомнение.

И я взаправду тряхнула его легонько, но он тут же раскашлялся и принялся за свое любимое дело — стонать и плакать, так что даже Кэтрин мне попеняла.

— Остаться на всю ночь? Нет, — сказала она, медленно оглядываясь вокруг. — Эллен, я подожгу эту дверь, но выберусь отсюда.

И она готова была, не медля ни минуты, взяться за исполнение этой угрозы, но Линтон встрепенулся, испугавшись за свою драгоценную персону, обхватил ее хилыми ручонками и захныкал:

— Неужели ты не выйдешь за меня и не спасешь? Не дашь мне перебраться в «Дрозды»? О, милая Кэтрин, ты не можешь уйти! Ты должна послушаться отца! Должна!

— Я должна слушаться своего отца, — отвечала Кэтрин, — и избавить его от томительного ожидания. Целую ночь! Что он подумает? Он и сейчас уже беспокоится. Я или сломаю эту дверь, или подожгу! Не плачь! Тебе нечего бояться. Но, Линтон, попробуй только мне помешать… Батюшку я люблю больше, чем тебя!

Смертельный ужас, который мальчишка испытывал перед гневом мистера Хитклифа, вновь вернул ему прежнее трусливое красноречие.

Кэтрин была почти в отчаянии, однако настаивала на том, что непременно уйдет домой, и пыталась, в свою очередь, уговорить Линтона умерить страдания, вызванные всего лишь себялюбием.

Пока они спорили, явился наш тюремщик.

— Ваши лошади убежали, — заявил он. — Ну, Линтон, снова хнычешь? Что она тебе сделала? Уймись. Время вышло, пора спать. Через месяц-другой, мой мальчик, ты твердою рукою отплатишь ей за сегодняшнее тиранство. Ты ведь изнываешь от искренней любви, верно? Ничего другого тебе не надо. И она выйдет за тебя! А пока — в постель! Зилла сегодня не придет, разденешься сам. Тихо! Хватит реветь! Иди к себе. Не бойся — я даже близко не подойду. Как ни странно, ты сегодня действовал вполне сносно. Остальное завершу я сам.

Он говорил это, придерживая перед сыном дверь, и тот выскользнул из комнаты, точно спаниель, который подозревает, что коварный хозяин вот-вот прищемит ему хвост. Дверь вновь заперли. Хитклиф подошел к камину, где молча стояли мы с моею воспитанницей. Взглянув на него, Кэтрин инстинктивно подняла руку к щеке. Близость Хитклифа оживила в ней чувство боли.

Любой другой не смог бы отнестись к ее детскому жесту с такой суровостью, но он глянул на нее волком и проворчал:

— Так, говоришь, ты меня не боишься? Значит, ты здорово скрываешь свою смелость, потому что, *мне кажется*, что тебе чертовски страшно!

— Да, мне сейчас страшно, — ответила она, — ведь, если я останусь, батюшка станет несчастен, а разве я могу сделать его несчастным, когда он… когда он… Мистер Хитклиф, отпустите меня домой! Обещаю: я выйду замуж за Линтона; папа хотел бы этого, да и я сама люблю кузена. Почему вы решили силой заставить меня поступить так, как я и без того поступила бы со всей охотой?

— Пусть только попробует применить силу! — вскричала я. — На свете, слава богу, существует закон, хоть мы и живем в захолустье! Будь он моим родным сыном, я бы заявила на него властям. Это тяжкое преступление, за него даже священника стали бы судить!

— Замолчи! — рявкнул негодяй. — Нечего здесь шум поднимать. Тебя, черт возьми, никто не спрашивает! Мисс Линтон, я получу исключительное удовольствие, зная, что ваш отец несчастен, просто спать не смогу от радости. Раз уж вы сообщили мне, что таковым будет результат, то

другого более весомого довода вам не найти, чтобы на сутки остаться под моею кровлей. Что до вашего обещания выйти замуж за Линтона, то я позабочусь, чтобы вы сдержали слово, ибо вы не выйдете отсюда, пока это не случится.

— Тогда пошлите Эллен сказать батюшке, что я жива и здорова! — воскликнула Кэтрин, горько расплакавшись. — Или пожените нас сейчас же. Бедный папочка! Эллен, он решит, что мы пропали! Что нам делать?

— Ничего подобного! Он решит, что ты устала за ним ухаживать и убежала немного поразвлечься, — ответил Хитклиф. — Не станешь же ты отрицать, что вошла в мой дом по доброй воле, презрев его наказ этого не делать. Вполне естественно, что в твоем возрасте хочется развлечений и что ты устала ходить за больным. К тому же этот больной *всего лишь* отец. Его самые счастливые дни, Кэтрин, закончились с первыми днями твоей жизни. Осмелюсь думать, он проклинал тебя за то, что ты появилась на свет. (Я точно проклинал.) И будет вполне справедливо, если он вновь проклянет тебя, покидая сей мир. А я к нему присоединюсь. Я не люблю тебя. Да и как мне тебя любить? Плачь сколько хочешь. Как видно, это будет твое основное занятие, если

Линтон не вознаградит тебя за иные лишения, хотя твой заботливый родитель, похоже, считает, что все-таки вознаградит. Меня чрезвычайно повеселили его письма с советами и утешениями. В последнем он просит мое сокровище быть внимательным к его сокровищу и проявлять доброту, когда он его получит. Внимательным и добрым — как по-отечески! Но весь запас внимания и доброты требуется Линтону исключительно для самого себя. Этот мальчишка прекрасно умеет быть тираном. Он замучает бессчетное количество кошек, если вырвать у них зубы и обрезать когти. Поверь мне, у тебя будет возможность, когда вернешься, рассказать дяде Линтона удивительные истории про *доброту* его племянника.

— Тут вы правы! — сказала я. — Поведайте ей о характере своего сына, покажите, как он похож на вас, и тогда, надеюсь, мисс Кэти дважды подумает, прежде чем выходить за этого аспида!

— Я не прочь поговорить о его милых качествах, — ответил Хитклиф, — потому что ей придется либо взять его в мужья, либо вместе с тобою оставаться моей пленницей, пока твой хозяин не умрет. Я могу удерживать вас обеих здесь, и никто вас не найдет. Если сомневаешься, уговори ее взять назад свое слово, и у тебя будет

возможность проверить.

— Я не собираюсь брать назад свое слово, — сказала Кэтрин. — Я готова сей же час выйти за него, если после этого вы отпустите меня в «Дрозды». Мистер Хитклиф, вы жестокий человек, но вы же не злодей и не станете из одной лишь злобы безвозвратно лишать меня счастья. Если батюшка решит, что я намеренно оставила его и умрет прежде, чем я вернусь, как я смогу жить дальше? Я больше не плачу, но встану перед вами на колени и не поднимусь, не отведу глаз от вашего лица, пока вы не посмотрите на меня! Нет, не отворачивайтесь — взгляните на меня! Вы не увидите ничего, что могло бы вызвать вашу ненависть. Я не держу на вас зла и не сержусь, что вы меня ударили. Неужто вы, дядя, в своей жизни никогда *никого* не любили — совсем-совсем никогда? Ах, вы должны посмотреть на меня хоть разок. Я такая несчастная, что вы непременно пожалеете меня и поймете.

— Отцепи от меня свои саламандровы пальцы и убирайся прочь или получишь пинка! — закричал Хитклиф, грубо оттолкнув ее. — Лучше пусть меня обовьет змея. Какого черта тебе пришло в голову подольщаться ко мне? Ты мне противна!

Его в самом деле передернуло, и, словно от гад-

ливости, по телу пробежала дрожь. Он отпихнул свой стул, а я встала и приготовилась излить на него все мыслимые проклятия, но замолкла посреди первой же фразы из-за угрозы, что меня запрут одну в другой комнате, скажи я еще хоть полслова.

Смеркалось. Вдруг у садовых ворот послышались голоса. В ту же секунду хозяин дома поспешил выйти во двор. В отличие от нас он не терял головы. Две или три минуты он с кем-то разговаривал, а затем вернулся один.

— Мне показалось, это ваш кузен Гэртон, — заметила я, обращаясь к Кэтрин. — Хорошо бы он пришел. Кто знает, может, он принял бы нашу сторону?

— Приходили трое слуг из поместья искать вас, — сказал Хитклиф, услышав мои слова. — Вы могли бы открыть окно и позвать на помощь, но, готов поклясться, девчонка рада, что вы этого не сделали. Я уверен, она счастлива, что ей пришлось остаться.

Узнав, что мы упустили такую возможность, мы обе дали волю своим чувствам и рыдали в голос до девяти часов. Хитклиф нас не прерывал, но потом велел подниматься наверх через кухню в комнату Зиллы. Я прошептала Кэтрин, что лучше

не спорить: может, получится вылезти из окна или пробраться на чердак, а оттуда через световой люк на крышу. Однако окно было таким же узким, как и окна внизу, а люк, несмотря на все наши усилия, не поддавался. Мы вновь оказались взаперти. Лечь мы не смогли. Кэтрин расположилась у окна и в волнении ожидала утра, и на все мои уговоры хоть немного отдохнуть я получала в ответ лишь глубокие вздохи. Я села на стул и раскачивалась взад-вперед, сурово осуждая себя за то, что столько раз пренебрегала своими обязанностями, из-за чего, как думалось мне тогда, проистекали все несчастья моих хозяев. Сейчас я понимаю, что на самом деле это было не так, но в ту ужасную ночь я видела происходящее именно в таком свете. Даже Хитклиф казался мне менее виноватым, чем я сама.

В семь часов он пришел и спросил, встала ли мисс Кэтрин. Она тут же подбежала к двери и ответила:

— Да.

— Тогда пойдем, — сказал он, открыл дверь и вытащил ее из комнаты.

Я поднялась, чтобы выйти следом, но Хитклиф снова повернул ключ в замке. Я потребовала, чтобы меня выпустили.

— Потерпи, — ответил он. — Скоро пришлю завтрак.

Я принялась колотить в дверь и яростно дергать щеколду. Кэтрин спросила, почему я остаюсь взаперти. Он ответил, что придется мне потерпеть еще час, и они ушли. Терпела я часа два или три. Наконец послышались шаги, но не Хитклифа.

— Я поесть принес, — произнес чей-то голос. — Откройте.

С радостью послушавшись, я увидела Гэртона, который стоял, держа гору всякой снеди, которой хватило бы на целый день.

— Берите, — сказал он, сунув мне в руки поднос.

— Погоди минутку, — начала я.

— Не-е, — ответил он и ушел, не обращая внимания на мои слезные просьбы остаться.

Я просидела взаперти весь тот день, потом всю ночь, потом еще день и еще. Всего пять ночей и четыре дня просидела я там и не видела никого, кроме Гэртона, — он приходил один раз по утрам, являя собой образец истинного тюремщика: угрюмого, немого и глухого ко всем моим попыткам пробудить в нем справедливость или сочувствие.

Глава 28

На пятое утро или, точнее, день послышались другие шаги — более легкие и частые, и на этот раз кто-то вошел в мою комнату. Это была Зилла, закутанная в алую шаль, в черной шелковой шляпе и с висевшей на руке плетеной корзинкой.

— Ах, душенька миссис Дин! — воскликнула она. — В Гиммертоне только и разговоров что о вас. Я уж думала, вы утопли в болоте Вороного Коня, и барышня с вами, покуда хозяин не сказал, что нашел вас и приютил! Это ж надо! Вы, должно быть, на островок выбрались. А в трясине сколько просидели? Так это верно, что вас хозяин спас, миссис Дин? Но вы не исхудали — знать, не совсем уж плохо вам пришлось, да?

— Ваш хозяин — истинный мерзавец! — ответила я. — Но он за все ответит. Не надо было ему пускать этот слух. Правда все равно скоро откроется!

— О чем это вы? — удивилась Зилла. — Он никаких слухов не распускал. В деревне все говорят, что вы пропали в болоте. Я, как пришла, говорю Эрншо: «Ох, что тут случилось, мистер Гэртон,

после моего ухода! Ужасно жалко молодую барышню и такую милую Нелли Дин». А он на меня глаза как выпучит! Я подумала, он ничего не знает, и все ему рассказала. А хозяин-то услышал и про себя заулыбался, а потом и говорит: «Ежели они и были в болоте, то теперь выбрались, Зилла. В эту минуту Нелли Дин сидит в вашей комнате. Когда подниметесь к себе, скажите ей, что может уходить, вот вам ключ. Она надышалась болотными испарениями. Хотела опрометью бежать домой, но я запер ее, чтобы сначала пришла в чувство. Пусть тотчас идет в «Дрозды», коли может, и передайте от меня, что ее молодая леди явится вслед за ней, чтоб успеть на похороны сквайра».

— Неужели мистер Эдгар умер? — ахнула я. — О, Зилла, Зилла!

— Нет-нет! Сядьте, моя добрая миссис Дин, — ответила она. — Вам нездоровится. Он покамест не умер. Доктор Кеннет говорит, что еще денек проживет. Я встретила доктора на дороге и спросила.

Но я не села. Вместо этого схватила накидку и шляпу и поспешила вниз, ибо путь наконец был открыт. Оказавшись в «доме», я огляделась в поисках кого-нибудь, кто мог бы сказать, где Кэтрин. Комнату заливал солнечный свет, дверь

была распахнута настежь, но я никого не увидела. Покуда я раздумывала, бежать ли мне сразу домой или вернуться и искать свою барышню, мое внимание привлекло тихое покашливание, доносившееся от камина. На скамье лежал Линтон, единственный обитатель комнаты, и, посасывая леденец, с апатичным видом следил за мной.

— Где мисс Кэтрин? — строго спросила я, надеясь, пока он один, взять его испугом и выведать, куда они спрятали барышню.

Он продолжал сосать леденец, прямо как невинный младенец.

— Она ушла? — снова спросила я.

— Нет, — ответил он. — Она наверху. Ей не уйти. Мы ее не отпустим.

— Вы ее не отпустите? Безмозглый кретин! — вскричала я. — Немедленно скажите, где ее комната, или вы у меня сейчас по-другому запоете!

— Это вы по-другому запоете, если папа узнает, что вы пытались проникнуть к Кэтрин, — ответил он. — Он говорит, что мне нечего ее жалеть. Она моя жена, и это позор, если она захочет от меня уйти. Он говорит, что она меня ненавидит и желает мне смерти, потому что рассчитывает забрать мои деньги. Но она их не получит и домой

не пойдет — никогда! Может плакать и в обморок падать сколько душе угодно!

И он снова принялся за леденец, смежив веки, как будто собирался заснуть.

— Мастер Хитклиф, — вновь приступила я к нему, — неужто вы позабыли о доброте Кэтрин в прошлую зиму, когда вы утверждали, будто любите ее, когда она приносила вам книги и пела песенки, когда она навещала вас и в снег, и в холод? Она плакала, если приходилось пропустить встречу с вами, ибо боялась вас огорчить. И тогда вы чувствовали, что она в сто раз лучше вас, а теперь верите в лживые измышления своего отца, хотя прекрасно знаете, что он питает отвращение к вам обоим. Да еще объединились с ним против нее. Хороша же ваша благодарность, нечего сказать!

Уголки губ Линтона опустились, и он вынул изо рта леденец.

— Разве она пришла в «Грозовой перевал» из ненависти к вам? — продолжала я. — Сами подумайте! Что до денег, то она даже не знает, получите вы их или нет. Говорите, она падает в обморок, а сами оставляете ее одну в чужом доме — вы, кто испытал на себе, что значит быть одиноким, всеми покинутым! Вы жалели самого

себя, но и она тоже жалела вас, однако ее вы нынче пожалеть не можете! Видите, мастер Хитклиф, я плачу — я, пожилая женщина и простая служанка. А вы, после того как притворялись, что любите ее, и должны были бы ее боготворить, приберегли свои слезы лишь для себя одного и преспокойно лежите здесь, бессердечный, эгоистичный мальчишка!

— Я не могу оставаться с ней, — сердито ответил он. — По своей воле ни за что не останусь. Она плачет, а я этого не выношу. И все никак не перестанет, хотя я говорю, что позову отца. Однажды я даже его позвал, и отец пригрозил, что задушит ее, если она не утихнет, но как только он вышел из комнаты, она начала снова. Стенала и страдала всю ночь, хотя я с досады кричал на нее и говорил, что она мешает мне спать.

— Мистер Хитклиф ушел? — спросила я, поняв, что это подлое создание не способно сочувствовать нравственным мучениям своей кузины.

— Он во дворе, — ответил Линтон. — Беседует с доктором Кеннетом. Тот говорит, что дядя наконец-то действительно умирает. Я рад, потому что после него стану хозяином «Дроздов». Кэтрин всегда называла поместье *своим* домом. Но «Дрозды» не ее. Они мои. Папа говорит, что все, что

есть у Кэтрин, теперь принадлежит мне. Все ее чудесные книжки — мои. Она предлагала их мне, и своих славных птичек тоже, и свою лошадку Минни, если я достану ключ от нашей комнаты и выпущу ее. Но я сказал, что у нее ничего нет — все это и так мое. Тогда она заплакала и сняла с шеи маленький медальон. Сказала, что отдаст мне его — два портрета в золотой оправе: с одной стороны — ее мать, с другой — отец, когда они оба были молодыми. Это случилось вчера. Но я сказал, что и *они* тоже мои, и хотел их отобрать. А противная злючка не отдавала — оттолкнула меня и сделала мне больно. Тогда я закричал, а она боится, когда я кричу. Тут послышались шаги отца, и она, сломав петли, разделила медальон надвое. Мне дала портрет своей матери. А второй думала спрятать, но папа спросил, в чем дело, и я объяснил. Он забрал тот, что у меня, и приказал Кэтрин отдать мне второй. Она не послушалась, и он… он ударил ее, сорвал портрет с цепочки и раздавил ногой.

— И вам было приятно смотреть, как ее ударили? — спросила я, не забывая цель, ради которой решила поддержать разговор.

— Я зажмурился, — ответил он. — Я всегда зажмуриваюсь, когда отец лупит собаку или ло-

шадь — он бьет очень сильно. Впрочем, поначалу я обрадовался: Кэтрин следовало наказать за то, что она меня толкнула. Когда папа ушел, она подозвала меня к окну и показала щеку — изнутри она была разодрана о зубы, и во рту было полно крови. Потом Кэтрин собрала кусочки портрета, отошла от меня и села лицом к стене. С тех пор она со мной не разговаривает. Иногда я думаю, что она не может говорить от боли. Мне эта мысль не нравится, но Кэтрин такая капризная — все время ревет. И такая бледная и злая, что я ее боюсь.

— А вы, если захотите, можете достать ключ? — спросила я.

— Да, когда я наверху, — ответил он. — Но сейчас я не могу пойти наверх.

— В какой комнате он спрятан?

— Ну нет! — вскричал он. — *Вам* я не скажу! Это наш секрет. Никто — ни Зилла, ни Гэртон — не должен знать! Все, вы меня утомили, уходите, уходите!

Он склонился головой на руку и снова закрыл глаза.

Я сочла, что будет лучше уйти, не видясь с мистером Хитклифом, и привести людей из поместья, дабы вызволить мою барышню. Как же удивились и обрадовались слуги, когда я добра-

лась домой! А услышав, что их юная барышня жива и здорова, двое или трое собрались тут же бежать к мистеру Эдгару и с криками сообщить радостную новость, но я попросила их позволить мне самой известить его. Как же переменился он за эти несколько дней! Передо мною лежал человек в ожидании смерти — воплощение скорби и покорности судьбе. Он казался очень молодым: хотя ему было тридцать девять, вы бы дали ему, по крайности, лет на десять меньше. Он думал о Кэтрин, потому что едва слышно повторял ее имя. Дотронувшись до его руки, я заговорила.

— Кэтрин скоро придет, дорогой мой хозяин, — прошептала я. — Она цела и невредима и, надеюсь, к вечеру будет дома.

При первых проблесках его сознания я задрожала. Он чуть поднялся, жадно оглядел комнату и вновь впал в беспамятство. Как только он пришел в себя, я рассказала о нашем вынужденном посещении «Грозового перевала» и плене. Сказала, что Хитклиф принудил меня войти, хоть было это не совсем так. О подлом поведении Линтона я говорила как можно меньше и не описывала жестокое обращение его отца, ибо, по возможности, старалась не добавлять горечи и в без того переполненную чашу.

Мистер Эдгар понял, что одной из целей его врага было обеспечить своему сыну, а вернее, себе самому все личное имущество и недвижимость Линтонов, однако почему он не мог подождать его смерти, было для хозяина загадкой, ибо он не подозревал, как быстро следом за ним предстояло отправиться в мир иной и его племяннику. Но мистер Эдгар понял, что завещание следует изменить. И вместо того, чтобы оставить состояние Кэтрин в полном ее распоряжении, он решил передать его в руки опекунов, которые следили бы за его использованием на протяжении всей ее жизни, с последующим переходом к ее детям, если таковые появятся. В таком случае по смерти Линтона оно не досталось бы мистеру Хитклифу.

Получив эти указания, я отправила одного из слуг за стряпчим, а четырех, снабженных подходящим оружием, — в «Грозовой перевал», дабы потребовать у тюремщика возвращения моей юной леди. Все они долго не возвращались. Первый слуга пришел раньше прочих и сообщил, что, когда он явился к мистеру Грину, поверенному, того не оказалось дома и ему пришлось ждать два часа. Потом мистер Грин сказал, что у него есть неотложное дельце в деревне, но до утра обещался прибыть в поместье «Дрозды». Четверо

слуг также вернулись ни с чем. Они рассказали, что Кэтрин занемогла, да так серьезно, что не может выйти из комнаты, и Хитклиф не позволил им с нею увидеться. Я разбранила простофиль за то, что поверили этим сказкам, но ничего не передала хозяину, приняв решение собрать всех слуг, чуть свет отправиться в «Грозовой перевал» и взять дом штурмом, если нам не выдадут пленницу подобру-поздорову. Я клялась себе снова и снова, что отец непременно увидит ее, даже если этот дьявол попробует нам помешать. Тогда придется убить его на ступенях собственного дома!

К счастью, Бог миловал — никуда идти не пришлось. В три часа ночи я спустилась за водой и как раз шла с кувшином через переднюю, как вдруг подскочила от резкого стука в парадную дверь. «Ах, это Грин, — сказала я себе, успокоившись, — всего лишь Грин». И пошла дальше, намереваясь прислать кого-нибудь из слуг впустить стряпчего. Но стук повторился — негромкий, но настойчивый. Поставив кувшин на перила, я поспешила сама открыть дверь. Полная луна хорошо освещала двор. Это был не стряпчий. Ко мне на шею бросилась моя девочка, спрашивая со слезами:

— Эллен, Эллен! Папочка жив?

— Да, — воскликнула я, — да, мой ангел, жив!

Благодарение Богу, вы снова с нами!

Она хотела бежать, не успев отдышаться, наверх, в комнату мистера Линтона, но я уговорила ее присесть на стул и выпить воды. Я умыла ее бледное лицо и растерла передником щеки, чтобы на них выступил хотя бы слабый румянец. Затем сказала, что войду к хозяину первой и предупрежу о ее появлении, и стала умолять ее сказать отцу, что она будет счастлива с юным Хитклифом. Поначалу она посмотрела на меня с недоумением, но потом, поняв, почему я уговариваю ее солгать, пообещала не жаловаться.

Я не решилась присутствовать при их встрече. Четверть часа я простояла под дверью спальни и только после этого отважилась приблизиться к кровати. Однако все было тихо. Отчаяние Кэтрин было таким же молчаливым, как радость ее отца. Она с виду спокойно поддерживала его, а он не сводил с лица дочери своих глаз, которые от восторга, казалось, стали еще больше.

Он умер счастливым, мистер Локвуд, да, счастливым. Поцеловав ее в щеку, он пробормотал:

— Я ухожу к ней, и ты, милое дитя, тоже потом придешь к нам.

Больше он не пошевелился и не сказал ни слова, но все смотрел на нее восхищенными, лу-

чистыми глазами, покуда не перестало биться его сердце и не отлетела душа. Никто не заметил, когда точно он умер, столь мирным был его конец.

Быть может, Кэтрин уже выплакала все слезы, а быть может, горе было таким огромным, что не могло излиться слезами, но она сидела в грустных раздумьях у смертного одра до рассвета, потом до полудня, и так продолжалось бы и дальше, если бы я не настояла, чтобы она покинула комнату и хоть ненадолго прилегла. И хорошо, что мне это удалось, потому что к обеду явился наш поверенный, перед тем завернувший в «Грозовой перевал» за указаниями, как ему следует поступать. Грин продался мистеру Хитклифу — вот почему не торопился явиться к нам, когда за ним посылали. Слава богу, мысли о земных делах после возвращения дочери уже не беспокоили хозяина.

Мистер Грин взялся распоряжаться всем и всеми в доме. Слугам дали расчет, оставив лишь меня одну. Исходя из выданных ему полномочий, поверенный даже пытался настоять, чтобы Эдгара Линтона похоронили не рядом с женою, а в часовне, в фамильном склепе Линтонов. Однако ж на случай похорон хозяином было составлено завещание, препятствующее этому, и я громко

протестовала против любых искажений воли усопшего. С похоронами торопились. Кэтрин, а ныне миссис Линтон Хитклиф, было позволено оставаться в поместье «Дрозды» до выноса тела отца.

Кэти рассказала мне, что ее душевные муки в конце концов подтолкнули Линтона пойти на риск и освободить ее. Она слышала, как спорили у входа в дом посланные мною слуги, и разобрала, что отвечал им Хитклиф. Это привело ее в отчаяние. Ей удалось запугать Линтона, которого вскоре после моего ухода переселили в небольшую гостиную, и он успел достать ключ, прежде чем его отец вновь поднялся наверх. Линтон умел отпирать и запирать дверь совершенно бесшумно и, когда пришло время ложиться спать, попросил, чтобы ему постелили в комнате Гэртона. Разрешение было получено — в виде исключения. Кэтрин выскользнула из дома еще до рассвета. Она не осмелилась убежать через дверь — собаки могли поднять лай. Обойдя пустующие комнаты, Кэтрин осмотрела все окна. К счастью, ей удалось легко вылезти через окно в комнате покойной матери и спуститься на землю по ветвям росшей рядом ели. Ее сообщник был наказан за помощь в побеге — никакие трусли-

вые выдумки ему не помогли.

Глава 29

Вечером после похорон мы с моей молодой леди сидели в библиотеке, то предаваясь раздумьям — кто в горе, а кто в отчаянии — о постигшей нас утрате, то строя догадки о надвигающемся невеселом будущем.

Мы сошлись на том, что лучше всего для Кэтрин было бы получить разрешение жить в «Дроздах» — по крайней мере, покуда не умер Линтон — и ему тоже позволили бы перебраться сюда; я же оставалась бы у них ключницей. Впрочем, на такой исход надежды было мало — уж слишком хорошо все складывалось. И все-таки я уцепилась за эту надежду и даже повеселела при мысли, что не потеряю свой дом и работу, а главное — свою любимую барышню, как вдруг слуга — его уволили, но он еще не успел покинуть поместье, — запыхавшись, вбежал к нам и сообщил, что «этот дьявол Хитклиф» идет по двору. «Нужно ли запереть перед его носом дверь?» — спросил он.

Даже если бы мы совсем потеряли разум и согласились на его предложение, времени у нас

не осталось. Хитклиф даже не пытался проявить вежливость — постучать или объявить о своем приходе. Теперь он был здесь хозяином и пользовался своим правом войти в дом без лишних церемоний. Голос слуги, предвосхитившего его появление, подсказал ему, что мы в библиотеке. Хитклиф вошел к нам и, дав знак слуге удалиться, плотно закрыл за собою дверь.

Это была та же комната, куда восемнадцать лет назад его препроводили в качестве гостя. Та же луна сияла в окне, и тот же осенний пейзаж раскинулся вокруг. Мы еще не зажгли свечу, но в помещении было достаточно светло, чтобы различить портреты на стене — прекрасное лицо миссис Линтон и тонкие черты ее мужа. Хитклиф подошел к камину. За это время он мало изменился. Передо мной стоял тот же человек, только смуглое его лицо стало более землистым и бесстрастным, фигура, возможно, — чуть более грузной, в остальном он был такой, как прежде. Увидев его, Кэтрин вскочила и хотела было убежать из комнаты.

— Постой! — сказал он, схватив ее за руку. — Хватит от меня бегать! Да и куда тебе идти? Я пришел забрать тебя домой и надеюсь, что ты будешь примерной невесткой и не станешь подстрекать

моего сына к дальнейшему непослушанию. Я долго думал, как его наказать, когда узнал о его роли в твоем побеге. Он совсем на ладан дышит, так что ткнешь пальцем, он и рассыплется, но увидев его, ты догадаешься, что свое он все-таки получил. Позавчера вечером я спустил его вниз, посадил на стул и больше до него не дотронулся. Отослал Гэртона, и мы с сыном остались вдвоем. Через два часа я позвал Джозефа, и тот отнес его назад. С тех пор я постоянно присутствую в его сознании, точно привидение, и думаю, он часто видит меня в своем воображении, хотя меня и нет рядом. Гэртон говорит, он просыпается ночью и часами кричит, зовет тебя, чтобы ты его защитила. Так что любишь ты своего бесценного супруга или нет, но придется тебе вернуться. Теперь он переходит на твое попечение. Передаю тебе все свои полномочия.

— Но почему нельзя, чтобы Кэтрин заботилась о нем здесь? — спросила я. — Отошлите мастера Линтона сюда. Вы же ненавидите их обоих, стало быть, скучать по ним не будете. С вашим-то изуверским сердцем вы будете ежечасно испытывать злость и досаду.

— Я ищу жильца в поместье, — ответил он, — и хочу, чтобы мои дети оставались при мне. Так

вернее. Кроме того, девчонке придется платить за мой хлеб. Я не собираюсь устраивать ей роскошную жизнь, кормить и поить, если она будет сидеть сложа руки, когда Линтон умрет. А ну, живо готовься к отъезду и не заставляй меня тебя поторапливать.

— Хорошо, — сказала Кэтрин. — Линтон — это единственная любовь, которая у меня осталась. И хотя вы сделали все, чтобы вызвать у меня ненависть к нему, а у него ко мне, у вас так и *не получилось* заставить нас ненавидеть друг друга. Я не дам вам обижать его, если буду рядом, и не стану вас бояться.

— Какая хвастунья! — отозвался мистер Хитклиф. — Мне достаточно неприязни к тебе, чтобы не было нужды обижать еще и его, так что не сомневайся, мучения я тебе обеспечу. И заметь, не я заставлю тебя его возненавидеть, а его собственный милый нрав. Он весь кипит от злобы из-за твоего побега и его последствий. Не жди от него благодарности за свою благородную преданность. Я слышал, как он расписывал Зилле, что он сделал бы с тобой, если бы был силен, как я. Намерение имеется, а физическая слабость обострит его изобретательность, и замена силе найдется.

— Я знаю, что у него злой нрав, — сказала

Кэтрин. — Он же ваш сын. Но, к счастью, я по природе добрее и смогу его простить. И я также знаю, что он любит меня, а поэтому и я люблю его. А вот вам, мистер Хитклиф, любить некого, и, какими бы несчастными вы нас ни сделали, мы в отместку будем думать, что жестокость ваша вызвана еще бóльшим несчастьем. Вы ведь человек несчастный, не так ли? Одинокий, как дьявол, и такой же завистливый. *Никто* вас не любит, и *никто* не заплачет, когда вы умрете. Не хотела бы я быть на вашем месте!

Кэтрин говорила с каким-то мрачным торжеством. Казалось, она решила перенять дух будущей семьи и получает удовольствие от горя своих врагов.

— Ты скоро пожалеешь, что родилась на свет, — проговорил ее свекор, — если останешься здесь еще хоть минуту. Отправляйся, ведьма, собирать свои вещи!

Кэтрин с презрением удалилась. Я стала просить, чтобы меня взяли в «Перевал» на место Зиллы, предложив, чтобы та заняла мое, но Хитклиф ни за что не соглашался. Велел мне замолчать и тогда впервые решился окинуть взглядом комнату и посмотреть на портреты. Разглядывая портрет миссис Линтон, он сказал:

— Этот я заберу домой… не потому, что он мне так уж нужен, просто… — Он резко отвернулся к огню и продолжал — за неимением лучшего слова, придется сказать «с улыбкой»: — Расскажу тебе, что я вчера сделал. Я велел могильщику, который копал могилу для Линтона, расчистить крышку ее гроба и открыл его. Подумал, что я там и останусь, когда снова увидел ее лицо — ибо это все еще было ее лицо, — так что могильщику еле удалось вернуть меня к действительности. Но он предупредил, что от воздуха лицо покойной переменится, поэтому я закрыл гроб, но расшатал одну стенку — с другой стороны, не там, где лежит Линтон, будь он проклят! Хорошо бы его залили свинцом! И я подкупил могильщика, чтобы он, когда меня похоронят рядом, вытащил эту стенку, а потом и стенку моего гроба. Я закажу себе такой. И когда Линтон доберется до нас, он не узнает, кто где.

— Какой грех, мистер Хитклиф! — воскликнула я. — Неужто вы не постыдились тревожить покойницу?

— Никого я не тревожил, Нелли, — ответил он, — просто немного облегчил себе жизнь. Теперь мне будет гораздо легче. А у тебя прибавится уверенности, что я останусь под землей, когда по-

мру. «Тревожить покойницу»! Ничего подобного! Это она меня тревожит днем и ночью вот уже восемнадцать лет, беспрестанно, безжалостно — до вчерашней ночи. Только вчера ночью я спал спокойно. Мне снилось, что я сплю своим последним сном рядом с нею, сердце мое остановилось, и щека так и заледенела, прижавшись к ее щеке.

— А если бы ее разложившаяся плоть уже смешалась с землей или что-нибудь того хуже, что бы приснилось вам тогда?

— Что моя плоть так же смешалась, но все равно я был бы счастлив, — ответил он. — Ты ведь не думаешь, что я испугаюсь подобных перемен? Я ожидал этого, когда поднимал крышку, но теперь радуюсь, что они не наступят, покуда я не окажусь рядом. Кроме того, если бы в моей памяти не запечатлелись так отчетливо ее бесстрастные черты, меня так и не покинуло бы одно странное чувство. Оно возникло невесть откуда. Ты помнишь, я был как бешеный после ее смерти и постоянно от зари до зари молил, чтобы она вернулась ко мне хоть призраком? Я верю в привидения. У меня нет никаких сомнений, что они могут существовать и существуют среди нас! В день ее похорон начался снегопад. Вечером я пошел на погост. Ветер завывал, как зимой, и во-

круг не было ни души. Я не боялся, что ее глупый муж решится идти по той узкой долине в столь поздний час, а больше ни у кого не было надобности шататься по кладбищу. Я стоял там один и понимал, что меня от нее отделяют всего лишь два ярда земли. «Я снова обниму ее! — сказал я себе. — Если она холодна, я подумаю, что виной тому северный ветер, от которого замерз и я сам; если недвижима, то, значит, спит». В сарае я взял лопату и принялся копать что есть сил. Вскоре железо царапнуло по крышке гроба. Я спустился в яму и стал руками выгребать землю. Доски уже дали трещину у болтов. Я почти достиг желаемого, как вдруг услышал, что кто-то вздыхает надо мною, у самого края могилы, и наклоняется ко мне. «Только бы отвинтить болт, — бормотал я, — а там пусть они закопают нас вместе». — И с еще большим отчаянием я силился снять крышку. Послышался второй вздох прямо у меня над ухом. И я почувствовал теплое дыхание, вытеснившее ледяной ветер со снегом. Я знал, что поблизости нет ни одного существа из плоти и крови; но так же точно, как чувствуешь во тьме приближение реального человека, хотя и не видишь его, я чувствовал, что Кэти была там — не подо мною, а наверху, на земле. Внезапное ощущение покоя

наполнило мое сердце и разлилось по всем членам. Я оставил свой мучительный труд и обрел утешение, невыразимое утешение. Кэти была со мною, она оставалась рядом, пока я закапывал могилу, она провожала меня домой. Можешь смеяться, если хочешь, но я не сомневался, что увижу ее там. Я был уверен, что она рядом, и я говорил с нею. Добравшись до «Грозового перевала», я с радостью бросился открывать дверь, но засов был заперт. Я помню, как проклятый Эрншо и моя жена решили не пускать меня в дом. Помню, потом я остановился и, кажется, чуть не вышиб из Хиндли дух, а затем поспешил наверх, в нашу с ней комнату. С нетерпением я озирался вокруг, чувствовал, что она где-то рядом. Я *почти* видел ее, но только *почти*. Наверное, в ту минуту у меня вскипела кровь из-за томительного желания, из-за пылкой мольбы дать мне взглянуть на нее хоть раз. Но нет! Она снова, как часто при жизни, обернулась дьяволицей! И с тех пор, иногда больше, иногда меньше, меня терзают эти невыносимые муки — адские муки! Нервы мои натянуты до предела, и если бы они не были прочны, как воловьи жилы, то давно бы лопнули, сделав меня нюней вроде Линтона. Когда я сидел дома с Гэртоном, мне казалось, что я ее повстре-

чаю, выйдя на двор; когда бродил по вересковой пустоши, мне думалось, что увижу ее по пути домой. Выходя из дома, я спешил вернуться. Она должна быть где-то здесь — в этом я не сомневался. А когда я уходил спать в ее комнату, сон бежал от меня. Я не мог уснуть, ибо в ту секунду, как я закрывал глаза, она или появлялась в окне, или раздвигала панели кровати, или входила в дверь, или даже, как в детстве, клала свою милую головку ко мне на подушку, и мне непременно нужно было открыть глаза, чтобы увидеть ее. Так я открывал и закрывал их сотню раз за ночь, но меня неизменно ждало разочарование. Это была пытка! Частенько я громко стонал, и старый негодяй Джозеф наверняка решил, что это меня терзают муки совести. Теперь же, увидев ее, я успокоился… хотя бы немного. Странный способ убийства — резать по кусочкам размером не с дюйм, а с полволоска и дразнить меня призрачной надеждой восемнадцать лет!

Мистер Хитклиф остановился и вытер вспотевший лоб с прилипшими к нему волосами. Его взгляд не отрывался от красных угольков камина. Брови не были нахмурены, но поднялись выше, делая его лицо не таким мрачным, однако придавая ему какой-то беспокойный вид

и свидетельствуя о болезненном умственном напряжении, направленном на один-единственный предмет, поглотивший его целиком. Он лишь отчасти обращался ко мне, и я предпочла молчать. Мне не нравилось то, что он говорит. Через некоторое время он вновь повернулся к портрету. Снял его и прислонил к дивану, чтобы лучше рассмотреть. В это время появилась Кэтрин и объявила, что готова и можно седлать пони.

— Пришли его мне завтра, — сказал мне Хитклиф, а затем, отнесшись к Кэтрин, добавил: — Обойдешься и без пони. Сегодня прекрасный вечер, да и в «Грозовом перевале» тебе пони не понадобится, будешь ходить пешком, коли возникнет нужда. Пойдем!

— До свидания, Эллен! — прошептала моя любимица и поцеловала меня холодными, как лед, губами. — Приходи меня навестить. Не забывай.

— Даже не вздумай, миссис Дин! — сказал ее новый отец. — Когда мне захочется с тобой поговорить, я сам сюда приду. Незачем тебе в моем доме совать нос, куда не надо.

Хитклиф сделал знак Кэтрин идти вперед, и она повиновалась, бросив на меня прощальный взгляд, который, словно нож, полоснул мне сердце. Я следила через окно, как они шли по саду.

Хитклиф вел Кэтрин под руку, хотя поначалу она явно этому противилась. Быстрым шагом они торопливо свернули в аллею, и их фигуры исчезли за деревьями.

Глава 30

Однажды я наведалась в «Грозовой перевал», но с тех пор, как Кэтрин покинула «Дрозды», больше ее не видела. Когда я пришла узнать, как она поживает, Джозеф придержал дверь и не дал мне войти. Сказал, что миссис Линтон «страх какая занятая», а хозяина нет дома. Кое-что о том, что делается на ферме, рассказала мне Зилла, иначе я бы даже не знала, живы ли они. Из слов Зиллы стало ясно, что она не любит Кэтрин, ибо считает ее гордячкой. Моя юная леди, впервые появившись в доме, попросила ее о помощи, но мистер Хитклиф распорядился, чтобы Зилла занималась своими делами, а невестка сама о себе заботилась, и Зилла, женщина ограниченная и себялюбивая, с удовольствием его послушалась. Кэтрин же выказала детскую нетерпимость к такому безразличию служанки и отплатила ей презрением, записав мою собеседницу в число своих врагов, словно та и в самом деле совершила какой-то крайне подлый поступок. У меня была длинная беседа с Зиллой недель шесть назад, незадолго до вашего приезда, когда мы повстречались на

вересковой пустоши, и вот что она поведала:

— Миссис Линтон, переехав в «Грозовой перевал», первым делом опрометью бросилась наверх, не пожелав доброго вечера ни мне, ни Джозефу, закрылась в комнате Линтона и не выходила оттуда до утра. Потом, когда хозяин и Эрншо сидели за завтраком, явилась в «дом» и спросила дрожащим голосом, нельзя ли послать за доктором. Ее кузен очень плох.

— Мы и без тебя знаем, — ответил Хитклиф, — но его жизнь не стоит и фартинга, поэтому я ни фартинга на нее не потрачу.

— Но я не знаю, что делать, — настаивала она. — И, если мне никто не поможет, он умрет.

— Убирайся отсюда! — закричал хозяин. — И чтобы я больше ни слова о нем не слышал! Здесь никому нет дела до того, что с ним станется. Если тебе надо, становись сиделкой. Если нет, запри его и оставь.

Тогда она стала приставать с теми же просьбами ко мне, а я сказала, что уж и так намучилась с этим капризником. У каждой из нас свои обязанности, и смотреть за Линтоном — ее дело, так распорядился мистер Хитклиф.

Не знаю, как они уживались вместе. Думаю, Линтон много привередничал и денно и нощно

стенал от жалости к себе, а она лишь изредка могла урвать часок, чтобы отдохнуть — это было видно по ее бледному лицу и по кругам под глазами. Иногда она спускалась на кухню вся потерянная, и казалось, вот-вот попросит о помощи, но я никак не могла пойти наперекор хозяину — никогда я на это не решусь, миссис Дин. И, хотя я осуждала его, что не пригласил к больному Кеннета, не мне было советовать или жаловаться. Я в их дела не суюсь.

Раз или два после отхода ко сну мне случалось открывать дверь своей комнаты, и я видела, как миссис Кэтрин сидит на верхней площадке лестницы и плачет. Тогда я быстро закрывала дверь, боясь, что растрогаюсь и захочу ей помочь. Конечно, мне было ее жаль, но, вы же понимаете, место ведь тоже терять не хотелось.

Наконец однажды ночью она заявилась прямо ко мне в комнату и, перепугав до смерти, сказала:

— Скажите мистеру Хитклифу, что его сын умирает. На этот раз я знаю точно. Встаньте сию же минуту и сообщите ему.

Проговорив это, она снова исчезла. С четверть часа я лежала и вся тряслась. В доме было тихо — никакого движения.

— Видать, она ошиблась, — сказала я себе. — Он перемогся. Нет надобности их тревожить.

И я задремала, но сон мой прервался во второй раз из-за громкого звона колокольчика — у нас только один колокольчик, приделанный специально для Линтона, — и хозяин велел мне пойти посмотреть, что случилось, и передать им, чтобы не смели больше звонить.

Я сообщила ему, что сказала Кэтрин. Хозяин негромко выругался и через несколько минут отправился с зажженной свечкой в их комнату. Я пошла за ним. Миссис Хитклиф сидела на кровати, сложив руки на коленях. Ее свекор приблизился к Линтону, осветил его лицо, внимательно оглядел и пощупал. Потом повернулся к ней.

— Ну, Кэтрин, — спросил он. — Что ты теперь чувствуешь?

Она молчала.

— Что ты чувствуешь, Кэтрин? — повторил он.

— Ему больше ничего не грозит, а я свободна, — ответила она. — Я должна была бы чувствовать себя хорошо, — продолжала она с нескрываемой горечью, — но вы так долго оставляли меня одну бороться со смертью, что я чувствую и вижу одну лишь смерть. Она во мне.

Кэтрин и глядела такою. Я дала ей выпить немного вина. В комнату вошли Гэртон и Джозеф, которые проснулись от звонка и от наших шагов, а потом услышали этот разговор. По-моему, Джозеф был рад, что паренька не стало. Гэртон казался чуть озадаченным, хотя больше глазел на Кэтрин, чем думал о Линтоне. Но хозяин отослал его в постель — нам его помощь не требовалась. После мистер Хитклиф велел Джозефу отнести тело Линтона в его комнату, а мне возвращаться к себе. Миссис Хитклиф осталась одна.

Утром хозяин послал меня к ней с приказом позвать ее к завтраку. Кэтрин была раздета, и я поняла, что она только собирается лечь. Она ответила мне, что больна — тут не было ничего удивительного, доложу я вам. Я передала ее слова мистеру Хитклифу, а он сказал:

— Ладно, оставьте ее в покое, пока мы его не похороним. Иногда заглядывайте к ней и справляйтесь, что ей потребно. А как только ей станет лучше, дайте мне знать.

Кэти, по словам Зиллы, неделю оставалась наверху. Служанка навещала ее дважды в день и могла бы вести себя гораздо дружелюбнее, если бы ее попытки проявить внимание тут же с гордостью не отвергались.

Однажды к Кэти поднялся Хитклиф, чтобы показать завещание Линтона — все свое и женино движимое имущество он завещал отцу. Либо угрозами, либо уговорами беднягу заставили подписать бумаги в ту неделю, когда умер его дядя и Кэти не было рядом. Землями Линтон, будучи несовершеннолетним, распоряжаться не мог. Однако мистер Хитклиф заявил на них права и получил их во владение как наследник усопших жены и сына — надо думать, законным путем. В любом случае Кэтрин, лишенная денег и друзей, нынче не может ни на что претендовать.

— За исключением этого случая, — сказала Зилла, — никто больше не подходил к ее двери, кроме меня. И никто про нее не спрашивал. В первый раз она спустилась в «дом» утром в воскресенье. До этого я однажды принесла ей наверх обед, и она воскликнула, что не может дольше сидеть в таком холоде. Поэтому я уведомила ее, что хозяин собирается в поместье «Дрозды», а мы с Гэртоном ей никак не помешаем — пускай спускается. И когда она услышала, что конь Хитклифа процокал по двору, она вышла к нам вся в черном, зачесав за уши свои золотистые локоны, как делают жены квакеров, — видать, не смогла их толком сложить в прическу.

Мы с Джозефом обычно по воскресеньям ходим в часовню. (Видите ли, в церкви сейчас нет пастора, объяснила миссис Дин, и молельню не то методистов, не то баптистов, точно не знаю, называют в Гиммертоне часовней.) Джозеф ушел, — продолжала Зилла, — а я решила, что мне приличнее будет остаться дома. Всегда лучше, чтобы за молодыми присматривали старшие. А манеры Гэртона, при всей его застенчивости, все равно не назовешь образцовыми. Я сообщила ему, что, вероятно, его кузина спустится к нам, а она привыкла чтить воскресенье, так что, пока она будет здесь, придется ему оставить свои ружья и всякую черную работу за порогом. Он залился краской и оглядел свои руки и одежду. Ворвань и порох были в одну минуту убраны с глаз долой. Я поняла, что он решил составить компанию миссис Кэтрин и, судя по его поведению, намерен иметь достойный вид. Поэтому, рассмеявшись — чего я не посмела бы сделать при хозяине, — я предложила ему в этом помочь, если он не против, и стала подшучивать над его смущением. А он набычился и принялся ругаться.

— Знаете, миссис Дин, — продолжала Зилла, заметив, что я ее не одобряю, — вы, наверное, думаете, что молодая леди — неровня мистеру

Гэртону, и, может, вы правы, но признаюсь вам, мне хотелось бы немного сбить с нее спесь. К чему ей теперь вся ее ученость и благородство? Она такая же бедная, как вы или я, даже беднее. У вас хоть есть сбережения, да и я тоже коплю понемножку.

Гэртон позволил Зилле помочь привести его в должный вид, и она, подольстившись, вернула ему доброе расположение духа. Поэтому, когда Кэтрин сошла вниз, он, позабыв о прошлых обидах, попытался, по словам ключницы, вести себя любезно.

— Миссис вошла, — рассказывала Зилла, — холодная, как ледышка, и гордая, как принцесса. Я встала и предложила ей свое кресло. Но нет, в ответ на мою учтивость она отворотила нос. Эрншо тоже поднялся и пригласил сесть на скамью со спинкой поближе к огню. Сказал, что она, наверное, *захолодала*.

— Я больше месяца здесь *холодаю*, — ответила она, подчеркнув это слово с особым презрением.

Потом взяла стул и поставила его подальше от нас обоих. Когда отогрелась, она стала оглядывать комнату и увидела на полке стопку книг. Тотчас вскочила и потянулась за ними, но книги лежали слишком высоко. Кузен миссис Кэтрин,

недолго понаблюдав за ее неудачными попытками, наконец отважился помочь и сложил первые попавшиеся под руку тома в подставленный ею подол.

Для парня это было огромное достижение. Она, впрочем, его не поблагодарила, но он все равно обрадовался, что помощь принята, и осмелился встать позади миссис, пока она перелистывала страницы, и вздумал, наклонившись, показывать ей пальцем старые картинки — те, что привлекли его внимание. Его даже не отпугнуло, когда она резко вырвала страницу из-под его руки. Он удовольствовался тем, что отошел чуть назад, и вместо книг стал глядеть на нее. Миссис продолжала читать или листала книгу, ища интересные места, а его внимание постепенно целиком сосредоточилось на ее густых, шелковистых локонах. Гэртон не видел ее лица, а она не видела его. Наверное, не совсем осознавая, что делает, он, как дитя, привлеченное пламенем свечи, долго не отводил от них взгляда, а потом захотел потрогать и, протянув руку, ласково, словно птичку, погладил один локон. Миссис как встрепенется — будто ей в шею вонзили нож!

— Сейчас же убирайтесь! Как вы смеете меня трогать? Зачем вы там встали? — закричала она

с отвращением. — Вы мне противны! Только приблизьтесь — и я уйду к себе наверх!

Мистер Гэртон отпрянул с исключительно дурацким видом. Тихонько сел на скамью, а она еще с полчаса листала свои тома. Наконец Эрншо подошел ко мне и прошептал:

— Зилла, попросите ее почитать нам. Я намаялся сидеть тут и ничего не делать. И мне хочется… я бы не прочь послушать, как она читает. Не говорите, что я прошу, скажите, что это вы сами…

— Мистер Гэртон просит вас почитать вслух, мэм, — тут же сказала я. — Он примет это с радостью и будет очень признателен.

Она нахмурилась и, оторвавшись от книг, ответила:

— Мистер Гэртон и все вы сделаете мне большое одолжение, если поймете, что я отвергаю всякую признательность, которую вы мне лицемерно предлагаете! Я вас презираю, и мне нечего вам сказать! Когда я все отдала бы, чтобы услышать доброе слово или хотя бы увидеть хоть чье-то лицо, вы от меня прятались. Но я не стану жаловаться. Я спустилась вниз, чтобы согреться, а не чтобы развлекать вас или наслаждаться вашим обществом.

— Да что я-то мог поделать? — начал Эрншо. —

За что вы меня вините?

— Ах, вы исключение, — ответила миссис Хитклиф. — Уж без вашего участия я действительно могла бы обойтись.

— Но я много раз предлагал и просил, — сказал он, вспыхнув от ее издевки. — Просил мистера Хитклифа пустить меня посидеть с больным вместо вас…

— Замолчите! Я уйду из комнаты или вовсе куда глаза глядят, лишь бы не слышать ваш отвратительный голос, — сказала Кэти.

Гэртон пробормотал, что она может идти к черту — он не против, и, сняв со стены ружье, вновь занялся своими обычными воскресными делами. Он говорил свободно, и она поняла, что отныне предоставлена самой себе. Но начались морозы, и, несмотря на свою гордость, ей приходилось все чаще и чаще снисходить до нашего общества. Однако я постаралась, чтобы мои добрые намерения больше не получали презрительной отповеди. С тех пор я веду себя так же чопорно, как она, и никто из нас ее не любит и ей не сочувствует. Да она того и не заслуживает: ей слово не скажи — сразу дает отпор безо всякого уважения. Даже на хозяина огрызается, сама напрашивается, чтобы ее взгрели, и чем больше получает побоев, тем

ядовитей становится.

Сначала, услышав рассказ Зиллы, я подумала оставить работу, снять домик и забрать Кэтрин к себе; но мистер Хитклиф никогда не согласится на это, как не согласится выделить Гэртону отдельное жилье. И нынче я не вижу никаких способов исправить положение, если только Кэтрин не выйдет снова замуж, однако устроить это не в моей власти.

На этом миссис Дин закончила свою историю. Вопреки предсказаниям доктора, силы мои быстро восстанавливаются, и, хотя на дворе лишь вторая неделя января, через день-другой я предполагаю отправиться верхом в «Грозовой перевал», дабы сообщить моему хозяину, что ближайшие полгода проведу в Лондоне, а он, коли желает, может подыскать другого жильца, начиная с октября. Ни за что я не соглашусь провести здесь еще одну зиму.

Глава 31

Вчера погода была ясная, безветренная и морозная. Я отправился в «Грозовой перевал», как и предполагал накануне. Ключница моя попросила передать юной леди маленькую записочку, и я согласился, ибо достойная женщина не видела ничего необычного в такой просьбе. Парадная дверь была открыта, но ворота бдительно заперты, как и в прошлое мое посещение. Я постучал, и стук мой услышал Эрншо, возившийся с садовыми клумбами. Он снял цепь и впустил меня. Любо-дорого смотреть, как хорош собою этот селянин! На этот раз я особенно внимательно его разглядел, но, похоже, он делает все, чтобы скрыть свои достоинства.

Я спросил, дома ли мистер Хитклиф. Он ответил, что нет, но его ожидают к обеду. Было одиннадцать часов. Я объявил, что намерен зайти в дом и подождать, после чего юноша тотчас отбросил свои орудия и сопроводил меня, точно сторожевой пес, а вовсе не заместитель хозяина.

Мы вместе вошли в дом и там увидели Кэтрин, которая тоже занималась делом — готовила ово-

щи для предстоящего обеда. Она казалась более хмурой и менее оживленной, чем когда я увидел ее впервые. Она едва подняла на меня взгляд и продолжала свое занятие с тем же презрением к принятым выражениям вежливости, что и раньше, никак не ответив ни на мой поклон, ни на пожелание доброго утра.

«Не так уж она благожелательна, — подумал я, — как хотела представить ее миссис Дин. Красавица — что правда, то правда, но отнюдь не ангел».

Эрншо с угрюмым видом велел ей отнести овощи на кухню.

— Сами отнесите, — ответила она, закончив работу и оттолкнув от себя миску. Потом села на стул у окна и принялась вырезать из собранной в передник брюквенной кожуры фигурки зверей и птиц. Я подошел к ней, притворившись, что желаю насладиться видом сада, и, покуда Гэртон на нас не смотрел, довольно ловко, как мне казалось, уронил ей на колени записку от миссис Дин. Но Кэтрин громко спросила: «Что это такое?» — и смахнула листок.

— Письмо от вашей давней знакомой, ключницы в «Дроздах», — ответил я, раздосадованный тем, что она разоблачила мой добрый поступок,

и испуганный, что послание могут принять за мое собственное. Узнав, от кого письмо, она с радостью бросилась его поднимать, однако Гэртон оказался проворнее. Схватив листок, он сунул его в жилетный карман со словами, что сперва его надобно показать мистеру Хитклифу. Кэтрин молча отвернулась и, достав платок, тихонько поднесла его к глазам, а ее кузен, поборовшись некоторое время со своими добрыми чувствами, все-таки вынул письмо и швырнул его ей под ноги — со всею грубостью, на какую был способен. Кэтрин подняла листок и с жадностью принялась читать, потом задала мне несколько вопросов, разумных и неразумных, об обитателях бывшего своего дома и, глядя на холмы, заговорила как будто сама с собой:

— Как бы мне хотелось поскакать туда на Минни! Как бы мне хотелось забраться на те откосы! О, как я устала… как я *намаялась*, Гэртон!

И она положила свою хорошенькую головку на подоконник не то зевнув, не то вздохнув, и погрузилась в какую-то рассеянную печаль, не зная и не желая знать, смотрим мы на нее или нет.

— Миссис Хитклиф, — начал я, просидев некоторое время в молчании, — вы, верно, не знаете, что мы с вами знакомы — довольно хорошо зна-

комы, и мне кажется странным, что вы не хотите поговорить со мною. Моя ключница без устали рассказывала мне о вас и так расхваливала! Она очень расстроится, если я, вернувшись, сообщу ей лишь то, что вы получили ее письмо и промолчали.

Мне показалось, что моя речь произвела впечатление, потому что Кэтрин спросила:

— Эллен благоволит к вам?

— Да, и весьма, — не без колебаний ответил я.

— Передайте ей, что я бы ответила на ее письмо, но мне не на чем писать — нет даже книги, из которой можно вырвать листок.

— Нет книги! — воскликнул я. — Как же вы ухитряетесь жить здесь без книг? Простите мой слишком смелый вопрос. Но имея в «Дроздах» большую библиотеку, я и то частенько скучаю. Заберите у меня книги — и я впаду в отчаяние.

— Я всегда читала, когда было что читать, — ответила Кэтрин. — А мистер Хитклиф не читает вовсе, поэтому ему пришло в голову уничтожить мои книги. Вот уже несколько недель я ни одной не могу найти. Однажды, правда, я исследовала богословский запас книг Джозефа — к крайнему его неудовольствию. И еще один раз наткнулась на припрятанные книжки в вашей комнате, Гэр-

тон, на моих старых друзей: несколько латинских и греческих томов, повестей и стихотворений. Я принесла их сюда, а вы утащили как сорока крадет серебряные ложки просто потому, что ей нравится воровать. Они ведь вам не нужны. Или вы спрятали их из злобного чувства: раз вы сами не можете наслаждаться ими, то и другим не дадите. Быть может, ваша зависть и подсказала мистеру Хитклифу лишить меня этих сокровищ? Но они почти все записаны в моей памяти и запечатлены в сердце — оттуда их вам не выкрасть!

Эрншо побагровел, когда кузина во всеуслышание заявила, что осведомлена о его тайных литературных занятиях, и, запинаясь, стал негодующе отрицать ее обвинения.

— Мистер Гэртон желает пополнить свои знания, — вмешался я, поспешив ему на выручку. — Он не завидует вашему образованию, а стремится догнать вас. Через несколько лет он будет ученым человеком.

— А я, по его милости, за это время совсем отупею, — ответила Кэтрин. — Да, я слышу, как он разбирает слова по буквам и силится их выговорить. И что за ошибки он делает — просто прелесть! Хорошо бы вы, Гэртон, прочли «Чевиот-

скую охоту»[11], как читали вчера — смешнее не придумаешь! Я все слышала, и еще слышала, как вы листали словарь, стремясь понять значение трудных слов, а потом ругались, потому что не могли прочесть объяснение.

Молодому человеку показалось крайне несправедливым, что сначала она смеялась над его невежеством, а потом над тем, что он взялся его преодолеть. И я был с ним согласен. Вспомнив историю миссис Дин про то, как в первый раз Гэртон пытался рассеять тьму, в коей был взращен, я заметил:

— Но, миссис Хитклиф, каждый из нас когда-то начинал учиться, и каждый из нас запинался и топтался на месте. И если бы наши учителя вместо того, чтобы помогать, насмехались над нами, мы бы до сих пор запинались и топтались.

— О, я не хочу ограничивать его образование, — сказала она. — И все же у него нет права присваивать себе то, что принадлежит мне, и своими гнусными ошибками и выговором превращать написанное в сплошную нелепость. Те

---

[11] notes: 11

«Охота у Чевиотских холмов» (Chevy chase) — английская баллада XVI в. о битве при Оттерберне (1388). Английский граф Перси Нортумберлендский захотел поохотиться на Чевиотских холмах — во владениях шотландского графа Дугласа. В результате завязалось сражение, повлекшее множество жертв.

книги — и стихи, и проза — освящены для меня иными воспоминаниями, и я не в силах вынести, когда он оскверняет их своим голосом. К тому же он, как нарочно, выбирает те места, что я больше всего люблю повторять. Наверное, из особого зловредства.

Гэртон с минуту молчал, грудь его высоко вздымалась. Он пытался подавить в себе горькое чувство обиды и ярости, а это было делом нелегким. Я встал и, следуя благородному порыву избавить его от неловкости, отошел к двери и стал смотреть на двор. Гэртон последовал за мной и вышел из комнаты, но вскоре вернулся, держа в руках с полдюжины томов. Бросив их на колени Кэтрин, он воскликнул:

— Забирайте! Я больше не хочу ни читать, ни слышать, ни думать о них!

— Теперь они мне не нужны, — ответила она. — В моем сознании они связаны с вами, и за это я их ненавижу.

Кэтрин открыла одну из книг — ту, что, судя по виду, частенько листали, — и прочла несколько строк, растягивая слова, как начинающий ученик; потом рассмеялась и отбросила книгу в сторону.

— Вот, послушайте, — продолжала она издева-

тельским тоном и принялась в такой же манере декламировать старинную балладу.

Самолюбие Гэртона такого мучения не снесло. Я услышал, причем не скажу, что с неодобрением, как быстрым движением руки он заставил замолчать ее дерзкий язык. Маленькая насмешница сделала все, чтобы ранить чувства своего кузена, не отягощенного излишней обходительностью, и физический довод остался для него единственной возможностью свести с обидчицей счеты. Затем он собрал книги в кучу и кинул в огонь. По его лицу я прочел, как мучительно было для него принести эту жертву своей злобе. И пока пламя пожирало страницы, я представлял себе, как он думает об удовольствии, которое эти тома успели ему принести, а также о победном восторге и еще большем удовольствии, которого он ожидал от них в будущем. И мне показалось, что я также догадался о побуждении, заставившем его взяться за тайные занятия. Он был вполне доволен своими ежедневными трудами и примитивными животными радостями, пока на его пути не появилась Кэтрин. Стыд, вызванный ее презрением, и надежда на одобрение — вот что поначалу подвигло его на стремление достичь чего-то большего, но вместо того, чтобы уберечь

его от первого и добиться второго, предпринятые им усилия привели к противоположному результату.

— Да, это единственное, на что может их употребить такой дикарь, как вы! — вскричала Кэтрин, прикусив разбитую губу и с негодованием глядя на полыхающее пламя.

— Лучше помолчите! — в бешенстве выговорил он.

Волнение не дало Гэртону произнести больше ни слова. Он торопливо подошел к двери, и я, отойдя в сторону, дал ему выйти. Но как только он ступил за порог, ему навстречу попался мистер Хитклиф, который шел к дому по мощеной дорожке.

— Что случилось, мой мальчик? — спросил он, положив руку ему на плечо.

— Ничего, ничего, — ответил тот и, вырвавшись, ушел, чтобы без чужих глаз предаться горю и ярости.

Хитклиф посмотрел ему вслед и вздохнул.

— Странно будет, если я наврежу собственным замыслам, — пробормотал он, не подозревая, что я стою позади него. — Пытаясь найти на его лице отцовские черты, я с каждым днем все больше вижу *ее*. Как вышло, что он так чертовски на нее

похож? Нет сил смотреть.

Хитклиф опустил голову и в задумчивости вошел в дом. На лице его было беспокойное, тревожное выражение, которого я раньше не примечал, да и сам он исхудал. Его невестка, увидев свекра в окно, тотчас скрылась на кухню, так что я оказался в одиночестве.

— Рад видеть вас снова на свежем воздухе, мистер Локвуд, — сказал он в ответ на мое приветствие, — отчасти по эгоистичным соображениям. Сомневаюсь, что легко найду вам замену в этой глуши. Не раз задумывался я над вопросом, что могло привести вас сюда.

— Боюсь, это был праздный каприз, сэр, — ответил я. — И праздный каприз гонит меня отсюда. На следующей неделе я отбываю в Лондон и должен упредить вас, что не имею намерения оставлять за собой поместье «Дрозды» дольше чем на двенадцать месяцев, о коих было между нами договорено. Думаю, более я там жить не буду.

— Ах, вот как! Устали жить оторванным от мира, да? — сказал он. — Однако ежели вы пришли просить, чтобы я не брал с вас денег за дом, в котором вы жить не намерены, то визит ваш бесполезен. Я никогда никому не уступаю того,

что мне причитается.

— Ничего подобного я просить не собирался! — воскликнул я, изрядно разозлившись. — Коли желаете, я разочтусь с вами сейчас же.

И я достал из кармана чековую книжку.

— Нет-нет, — холодно ответил он. — Перед отъездом вы оставите достаточную сумму для покрытия долга, если более не вернетесь в поместье. Мне спешить некуда. Сядьте и пообедайте с нами. Гостя, который вряд ли повторит свой визит, обыкновенно принимают с радостью. Кэтрин, накрой на стол. Где ты?

Кэтрин вновь вошла в комнату с подносом, где лежали ножи и вилки.

— Можешь пообедать с Джозефом, — тихо сказал он ей. — Сиди на кухне, пока он не уйдет.

Кэтрин исполнила распоряжение Хитклифа очень точно — возможно, у нее просто не возникло искушения его нарушить. Живя среди мужланов и мизантропов, она, вероятно, не была способна при знакомстве оценить людей, отличающихся лучшим воспитанием и нравом.

С мистером Хитклифом, угрюмым и мрачным, по одну сторону, и Гэртоном, не проронившим ни слова, — по другую, я пообедал в довольно унылой обстановке и вскоре попрощался. Я бы ушел

через кухню, чтобы в последний раз взглянуть на Кэтрин и позлить старого Джозефа, но Гэртону было велено привести мою лошадь, и хозяин сам проводил меня до двери, так что намерение свое я исполнить не смог.

«Как безрадостна жизнь в этом доме! — думал я, направив лошадь в обратный путь. — И какой сказочной, а может, и весьма романтичной она могла бы стать для миссис Линтон Хитклиф, случись нам с ней соединить свои сердца, как мечтала ее добрая няня, и окунуться вместе в волнующую атмосферу большого города».

Глава 32

1802 год. В сентябре я был приглашен опустошить охотничьи угодья одного моего приятеля, расположенные на северных вересковых болотах, и по дороге к месту его обитания неожиданно оказался в пятнадцати милях от Гиммертона. Конюх постоялого двора поил из ведра моих лошадей, когда мимо проехала телега, груженная только что собранным ярко-зеленым овсом.

— Это, поди, гиммертонские! Вечно позже других урожай убирают — недели на три.

— Гиммертонские! — повторил я. Воспоминания о моей жизни в тех краях были уже смутны и туманны. — Ах да, знаю! Далеко ли отсюда Гиммертон?

— Миль четырнадцать будет. По холмам да по кочкам.

Неожиданно меня охватило желание побывать в поместье «Дрозды». Время приближалось к полудню, и я решил, что вместо постоялого двора вполне могу провести ночь под арендованной мною крышею. Кроме того, мне нетрудно будет выделить день, дабы устроить свои дела с арен-

додателем и таким образом избавить себя от необходимости приезжать туда еще раз. Немного передохнув, я послал слугу разузнать дорогу на Гиммертон, и, вконец измучив лошадей, мы кое-как преодолели это расстояние за три часа.

Слугу я оставил в деревне и в одиночестве поскакал по долине к поместью. Серая церковь показалась мне еще более серой, а безлюдное кладбище — еще более безлюдным. Я заметил, как овцы, отпущенные пастись на вересковую пустошь, пощипывали на могилах короткую травку. Погода стояла хорошая, даже жаркая — слишком жаркая для путешествия, однако она не мешала мне наслаждаться раскинувшимися вокруг прекрасными видами. Если бы я увидел эти красоты чуть раньше, в августе, то, без сомнения, не устоял бы против искушения провести хотя бы месяц в сих уединенных местах. Зимою нет ничего скучнее, а летом — восхитительнее здешних долин, зажатых с обеих сторон холмами, и поросших вереском крутых склонов.

В «Дрозды» я добрался еще до заката и постучал в дверь, но все домочадцы, видно, собрались в дальних помещениях, сколько я мог судить по голубоватым колечкам дыма над кухонною трубою, и стука моего не слышали. Я въехал во

двор. На крыльце под навесом сидела девочка лет девяти-десяти и вязала, а на ступеньках, удобно откинувшись, расположилась старуха и мечтательно курила трубку.

— Дома ли миссис Дин? — поинтересовался я у почтенной дамы.

— Миссис Дин? Не-е, — отвечала она. — Здеся ее нету. В «Грозовом перевале» поглядите.

— Стало быть, вы теперь за ключницу? — продолжал я расспрашивать.

— Угу, гляжу за домом.

— А я мистер Локвуд, хозяин. Есть ли свободные комнаты, где я мог бы устроиться? Хочу здесь переночевать.

— Хозяин! — воскликнула она с удивлением. — Да что вы? Кто ж знал, что вы приедете! Надо было хоть весточку послать. В доме нету ни угла сухого, ни комнаты приличной — ну, прямо совсем ничего!

Бросив трубку, она ринулась в дом, за нею побежала и девочка. Я тоже вошел. Поняв довольно скоро, что слова ключницы были чистою правдой и, более того, что я чуть с ума не свел старушку своим нежданным появлением, я попросил ее не беспокоиться: сказал, что отправлюсь на прогулку, а за это время пусть она приведет в порядок

уголок в гостиной, где можно было бы поужинать, и спальню — где переночевать. Не надо ни подметать пол, ни вытирать пыль — хватит лишь хорошего огня и сухого белья. Старушка старалась изо всех сил, хотя по ошибке вместо кочерги сунула в камин метлу и перепутала назначение некоторых иных атрибутов своего ремесла. Однако я удалился, полагаясь на ее усердие и веря, что по возвращении мне все-таки будет где прилечь и отдохнуть. Целью моей прогулки был «Грозовой перевал». Но едва я вышел со двора, как мне пришлось воротиться, повинуясь одному запоздалому соображению:

— Все ли в порядке в «Грозовом перевале»? — поинтересовался я.

— Навроде того, — ответила ключница, поспешая к камину со сковородой, полной горячих углей.

Я мог бы спросить, отчего миссис Дин съехала из «Дроздов», но невозможно было в такой ответственный момент отвлекать старушку, и потому, повернувшись, я вышел из дома и неторопливо побрел вперед. Позади меня небо сияло закатным заревом, а впереди в нежном великолепии вставала луна. И когда свет одного светила затухал, а второго, напротив, становился ярче, я вышел

из парка и направился вверх по каменистой тропке, уходящей в сторону жилища мистера Хитклифа. Прежде чем ферма показалась вдали, день угас, оставив лишь янтарный отблеск на западе, однако благодаря разлитому по холмам лунному свету я различал под ногами каждый камешек и каждую травинку. Мне не пришлось ни стучать, ни перелезать через ворота — они открылись, стоило их толкнуть. Так-то лучше, подумалось мне. Еще одну приятную перемену я почувствовал, втянув носом воздух — мешаясь с запахом плодовых деревьев, из сада доносился нежный аромат левкоя и лакфиоли.

Обе двери и окна были открыты; но, как это принято в краях, где добывают уголь, в камине плясал добрый, яркий огонь. Радость, которую он доставляет глазу, делает чрезмерное тепло вполне сносным. Впрочем, фермерский дом достаточно просторен, чтобы у домочадцев нашлось место укрыться от этого жара, и те его обитатели, что находились в комнате, отошли от камина к одному из окон. Я мог их видеть и слышать их разговор до того, как войти в дом, а потому стал смотреть и прислушиваться, подталкиваемый смешанным чувством любопытства и ревности, все более возраставшим, пока я стоял снаружи.

– *На-о-бо-рот!* — произнес голосок, нежный, как серебряный колокольчик. — Третий раз тебе повторяю, оболтус! И больше повторять не буду. Вспоминай, или я оттаскаю тебя за волосы.

— Ну, ладно: *на-о-бо-рот*, — отвечал другой, низкий, но мягкий голос. — А теперь поцелуй меня за то, что я так хорошо запомнил.

— Нет, сначала прочти еще раз правильно, без единой ошибки.

Прилично одетый молодой человек, сидевший за столом с книгою в руках, начал читать. Его красивое лицо с правильными чертами сияло от удовольствия, а взгляд нетерпеливо скользил от страницы книги к маленькой белой ручке, лежавшей у него на плече, и та неизменно награждала его легким шлепком, когда ее обладательница замечала малейшую невнимательность. Девушка стояла позади молодого человека, и ее светлые блестящие кудряшки, случалось, сплетались с его каштановой шевелюрой, стоило ей склониться, чтобы проверить, правильно ли ученик прочел. А лицо… хорошо, что он не видел ее лица, ибо в этом случае и следа бы не осталось от его прилежания. Но я-то видел и кусал губы, досадуя, что в свое время пренебрег возможностью предпринять какие-нибудь действия, чтобы нынче не просто

глазеть через окно на эту редкостную красоту.

Задание было исполнено — не без новых ошибок, но ученик все же потребовал вознаграждения и получил, по крайней мере, пять поцелуев, которые, впрочем, не скупясь, вернул. Затем оба подошли к двери, и из их разговора я понял, что они собираются прогуляться по вересковым полям. Мне стало ясно, что Гэртон Эрншо в душе своей, а может, и изустно пошлет меня в самую глубокую бездну преисподней, ежели я в эту минуту явлюсь перед ними собственной несчастной персоной. Обозлившийся и ожесточенный, я незаметно пробрался к кухне.

С этой стороны дома проход также был открыт, а у самой двери сидела с шитьем моя старая знакомая Нелли Дин и пела песню, частенько прерываемую грубыми словами, полными презрения и нетерпимости и звучавшими отнюдь не музыкально.

— Пущай лучше у меня над ухом день и ночь сквернословят, нежели я буду слушать таковские песни! — говорил второй обитатель кухни в ответ на какую-то фразу Нелли. — Стыдоба какая! Мне святую книгу не открыть, а ты поешь славу сатане и всем гнусным мерзостям, что есть в мире! О, ты истинная грешница и она с тобою заодно,

пропадет паренек меж вас... околдовали его, это уж как пить дать! Боже правый, сверши свой суд, ибо нету ни закона, ни справедливости у наших правителей!

— Конечно, нету, иначе мы бы уже сидели на горящих вязанках хвороста, — отвечала певунья. — Помолчи, старик, читай свою Библию как добрый христианин и не обращай на меня внимания. Это хорошая песенка — «Свадьба феи Энни». Под нее положено плясать.

Миссис Дин собиралась вновь запеть, когда я выступил вперед. Она тотчас меня узнала и, вскочив, воскликнула:

— Боже мой, мистер Локвуд, неужто это вы! Как же вы решились приехать, не предуведомив нас? В поместье «Дрозды» все заперто. Хоть бы строчку написали!

— Я уже договорился, что, пока я здесь, меня приютят в поместье, — ответил я. — А уеду я завтра. Но как случилось, что вы перебрались сюда, миссис Дин? Расскажите скорее.

— Зилла взяла расчет, и вскоре после вашего отъезда в Лондон мистер Хитклиф захотел, чтобы я, покуда вы не вернетесь, переселилась в «Перевал». Но входите, прошу вас. Вы шли пешком из Гиммертона?

— Из «Дроздов», — ответил я. — Пока мне готовят там комнаты, хочу завершить свои дела с вашим хозяином, потому что скорее всего другого случая не представится.

— Какие дела, сэр? — спросила Нелли, сопровождая меня в «дом». — Хозяин сейчас ушел и вернется нескоро.

— Связанные с платой за аренду, — ответил я.

— Ах, вот оно что! Тогда вам следует говорить с миссис Хитклиф. Или, скорее, со мной. Она еще не научилась вести хозяйство, так что приходится мне действовать от ее имени — больше некому.

Я удивился.

— Так, значит, вы не слышали о смерти Хитклифа? — продолжала она.

— Хитклиф умер?! — в изумлении воскликнул я. — Когда же?

— Уж тому три месяца. Но садитесь и дайте мне вашу шляпу. Я сейчас все расскажу. Погодите, вы ведь, наверное, ничего не ели, да?

— Мне ничего не надо. Поужинаю в «Дроздах» — там приготовят. Вы тоже сядьте. Кто мог подумать, что он умрет! Расскажите же, как это случилось. Так, говорите, они еще долго не придут… молодые люди?

— Не придут. Выговариваю им каждый вечер за

поздние прогулки. Но разве они послушают? Хоть выпейте нашего доброго старого эля. Он взбодрит вас — ведь вы, должно быть, устали.

Прежде чем я успел отказаться, она поспешила за элем, и я услышал, как Джозеф вопрошает, «не срамно ли ей принимать кавалеров» в ее-то возрасте, «да еще потчевать их из хозяйского погреба». Ему «стыдно спокойно глядеть на такое»!

Она не стала с ним пререкаться и через минуту вошла с пенящейся серебряной пинтой, содержимое которой я, как и подобает, похвалил со всей искренностью. После этого миссис Дин поведала мне дальнейшую историю Хитклифа. По ее словам, конец его был «чудной».

— Меня вызвали в «Грозовой перевал» через две недели после того, как вы нас покинули, — рассказывала она, — и я с радостью повиновалась, думая прежде всего о Кэтрин. Первый мой разговор с ней потряс меня и опечалил — так изменилась она со дня нашей разлуки. Мистер Хитклиф не объяснил, почему передумал и позвал меня, сказал лишь, что я ему нужна и что ему надоело смотреть на Кэтрин. Мне надлежало сидеть в маленькой гостиной и держать ее при себе. А с него довольно видеть ее раз или два в день. Казалось, Кэтрин была рада такому повороту, и потихоньку

я тайно перетащила сюда множество книг и других вещей, скрашивавших ей досуг в «Дроздах», и тешила себя надеждой, что мы заживем с нею вполне сносно. Но иллюзии эти длились недолго. Поначалу довольная, она очень быстро стала проявлять беспокойство и раздражение. Во-первых, ей не разрешалось выходить за пределы сада, и, когда наступила весна, она все больше мучилась из-за того, что заперта в столь узких границах. Во-вторых, занимаясь хозяйством, я вынуждена была часто оставлять ее одну, и она жаловалась, что ей скучно. Кэти предпочитала ругаться на кухне с Джозефом, чем тихо сидеть в гостиной. Мне их стычки не мешали, но на кухне часто оказывался и Гэртон, если хозяину хотелось побыть в «доме» одному. Поначалу она либо удалялась при его появлении, либо без лишних слов принималась мне помогать, не замечая его и не заговаривая с ним. И хотя Гэртон неизменно был молчалив и угрюм, через некоторое время она стала вести себя по-иному: принялась цепляться к нему, корить за глупость и леность, удивляться, как это он может жить такой жизнью и сидеть целый вечер, точно в полусне, глядя в огонь.

— Эллен, тебе не кажется, что он вроде собаки? — заметила она однажды. — Или ломовой

лошади? Только и делает, что работает, ест и спит. Как уныло и пусто, наверное, у него в голове! Вам иногда снятся сны, Гэртон? Если да, то о чем? Но вы, конечно, не станете со мной говорить! — Она посмотрела на него, но он не ответил ей ни словом, ни взглядом. — Может, он и сейчас спит, — продолжала она. — Дернул плечом, прямо как Юнона. Спроси ты, Эллен.

— Мистер Гэртон попросит хозяина отослать вас наверх, если вы не будете вести себя пристойно, — ответила я, заметив, что Гэртон не только дернул плечом, но и сжал кулаки, словно собирался пустить их в ход.

— Я знаю, почему Гэртон никогда не разговаривает, когда я на кухне, — воскликнула она в другой раз. — Он боится, что я буду над ним смеяться. А ты как думаешь, Эллен? Однажды он начал учиться читать, но из-за того, что я посмеялась, сжег книги и бросил учение. Ну не глупец ли?

— А вы сами, не злючка ли? — отозвалась я. — Отвечайте!

— Может быть, — сказала она. — Но я не ожидала, что он так глупо поступит. Гэртон, если я дам вам книгу, вы ее возьмете? Дайте-ка я попробую.

И она вложила ему в руку ту книгу, что читала.

Он отбросил ее и пробормотал, что, ежели она не прекратит, он свернет ей шею.

— Ну, тогда я положу ее вон туда, — сказала она, — в ящик стола, а сама пойду спать.

Шепнув мне, чтобы я проследила, дотронется он до книги или нет, Кэтрин удалилась. Но Гэртон даже близко не подошел, о чем, к величайшему ее разочарованию, я и сообщила утром. Я видела, что ее расстраивают его угрюмость и косность, что она мучается угрызениями совести из-за того, что отпугнула его, когда он занялся своим образованием. И результат этого был очевиден.

Но Кэти призвала на помощь всю свою недюжинную сообразительность, дабы исправить положение. Пока я гладила или выполняла иную работу, которую неудобно было делать в гостиной, она приносила ко мне на кухню какую-нибудь интересную книгу и читала вслух. Случись в это время там оказаться Гэртону, она останавливалась на самом интересном месте и оставляла книгу на столе — причем делала это не один раз, но Гэртон был упрям, как мул, и вместо того, чтобы схватить приманку, он, особенно в дождливую погоду, принимался курить на пару с Джозефом. Так и сидели они, словно две механические фигуры по обе стороны очага: старый,

к счастью, по глухоте своей не слышавший этот, по его словам, «нечестивый вздор», и младший — старавшийся изобразить полное равнодушие. В хорошую погоду Гэртон отправлялся на охоту, а Кэтрин зевала, вздыхала и приставала, чтобы я поговорила с нею. Но только я начну разговор, как она убежит во двор или в сад, и наконец расплачется со словами, что ей не хочется жить, ибо жизнь ее бессмысленна.

Мистер Хитклиф, который все больше и больше отдалялся от людского общества, почти выдворил Эрншо из комнат. А из-за несчастного случая, произошедшего в начале марта, Гэртон и вовсе принужден был несколько дней сидеть на кухне. Когда парень в одиночку охотился, бродя по холмам, его ружье разорвало при выстреле, и отколовшаяся острая щепа поранила ему руку. До дому путь был неблизкий, и он потерял много крови. Вследствие этого пришлось ему хочешь не хочешь сидеть у огня и бездельничать, покуда не окрепнет. Кэтрин же это вполне устраивало. Во всяком случае, свою комнату наверху она возненавидела с новою силой и все время требовала, чтобы я нашла себе какое-нибудь дело внизу, чтобы она могла тоже спуститься в качестве помощницы.

В понедельник Светлой седмицы Джозеф погнал скот на ярмарку в Гиммертон, а я занялась бельем на кухне. Эрншо, как всегда, хмурый сидел в углу у огня, а моя маленькая леди коротала время, рисуя картинки на запотевших оконных стеклах, иногда прерываясь, чтобы приглушенным голосом промурлыкать обрывок какой-нибудь песенки, многозначительно что-то прошептать или с раздражением или с нетерпением бросить быстрый взгляд в сторону своего кузена, который беспрерывно курил, глядя в огонь. Я посетовала, что она заслоняет свет и мне толком ничего не сделать, и Кэтрин тотчас отошла к очагу. Я мало обращала внимания на то, чем она там занялась, но вскоре услышала ее голосок:

— Я поняла, Гэртон, что хочу… что буду рада… что мне приятно будет иметь такого кузена, как вы, если вы на меня не очень обижаетесь и злитесь.

Гэртон ничего не ответил.

— Гэртон, Гэртон, Гэртон! Вы слышите? — настаивала она.

— Подите прочь! — огрызнулся он с упрямою злобой.

— Дайте мне вашу трубку, — сказала она, осто-

рожно протянув руку и вынув трубку у него изо рта.

Не успел он отобрать ее назад, как трубка была сломана и брошена за очаг. Гэртон выругался и схватил другую.

— Погодите! — воскликнула она. — Сначала выслушайте меня. А я не могу говорить, когда клубы дыма плывут мне прямо в лицо.

— Убирайтесь к дьяволу! — с яростью крикнул он. — И оставьте меня в покое!

— Нет, — продолжала она. — Не оставлю. Я не знаю, что еще сделать, чтобы вы со мной заговорили, а вы нарочно притворяетесь, что не понимаете. Когда я назвала вас глупым, это ничего не значило. Я не имела в виду, что презираю вас. Ну же, Гэртон, посмотрите на меня! Вы мой кузен, и я хочу, чтобы вы это признали.

— А я хочу, чтобы вы убирались со своей треклятой гордостью и подлыми шуточками! — ответил он. — Пусть меня черти утащат в преисподнюю, ежели еще раз гляну в вашу сторону! А ну, проваливайте! Чтобы я вас не видел!

Кэтрин нахмурилась и отошла к окну, закусив губу и напевая какую-то развеселую песенку, желая скрыть подступившие слезы.

— Вам бы следовало помириться со своей ку-

зиной, мистер Гэртон, — вмешалась я, — раз уж она сожалеет о своем дерзком поведении. И вам это только на пользу пойдет. Вы станете другим человеком, когда подружитесь с нею.

— Подружусь! — воскликнул он. — Да она же меня ненавидит, думает, я не гожусь даже башмаки ей чистить! Нет уж! Хоть обещайте мне королевский трон, не стану я терпеть ее насмешки из-за того, что ищу ее дружбы.

— Это не я вас ненавижу, это вы меня ненавидите! — заплакала Кэти, не скрывая более свое горе. — Ненавидите так же, как мистер Хитклиф, даже больше.

— Вот чертова лгунья! А почему я сто раз выводил его из себя, когда принимал вашу сторону, а вы насмехались надо мной и презирали… Давайте, изводите меня! А я пойду к нему и скажу, что вы выжили меня из кухни.

— Я не знала, что вы принимали мою сторону, — ответила она, вытирая глаза. — Просто мне было очень плохо, и я была зла на всех. Но теперь я вам благодарна и прошу у вас прощения. Что я могу еще сделать?

Она вновь подошла к очагу и с искренним чувством протянула Гэртону руку. Тот нахмурился и сидел мрачнее тучи, решительно сжав кулаки

и глядя в пол.

Кэтрин, вероятно, внутренним чутьем поняла, что его несговорчивость происходит не из ненависти к ней, а из ожесточенного упрямства, ибо, секунду поколебавшись, она наклонилась и тихонько поцеловала его в щеку. Маленькая шалунья думала, что я не замечу, и, отойдя, вновь встала у окна с видом истинной скромницы. Я с осуждением покачала головой, и тогда, покраснев, она прошептала:

— А что мне оставалось делать, Эллен? Он отказывался пожать мне руку, не желал смотреть на меня. Нужно же было как-то показать ему, что он мне приятен, что я хочу с ним дружить.

Не могу сказать, убедил ли Гэртона ее поцелуй. Несколько минут он тщательно прятал свое лицо, а когда поднял голову, то не знал, куда девать глаза.

Кэтрин придумала, что делать: она аккуратно завернула в белую бумагу красивую книгу и, перевязав ленточкой, надписала: «Мистеру Гэртону Эрншо». Затем попросила меня выступить в роли посла и передать подарок означенному господину.

— И скажи ему, что если он примет его, то я стану учить его правильно читать, — сказала

она. — А если не примет, то я уйду к себе наверх и больше не буду его дразнить.

Я передала книгу и повторила сказанное, а отправительница с волнением следила за происходящим. Гэртон так и не разжал кулак, и посему я положила книгу ему на колени. Однако ж он ее не сбросил. Я вернулась к своей работе, а Кэтрин склонила голову на сложенные на столе руки. Но как только она услышала негромкий шелест разворачиваемой бумаги, тотчас спорхнула со своего места и уселась рядом с кузеном. Он дрожал, лицо его горело. Вся его грубость и мрачная непреклонность исчезли. Поначалу он никак не мог набраться мужества, чтобы сказать хоть слово в ответ на ее вопросительный взгляд и тихую просьбу:

— Скажите, что прощаете меня, Гэртон, ну, пожалуйста. Я буду очень счастлива, если вы скажете одно лишь словечко.

Он пробормотал что-то невнятное.

— И вы будете моим другом? — спросила она.

— Не-е, вы станете вечно меня стыдиться, — ответил он. — И чем лучше вы меня узнаете, тем больше станете стыдиться. А я такого не вынесу.

— Так вы не согласны быть моим другом? — снова спросила она с нежнейшей улыбкой и

придвинулась ближе.

Больше я не смогла ничего расслышать, но, обернувшись, увидела склоненные над книгой такие сияющие лица, что сомнений у меня не осталось: договор скреплен обеими сторонами, и былые враги превратились в верных союзников.

В книге, которую они читали, было много чудесных картинок, и это не давало им от нее оторваться, как, впрочем, и удовольствие сидеть рядом. Наконец вернулся Джозеф. Бедняга чуть с ума не сошел при виде Кэтрин, которая оказалась на одной скамье с Гэртоном Эрншо, да еще положила руку ему на плечо. Старика наповал сразило то, что его любимец не воспротивился этой близости. Столь глубоко был он потрясен, что в тот вечер даже не смог ничего высказать. Его чувства проявились лишь в долгих вздохах, с которыми он торжественно выложил на стол огромную Библию, а за ней грязные банкноты из кошелька — выручку от торговли на ярмарке. И наконец подозвал Гэртона.

— Отнеси их хозяину, мальчик, — сказал Джозеф. — У него и останься. Ну а я уж к себе пойду. Не подобно и не благопристойно пребывать нам в сем вертепе. Надобно утекать отсель и искать другой.

— Пойдемте, Кэтрин, — сказала я. — И нам с вами тоже пора «утекать». Я уже все перегладила. Вы готовы?

— Еще нет восьми, — ответила она, неохотно подымаясь. — Гэртон, я оставлю книгу на полке и завтра принесу еще.

— Токмо книжки ваши я снесу в «дом», — вмешался Джозеф, — и вам еще сильно повезет, коли вы их потом найдете. Оставляйте, сделайте милость!

Кэти пригрозила, что тогда Джозефу придется возместить утрату книгами из его собственной библиотеки, и, с улыбкой пройдя мимо Гэртона, поднялась, напевая, к себе. Осмелюсь предположить, что на сердце у нее было легко — впервые под этой крышей, если не считать, быть может, ее первых визитов к Линтону.

Близость между ней и Гэртоном, зародившаяся в тот день, становилась все прочнее, хотя и не без труда. Невозможно было привить Эрншо изящные манеры как по мановению волшебной палочки, да и моя юная леди не была ни философом, ни образцом терпения. Но поскольку мысли их были направлены к единой цели: одна любила и желала уважать любимого, а другой любил и желал, чтобы его уважали, в конце концов им

удалось этого достичь.

Как видите, мистер Локвуд, не так уж трудно оказалось завоевать сердце миссис Хитклиф. Но сейчас я рада, что вы не стали пытаться. Союз этих двоих будет верхом моих желаний. И в день их свадьбы мне некому будет завидовать, потому что тогда я стану самой счастливой женщиной в Англии!

Глава 33

Следующим утром Эрншо все еще не мог приступить к своим обычным обязанностям и потому не отходил далеко от дома, а я быстро поняла, что мне ни за что не удержать мою подопечную рядом с собой, как это бывало прежде. Она спустилась вниз еще раньше меня и побежала в сад, где, как она заметила, ее кузен выполнял какую-то несложную работу. Когда же я вышла позвать их к завтраку, то выяснилось, что она попросила его очистить большой участок земли от кустов смородины и крыжовника, и они вдвоем обсуждают, какие растения пересадить сюда из «Дроздов».

Я пришла в ужас от разорения, произведенного ими всего за полчаса. Черная смородина была любимым детищем Джозефа, а Кэти надумала разбивать свои клумбы прямо среди кустов.

— Ну и ну! — воскликнула я. — Обо всем этом, как только обнаружится, будет немедля доложено хозяину! И как вы станете оправдываться, что взялись без разрешения творить подобное в хозяйском саду? Теперь бури не миновать — помяните мое слово! Мистер Гэртон, неужели вы не

могли проявить благоразумие и не устраивать такой разгром, поддавшись на ее просьбы!

— Я и забыл, что кусты Джозефа, — ответил он, весьма озадаченный, — но скажу ему, что это я виноват.

Мы всегда ели вместе с мистером Хитклифом. Я выступала в роли хозяйки, когда приходило время разливать чай или нарезать кекс, поэтому за столом без меня было не обойтись. Кэтрин обыкновенно сидела рядом со мной, но в тот день пересела поближе к Гэртону, и вскоре я заметила, что она вовсе не собирается осторожничать в этой дружбе, как раньше не осторожничала во вражде.

— Смотрите, не болтайте с кузеном слишком часто и не уделяйте ему много внимания, — таковы были мои наставления, сказанные шепотом, когда мы шли к столу. — Это разозлит мистера Хитклифа, и он обрушится на вас обоих.

— Я и не собираюсь, — ответила она.

Через мгновение она придвинулась к Гэртону и начала втыкать цветочки примулы в его кашу.

Он не осмеливался ничего сказать — едва решался взглянуть на нее, и все же она продолжала свои поддразнивания, отчего он дважды чуть не прыснул со смеху. Я нахмурилась, и тогда Кэти

взглянула в сторону хозяина, чьи мысли были заняты не сидевшими за столом, а совсем иными предметами — это ясно читалось по его лицу. На мгновение Кэтрин стала серьезнее и принялась внимательно его разглядывать. Потом, отвернувшись, продолжила свои шалости. В конце концов у Гэртона вырвался сдавленный смешок. Мистер Хитклиф вздрогнул и быстро пробежал глазами по нашим лицам. Кэтрин встретила его взгляд со своим обычным выражением беспокойства и вместе с тем вызова, которое он так ненавидел.

— Тебе повезло, что мне до тебя не достать! — вскричал он. — Какого дьявола ты уставилась на меня своими ведьминскими глазами? Опусти их и не напоминай мне больше о своем существовании. Я думал, что отучил тебя смеяться.

— Это я смеялся, — пробормотал Гэртон.

— Что ты сказал? — сурово спросил хозяин.

Гэртон опустил голову и не стал повторять своего признания. Мистер Хитклиф ненадолго задержался на нем взглядом, а потом продолжил завтракать, предаваясь прерванным размышлениям. Мы почти покончили с едой, причем молодые люди предусмотрительно отодвинулись подальше друг от друга, так что теперь я не ожидала никаких неприятностей, но тут в

дверях появился Джозеф, чьи трясущиеся губы и пылавшие гневом глаза свидетельствовали, что бесчинство, совершенное с его драгоценными кустами, обнаружено. Должно быть, он еще раньше заметил Кэти и ее кузена на том участке сада, а уж потом пошел проверить, чем это они там занимались. Войдя, он заговорил, работая челюстями, словно корова, жующая жвачку, отчего его речь была не слишком разборчивой:

— Пора мне получить жалованье и уйти отсель. Собирался я помереть там, где прослужил шестьдесят лет верой и правдой. Думал, уберу книги и пожитки свои к себе на чердак, а им оставлю кухню, ради тишины и спокойствия. Тяжко мне было расставаться с родным очагом, но я решил, что так потребно. Но она забрала себе мой сад, и, положа руку на сердце, хозяин, того мне уж не снести. Вы можете согнуться под этим бременем, и согнетесь, только я к таким делам непривычен: старый человек не скоро привыкает к новому бремени. Лучше пойду дороги мостить — зарабатывать себе на хлеб насущный.

— Ну-ну, дурень, — прервал его Хитклиф, — говори короче! Чего ты надулся? Я не стану встревать в твои ссоры с Нелли. Пусть она хоть в угольный подвал тебя спихнет — меня это не

касается.

— Это не Нелли, — ответил Джозеф. — Не стал бы я уходить из-за Нелли, хоть она и злая грешница… но, слава богу, ничью душу не украдет! И такой красивой никогда не была, чтобы глазеть на нее не отрываясь. Это ваша мерзкая, бесстыжая распутница, которая околдовала нашего мальчика своими наглыми глазами и развратным нравом, и он… Нет, сердце мое разрывается! Он все забыл, что я для него делал, как ради него старался! Пошел и вырвал целый ряд смородиновых кустов в саду!

С этими словами старик расплакался, лишившись твердости духа из-за своей горькой обиды, неблагодарности Эрншо и крайне опасного положения, в коем тот оказался.

— Болван пьян? — спросил мистер Хитклиф. — Гэртон, он обвиняет тебя?

— Я выкопал два-три куста, — ответил молодой человек, — но я их после пересажу.

— А зачем ты их выкопал? — спросил хозяин.

Тут Кэтрин решила прийти Гэртону на помощь.

— Мы хотели посадить там цветы, — во всеуслышание объявила она. — Это я виновата, потому что я его попросила.

— А кто, черт возьми, дал тебе право трогать здесь хотя бы стебелек? — изумленно спросил ее свекор. — И кто велел тебе ее слушаться? — добавил он, обращаясь к Гэртону.

Тот промолчал. Но его кузина ответила:

— Не пристало вам жалеть несколько ярдов земли для моей цветочной клумбы, коль скоро вы присвоили всю мою землю!

— Твою землю, наглая девчонка? У тебя ее никогда не было!

— И мои деньги, — продолжала она, встретив его гневный взгляд и между делом откусив кусочек корочки, оставшейся от завтрака.

— Замолчи! — крикнул Хитклиф. — Доедай и убирайся!

— А еще землю Гэртона и его деньги, — продолжала безрассудная спорщица. — Мы с Гэртоном теперь друзья, и я все ему про вас расскажу.

Казалось, хозяин на мгновение растерялся. Он побледнел и встал, глядя на нее со смертельной ненавистью.

— Если вы ударите меня, то Гэртон ударит вас, — заявила она. — Так что можете сесть.

— Если Гэртон не выдворит тебя из комнаты, то я его так ударю, что он очнется в аду! — прогремел Хитклиф. — Проклятущая ведьма! Ты

смеешь настраивать его против меня? Убери ее отсюда! Слышишь? Вышвырни на кухню! Я ее убью, Эллен Дин, если ты позволишь ей еще хоть раз попасться мне на глаза!

Гэртон еле слышно старался убедить Кэти уйти.

— Тащи ее волоком! — закричал Хитклиф с дикою злобою. — Или ты решил еще побеседовать с ней?

И он подошел, чтобы самому выполнить свой приказ.

— Он больше не будет вас слушать, злой вы человек, — сказала Кэтрин. — И вскоре станет презирать вас не меньше, чем я.

— Тише, тише! — с упреком пробормотал Гэртон. — Не надо так с ним говорить. Перестаньте.

— Но вы ведь не позволите ему меня ударить? — воскликнула Кэтрин.

— Тогда пойдемте, — серьезным голосом прошептал он.

Но было поздно. Хитклиф схватил Кэтрин за руку.

— Теперь уходи! — обратился он к Эрншо. — Треклятая колдунья! На этот раз она разозлила меня всерьез — и я ей не спущу! Будет потом всю жизнь каяться!

Его рука вцепилась ей в волосы, и Гэртон попытался высвободить их, упрашивая Хитклифа не наказывать Кэтрин на этот раз. Глаза Хитклифа горели — казалось, он был готов разорвать ее на куски. Собравшись с духом, я уже приготовилась броситься на помощь, как вдруг пальцы Хитклифа разжались, рука соскользнула с головы на плечо невестки, и он пристально взглянул ей в лицо. Потом прикрыл ладонью ее глаза, постоял, верно, чтобы окончательно овладеть собой, и, вновь обратившись к Кэтрин, произнес спокойным голосом:

— Научись не выводить меня из себя, иначе когда-нибудь я тебя и вправду убью. Отправляйся отсюда вместе с миссис Дин, не отходи от нее и делись своими наглыми россказнями с ней. Что до Гэртона Эрншо, то если увижу, что парень тебя слушает, он пойдет зарабатывать свой хлеб, куда глаза глядят. Твоя любовь сделает его изгоем и нищим. Нелли, забери ее! И оставьте меня — все оставьте!

Я вывела мою молодую леди. Она не противилась, ибо слишком была рада освобождению. Остальные вышли следом, так что до самого обеда мистер Хитклиф оставался в комнате один. Я посоветовала Кэтрин обедать наверху, но, заме-

тив, что ее место пустует, Хитклиф послал меня за нею. Он ни с кем не говорил, ел мало и сразу после обеда ушел, объявив, что до вечера не вернется.

В его отсутствие двое новоявленных друзей расположились в «доме», где, как я слышала, Гэртон твердо пресек все попытки кузины раскрыть ему глаза на то, как поступил ее свекор с его отцом. Гэртон сказал, что не потерпит ни одного оскорбительного слова в адрес мистера Хитклифа. Будь он сам дьявол во плоти — это ничего не значит, он все равно на его стороне, так что пусть она лучше честит его, как бывало раньше, чем примется за своего свекра. Кэтрин страшно разгневалась, но Гэртон нашел способ заставить ее придержать язычок — спросил, как бы ей понравилось, если бы *он* плохо отозвался об *ее* отце. Тогда она поняла, что порочить хозяина для Эрншо все равно что порочить его самого, что он привязан к Хитклифу узами более сильными, чем те, что можно разорвать силою разумных доводов — цепями, выкованными привычкою, и, с ее стороны, жестоко будет пытаться их ослабить. Она проявила добросердечие и с тех пор избегала жаловаться на Хитклифа и выказывать к нему неприязнь, и даже призналась мне, что сожалеет о своих попытках поссорить Хитклифа

с Гэртоном. И право слово, с тех пор она ни полсловечка не произнесла против своего мучителя, если Эрншо был рядом.

Уладив это небольшое разногласие, они снова стали друзьями и с усердием, как ученик и учительница, принялись за разнообразные занятия. Закончив работу, я пришла посидеть с ними, и мне было так спокойно и приятно смотреть на них, что я потеряла счет времени. Знаете, они ведь оба в каком-то смысле мои дети. Я давно гордилась одной, а ныне чувствовала, что и второй будет источником неменьшей радости. Его честная, добрая натура и природный ум быстро разогнали тучи невежества и униженности, под которыми он был взращен, а искренняя похвала Кэтрин подхлестывала его прилежание. Чем более просветлялся ум Гэртона, тем светлее становилось и его лицо, добавляя его чертам одухотворенности и благородства. Мне едва верилось, что это тот же самый человек, с которым мы встретились, когда я отыскала свою маленькую барышню в «Грозовом перевале» после ее путешествия к Пенистон-Крэгу. Пока я за них радовалась, а они трудились над книгами, спустились сумерки, и с ними вернулся домой хозяин. Он появился неожиданно, войдя

через парадную дверь, и сразу увидел нас троих, прежде чем мы успели поднять головы и, в свою очередь, посмотреть на него. Что ж, подумала я, нет ничего более приятного и безобидного, чем эта картина, и весьма стыдно будет ему начинать браниться. Красные отблески огня освещали их красивые головы и выхватывали из тени лица, оживленные живой детской любознательностью, ибо, хотя Гэртону было двадцать три, а Кэтрин восемнадцать, каждый из них еще не испытывал и не выказывал чувств, свойственных трезвой, лишенной иллюзий зрелости, и столько нового им еще предстояло узнать и ощутить.

Они вместе подняли на него взгляд. Возможно, вы не замечали, что глаза у них очень похожи — и это глаза Кэтрин Эрншо. Наша юная Кэти не имеет другого сходства с ней, кроме разве что широкого лба и некоего изгиба ноздрей, который, хочет она того или нет, придает ей высокомерный вид. Но сходство Гэртона сильнее. Оно заметно всегда, но *в тот раз* казалось особенно разительным, потому что все чувства юноши были обострены, а ум направлен на непривычную деятельность. Думаю, это сходство и обезоружило мистера Хитклифа. Он подошел к камину с заметным волнением, но оно быстро улеглось, стоило ему

посмотреть на молодого человека — или, скорее всего, оно изменило свою природу, ибо никуда не исчезло. Он взял из рук Гэртона книгу и взглянул на открытую страницу, затем вернул ее безо всяких слов и сделал знак Кэтрин удалиться. Ее товарищ, немного помедлив, вышел следом, да и я собралась было за ними, но Хитклиф попросил меня остаться сидеть, где сижу.

— Как плачевно все кончилось, да? — заметил он, поразмыслив над увиденным. — Абсурдное завершение моих неимоверных усилий. Я нахожу рычаги и мотыги, дабы разрушить оба дома, работаю над собой в надежде совершить подвиг Геракла и, когда все готово и все в моей власти, вдруг обнаруживаю, что мое желание сорвать кровлю с обеих крыш улетучилось! Мои старые враги так и не одержали надо мною победы. И теперь бы самое время отомстить и их потомкам. Я могу это сделать, и ничто меня не остановит. Но что в том проку? Мне не хочется наносить удар. Лень даже поднять руку. Выходит, что все это время я так старался лишь для того, чтобы проявить одно чудесное качество — великодушие. Однако дело вовсе не в этом: я утратил способность наслаждаться разрушением и слишком ленив, чтобы разрушать просто так.

Нелли, близится какая-то странная перемена, и нынче я пребываю под ее сенью. Меня почти перестала интересовать моя повседневная жизнь, я едва вспоминаю, что надо есть и пить. Те двое, что только что вышли из комнаты, — единственные, кто сохраняет для меня материальную сущность, и сущность эта причиняет мне боль, доходящую до агонии. О Кэтрин я говорить не буду и даже думать не хочу, но, честное слово, лучше бы она исчезла. Ее присутствие приводит меня в исступление. А вот Гэртон вызывает иные чувства, и все же, если бы я мог, не показавшись сумасшедшим, никогда не видеть его, я бы это устроил. Ты, наверное, решишь, что я и впрямь склонен к безумию, — добавил он, попытавшись усмехнуться, — если я опишу тебе тысячи видов былых ассоциаций и идей, которые он пробуждает во мне или же воплощает собою. Но ведь ты не станешь никому передавать того, что я скажу, а мысли мои всегда столь потаенны, что хочется наконец поддаться искушению с кем-то их разделить.

Пять минут назад Гэртон показался мне не живым человеком, а воплощением моей юности. Такие разные ощущения вызвал он у меня, что я не в силах был с ним разумно заговорить. Во-

первых, его поразительное сходство с Кэтрин так страшно связывает его с нею. Однако это отнюдь не самое главное, хотя ты, может, считаешь, что именно в нем кроется сильнейшее его воздействие на мое воображение. Но, скажи, есть ли на свете то, что не связано для меня с Кэти, что не напоминает мне о ней? Даже когда я смотрю на этот пол, то вижу, как на плитах проступают черты ее лица. В каждом облаке, в каждом дереве — в ночном воздухе и в мелькающих перед глазами дневных предметах — меня преследует ее образ. Самые обычные лица мужчин и женщин — и мое собственное лицо — дразнят меня этим сходством. Весь мир — это жуткое скопище примет, говорящих мне, что она жила когда-то, но я ее потерял!

Так вот, самый вид Гэртона был призраком моей бессмертной любви, моих яростных усилий удержать то, что принадлежит мне по праву, моего унижения, моей гордости, моего счастья и моей муки…

Но пересказывать тебе свои мысли — чистое безумие, разве что они помогут тебе лучше понять, отчего, не склонный к вечному одиночеству, я вижу в обществе Гэртона не благо, а пагубное умножение непрестанных своих

мучений. Отчасти это объясняет, почему мне безразлична их дружба с кузиной. Они оба меня более не интересуют.

— Но что вы имели в виду, сказав о *перемене*, мистер Хитклиф? — спросила я, встревоженная его тоном, хотя у меня не было опасений, что он лишится разума или умрет; судя по всему, хозяин был вполне крепок и здоров. Что до его рассудка, то ему с детства нравилось задумываться о мрачных предметах и предаваться странным фантазиям. Да, у него была одна неотвязная мысль — о его почившем идеале, но во всех других отношениях ум Хитклифа был так же ясен, как мой.

— Я не узна́ю, пока она не наступит, — ответил он. — Сейчас я только предчувствую.

— Может, вам нездоровится? — спросила я.

— Нет, Нелли, я здоров.

— И вы не боитесь умереть? — продолжала я.

— Боюсь? Нет! — ответил он. — У меня нет ни боязни, ни предчувствия, ни надежды умереть. С чего бы? С моим крепким сложением, умеренным образом жизни, безвредными занятиями я должен топтать эту землю — и, скорее всего, так оно и будет, — пока моя голова не побелеет. И все же так жить дальше я не могу. Мне почти прихо-

дится напоминать самому себе, что надо дышать, а сердцу — что надо биться. Это как сгибать тугую пружину. Лишь принуждением заставляю я себя совершать самые ничтожные поступки, не подкрепленные ни единой мыслью, принуждением заставляю я себя замечать живых и неживых, если они не сопряжены с одной моей всеохватной мыслью. У меня есть только одно желание, и все мое существо и способности нацелены на его достижение. Я жаждал так долго и непоколебимо, что убежден, мое желание *осуществится* — и скоро, потому что оно пожрало всю мою жизнь. Меня снедает предчувствие его свершения. От этих признаний мне легче не стало, но они могут сделать понятными некоторые без того необъяснимые перепады в моем настроении. О Боже! Как долго тянется битва, скорей бы уж пришел ей конец!

Он зашагал по комнате, бормоча себе под нос ужасные вещи, пока я не склонилась к мысли, что, как утверждал Джозеф, совесть заставила его сердце терзаться, точно в аду. И мне очень захотелось узнать, чем же все это кончится. Хотя раньше Хитклиф почти всегда скрывал свое душевное состояние, и даже по его виду мало что можно было понять, я не сомневалась, что

именно эти ощущения носил он в себе, как сам только что признался. Однако ни одна душа по его повадке не догадалась бы об этом. Ведь и вы тоже не догадались, мистер Локвуд, когда встретились с ним. В ту пору, о которой я веду речь, он ничуть не изменился, только больше времени проводил в одиночестве, а в обществе других людей меньше говорил.

Глава 34

Несколько дней после того вечера мистер Хитклиф избегал встречаться с нами за столом, однако не поддался желанию открыто прогнать Гэртона и Кэти. Ему не хотелось идти на поводу у своих чувств, и он предпочел сам держаться подальше от молодых людей. Есть раз в сутки представлялось ему достаточным для поддержания сил.

Однажды ночью, когда все уже легли спать, я услышала, как он, спустившись, вышел через парадную дверь. Но возвращения его я не заметила, и утром обнаружилось, что его все еще нет дома. Тогда был апрель. Погода стояла мягкая, теплая, от дождей и солнца вовсю зазеленела трава, а у южной стены дома полным цветом зацвели две карликовые яблоньки. После завтрака Кэтрин настояла, чтобы я взяла стул и устроилась с работой под елями в конце дома. Гэртона, который окончательно поправился после несчастного случая, она уговорила вскопать землю для ее маленького садика, перенесенного из-за жалоб Джозефа в тот же уголок. С наслаждением вдыхала я весенние

ароматы, струившиеся вокруг, и любовалась нежной голубизной неба над головой, но вот моя молодая леди, убежавшая к воротам выкопать ростки примулы для обрамления клумбы, вернулась всего с несколькими побегами и сообщила, что сюда идет мистер Хитклиф.

— Он со мной говорил, — в замешательстве добавила она.

— И что он сказал? — спросил Гэртон.

— Чтоб я немедля скрылась с глаз, — ответила она. — Но он был совсем непохож на себя, так что я даже остановилась и посмотрела на него.

— Почему непохож? — поинтересовался Гэртон.

— Знаете, он был почти довольный и веселый. Нет, вовсе не *почти — очень* возбужденный, какой-то безумный и радостный!

— Выходит, ночные прогулки его развлекают, — заметила я небрежным тоном. На самом же деле я удивилась не меньше Кэтрин, и мне захотелось получить подтверждение ее словам, ибо нечасто приходилось нам наблюдать довольного хозяина.

Я выдумала причину, чтобы вернуться в дом. Хитклиф стоял у открытой двери. Он был бледен и дрожал, однако глаза его действительно блесте-

ли странным, веселым блеском, что придавало всему его лицу необычное выражение.

— Вы будете завтракать? — поинтересовалась я. — Должно быть, вы голодны, ведь бродили всю ночь.

Я хотела узнать, где он был, но опасалась спросить напрямую.

— Нет, я не голоден, — ответил он, с презрением отвернувшись, словно догадался, что я пытаюсь распознать причину его радости.

Я недоумевала и не могла решить, уместно ли сейчас приставать к нему с увещеваниями.

— По-моему, нехорошо гулять по холмам, — все же заметила я, — когда положено лежать в постели. По крайности, это неразумно, особенно сейчас, ведь на дворе так сыро. Боюсь, не схватить бы вам простуду или лихорадку. Что-то неладное творится с вами.

— Ничего такого, что я не смог бы вынести, — ответил он, — да еще и с превеликим удовольствием, если только ты оставишь меня одного. Иди в дом и не досаждай мне.

Я повиновалась и, проходя мимо, заметила, что дыхание у него учащенное, как у кошки.

«Да, — подумала я, — ждать нам болезни. Ума не приложу, что он делал ночью».

В полдень он сел с нами обедать и получил от меня полную тарелку, словно намеревался восполнить упущенное за время предыдущих постов.

— У меня нет ни простуды, ни лихорадки, Нелли, — между прочим заметил он, вспомнив слова, сказанные мною утром. — И я готов отдать должное твоей стряпне.

Он взял нож и вилку и собирался начать есть, как вдруг его намерение в одночасье исчезло. Он положил приборы обратно на стол, жадно посмотрел куда-то в окно, встал из-за стола и вышел. Продолжая обедать, мы видели, как он ходит туда-сюда по саду, тогда Эрншо сказал, что пойдет и справится у Хитклифа, почему тот отказался от обеда, может, мы его чем-то обидели.

— Так он придет? — спросила Кэтрин, когда кузен вернулся.

— Нет, — ответил он. — Но он не сердится. Наоборот, кажется, что на редкость счастлив. Правда, я вывел его из терпения, когда дважды заговорил с ним, и он отправил меня к вам, Кэтрин. Сказал, что удивляется, как это я могу искать иного общества, кроме вашего.

Я поставила тарелку Хитклифа на полочку у камина, чтобы еда не остыла. Через час или два

он вернулся, когда в комнате уже никого не было, но спокойнее не стал — та же неестественная (именно неестественная) радость сияла в глазах под черными бровями, то же бескровное лицо, зубы, иногда обнажавшиеся в подобии улыбки. Все тело его дрожало, но не так, как дрожит от слабости или от простуды, а точно натянутая струна — это трепет сильных эмоций, а не обычная дрожь.

«Спрошу, что с ним, — решила я, — больше ведь некому». И я сказала:

— Вы получили добрую весть, мистер Хитклиф? Вы сегодня как-то особенно возбуждены.

— Откуда ей взяться, доброй вести? — ответил он. — А возбуждение мое из-за голода. Но, похоже, я не должен есть.

— Вон ваша тарелка, — возразила я. — Почему бы вам не пообедать?

— Сейчас не хочу, — торопливо пробормотал он. — Подожду до ужина. И вот еще что, Нелли, прошу тебя известить Гэртона и ту, вторую: пусть они скроются с моих глаз. Я не желаю, чтобы меня беспокоили. И эта комната будет целиком моя.

— У вас появилась новая причина их прогнать? — спросила я. — Скажите мне, мистер Хитклиф, почему вы ведете себя так странно? Где

вы были прошлой ночью? Я спрашиваю не из праздного любопытства, а потому что…

— Ты спрашиваешь именно из праздного любопытства, — прервал он меня со смехом. — И все же я отвечу. Вчера ночью я был на пороге ада. Сегодня я вижу свой рай. Вот он, перед глазами — меж нами не больше трех футов. А теперь тебе лучше уйти. Ничего страшного ты больше не увидишь и не услышишь, если не станешь за мной подглядывать.

Я подмела около очага, вытерла стол и вышла из комнаты еще более озадаченная.

В тот день он не выходил из дому, и никто не нарушал его одиночества. Лишь в восемь часов, хоть меня и не звали, я решила принести ему свечку и ужин.

Хитклиф стоял, прислонясь к открытому окну, но наружу не смотрел. Его лицо было обращено в сумрак гостиной. Угольки в камине превратились в пепел, комнату наполнил сырой и мягкий воздух облачного вечера, такого тихого, что в доносившемся журчании ручья по дороге на Гиммертон можно было разобрать плеск и бурление там, где вода бежит по гальке или огибает большие камни, выше которых ей не подняться. У меня вырвался недовольный возглас, когда я

заметила погасший камин, и я начала по очереди закрывать все рамы, пока не дошла до его окна.

— Закрыть? — спросила я, надеясь вернуть хозяина к действительности, ибо он стоял, не шевелясь.

При этих словах его черты озарила вспышка света в камине. О, мистер Локвуд, не могу выразить, в какой ужас пришла я в то мгновение! Эти бездонные черные глаза, улыбка и мертвенная бледность! Мне почудилось, что предо мною не мистер Хитклиф, а привидение, и от страха я чуть не выпустила свечку из рук, и ее фитиль потух.

— Да, закрой, — ответил знакомый голос. — Какая же ты неловкая! Зачем было держать свечу горизонтально? Пойди и скорее принеси другую.

Я поспешила вон из комнаты в глупейшем страхе.

— Хозяин хочет, чтобы ты принес ему свечку и развел огонь в камине, — сказала я Джозефу.

Сама я никак не решалась снова туда войти.

Джозеф набрал в совок несколько горящих углей и пошел, но сразу с ними же и вернулся, неся в другой руке еще и поднос с едой, объяснив, что мистер Хитклиф ложится спать и сегодня ужинать не желает. В ту же минуту мы услышали, как он поднялся наверх, но в свою комнату

не пошел, а повернул в ту, где стоит кровать с раздвижными панелями. Там окно, как я уже вам говорила, достаточно широкое, в него кто угодно пролезет, и я предположила, что он собирается на очередную ночную прогулку, но не хочет, чтобы мы о ней заподозрили.

«Неужто он оборотень или вампир?» — подумала я. Мне доводилось читать об этих исчадиях ада, принявших человеческое обличье. Но потом я вспомнила, как нянчилась с Хитклифом в детстве, как на моих глазах он стал юношей, как я наблюдала за ним на протяжении почти всей его жизни. И что за нелепость — поддаться этому глупому страху! «Но откуда он взялся, этот смуглый мальчик, которого на свою беду приютил добрый человек?» — нашептывало мне суеверие, когда я потихоньку проваливалась в сон. И в полусне я мучила себя, придумывая для Хитклифа подходящую родословную, снова перебирала свои мысли и отслеживала его жизнь, воображая все новые мрачные подробности, и наконец представила себе его смерть и похороны, про которые я помню только, что страшно расстроилась, ибо мне нужно было продиктовать надпись на памятнике и дать указания могильщику. Но, поскольку у Хитклифа не было фамилии и мы не знали даты его

рождения, пришлось начертать лишь одно слово: «Хитклиф». Так потом все и случилось. Если вы пойдете на кладбище, то на его могильном камне прочтете только его имя и дату смерти.

С рассветом я вновь обрела способность здраво рассуждать. Поднявшись, вышла в сад и, как только стало светлее, принялась искать следы под окном Хитклифа. Но их не было. «Значит, он остался дома, — подумала я, — и сегодня все опять вернется на круги своя».

По заведенному порядку я приготовила завтрак для всех домашних, но сказала Кэтрин и Гэртону съесть его пораньше, до того, как спустится хозяин, — а пока что он спит. Им захотелось выйти в сад и позавтракать под деревьями, так что для удобства я накрыла им столик там.

Вернувшись в дом, я нашла мистера Хитклифа уже внизу. Он беседовал с Джозефом по поводу каких-то дел на ферме. Хозяин давал четкие и подробные распоряжения относительно обсуждаемых предметов, но говорил торопливо, все время оборачивался и смотрел куда-то в сторону даже с более возбужденным видом, чем раньше. Когда Джозеф вышел, он сел на свое обычное место, а я поставила перед ним чашку кофе. Он придвинул ее к себе, положил руки на стол и

стал смотреть на противоположную стену, как мне показалось, рассматривая какую-то ее часть — водил блестящими, беспокойными глазами вверх-вниз с таким жадным интересом, что с полминуты совсем не дышал.

— Послушайте! — воскликнула я, сунув ему под руку хлеб. — Ешьте и пейте, пока не остыло. Завтрак ждет вас почти час.

Он не обращал на меня внимания, но улыбался. Мне было бы приятнее видеть, как он скрежещет зубами, чем эту его улыбку.

— Мистер Хитклиф, хозяин! — закричала я во весь голос. — Ради бога, не смотрите так, словно увидели привидение!

— Ради бога, не кричи так громко, — отвечал он. — Обернись и скажи: мы здесь одни?

— Конечно, — сказала я, — конечно, одни!

И все же я невольно послушалась его, словно не была до конца уверена. Он провел рукой, отодвинув чашку и блюдце, чтобы ему лучше было видно, и наклонился вперед, куда-то вглядываясь.

Теперь я поняла: смотрел он вовсе не на стену. Ибо если я видела лишь его одного, то его глаза были устремлены на нечто, находившееся от него в двух ярдах. И что бы это ни было, оно, как видно,

доставляло ему и наивысшую радость, и наивысшую боль — по крайней мере, об этом говорило выражение муки и восторга на его лице. Этот воображаемый предмет не стоял на месте: взгляд Хитклифа следовал за ним с неистощимым упорством и не отрывался от него, даже когда хозяин говорил со мною. Тщетно я напомнила ему, что он давно не ел. Если он все-таки протягивал руку, чтобы, вняв моим уговорам, взять кусок хлеба, его пальцы на полпути сжимались в кулак, и рука опускалась на стол, словно он забывал, за чем тянулся.

Я сидела, исполнившись терпения, и пыталась отвлечь его от воображаемого предмета, который он разглядывал все более пристально, пока он не встал в раздражении и не спросил, почему я мешаю ему посвящать еде столько времени, сколько он считает нужным. В следующий раз, сказал он, мне нет надобности сидеть с ним и ждать — достаточно просто накрыть на стол и уйти. Произнеся эти слова, он вышел из дому, медленно побрел по садовой дорожке и скрылся за воротами.

В тревоге провела я несколько томительных часов, и вот снова наступил вечер. Я не ложилась допоздна, а когда легла, не могла уснуть. Хитклиф

вернулся после полуночи, но вместо того, чтобы подняться к себе и лечь в постель, заперся в нижней комнате. Я прислушивалась, ворочаясь с боку на бок, но в конце концов оделась и спустилась на кухню. Слишком тягостно было лежать, без толку изводя себя бесконечными недобрыми предчувствиями.

Я слышала, как мистер Хитклиф неспокойными шагами меряет комнату, как тишину часто нарушают его глубокие вздохи, похожие на стон. Он бормотал какие-то слова, но я распознала лишь имя «Кэтрин», произносимое с исступленным выражением нежности и страдания, причем говорил он, словно обращаясь к кому-то, кто был рядом, — тихо и искренне, из самой глубины души. Мне не хватило храбрости войти к нему, но хотелось, чтобы он опомнился от своего забытья, посему я подошла к очагу на кухне, поворошила угли и принялась выгребать золу. Это привлекло его внимание быстрее, чем я ожидала. Он сразу же открыл дверь.

— Нелли, иди сюда, — позвал он. — Уже утро? Зайди ко мне со свечой.

— Бьет четыре, — ответила я. — Возьмите свечу с собою наверх. Ее можно зажечь от огня здесь, на кухне.

— Нет, я не хочу идти наверх, — ответил он. — Пойдем, разведи мне огонь и займись комнатой.

— Сначала мне нужно раздуть угли докрасна, а уж потом нести их в камин, — ответила я, пододвинув стул и взяв мехи.

Между тем он бродил взад-вперед по комнате в состоянии, близком к безумию, и один тяжелый вздох сменял другой, так что в промежутках он просто не успевал нормально дышать.

— Когда рассветет, пошлю за Грином, — сказал он. — Хочу выяснить у него кое-какие юридические тонкости, пока я в состоянии думать об этих вещах и действовать спокойно. Ведь я еще не составил завещания и никак не решу, как распорядиться своею собственностью. Хорошо бы изничтожить ее, чтобы ничего не осталось.

— Не надо так говорить, мистер Хитклиф, — прервала я его. — Повремените с завещанием. Вам бы сначала не мешало покаяться во множестве неправедных поступков, которые вы совершили. Никогда я не думала, что нервы ваши придут в такое расстройство. Однако сейчас они у вас совсем расшатались, и почти целиком по вашей собственной вине. То, как вы провели эти три дня, свалило бы с ног и исполина. Хотя бы немного поешьте и отдохните. Поглядите на себя

в зеркало — сразу увидите, как вам потребно и то, и другое. Щеки впалые, глаза воспаленные — такие бывают у человека, который умирает от голода и слепнет от бессонницы.

— Не моя вина, что я не могу ни есть, ни спать, — ответил он. — Уверяю тебя, это не нарочно. Буду и есть, и спать, как только смогу. Ты точно так же можешь попросить утопающего отдохнуть, когда он барахтается в воде на расстоянии вытянутой руки от берега! Сначала надо бы доплыть, а уж потом отдыхать. Ладно, не надо мистера Грина. Что до покаяния в неправедных поступках, то я их не совершал и каяться мне не в чем. Я нынче слишком счастлив, и все же счастлив недостаточно. Моя душа в блаженстве своем убивает тело, но все еще не находит удовлетворения.

— Счастливы, хозяин? — воскликнула я. — Какое странное у вас счастье! Выслушайте меня без злобы, и я дам вам совет, который сделает вас и вправду счастливее.

— В чем же он? — спросил Хитклиф. — Говори.

— Вам хорошо известно, мистер Хитклиф, — начала я, — что с тринадцати лет вы жили не по-христиански, думая только о себе, и, наверное, едва ли за все это время хоть раз взяли в руки Библию. Вероятно, вы позабыли, о чем эта книга,

а теперь у вас осталось не так много времени, чтобы это выяснить. Вам ведь не составит труда послать за священником (все равно, какого вероисповедания), который просветил бы вас, показав, сколь далеко вы отклонились от христианских заповедей и сколь невозможно будет для вас райское блаженство, если вы не перемените, прежде чем умереть.

— Я не злюсь на тебя, Нелли, скорее наоборот, благодарю, — сказал он, — потому что ты мне напомнила, что нужно распорядиться о моих похоронах. Тело мое следует принести на кладбище вечером. За гробом, ежели захотите, можете пойти вы с Гэртоном, но главное — проследи, чтобы могильщик выполнил мое распоряжение по поводу двух гробов. Никакого священника на похоронах не требуется, как и прощальных речей над могилой. Я сказал тебе, что почти достиг *своего* рая, а тот, что у других, мне безразличен, да и не нужен.

— А если вы из-за своего упрямства умрете от голода и вас откажутся хоронить на церковном кладбище? — спросила я, потрясенная его безбожным равнодушием. — Как вам такое понравится?

— Нет, не откажутся, — ответил он. — Но если

это случится, то ты должна будешь перезахоронить меня тайно. А не выполнишь мою просьбу — на деле узнаешь, что мертвые никуда не исчезают.

Услышав, что зашевелились проснувшиеся домочадцы, он ушел в свою берлогу, а я вздохнула свободнее. Но днем, когда Джозеф и Гэртон были заняты работой, он вновь пришел на кухню и, диковато оглядываясь, попросил меня пойти посидеть с ним в «доме» — ему нужно, чтобы кто-то побыл с ним. Я отказалась, прямо заявив, что меня пугают его странные разговоры и поведение и у меня нет ни смелости, ни охоты оставаться с ним наедине.

— Наверное, ты думаешь, что я черт рогатый, — печально усмехнувшись, сказал он. — Слишком ужасное создание, чтобы жить под одной крышей с добропорядочными людьми. — Потом, повернувшись к Кэтрин, которая спустилась и при его появлении спряталась за моей спиной, добавил почти с издевкой: — А ты пойдешь со мной, деточка? Я тебе худого не сделаю. Нет? Для тебя я стал хуже дьявола. Но тут есть *кое-кто*, кто не станет избегать моего общества. Боже, как она беспощадна! Проклятие! Этого не выразить словами! Никто из плоти и крови такого не вы-

несет— даже я!

Больше он никого не приглашал составить себе компанию и, когда начало смеркаться, ушел в свою комнату. Всю ночь и все утро мы слышали, как он стонет и что-то бормочет про себя. Гэртон хотел было к нему войти, но я посоветовала ему отправиться лучше за мистером Кеннетом — пусть доктор проведает хозяина.

Когда явился Кеннет, я спросила, можно ли войти, и попыталась открыть дверь. Но она оказалась заперта, и Хитклиф велел нам убираться к черту. Сказал, что чувствует себя лучше и нечего ему мешать. Так что доктор ушел.

Вечером было очень сыро — начавшийся дождь лил до рассвета, и рано утром, обходя дом, я заметила, что хозяйское окно открыто настежь и струи дождя брызжут в комнату. «Вряд ли он лежит в постели, — подумала я. — Он бы насквозь промок. Должно быть, встал или ушел из дома. Но не буду шум поднимать, соберусь с духом, войду и посмотрю».

Открыв дверь запасным ключом, я бросилась к панелям, потому что комната была пуста, и, быстро раздвинув их, заглянула внутрь. Мистер Хитклиф лежал там на спине. Его взгляд, свирепый и пронзительный, встретился с моим, так

что я даже вздрогнула. Потом я заметила, что он улыбается.

Мне и в голову не пришло, что он мертв. Дождь лил ему на лицо и шею, постель промокла, однако он лежал совершенно неподвижно. Створка окна, раскачиваясь от ветра, поцарапала его ладонь, лежавшую на подоконнике. Кровь из царапины не сочилась, и, когда я дотронулась пальцами до его руки, сомнений не осталось — он был мертв и уже успел окоченеть!

Я закрыла окно на крючок, потом зачесала назад длинные черные волосы покойного и хотела закрыть ему глаза — дабы, по возможности, спрятать этот страшный, как будто живой, возбужденный взгляд, пока его не увидел кто-нибудь из домашних. Но глаза не закрывались, они словно смеялись над моими стараниями, как и приоткрытый рот и острые белые зубы. Вновь охваченная испугом, я позвала Джозефа. Тот приплелся, поднял шум, но наотрез отказался дотрагиваться до тела.

— Дьявол утащил его душу! — закричал старик. — Пускай и тело заодно прихватит — мне все равно! Ишь ты, каков негодник — над смертью смеяться вздумал! — И старый грешник передразнил ухмылку Хитклифа.

Мне показалось, что Джозеф вот-вот радостно запляшет вокруг кровати, но он вдруг опомнился, бухнулся на колени и, воздев руки, начал возносить хвалу Создателю за то, что законный хозяин и древняя фамилия восстановлены в своих правах.

Я была потрясена этим ужасным событием, и память моя неизбежно возвращалась к былым временам с тягостным чувством. Однако поистине тяжело переносил утрату лишь бедняга Гэртон — тот, кто был более других обижен покойным. Он просидел над усопшим всю ночь, искренне проливая горькие слезы. Сжимал его руку, целовал скалящееся безумное лицо, на которое никто и взглянуть не мог, оплакивал Хитклифа с истинной скорбью, которая естественно рождается в благородном сердце, даже если оно твердо, как закаленная сталь.

Мистер Кеннет не смог точно определить, от какого недуга скончался хозяин. Я скрыла от него, что у Хитклифа четыре дня маковой росинки во рту не было, опасаясь, что эти сведения могут привести к неприятностям. Кроме того, я не сомневалась, что хозяин голодал ненамеренно — это было следствием, а не причиной его странной болезни.

Мы хоронили его, к возмущению всей округи, именно так, как он пожелал. Траурная процессия состояла из Эрншо, меня и могильщика, еще шесть человек несли гроб. Эти шестеро удалились, после того как опустили гроб в могилу. Мы же остались ждать, когда его засыплют землей. Гэртон с заплаканным лицом покрыл бурый холмик кусками свежего дерна, который выкопал сам. Сейчас могила Хитклифа столь же ровная и зеленая, как соседние, и, надеюсь, ее обитатель спит в ней столь же крепко. Однако народ в деревне, если спросите, поклянется на Библии, что он *бродит*. Некоторые утверждают, что видели его у церкви, на вересковой пустоши и даже в этом доме. «Досужие россказни», — скажете вы, и я с вами соглашусь. И все-таки старик, что сидит у очага, настаивает, что после смерти Хитклифа каждую дождливую ночь он видит, как *те двое* выглядывают из окна хозяйской комнаты. А около месяца назад со мною произошел престранный случай. Как-то вечером я шла в поместье «Дрозды» — было темно, сгущались грозовые тучи, — и как раз перед поворотом на «Перевал» повстречала маленького мальчика, а перед ним стояла овца с двумя ягнятами. Он плакал во весь голос, и я решила, что ягнята заупрямились и не

слушаются погонщика.

— Что случилось, дружок? — спросила я.

— Там, под каменным выступом, Хитклиф и какая-то женщина, — всхлипывая, проговорил он. — Мне страшно туда идти.

Я никого не видела, но и овца, и мальчик ни в какую не шли вперед, поэтому я посоветовала им обойти дорогой, что проходит внизу холма. Вероятно, эти призраки возникли у него в голове из-за чепухи, которую он не раз слышал от родителей и товарищей. И все же не люблю я ходить одна в темноте, и мне неуютно оставаться в одиночестве в этом мрачном доме. Что поделаешь? Я буду рада, когда хозяева съедут отсюда и переберутся в «Дрозды».

— Значит, они станут жить в «Дроздах»? — спросил я.

— Да, — ответила миссис Дин. — Как только поженятся — свадьба назначена на первый день нового года.

— Кто же останется здесь?

— Так Джозеф будет приглядывать за домом, и, чтобы он не скучал, сюда, наверное, поселят парня ему в помощь. Они расположатся на кухне, а прочие комнаты будут закрыты.

— И пригодятся призракам, которые вздумают

в них обитать, — заметил я.

— Нет, мистер Локвуд, — сказала Нелли, покачав головой, — думаю, мертвые упокоились с миром, но не следует поминать их так легкомысленно.

В это мгновение скрипнули садовые ворота — молодые люди возвращались с прогулки.

– *Эти* ничего не боятся, — проворчал я, увидев в окно, как они подходят к дому. — Вместе они бросят вызов самому сатане и его легиону нечистых духов.

Когда они взошли на порог и задержались, чтобы в последний раз взглянуть на луну — или, скорее, друг на друга под луной, — у меня возникло непреодолимое желание вновь убежать. Вложив кое-что на память в руку миссис Дин и оставив без внимания ее упреки в неучтивости, я скрылся через кухонную дверь в то самое мгновение, когда они вошли через парадный вход. Таким образом я почти подтвердил догадки Джозефа о нескромном поведении развеселой ключницы, не признай он во мне человека уважаемого, благодаря кругленькому соверену, со звоном упавшему к его ногам.

Обратный мой путь вышел несколько длиннее, ибо я завернул к церкви и, стоя под ее стенами,

разглядывал произошедшие за семь месяцев заметные разрушения. Многие окна без стекол зияли черной пустотой, из ровной линии крыши кое-где выбивалась черепица, которую вскоре мало-помалу снесут осенние грозы.

Недолго поискав, я обнаружил на склоне, спускавшемся к пустоши, три надгробных камня: тот серый, что стоял посередине, наполовину утопал в вереске; другой, Эдгара Линтона, был окружен дерном и покрыт поднимавшимся от подножия лишайником; камень Хитклифа все еще оставался чистым.

Я стоял у могил под ласковым небом, следил взглядом за ночными мотыльками, порхавшими среди вереска и колокольчиков, слушал нежное дыхание ветра, блуждавшего в траве, и удивлялся, откуда у людей взялась мысль, что кому-то из лежащих в такой покойной земле могут присниться беспокойные сны.